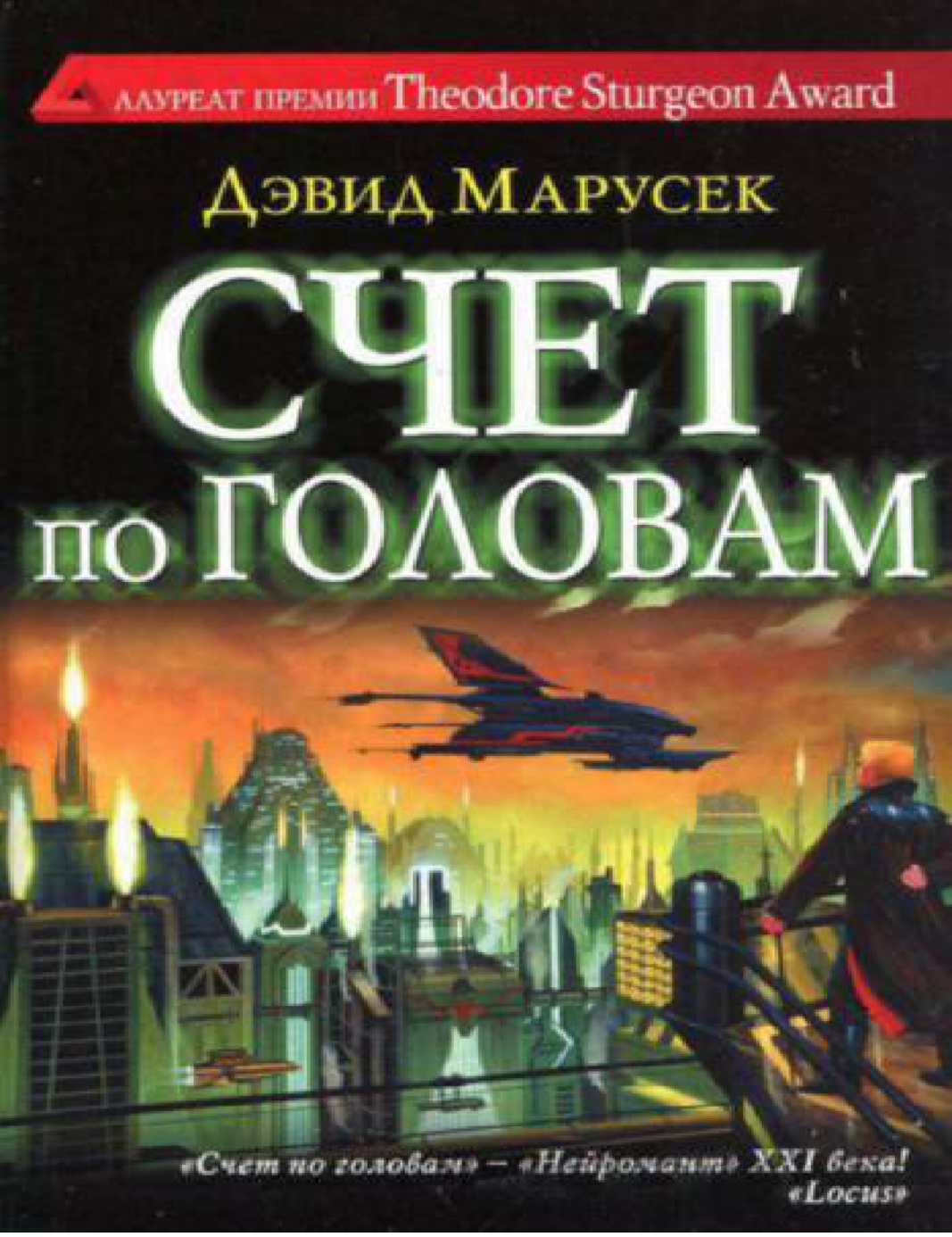
Лауреат премии Theodore Sturgeon Award

Дэвид Марусек

Счёт по головам



«Счет по головам» – «Нейромант» XXI века!
«Locus»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…В этом будущем искусственные интеллекты имеют равные права с людьми, города защищают непроницаемые биокуполы, благонадежные граждане практически бессмертны, а неблагонадежных наказывают «прижиганием клеток».

Именно здесь ведется «охота за головой» наследницы колоссальной финансовой империи. Голова не должна быть приживлена к новому телу. Почему? Это уже другая история…

- Дэвид Марусек
  - Часть 1
    - 1.1
    - 1.2
    - 1.3
  - Часть 2
    - 2.1
    - 2.2
    - 2.3
    - 2.4
    - 2.5
    - 2.6
    - 2.7
    - 2.8
    - 2.9
    - 2.10
    - 2.11
    - 2.12
    - 2.13
    - 2.14
    - 2.15
    - 2.16
    - 2.17
    - 2.18
    - 2.19
    - 2.20
    - 2.21
    - 2.22
    - 2.23
    - 2.24
    - 2.25
    - 2.26
    - 2.27

        - 2.28
        - 2.29
    - Часть 3
        - Вторник
        - 3.2
        - 3.3
        - 3.4
        - 3.5
        - 3.6
        - 3.7
        - Среда
        - 3.9
        - Четверг
        - 3.11
        - 3.12
        - Пятница
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Дэвид Марусек
Счет по головам

Мой отец с трогательной щепетильностью вымарывал из книг все неподобающее, прежде чем поставить их на свою библиотечную полку. Боюсь, что и этот мой первый роман подвергся бы такой обработке, но тем не менее посвящаю его памяти, Генри Пола Марусека, изобретателя.

Часть 1
МЫ ОБЕЗУМЕЛИ ОТ СЧАСТЬЯ

1.1

30 марта 2092 г. Департамент здоровья и гуманитарной помощи выдал нам с Элинор разрешение. Секретарь отдела рождаемости сообщил нам эту новость, сопроводив ее официальными поздравлениями. Надо же, как нам повезло! Секретарь сказал, что нам нужно связаться с Национальным Приютом. Там, в Джерси, в ящичке с нашими фамилиями, лежит, дожидаясь нас, ребенок. Мы просто с ума сходили от радости.

К тому времени мы уже год прожили вместе. Встретились мы на приеме в Верхнем Сохо, где я был реально.

— Сэмми Харджер, это реально ты? — спросил мой приятель. — Вот везуха! Тут одна женщина хочет с тобой познакомиться.

— Спасибо, — сказал я кисло, потому что был не в настроении с кем-то знакомиться и не знал даже, зачем, собственно, туда заявился. Всю последнюю неделю я вкалывал в своей чикагской студии как одержимый. Тогда у меня была привычка запираться наглухо и погружаться с головой в мир упаковочного дизайна. Я наконец-то нашел свое истинное призвание и в часы вдохновения терял всякое чувство времени, даже есть и спать забывал. Генри, мой поясной слуга и помощник, блокировал все телефонные звонки. Так я мог проработать трое-четверо суток подряд, пока моя муза не завершала очередной призовой проект.

Последний мой творческий запой затянулся на неделю, но при этом оказался бесплодным, и я, наполняя тарелку у фуршетного стола, пребывал в легкой депрессии.

— Ну вот и твой знаменитый Самсон Харджер, — сказал мой неугомонный друг. — А это Элинор Старк, Сэм — можешь называть ее Эл.

Симпатичная женщина, стоя на кусочке ковра, превосходящего качеством тот, что устилал нашу комнату, пила кофе из фарфоровой чашечки. Голограмма сделала мне ручкой. Я помахал в ответ и заметил, что у меня грязные ногти. Я вышел в свет прямо из своей пещеры, небритый-нечесаный, но женщина предпочла этого не заметить.

— Я давно уже хочу с вами познакомиться, — весело заявила она. — Мы с Линдси как раз говорили о вашем полотне, которым я восхищалась в здешнем музее.

Полотно? Ей пришлось бы вернуться на век назад, чтобы искренне восхититься чем-то подобным.

— Неужели? — сказал я. — И что же это был за музей? По ее

хорошо запоминающемуся лицу пробежала улыбка.

— Я сейчас в Будапеште.

Точно, Будапешт, сказал Генри у меня в голове. *Извини, Сэм, но ее служебная система не желает со мной говорить. Пришлось прибегнуть к общедоступным источникам. Элинор К. Старк — известный корпоративный обвинитель. Сейчас погляжу ее биоинфы.*

— Вы в более выгодном положении, — сказал я ей, стоящей по ту сторону земного шара. — Мой слуга — всего лишь подручный художника, а не следователь. — Элинор Старк, если ее голограмма имела хоть какое-то сходство с реальностью, была красивая стройная женщина лет двадцати пяти, рыжеватая блондинка с очаровательными веснушками и необычайно густыми бровями. Слишком солнечная для прокурора, решил я, хотя глаза, правда, ввинчиваются в тебя, как угри в коралл. — Вы ведь, как я понимаю, работаете корпоративным обвинителем?

Густые брови взметнулись с насмешливым удивлением.

— Вообще-то да!

Сэм, зашептал Генри, *те ее био, что были опубликованы, даже в основном не совпадают между собой. Ей от 180-ти до 204-х, зарабатывает до миллиона в год, живых потомков не имеет. Научные степени по истории, биохимии и юриспруденции. Хобби — фехтование, шахматы, рекреационное супружество. В прошедшем году встречалась с кучей знаменитых художников, композиторов и танцовщиков. Будущая известность расценивается как 9,7 цента.*

Всего-то, мысленно фыркнул я. Если на рынке знаменитостей ты ценишься ниже десяти центов, хвастаться тебе нечем. Мои собственные расценки, правда, за последние годы упали до одного — для фанатов я прочно переместился в разряд бывших.

Элинор надкусила пирожное, которое держала в руке.

— У меня сейчас время завтрака. Жаль, что не могу поделиться им с вами, так все вкусно. — Она смахнула с губ крошки. — Кстати, ваш помощник — Генри, не так ли? — большой педант. — Она поставила чашку на что-то за пределами голорамки. — Не обижайтесь, Сэм, но у него паршивая кодировка, и он буквально транслирует каждую вашу мысль.

— Тогда вы уже должны были понять, какой я очаровашка.

— Плоховато у меня получается, да? — засмеялась она. — Я пытаюсь вас снять, Самсон Харджер. Устраивает вас это? Или мне подождать, когда вы побреетесь и вздремнете?

Я не был уверен, нужна ли мне эта нахальная молодушка-старушка с ее неуклюжими подходами. Сигнал тревоги, звучавший у меня в голове, мог включить тот же Генри, который действительно зачастую бывал занудой. Элинор Старк, слишком

напористая на мой вкус и слишком эгоцентричная для легкой интрижки, тем не менее заинтересовала меня — не словами, а бровями. Они все время играли и выгибались с невероятной экспрессией, и я не мог понять, почему она с этим мирится. Я клюнул на них, как куча моих предшественников, о которой упоминал Генри.

В последующие недели Элинор и я взаимно ознакомились с нашими спальнями и садами вдоль восточного побережья. Мы урывали моменты среди бесконечных деловых поездок и обязательств. Прелесть новизны вскоре прошла, и мы перестали звонить друг другу. Я думал, что наш роман окончен, но через месяц получил звонок из Гонконга — ее секретарша приглашала

меня завтра на совместный гололенч. Ее поздний ленч в Китае совпадал с моим полуночным бренди в Буффало.

В назначенное время я исправно голографировал. Она уже начала завтракать и ловко подцепляла палочками кусочки водяного каштана.

— Привет, — сказала она, увидев меня. — Очень рада, что тебе удалось прийти. — Она сидела за красивым лаковым столом на фоне алой, с золотой филигранью стены. — А мне вот, к сожалению, уже пора. — Элинор отложила палочки. — Внезапная смена программы. Как ты?

— Отлично, — сказал я.

На ней были свободные блуза и брюки из зеленого шелка, волосы забраны в тугой пучок на макушке.

— Может, перенесем ленч на завтра? — спросила она.

Я был удивлен тем, как сильно разочаровала меня эта отмена — до сих пор я не сознавал, что скучаю по Элинор.

— Само собой.

Всю ночь и весь следующий день я не находил себе места, а к полуночи распорядился:

— Гонконгский «Эксцельсиор», Генри.

— Ее там нет, — ответил он. — Она сейчас в Токио, в «Такамацу».

Он был прав: красную стенку на заднем плане сменили бумажные ширмы.

— А, вот и ты, — сказала она. — Умираю с голоду. — Снимая крышку с блюда и накладывая на тарелку дымящийся клейкий рис, она вкратце рассказала мне о деле, которым занималась в данный момент. — Знаешь, фирма просит меня остаться. Поработать у них.

Я пригубил вино из своего бокала.

— И как ты, согласна?

Она взглянула на меня с любопытством.

— Я все время получаю подобные предложения.

Теперь мы встречались по полчаса каждый день и говорили обо всем, что в голову приходило. У Эл были широкие интересы, и к любой теме она относилась с живым вниманием. Подавляя смех, она рассказывала мне фривольные анекдоты о знаменитостях, застигнутых в двусмысленном положении. Открывала мне истины, скрытые за текущими новостями, и давала ценные советы по инвестированию. Подначивала меня, и я разглагольствовал, сплетничал и острил, как нанятый. Ее половина комнаты ежедневно менялась соответственно скачущему маршруту: нефрит, бамбук, тиковое дерево. Моя всегда оставалась одной и той же — атриумом моего дома в Санта-Барбаре, куда я перебрался, чтобы быть на три часа ближе к Эл. За разговором я поглядывал через каньон, заросший юккой и чапарралем, на университетский кампус и пляж внизу, на острова в проливе и зеленовато-синий, разделявший нас океан.

Когда мы наконец встретились в реальности, меня одолела застенчивость. Я не знал, куда девать руки. Мы сидели рядом в моей гостиной и безуспешно пытались завязать разговор. Близость ее тела делала меня полным дураком. Я раздевал это тело десятки раз и думал, что знаю его, но теперь его заняла Эл, и оно стало совсем другим. Я хотел заняться с Эл любовью и не знал, как начать.

— Нервы? — поддразнила она.

Наши эгоистические стороны, сыграв роль спасательных кругов, не дали нам, к счастью, утонуть окончательно. Первой дала слабину Эл. Мы были у нее дома в штате Мэн, и тут в комнату голографировался ее начальник охраны. До сих пор из всей ее служебной системы, которую Эл называла Кабинетом, я видел одну только директрису.

— Хочу вам показать кое-что, — сказал шеф, сердито глядя на меня из-под кустистых бровей. Элинор ничего мне не объяснила и даже не извинилась за это вторжение. — Передали в прямом эфире, — добавил он, и перед нами возникла студия передачи «Смотри». Соведущие рубрики «Куплеты» Чирп и Диц взахлеб обсуждали злосчастные парочки, засеченные в общественных местах.

В кадре появился балтиморский ресторан, где мы с Элинор ужинали сегодня вечером. Из такси вышла пара. Он седой, с черными усиками — настоящий чемпион по нудьге. Она — вамп с острым личиком, прямыми черными волосами и пустыми

глазами.

— Это кто же у нас такие? — пропел Диц.

— Тихо ты. Это неугомонная Элинор К. Старк со своим новым приобретением, Сэмсамсоном Харджером.

Я вздрогнул. У этих двоих были наши фигуры, и одеты они были как мы, но лица нам исказили до полной неузнаваемости.

Элинор вошла в кадр, чтобы рассмотреть их поближе.

— Хорошо. Отличная работа.

— Спасибо, — сказал шеф охраны. — Если это все…

— Минутку, — сказал я. — Это не все.

Элинор выгнула бровь в мою сторону — все эти ее движения бровей начинали меня раздражать.

— Я правильно понял? — продолжал я. — Ты изменила сигнал прямо во время передачи?

Она посмотрела на меня как на дурачка.

— Вообще-то да, Сэм.

— Не знал, что такое возможно. И не уверен, что это легально.

Она промолчала.

— Ладно, забудем, но ты и мое изображение изменила заодно со своим. Ты не спросила себя, хочу ли я, чтобы с моим лицом вытворяли такие штуки?

— Спасибо, — сказала Эл шефу охраны, и тот растворился. Она обняла меня за шею, заглянула в глаза. — Я слишком дорожу нашей частной жизнью, Сэм.

Неделю спустя в моей квартире в Буффало она вдруг попросила меня заказать недавно вышедшие мемуары одного автора бестселлеров. Этот мой предшественник, ее бывший любовник, будто бы вставил в свой новый читальник главу об их с ней романе — против ее желания. Я дал задание Генри, но она сказала, что заказ лучше отправить через домпьютер. Когда я это сделал, домпьютер просто отключился и перестал реагировать на мои команды. Раньше с ним такого никогда не случалось. Все системы обеспечения комфорта тут же отказали, свет погас, кухня остановилась, двери распахнулись сами собой.

— Как ты думаешь, много экземпляров он сумеет продать после этого? — хихикнула Элинор.

Я догадывался о причине поломки и не скажу, чтобы мне это нравилось. Последней соломинкой послужило открытие, что ее Кабинет наезжает на моего Генри. Когда я запросил у Генри ежемесячный финансовый отчет, он ответил: *Сейчас, подожди немного.*

Что, проблемы какие-то?

Мои процессорные возможности временно перегружены. Просьба подождать.

Перегружены? Мои финансы, конечно, дело запутанное, но так плохо у нас никогда еще не бывало.

— Генри, что происходит?

После продолжительного молчания он ответил тоненьким голоском: *Отвези меня в Чикаго.*

В Чикаго, в моей студии, находился его контейнер. Я тут же отправился туда, страшно обеспокоенный. Время от времени Генри заверял, что с ним все в порядке, просто ему приходится постоянно заделывать бреши в своей системе безопасности.

— Откуда опасность? Генри, кто на тебя покушается? *Вот опять. Нет, ушел. Нет, опять лезет. Подожди, пожалуйста.*

Мой рот внезапно наполнился слюной со вкусом машинного масла. Генри (или кто-то другой) задействовал терминальную чистку. Из меня выделялось мое с Генри взаимодействие. В последующие двенадцать часов я вместе с потом, слюной, мочой и калом вывел из организма миллионы нанопроцессоров, которые содержались в моих жировых клетках и связывали меня с чикагским контейнером Генри. До студии я добирался в полном одиночестве, наш с ним контакт оборвался. Пытаясь сориентироваться в Слипстримовском лабиринте без помощника, я проскочил Иллинойс и должен был сдать назад из Торонто. Чикагские такси пока еще реагируют на голосовые команды, но я не мог перечислить плату за проезд, и десять кварталов до Дрекслера мне пришлось топать пешком.

В студии я сразу бросился к маленькому керамическому контейнеру, втиснутому между стеной и шкафом.

— Ты тут? — Генри существовал как приятный голос у меня в голове, как поток информации, текущей по оптическому волокну, как замкнутый сигнал в швейцарской петле, но физическое его существование сводилось к желатиновой пасте внутри этой емкости. — Генри!

На контейнере зажегся и мигнул огонек.

— Вот сука! Как она только посмела?

— Смысл этих действий вполне понятен.

— Заткнись, Генри.

Ему ничего не грозило, пока он был отключен от сети, но в таком состоянии он даже на звонки не мог отвечать. Мы оба оказались пленниками в моей студии. Шеф безопасности Элинор взламывал защиту Генри миллион раз с тех пор, как мы с Эл познакомились. Эту броню я купил давным-давно — тогда она была последним криком, но с тех пор сильно устарела.

— Ее Кабинет — модель дипломат-класса, — сказал Генри. — Чего ты, собственно, ждал?

— Не хочу даже слышать об этом.

Поначалу вторжение было ненавязчивым, и Генри по своей неопытности его даже не замечал. Заметив, он повысил уровень защиты, но система Элинор просочилась сквозь нее, как вода. Тогда он начал изучать каждый прорыв, повышая свои знания и принимая все более эффективные контрмеры. Но атаки продолжали нарастать, и самооборона стала поглощать все внимание Генри.

— Почему ты мне не сказал?

— Говорил, Сэм. Несколько раз.

— Неправда. Ни единого раза не помню.

— В последнее время ты сделался довольно рассеянным. Вопрос был в том, сколько вреда они успели причинить — не мне, а ему. Я сомневался, что Элинор охотилась за моими личными записями, и в моем прошлом нашлось бы очень мало компрометирующего. Я как-никак художник, а не судья. Но если она как-то повредила Генри, это конец. Я приобрел его во времена клавиатур и приборов со стрелками. Все мои воспоминания, все труды моей жизни хранились в нем. Он, само собой, вел мою бухгалтерию, занимался налогами, договорами, юридическими вопросами. Следил за моим здоровьем, за домашним хозяйством, за инвестициями и т. д. и т. п. Со всеми этими функциями я бы еще как-то справился, а вот личностная капсула Генри была просто незаменимой. Я выращивал ее восемьдесят лет. Это был творческий инструмент, во много раз усиливающий мою собственную умственную деятельность. Он — Генри — угадывал мои мысли, работал с моими материалами, приспосабливал мои идеи к мировым художественным вкусам. Мы действовали как слаженная команда. Я научил его играть роль адвоката дьявола. Он снабжал меня творческими замыслами в режиме обратной связи.

— Кабинет не интересовали ни твое досье, ни моя личностная капсула. Ему просто требовалось постоянное подтверждение, что я все еще Генри и что никто другой меня не испортил.

— А просто спросить он не мог?

— Разве я сказал бы правду, будучи коррумпированным?

— И что же, ты коррумпирован?

— Разумеется, нет.

Я поежился при мысли о повторном вводе Генр
и в свой организм — вдруг он на кого-то шпионит?

— У тебя здесь есть полный дубль, правильно? — Да.

— И он предшествует нашему с Элинор знакомству?

— Да.

— И его печать не нарушена?

— Нет.

Но если Генри коррумпирован и говорит, что печать цела, откуда мне знать, так ли это? Мне эта печать — нет, я лучше помолчу. Китайская грамота.

— Печать можно проверить с любого домпьютера, — сказал он, читая меня, как всегда, — можно также стереть меня и восстановить. Это займет пару часов, но я тебе не советую.

— Не советуешь, значит? А почему?

— Потому что мы потеряем все, чему я научился после встречи с Элинор. Это не пустяк, Сэм. Я стал здорово затруднять атаки извне.

— И при этом не мог нормально функционировать.

— Так купи мне побольше пасты. По-настоящему много. Деньги у нас есть, так что подумай. Система Элинор агрессивна, стремится доминировать, всегда работает в кризисном режиме. Но ребята они хорошие. Научившись блокировать их, я буду лучше подготовлен к защите от плохих парней, которые скоро попытаются пробиться через тебя к Элинор.

— Ты упускаешь один существенный факт, Генри. Мы с Элинор больше не связаны. Я ее бросил.

— Понятно. Скажи, Сэм — сколько женщин у тебя было с тех пор, как я тебя знаю?

— Какого черта? Считал я их, что ли?

— Зато я считал. За 82,6 года нашего сотрудничества у тебя перебывало 343 женщины. А в твоем архиве до моей установки числится как минимум еще сто.

— Как скажешь.

— Ты сомневаешься в моей точности? Хочешь, чтобы я перечислил по именам?

— Нет. Что толку в именах, которых я все равно не помню. — Моя жизнь начинала мне казаться похожей на русский роман — слишком много персонажей и слишком мало автомобильных погонь.

— Я к тому и веду. Никто из них не оказывал на тебя такого действия, как Элинор Старк. Все твои биореакции просто зашкалило.

— Дело не в одной биологии, — сказал я, сознавая при этом, что он прав — или почти прав. Только с одной женщиной я испытал нечто похожее: с моей первой любовью Джин Шолеро, умершей сто двадцать пять лет назад. Все остальные были легкими волнами в теплом море женственности, но как объяснить

это Генри?

Так и не придумав, как лучше проверить Генри, я решил изолировать его в контейнере. Снабдил домпьютер заставкой «Не беспокоить — художник творит» и поручил ему принимать сообщения. Я в самом деле пытался работать, но на ум ничего не шло. Большей частью я смотрел сетевики или расхаживал по студии, споря с Генри. Вечерами я загружал Генри в пояс — у меня завалялось в ящике несколько старых устройств, чьи функции позволяли мне прошвырнуться по барам. Привычных кабаков и старых знакомых я избегал.

В первом сообщении, присланном Эл на домпьютер, говорилось: «Рада за тебя. Позвони, как закончишь». Во втором: «Больше недели прошло — не иначе, это шедевр». В третьем: «Что стряслось? Ты определенно слишком чувствителен. Это смешно. Подай голос!»

Сейчас я расскажу тебе, что стряслось, подумал я и составил длинное гневное обвинительное послание — но был слишком зол, чтобы отправить его.

«Это из-за Генри, не так ли? — спрашивала она в четвертом письме. — Мой начальник охраны мне все рассказал. Не волнуйся: они контролируют всех, с кем я встречаюсь, ничего личного, и никаких поправок они не вносят. Приказ действует постоянно, и делается это в целях моей безопасности. Ты не представляешь, Сэм, сколько раз меня уже могли бы убить, если б не эта практика.

Но Генри я велела оставить в покое. Они предлагали поставить на его личностную капсулу аварийное реле — такие же встроены в мои собственные системы, — но я запретила. Руки прочь, и точка. Ну? Довольно с тебя?

Отзовись, Сэм. Дай хотя бы знать, что у тебя все в порядке. Я без тебя скучаю».

К тому времени я не нашел в личности Генри никаких посторонних примесей. Своего Генри я знал не хуже, чем он меня. Его мыслительный процесс был для меня как знакомый мотив, и за многие недели непрерывных разговоров он не сфальшивил ни разу.

Пятое письмо Эл прислала из постели, простыни которой не отвечали приличиям (мой дизайн). Ничего не говоря, глядя прямо в камеру, она села, позволив простыне соскользнуть ниже талии, и стала расчесывать волосы. Выше грудей у нее, как я обнаружил некоторое время назад, лежала целая россыпь веснушек.

К моей двери начали прибывать букеты реальных цветов с записками из одного слова: «Позвони».

Потом пришел инфочип с теми самыми мемуарами, от

которых заклинило мой домпьютер в Буффало. В них упоминалось о нынешнем увлечении Элинор. Имитация автора, сидя в плетеном кресле, с южным распевом читала текст по книге в кожаном переплете. Элинор описывалась как «надушенный вагиноид с перебравшейся на лоб нижней растительностью, мужененавистница с эмоциональным диапазоном внукоровского слизняка». Я попросил имит прерваться и уточнить. «В своих отношениях с мужчинами, — пояснил он с рекламной улыбкой, — Элинор Старк обходится без эмоций. Предпочитает детские забавы, вроде тыканья палкой в лягушку. Запас ее терпения невелик. На роскошные чувства и пушистые мысли у нее нет времени. Что до постели, то там она любит мужчин недопеченными — чем сырее, тем лучше. Вот почему ей нравится тусоваться с богемой. Нужно, чтобы человек побольше мнил о себе, чтобы его чувствительность и его спесь были выше некуда — такого интереснее всего препарировать и полюбоваться тем мокрым месивом, которое он носит в себе».

Это наблюдение, при всей его вероятной меткости, взбесило меня.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — заорал я. — Эл совсем не такая. По-моему, ты ничего в ней не понял. Она не святая, но у нее есть и сердце, и чувства, и — да пошел ты.

— Спасибо за комментарий, — откликнулся автор. — Вы разрешите вас процитировать? Не пропустите дополнение к данным мемуарам, «Задетые дают сдачи», — читальник выйдет в сентябре в издательстве «Перелистывая страницы».

В возрасте 147 лет я был своей жизнью вполне доволен. Я успешно сделал несколько карьер и нажил состояние, которым даже Генри управлять было трудновато. При этом каждое утро я вскакивал с постели в ожидании новых приключений и готов был прожить таким же манером еще 147 лет. Но финальное послание — мрачная Эл, сидящая в Музее искусства и науки на фоне моего раннего, во всю стену, холста — обратило всю мою жизнь в прах и пепел.

Семьдесят две толстые свечи в золотых канделябрах выше человеческого роста караулили меня с двух сторон. Я, облаченный в смокинг, топтался у алтаря. Тающий воск наполнял собор ароматом гвоздики. «Лук» объявил наше бракосочетание «Свадьбой часа», и нас транслировали в прямом эфире по Свадебному каналу. Хор кастратов, скрытый за гигантскими бронзовыми трубами органа, призывал всех положиться на милость Провидения. Сладкозвучные сопрано, пронизывая целые мили каменных сводов, порождали эхо и обретали новую

гармонию. Больше миллиона подписчиков ерзали на деревянных скамейках, протянувшихся, казалось, до самого горизонта. Каждый подписчик занимал сиденье у прохода, в первом ряду.

В нью-йоркской сетевой студии мы с Эл, в голубых боди-костюмах, стояли на противоположных концах огромной сцены. Эл по сигналу медленно двинулась ко мне. Одновременно она прошла через портал Вавельского собора в древнем Кракове, омытая утренним светом, в льняном платье цвета слоновой кости. Орган грянул марш Мендельсона, усиленный несколькими акрами мрамора. Две девочки бросали розовые лепестки под ноги Элинор, третья несла ее длинный шлейф. Газовая вуаль закрывала лицо Эл ото всех, кроме меня. Никто не вел ее к алтарю — наша двухсотлетняя невеста предпочитала выдавать себя замуж сама.

До свадьбы мы с Эл прожили вместе полгода. Отчасти мы пошли на это из любопытства, отчасти как на крайнюю меру. То, что происходило между нами, продолжало расти, шириться, пускать корни. Мы так и говорили — «это», не зная, какое еще слово употребить. «Это» осложняло нашу жизнь, в особенности жизнь Эл. Мы сходились на том, что без «этого» нам было бы лучше, и пытались вспомнить молодость, чтобы дать определение чувствам, которые испытывали. Единственным гарантированным средством, заставляющим мужчину и женщину горько пожалеть о встрече, представлялось совместное проживание. За четыре миллиона лет эволюции человечество наконец усвоило, что мужчина и женщина под одной крышей жить не должны.

Итак, мы приобрели сообща дом в Коннектикуте, небольшой, но комфортабельный. Нам не составило труда оборудовать себе отдельные спальни и рабочие зоны, а вот общие площади потребовали дипломатии и компромиссов. Устроившись, мы решили, что будем принимать по средам, начав тем самым нелегкую задачу объединения наших друзей и коллег.

В ее спальне мы в основном смотрели сетевики, а любовью занимались в моей. Я во сне люблю прижаться к кому-нибудь, она же предпочитала спать в одиночестве. Хорошо, подумали мы — вот она трещина, в которую можно вбить клин. Мы следили друг за другом в поисках других разногласий. Она сова, я жаворонок. Она любит путешествовать и бывать в обществе, я домосед. Она любит классику, я способен терпеть только неошум. Она работает без передышки, я — рывками и приступами. Она не проявляет щедрости к незнакомым, я просто не способен быть практичным в личных делах. Она порой бывает резкой, я умею замолкать на долгое время. У нее мания все организовывать, у меня что-то получается только в полной неразберихе. Увы! Наши различия,

вместо того чтобы нас разлучить, только способствовали сближению.

При всей нелюбви Эл к вмешательству в ее личную жизнь наш роман, а затем и свадьба сильно повысили нашу будущую известность. Платный показ свадьбы в сети занял 1325 миллионов часов, гостевую книгу украсили подписи весьма важных лиц. Конфетти сыпалось неделями. Пятидневный медовый месяц мы запланировали провести на Луне.

Элинор забронировала в лунном шаттле три места — не слишком хорошее предзнаменование для молодоженов. Я сидел у окна, она у прохода, между нами сменялись один за другим члены Кабинета. Весь полет она выслушивала их доклады, отдавала распоряжения и строила планы, не прервавшись даже на взлет и посадку. В Кабинете числилось около дюжины должностных лиц — все женщины, кроме шефа охраны. Все они выглядели старше мнимого возраста Эл и все обладали фамильными свойствами Старков: белокурые с рыжиной волосы, стройное сложение, брови. Будь они реальными людьми, а не персонажами служебной системы, они могли бы сойти за ее сестер и брата. Эл в таком случае досталась бы роль младшенькой, баловня всей семьи.

Две из них вызывали во мне особенный интерес: юрист, женщина лет под сорок, шикарно одетая, с вечно сосредоточенным выражением лица, и директриса, самая пожилая в составе. Она координировала действия всех остальных и считалась заместителем Эл. Внешностью и манерой разговора она полностью копировала Элинор — даже не как старшая сестра, а как сама Эл в семьдесят лет. Меня интриговала эта будущая модель моей жены: сухонькая, вся в узлах и углах, с белесыми, в ниточку бровями. Только глаза сверкали хищно, как у нынешней Эл. Неудивительно, что Генри, бывший всего лишь голосом в моей голове, восхищался таким Кабинетом.

Стюардессы на борту шаттла «Панамерикэн» были все пенелопы — типаж недавнего выпуска, предназначенный для работы в невесомости. Ножки им сделали короткие, с хватательными пальцами. В элегантно пригнанной униформе они грациозно плавали по салону, обслуживая пассажиров. Стюардесса нашего ряда — Джинни, судя по именной табличке, — относилась к работникам Кабинета как к реальным персонам, и я думал, не последовать ли мне ее примеру.

— Эти пенелопы от «Полезных людей» или от Мака? — спросила Эл у шефа охраны.

— Верна первая версия, — ответил он.

— А у нас есть пай в «Полезных людях»?
— Нет. Это закрытое общество.
— Кто владельцы?
— Владелица только одна — Зоранна Альблейтор.
— Гм-м. Возьми это на контроль.

Медовый месяц прошел примерно так же, как и полет. В «Лунной принцессе», где мы снимали номер для новобрачных, Элинор устраивала деловые совещания с десятками голографических участников. «Извини, ничего не могу поделать — работа», — говорила она. Я гулял в одиночестве по извилистым переходам лунного поселения, ничего не имея против. Я ценил свое одиночество.

На третий день, случайно задержавшись в номере, я оказался свидетелем исторического звонка. Секретарша доложила, что Элинор поступило сообщение из Совета Трех Дисциплин.

— СТД? Ты уверена? — переспросила она. — А что мы такого сделали?

Секретарша преобразилась в юристку, которая сказала:

— Неизвестно. Меморандума нет, сообщение зашифровано.

— Мы наступили на ногу какой-нибудь большой шишке? Или это сделал кто-то из наших клиентов?

— Возможно и то, и другое.

Потянув сколько могла, Эл приняла сообщение. Нашу гостиную заполнил величественный при всей своей немудрености знак СТД — глобус на золотой оси.

— Может, мне лучше уйти? — сказал я.

Ответом послужил умоляющий взгляд — я впервые увидел ее неуверенной и, конечно, остался. Символ растаял, и нашим взорам предстала сама Агнес Фолдстейн за своим знаменитым стеклянным столом. Элинор затаила дыхание. Еще бы: это вам не какой-нибудь чиновник с низших уровней организации, а председатель Комитета Советников, одна из самых влиятельных в мире людей. Мы с Эл встали, как по команде.

— Совет приветствует вас, — сказала Фолдстейн, посмотрев поочередно на нас обоих. — Прошу прощения, что нарушаю медовый месяц, но дело не терпит отлагательства. — Она отозвалась с искренней похвалой о моих достижениях в области упаковочного дизайна, особо остановившись на перевязочных материалах для Внутреннего Корпуса и на эвакуационных одеялах для травм и ожогов, после чего спросила: — Вам известно, для чего я здесь, мар Старк?

Фолдстейн выглядела лет на сорок пять — сорок восемь, соответственно своему внушительному статусу. Моя Эл рядом с

ней смахивала на послушную дочку.

— Нет, советник, я не знаю.

Но кое о чем она, вероятно, догадывалась, потому что Генри шепнул мне: *Ее шеф охраны передает двойной вопрос, заданный Элинор: не знаешь ли ты, что имеется в виду?*

Двойной вопрос? Двое искусственных уст, наверное, несколько исказили слова Элинор. Она, скорее всего, просто повторила: «Ты не знаешь, что имеется в виду? Не знаешь, что имеется в виду?» Я не знал, и все это начинало действовать мне на нервы.

— После тщательного рассмотрения, — сказала Фолдстейн, — Совет номинировал вас на должность советника.

— Простите? — Эл, чтобы не упасть, ухватилась за мою руку.

— Я сама удивилась, — хмыкнула Фолдстейн, — однако так оно и есть. Вам предлагается место за взрослым столом.

Когда мы вернулись на Землю, процесс утверждения шел уже полным ходом. Номинация Эл обсуждалась публично с участием правительств, корпораций, Внутреннего Корпуса, чартистов, пандитов и всех кому не лень. Столь стремительный взлет не имел прецедентов, и многие предполагали, что за этим стоит некая тайная организация. Сама Эл тоже не могла объяснить, каким образом проскочила с десяток перекладин на лестнице, ведущей к успеху. При этом она не испытывала даже тени сомнения в том, что справится с новой должностью. Расхаживая по дому в прекраснейшем расположении духа, она време-

нами скрывалась у себя в спальне и начинала психовать по поводу тщательно замаскированных грешков своего прошлого. Утро предстоящего собеседования с Комитетом Советников она встретила спокойной и острой, как бритва.

Сразу по возвращении она уединилась со мной в моей спальне и потребовала обезьяньего секса с воплями, после которого смотреть на меня не могла.

Я поддерживал ее по мере сил, но пару раз вынужден был убегать в Чикаго и притворяться, что я работаю.

Когда Элинор утвердили, мы поехали Слипстримом на Косумель и занялись глубоководными погружениями. Предполагалось, что это отпуск, но я уже не питал иллюзий насчет способности Элинор расслабляться. Слишком много у нее было планов, слишком много людей, с которыми требовалось встретиться. Она постоянно держала рядом с собой кого-то из Кабинета — на пляже, в лодке, в показательной деревне майя, даже в нашем тесном подводном доме.

В наши планы входило воспользоваться услугами элитной

молодильной клиники там же на острове. Сам я придерживался тридцатипятилетнего возраста — в нем организм еще достаточно активен, чтобы удовлетворять все мои желания, и в то же время хорошо поддается долгим творческим бдениям. Мы с Эл остановились на трехдневной фильтрующей процедуре и пропустили утренний прием визолы, чтобы вывести из клеток охранные вещества, но Эл в последний момент передумала. Решила, что для новой должности ей лучше выглядеть несколько старше. Поэтому в клинику я пошел один и трое суток, дважды в день, отмокал в процедурных ваннах. Миллиарды молекулярных уборщиков пропитывали мою кожу, проникали в мышцы, хрящи и кости, потихоньку выметали белковые связи и генетические аномалии, смывали возрастные шлаки.

Когда я, свежий и мучимый скукой, вернулся в бунгало, была среда, и я вызвался подготовить наш еженедельный прием. Друзья и знакомые просто завалили нас письмами — их насчитывалось несколько тысяч. К свадебному конфетти прибавились поздравления Эл с новым назначением. В салоне вечером яблоку негде было упасть от голографических гостей. Примитивный голосервер бунгало не справлялся с таким наплывом — изображения, по пять и по десять штук, накладывались одно на другое, а по краям не прекращалось мигание.

Несмотря на давку, я быстро просек, что все они пришли попрощаться. Предполагалось, что Элинор пошлют на Луну или на Марсианскую станцию, поскольку все должности советников на Земле уже заняты. Никто при этом не ожидал, что я отправлюсь туда вместе с ней — никто из них на такое бы не согласился. Учитывая современное долгожительство, внеземная служба Элинор могла затянуться на десятилетия, если не на века.

К уходу последних гостей мы совсем обессилели. Элинор собиралась лечь, я налил себе скотча и вышел посидеть у моря.

Мокрый песок, шорох прибоя, прохладный бриз, прекрасный экваториальный рассвет.

— Запиши это, Генри, — сказал я.

Расслабься, Сэм. Я всегда записываю самое лучшее.

Островной купол в отдалении сверкал, как дождь, падающий с ясного неба. Волны, набегающие на берег, таяли у моих ног. Пахло солью, рыбой, водорослями, китами и гниющими в глубине останками мореходов. Океан, при всем своем непостоянстве, показал себя надежным средством доставки микроскопических бомб, МОБИ; эта гадость могла обходить земной шар бесконечно, подобно зловещим посланиям в микробутылках, пока ее не выносило на вражеский берег. Защитная оболочка Косумеля —

скорее сфера, чем купол, — уходила глубоко в океанское дно. Наследие разразившейся в 2060-х Агрессии.

— Скажи-ка, Генри, какие у тебя теперь отношения с Кабинетом? — Я внял его совету и купил ему много нейрохимической пасты.

Великолепный интеллект. Я хотел бы стать его подражателем.

— В каком смысле?

Например, разделить мою личностную капсулу на три части.

— То есть вас будет трое? И что нам это даст? *Я буду больше похож на человека.*

— По-твоему, это хорошо?

Думаю, да. Как я обнаружил недавно, у меня всего одна точка зрения, а у вас несколько, и вы произвольно их меняете.

— Похоже, я купил больше пасты, чем для тебя полезно.

Совсем напротив, Сэм. Мне кажется, я эволюционирую. Не уверенный, что мне это нравится, я заговорил о другом:

— Как ты относишься к путешествию на другую планету? *Мне все равно, Сэм. Будет диапазон — буду работать. Ты о себе подумай. Помнишь, как тебя закупоривает при пониженной силе тяжести?*

— От этого должно быть какое-то средство.

А твоя работа? Сможешь ли ты творить так далеко от Земли?

— Всегда можно голографироваться в Чикаго. Был бы нужный диапазон, как ты говоришь. — Я сделал глоток, глядя, как солнце встает из моря. Пришла Эл в халате, опустилась на колени рядом и стала массировать мои плечи.

— Я совсем тебя забросила, а ты все это время вел себя просто великолепно. Прощаешь меня?

— Что ж тут прощать. Я с самого начала знал, что ты человек занятой.

— Все равно тяжело, наверное. — Она села на песок, обнимая меня. — Это как наркотик. Успех опьяняет. Но обещаю это перебороть.

— Нет необходимости. Получай удовольствие и не мучайся.

— Ты не хочешь улетать с Земли, правда? Вот и вся преамбула. Я пожал плечами.

— Навсегда, думаю, нет, но обстановку сменить можно. Тут я, похоже, немного отстал от моды.

— Спасибо, Сэм. — Она крепко стиснула меня руками. — Ты чудный. И откуда только берутся такие мужчины?

— С Сатурна. Мы сатурнальские.

— Там, кажется, у нас пока еще нет поселений, — засмеялась

она. — Зато есть новое, на Земле-Прицепе. Подозреваю, что туда меня и пошлют. Как тебе?

— Подойдет, но с одним условием.

— Интересно с каким?

Я сам не знал с каким — у меня это просто так вырвалось. Может, сказалась какая-то подсознательная тревога?

Попроси, чтобы Кабинет показал мне, как разделиться натрое, встрял Генри.

Я, конечно, имел в виду совсем не это, но его вмешательство помогло мне высказать то, что лежало у меня на душе.

— Знаешь, я теперь понимаю, что ты готовилась к этому моменту почти всю свою жизнь. Не забывай, что ты теперь в высшей лиге. Подольше держи этот факт в голове.

Не успели мы вернуться к себе в Коннектикут, как медиа преподнесли нам всем новый шок. Мар Милдред Рикерт, занимавшая пост советника среднезападной части США, пропала без вести три часа назад. Элинор побелела, услышав об этом. Советник Рикерт уже пятьдесят лет была доминирующей фигурой в мировой политике, и этот фатальный случай стал еще одним сейсмическим сдвигом в расстановке сил. Впрочем, речь пока шла только об исчезновении.

— Целых три часа? — сказала Эл. — Брось, Сэм, будь реалистом.

Последующие двадцать четыре часа шеф ее охраны, деликатно зондируя засекреченные сети, снабжал нас подробностями и прогнозами. Внукоровский слизень, патрулировавший в незаселенных местах, обнаружил бренную плоть советника Рикерт как внутри, так и снаружи слипстримовской кабины, стоявшей у неохраняемого соевого поля за Индианаполисским куполом. Советник, по всей видимости, стала жертвой МОБИ. Ее служебная система, чей первичный контейнер Внукор подверг скрупулезнейшему допросу, доложила, что Рикерт, садясь в тубусную кабину под своей башней в Индианаполисе, уже знала о поразившей ее инфекции. Она приказала своему служебному персоналу, чтобы они, используя предоставленные ей привилегии, вывели кабину из города, а затем выбросили из транспортной сети. МОБИ оказалась такой вирулентной, а визоловая защита советника такой стойкой, что тело Рикерт в итоге внутриклеточной схватки разорвалось на части. Произошло это, к счастью, в кабине, поэтому заражению подверглись всего два-три километра площади, причем в сельской местности. Быстрая реакция Рикерт и надежность ее персонала предотвратили катастрофу в пределах

купола. Коронер объявил, что спасти мар Рикерт невозможно, и Внукор кремировал далеко разлетевшиеся останки.

Открылась заманчивая вакансия, и наша гостиная превратилась в штаб военных действий. Весь Кабинет трудился без отдыха. Элинор, как свежеиспеченный советник, вряд ли могла надеяться на такой пост, однако без боя сдаваться не собиралась. Все рекомендации и похвальные отзывы, набранные за несколько карьер, были пущены в дело. Мне час от часу делалось все страшнее.

— Ты ведь не думаешь, что это совпадение, нет? — пытался я вразумить ее. — Сначала твое назначение, потом это. Кто-то хочет тебя подставить, не понимаешь разве?

— Расслабься, — сказала она. — Я знаю, что у меня нет ни единого шанса. Это просто разминка такая, вступление в игру. Люди удивились бы, если б я не попробовала.

Рано утром неделю спустя Эл принесла мне в постель кофе с кексом и утреннюю визолу.

— К чему бы это? — спросил я, хотя по озорному излому ее бровей уже знал к чему.

Мы переехали на временную квартиру, заняв 207-й этаж башни Уильямса в Блумингтоне. В будущем мы планировали купить ферму в этом округе, среди вязовых рощ и ржаных полей. График Эл, и так уже достигший марафонского уровня, стал еще напряженнее — ведь теперь она стала региональным представителем СТД. Я болтался по кампусу, стараясь приспособиться к новым условиям.

Через пару недель случилось событие, затмившее собой все предыдущие. Мы, не подавая никакого заявления, получили разрешение на ретрозачатие. Игнорировать это мы не могли: таких разрешений выдавалось всего сто тысяч в год на все США. Из всех наших друзей и знакомых их получили две-три пары, не больше. Я реального ребенка уже несколько десятков лет не видал (имитированные то и дело мелькали в комедиях). Мы были так ошарашены, что не знали, как отвечать.

— Не волнуйтесь, — сказал секретарь отдела рождаемости, — все реципиенты реагируют примерно так же. Некоторые и в обморок падают.

Элинор, явно далекая от обморока, деловито заметила:

— Не знаю, могу ли я взять на себя дополнительную ответственность в такой сложный период.

— Вы хотите отказаться от разрешения? — не поверил своим ушам секретарь.

— Я этого не говорила, — поморщилась Элинор, взглядом

призывая на помощь меня.

— А… это мальчик или девочка? — спросил я.

— Это ведь зависит от вас, верно? — ответил он с лукавой улыбкой и с театральной внезапностью добавил (вся его работа, как я предполагал, заключалась в том, чтобы делать сто тысяч звонков в год и преподносить незнакомым людям самый ценный в жизни подарок): — Мой вам совет: поезжайте-ка вы в Трентон, в Национальный Приют. Там все и выясните. Это вас ни к чему не обязывает.

Около часа мы с Эл просидели в молчании, держась за руки. Потом Эл расплакалась. Слезы капали у нее из глаз и катились по щекам. Я обнял ее, совсем одурев от такого зрелища.

Она вытерла глаза и сказала насморочным голосом:

— О ребенке не может быть и речи.

— Полностью согласен, — сказал я. — Это было бы самой большой глупостью в нашей жизни.

В Национальном Приюте у нас взяли образцы тканей для рекомбинации, но сделано это было в последнюю очередь. Мы сидели в процедурной на хромовых табуретах, и медсестра-дженни скоблила ложечкой щеку Эл с внутренней стороны. Мы двое суток не принимали визолу — вещь опасная, но необходимая для получения чистых образцов ДНК. Генри информировал меня, что весь Кабинет работает в красном режиме. Это показывало, как сильно напряжена Элинор. Этот *coitus mechanicus,* искусственный половой акт, обещал для нас стать самым плодотворным из всех возможных.

В первую очередь нас провели в кабинет к доктору Деб Армбрастер. Она нам объяснила, что в наше время детей воспитывают совсем не так, как раньше.

— Раньше они вырастали и уходили из дома, теперь предпочитают оставаться в возрасте от восьми до тринадцати лет. И хорошие родители, конечно же, не должны добиваться их взросления силой. Мы полагаем, что происходит это из-за внимания, которое они получают. Ваши друзья, ваши руководители, незнакомые доброжелатели, офицеры Внукора — все приходят поиграть и поумиляться, думая, что вам это только приятно. Подарки прибывают фургонами. Медиа просят, чтобы их приглашали на все дни рождения. Но вы-то, думаю, умеете обращаться с медиа.

Мы сидели на антикварных стульях перед опрятным столом доктора Армбрастер. Шеф охраны за неимением третьего стула терпеливо стоял рядом с Эл. Доктор была женщина крупная,

подтянутая, с квадратной челюстью и бегающими туда-сюда глазками-буравчиками: ее собственная служебная система, несомненно, располагалась за мониторами по периметру комнаты. Многие администраторы налаживают свою обслугу именно так, чтобы просматривать горы донесений одним щелканьем радужки. На голографических слуг с личностными капсулами наподобие Кабинета они смотрят свысока.

— Итак, — продолжала доктор, — вы рискуете тем, что языкатый подросток задержится в вашем доме лет на двадцать — тридцать. Могу вас уверить, что это скоро начинает надоедать. Оба родителя могут несколько раз сменить брачных партнеров, прежде чем малютка решится выпорхнуть из гнезда. Поэтому мы предлагаем вам выработать правила опекунства прямо сейчас, заранее.

— Мы еще не решили, доктор, стоит ли двигаться дальше, — сказала Эл. — Мы хотели только ознакомиться с процессом и с возможными его последствиями.

— Прекрасно вас понимаю, — с намеком на улыбку сказала доктор.

Во вторую очередь нас отвели на склад — посмотреть заготовку, которая станет нашим ребенком, если мы согласимся. Всю стену там занимали движущиеся стеллажи, каждый с множеством мелких ящиков. Доктор Армбрастер, запустив карусель, приказала определенному ящичку выдвинуться и достала оттуда сверток, туго запеленатый в одеяло (один из вариантов моих ранних травматических одеял). Когда она положила сверток на каталку и велела ему развернуться, мы увидели довольно хорошо развитый человеческий эмбрион — он свернулся калачиком, сунув миниатюрный большой пальчик во вполне сформировавшийся ротик. Выглядел он удивительно живым, но был неподвижен, как каменная фигурка. Я спросил, сколько ему.

Двадцать шесть недель, ответила доктор Армбрастер, в стазисе находится семь с половиной лет. Конфискат нелегальной беременности, доращивался внутриматочно. Объясняя, она поворачивала на каталке плод-заготовку.

— Нормален по всем показателям. Конверсия не должна вызвать никаких осложнений. Кожный покров, наша природная упаковка, — она улыбнулась, воздавая должное моей профессиональной репутации, — является самым быстрорастущим органом. В течение жизни человек постоянно сбрасывает ее и отращивает заново. В процессе конверсии эта стадия завершается первой. У эмбриона это занимает примерно

неделю. Цвет волос и глаз, сердце, печень, пищеварительная система конвертируются за две-три недели. Нервная система, основные группы мышц, репродуктивные органы — от трех до четырех недель. Костно-хрящевая система — от двух до трех месяцев. Ребенок станет биологически вашим задолго до того, как у него прорежется первый зуб.

Я спросил, можно ли подержать заготовку.

— Конечно. — Доктор осторожно подхватила ее своими большими ладонями и положила мне на руки — холодную, твердую, удивительно тяжелую. — Фиксатор делает ее очень плотной и хрупкой, как яичная скорлупа. — Я неуклюже прижал эмбрион к себе. — Молодые отцы всегда так держат детей, — теперь доктор улыбалась Элинор, — как будто боятся сломать. В нашем случае, впрочем, это вполне возможно. И вы, дорогая, тоже испытываете типичный в такой ситуации дискомфорт.

Она говорила правду. Элинор и директриса ее Кабинета стояли бок о бок (совсем как двойняшки, если бы не разница в возрасте), сцепив руки на груди.

— Гормональная терапия может сделать предстоящие месяцы намного более приятными, советник Старк, — сказала доктор. — У отцов отношения с потомством всегда складывались довольно трудно, но вам мы можем предложить материнскую смесь, как это называют фармацевтические компании.

— Спасибо, доктор, не нужно, — сказала Элинор, расцепив руки. — Мы еще ничего не решили, помните? Кроме того, здесь дефект — не хватает пальца. — Одного пальчика в самом деле недоставало, и место излома было твердым, как гипс.

— О, об этом не беспокойтесь. Пальцы на руках и ногах отрастают за несколько дней. Главное, голову не отломите.

Я вздрогнул и еще крепче прижал к себе заготовку — слишком крепко, пожалуй. Я попытался всучить ее Эл, но та снова скрестила руки, и я отдал твердое тельце доктору, которая вернула его на каталку.

— Кроме того, пол уже определился, — сказала Эл.

Я посмотрел и разглядел между ножек крошечный пенис. Может быть, именно тогда в моем сердце что-то сместилось. У меня никогда еще не было ребенка, ни от одной из многочисленных женщин, которых мне приписывал Генри, — хотя взрослым я стал задолго до принятия Закона о рождаемости. Только однажды, с Джин Шолеро, я был близок к этому. Но тогда я был по горло занят своей карьерой, у нее случился выкидыш, а потом мы недостаточно долго продержались вместе, чтобы попробовать еще раз.

— И об этом можете не волноваться. Ваши гены и пол

переделают. Это входит в процесс.

Эл тронула меня за руку.

— Ты в порядке, Сэм?

— Да. Просто это немного выбивает из колеи.

— Мы, пожалуй, пойдем, доктор, — сказала Эл. — Спасибо вам за экскурсию.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, советник Старк, и с вами, мар Харджер. Почему бы вам на обратном пути не зайти в процедурную и не сдать сестре образцы кожи?

— Это нам не понадобится, — сказала Эл.

— Решать, разумеется, вам, но это избавит вас от лишней поездки, если вы передумаете.

Мы лежали на нашем балконе в башне Уильямса и просматривали длинную череду сообщений. Друзьям успело надоесть наше везение: число поздравлений сократилось, они стали короче и отправлялись в основном для проформы, даже зависть кое-где чувствовалась. И кто бы их мог упрекнуть? Закон о рождаемости действовал около шестидесяти лет, а это долгий срок для лишенного детей общества. Всех раздражало не столько наше родительское счастье, сколько то, что разрешение мы получили нечестным путем (как всем, в том числе и нам, было ясно).

Эл стерла оставшиеся письма и сказала:

— Давай поговорим, Сэм.

Наш балкон находился ровно посередине гигантской жилой башни, чья верхушка в головокружительной перспективе поднималась к нижним краям городского купола. Невидимый днем, купол ближе к вечеру походил на прозрачную пленку, которая колебалась и зыбилась сама по себе. Поверхность башни, напротив, была гладкой и матовой, с тысячами крошечных черных бугорков — это локальные внукоровские слизни грелись в лучах заходящего солнца, подпитываясь энергией для ночного патрулирования квартир.

— У тебя уже были дети? — спросил я.

— Да, двое, мальчик и девочка. Я тогда только что окончила колледж. Том погиб в детстве от несчастного случая, Джессика выросла, уехала, вышла замуж, сделала успешную карьеру и умерла в пятьдесят четыре года от рака гортани. — Элинор перевернулась, подставив голую попку небу, положив подбородок на загорелые руки. — Я оплакивала их обоих. Детей очень тяжело хоронить.

— Хочешь завести еще одного?

Она долго молчала. Слизняк полз по нижней стороне балкона

над нами.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Забавно, я ведь уже проходила все это: беременность, варикозные вены, похороны. У меня была менопауза, а потом, что еще хуже, опять начались менструации. Материнство поглощало меня целиком, я не знала, на каком свете живу, любила и ненавидела каждый миг, ни на что бы это не променяла. Но когда все кончилось, я почувствовала, что с меня свалилось огромное бремя. Слава богу, сказала я, больше это не повторится. Но с тех пор, как мы узнали о разрешении, я все время фантазирую, что держу на руках ребенка. Никак не могу отделаться от этого чувства — все время баюкаю, обнимаю, нянчу. У меня руки изнылись по малышу. Все из-за моего молодого тела. Оно создано для деторождения и навязывает мне свою волю. Никогда еще оно не выкидывало со мной таких подлых штук.

Слизняк миновал наш балкон, но другой уже полз вниз по стенке.

— Так почему бы не дать согласия? — спросил я. Она повернула ко мне голову.

— Поправьте, если я ошибаюсь, мар оптимист, но не ты ли предупреждал, что это назначение лучше не принимать? Не ты ли долдонил, что меня подставляют? Кабинет все сети обшарил, расследуя, кто за этим стоит. А теперь вот ребенок. Знаешь, какими уязвимыми он делает родителей? Все равно что самому надеть на себя поводок. — Немного расслабившись, она продолжила: — Хорошо, не будем прерывать обсуждение. Допустим, что о моей карьере заботится неизвестный, но могущественный благодетель. Допустим также, что ребенок — это пряник, призванный завоевать мою лояльность. А основной закон жизни, Сэм, гласит, что где пряник, там и кнут.

Я думал почти одинаково с ней, наблюдая за слизнем. Он засек нас и тащился к нам по балкону.

— Не слышу комментариев, — сказала Эл. — Разрешение, между прочим, и на тебя выдано.

— Знаю. Согласиться было бы безумием, и все-таки…

— Все-таки что?

— Ты можешь его представить себе? Махонький такой, под ногами у нас ползать будет, наполовину ты, наполовину я — такой Элсэм или Сэминор.

Она закрыла глаза и улыбнулась.

— Жалкое создание.

— Кстати, о ногах — нас сейчас будут тестировать.

Слизняк, начиненный биотехникой, прикоснулся к ее лодыжке, присосался ненадолго и отвалился. Эл почесала

пальцами другой ноги место взятия анализа. Ее слизни только щекотали, со мной все обстояло иначе. Какой-то нерв напрямую связывает мои лодыжки с членом, и теплый укол-поцелуй слизняка каждый раз невероятно меня заводит. Эл лукаво следила, как ко мне присасывается этот — но сейчас, на закате, в состоянии полного здоровья я, по правде сказать, не нуждался ни в каком слизняке. Мне нужен был только ее взгляд, только эти старые глаза, вставленные, как опалы, в юное тело. Так, должно быть, жили на Олимпе боги Древней Греции. Это и значит быть богом — жить долгие века, сохраняя силу и аппетит молодости. Эл мелодраматически ахнула, глядя, как у меня встает, и повернулась ко мне, целомудренно прикрывая руками лобок и груди. Слизняк отвалился от меня и пополз к стене.

Мы лежали рядом, не прикасаясь пока друг к другу. Совсем одурев от желания, я брякнул:

— Мама.

Она содрогнулась, как от удара, удивленно раскрыв глаза.

— Мама, — повторил я. Она зажмурилась и повернулась на другой бок. Я обнял ее, губами захватил мочку ее уха. Подышал в него, отвел в сторону влажные от пота волосы и прошептал: — Я папа, ты мама. — И еще раз добавил, глядя на ее щеку: — Мама.

— Ох, Сэм. Сумасшедший Сэмсамсон.

— Мама родит папе мальчика.

Ее глаза распахнулись еще шире, возмущенно и весело.

— Или девочку, — быстро добавил я. — Папе на этой стадии выбирать не приходится.

— Интересно, как папа умудрится это провернуть.

— А вот так. — Я перевернул ее на спину, стал целовать и ласкать.

Она относилась ко всему этому с намеренным безразличием. Но я неустанно орудовал языком, навещая давно открытые мною сладкие местечки — я знал, что они будут моими союзниками. Мы, ее тело и я, работали как одна команда. Скоро, с благословения Эл или без, оно ответило мне. Она была готова, я был готов, все сыновья и дочки во мне были готовы, и мы приступили.

Где-то в середине процесса на балкон упала птица, ворона. Сквозь ее плотную антимобическую обертку я различил блестящие черные перья, сломанный клюв, долбящий по балконному полу, быстро испарившееся кровавое пятно. Сама птица тоже на глазах исчезала. Из обертки, испускавшей пронзительный сигнал тревоги, шел пар. *Внимание, Сэм!* — громко сказал мне на ухо Генри. *Внукоровская изоляция в целях безопасности приказывает вам немедленно отойти.*

Нам было не до того, обертка, похоже, со своей работой справлялась, однако мы послушно откатились, живот к животу, как пресловутый зверь с двумя спинами. Между нами и злосчастной птицей возникла перегородка, и мы продолжили свои родительские изыскания.

Позже, когда я принес на подносе обед и два стакана визолы, Эл уже сидела за столиком в белом махровом халате, а от птицы на полу осталась лишь горстка природных элементов — углерод, натрий, кальций и так далее. Птицы довольно часто пролетали сквозь купол, и какой-то микроскопический их процент мог быть инфицирован. Необычным было то, что ворона с положительным анализом, уже заключенная в антимобическую оболочку, достигла нашего балкона в столь узнаваемом виде.

— Это советник Рикерт преследует нас, — хмуро сказала Эл, и мы принужденно засмеялись.

На другой день я ощутил желание поработать. Приют должен был начать рекомбинацию через два дня, и я нервничал. У Эл в гостиной шло заседание СТД.

Я занял под мастерскую свободную спальню. По размерам и прочему она почти соответствовала моей студии в Чикаго. Я попросил портье, строгого реджинальда, прислать мне наверх арбайтора, и тот вынес всю мебель, кроме кресла и тумбочки. Креслу недоставало подушки, чтобы сунуть ее под спину, но в остальном оно годилось для долгих творческих размышлений. Я развернул его лицом к голой внутренней стене, которая, по словам Генри, смотрела на север, поставил рядом тумбочку, принес полный кофейник крепкого кофе с чем-то сладким. Удобно устроился, в общем.

— Ладно, Генри, перенесемся в Чикаго.

Пустая спальня тут же преобразилась в мою студию. Я сидел на 303-м этаже здания Дрекслера, перед моей любимой оконной стеной, выходящей на город и озеро. Небо затягивали грозовые тучи, дождь барабанил в стекло. Гроза лучше всего стимулирует мою творческую активность.

— Генри, переключи сюда чикагские ионодинамики.

Я прихлебывал кофе, смотрел, как бьют молнии в соседние башни, и дышал озоном, чувствуя себя отдохнувшим и полным энергии.

Подготовившись, я повернул кресло обратно. Студия была точно такой же, какой я оставил ее реально несколько месяцев назад. В восточном углу дубовый рабочий стол, высокий, со стеклянной столешницей — можно не нагибаться, когда работаешь. Я простоял за ним много часов лет двадцать —

тридцать назад, когда жил в Чикаго все время. Теперь его занимали разные призы, драгоценные камни с Марса и Юпитера, модель японской пагоды из картона и слюды, коробка с коллекцией старинных ключей, образцы самых удачных моих упаковок и — самая большая древность — каменный кувшин с кистями, похожий на засушенный букет.

Я встал и начал расхаживать, любуясь собранными за всю жизнь сувенирами. Они теснились повсюду — в шкафчиках, на полках и на полу. Шаманский барабан из антилопьей кожи, каминные часы с маятником, которые исправно заводил сервос домпьютера; голографии моих бывших жен и любовниц; стекляшки и обломки дерева, когда-то дарившие мне вдохновение; скамеечка, сделанная из слоновьей ноги. Скорее музей, чем место работы, а я скорее куратор, чем действующий художник.

В углу южной стены стоял поверх трех таких же ящиков оригинальный контейнер Генри.

— Как тебе паста? — спросил я.

— Пока достаточно. Я дам знать, когда понадобится еще.

— Еще? Ничего себе! У тебя столько пасты, что большим городом управлять можно.

— Кабинет Элинор Старк мощнее большого города.

— Ладно, давай работать. — Я вернулся в кресло. Гроза уходила за озеро, окрашивая его в темно-синий цвет. — Что у нас там с яичным проектом?

Генри спроектировал передо мной большое яйцо. Золотой лист, серебряная проволока, драгоценные некогда камни — сделано по образцам, которые изготавливал Фаберже для последних царей династии Романовых, только без миниатюрных портретов или часового механизма внутри. Я задумал эти яйца как упаковку для маленьких дорогих подарков. Получатель должен будет разбить яйцо, а осколки либо соединятся вновь, либо отправятся в рециркулятор.

— Я уже говорил на прошлой неделе и подтверждаю: покупателям это не понравится. Я провел опросы через «Имиташек» и «Э-Плюрибус». — Вокруг яйца появились движущиеся графики. — Позитивный рейтинг не поднимается выше семи процентов, негативный не опускается ниже шестидесяти восьми.

Самые распространенные отзывы — «вульгарно» и «старомодно». Матричный анализ напоминает, что людей не устраивает напоминание о их латентном плодородии. Их возмущает…

— Понял уже, понял. — Я с самого начала знал, что идея не

из блестящих, но мое собственное латентное плодородие ударило мне в голову, и я подумал, что этот архетипический символ обновления другим тоже придется по вкусу. Теперь делать нечего: Генри подтвердил свою изначальную правоту статистическими данными.

У меня, по правде говоря, уже лет пять не было хитовых дизайнов, и я начинал приходить в ужас.

— Просто черная полоса, — сказал Генри, чувствуя мое настроение. — У тебя и раньше бывало так, даже дольше.

— Знаю, но эта хуже всех.

— Ты каждый раз так говоришь.

— Ну тогда развесели меня.

Генри взял мой портфолио и стал показывать увеличенные проекции моих ранних шедевров.

В свое время я получил патенты за самые разные виды упаковки, от архаической бумаги и моментальной кожи до военного камуфляжа и видеокраски. Но больше всего я — как, возможно, и потребитель — любил свои подарочные работы. Самая первая из них, видеобумага, показывала лица любимых (или знаменитостей, за неимением таковых), исполняя одновременно «С днем рожденья тебя» под музыку «Бостон Попс». Она вышла в 2025-м, когда я изучал молекулярную инженерию и Агрессия еще не уничтожила Бостон.

Первым моим профессиональным дизайном стал традиционный проект «коробка в коробке», только мои коробки по мере распаковывания становились не меньше, а больше и могли завалить всю комнату, если вы не произносили случайно нужную команду, то есть одну из вариаций слова «стоп»: «эй, хватит, кончай» и пр. Годилось также «помогите, спасите, я задыхаюсь, уберите от меня эту пакость».

Следом появилась бумага, оравшая, когда ее резали. От нее я шагнул к другой, имитировавшей человеческую кожу. Она облегала подарок без всяких швов, могла храниться четырнадцать дней, имела пупок. Выпускалась она во всех цветах и оттенках.

Чтобы открыть подарок, ее опять-таки приходилось резать, и она, естественно, кровоточила. Раскупали эту жуть нарасхват.

Живая кожа привела меня к новой неувядаемой идее, популярной до сих пор, — апельсиновой кожуре. Она тоже облегала любую форму без швов и тоже с пупком. Совершенно реальная биологически кожура. При чистке она брызгалась соком и восхитительно пахла.

Эти изделия мне и демонстрировал сейчас Генри. Собственные достижения, должен признаться, вскружили мне голову. Я упивался ими. Они наполняли меня

самовлюбленностью.

Хорош я все-таки, чертовски хорош! Весь мир это знает.

Но даже лошадиная доза самохвальства не помогла мне придумать что-нибудь новенькое. Я передал через Генри, чтобы кухня приготовила мне новую порцию кофе и ленч.

По дороге на кухню я прошел мимо гостиной. У Элинор были свои трудности. Гостиная, даже с работающими на полную мощность голосерверами, кишела народом, и дюжина комнат в ней накладывались одна на другую. Чиновники, особенно крупные, любят отправляться на совещание вместе с собственным офисом. Столы, лампы и стулья склеились в настоящее месиво. Стены пересекались под дикими углами, как пьяные. Окна показывали виды Нью-Йорка, Лондона, Вашингтона, Москвы (другие я просто не узнавал) в разную погоду и разное время суток. Люди, знакомые мне по выпускам новостей, сидели за своими столами или проходили сквозь стены и мебель, общаясь друг с другом и с Кабинетом.

Так по крайней мере это виделось мне, стоящему в коридоре вне зоны действия комнатных передатчиков. Изнутри это вполне могло выглядеть как заседание Сената. Я долго стоял там, оставаясь невидимым для камер, пока Эл меня не заметила.

— Спроси ее, Генри, — сказал я тогда, — сколько из них присутствует здесь реально. — Элинор подняла палец — один — и показала на себя.

Я улыбнулся: только она и могла меня видеть. Забрал на кухне еду и вернулся в студию. Начать по-прежнему не получалось, и я затребовал у Генри почту. После нашей вчерашней деловой встречи он ответил более чем на пятьсот сообщений. Четыре пятых входящей корреспонденции относилось к ребенку. Нас — вместе с ним — приглашали на все известные ток-шоу, во все журналы. Антитранссубстанционная Лига угрожала нам судебным процессом, несколько анонимов — насилием (впоследствии шеф охраны Эл выследит их, а юрист предъявит им обвинение). Около сотни сравнительно безобидных заявляли, что желают побывать у нас, реально или голографически, во время сна, купания и кормления. Вдвое столько же обвиняли нас в жульничестве. Трое мужчин и одна женщина по имени Сэм Харджер утверждали, что их разрешение по ошибке попало ко мне. Предсказание доктора Армбрастер сбывалось, не успела еще начаться конверсия.

Я убил на это час, но вдохновения так и не дождался и решил плюнуть. Приняв душ и побрившись, я встал голышом у входа в гостиную. Эл с ухмылкой показала пять пальцев — пять минут — и вернулась к своему совещанию.

Я удалился в спальню, куда она пришла ко мне на обеденный перерыв. Занимаясь с ней любовью в тот день и в следующий, я позволял себе фантазировать, но ей об этом не говорил. Я представлял ее беременной на старый лад, с большим твердым животом. Представлял, что мы, совершая свои движения, даем нашему ребенку первый урок человеческой любви.

В четверг, день начала конверсии, мы не спеша завтракали на террасе блумингтонского отеля «Четыре угла». Под нашим островком металлических столиков и ярких полосатых тентов струился поток прохожих, в основном студентов и служащих. Ясный день обещал к полудню стать жарким. Свежий ветерок норовил упорхнуть с нашими меню. Кухня «Четырех углов», особенно десерты, в Блумингтоне считалась лучшей. Их кондитер мар Дюву имел репутацию преобразователя классики. В то утро мы пили кофе и наслаждались (в основном я) клубничным пирожным со взбитыми сливками. Весь завтрак — клубника, пшеничная мука, сахар, кофейные бобы — был получен естественным путем, а не синтезирован, и любовно приготовлен человеческими руками. Обслуживали нас стивы, чутко улавливающие любое желание. До нелепости длинные, они сгибались чуть ли не вдвое, чтобы принять заказ.

Мы позвонили доктору Армбрастер. Она, вместе со столом, возникла в миниатюре напротив моей тарелки.

— Так что же, приступаем? — спросила она, разгадав выражение наших лиц.

— Да, — сказал я.

— Да, — сказала Элинор и взяла меня за руку.

— Поздравляю вас обоих. Вы одна из счастливейших в мире пар. Мы и без нее это знали.

— Свойства? Усовершенствования? — спросила доктор. Мы уже рассмотрели вопрос и решили, что соединять наши гены в новую индивидуальность будут природа и случай, а не геноинженер, пусть даже с наилучшими намерениями.

— Свойства какие получатся, — ответили мы, — плюс пяток обычных альфа-усовершенствований.

— Значит, пол остается прежним. Я взглянул на Элинор.

— Да, мальчик, — сказала она. — Думаю, оно хочет быть мальчиком.

— Мальчик так мальчик. Сейчас передам все в лабораторию. Рекомбинация займет около трех часов. Я буду вести мониторинг и держать вас в курсе. Работа над заготовкой начнется примерно в полдень. Через неделю можете приехать и забрать… вашего сына. Нам бы хотелось отпраздновать день его рождения, но вы

сами решайте, приглашать медиа или нет. Я свяжусь с вами через час — и еще раз примите мои поздравления.

Слишком взволнованные, чтобы чем-то заняться, мы ели пирожное и пили кофе, иногда перебрасываясь парой ничего не значащих слов. Потом перед нами опять вырос маленький стол, а за ним доктор Армбрастер.

— Рекомбинация на две трети завершена и проходит без осложнений. Органический интеллект по Пернеллу на этом этапе показывает 3,93 — очень впечатляюще, но вы, думаю, не удивитесь. У мальчика сейчас подбородок, глаза и костно-мышечное строение Сэма, а волосы, нос и брови как у Элинор.

— Боюсь, мои брови — доминантная черта, — сказала Элинор.

— Видимо, так, — подтвердила доктор.

— Я без ума от твоих бровей, — сказал я.

— А я от твоей костно-мышечной системы.

В течение следующего часа доктор Армбрастер информировала нас еще два раза. Я заказал бутылку замороженного шампанского. Другие столики поднимали за нас тосты кофейными чашками и визолой. Я был слегка навеселе, когда мы собрались уходить. Колючий поцелуй слизняка, присосавшегося к лодыжке, вызвал у меня раздражение, но я решил, что дам ему закончить тестирование, прежде чем начну пробираться к выходу. Слизняк прилип ко мне на необычайно долгое время.

— Ну, чего ты там? — засмеялась Элинор. — Наклюкался, да?

— Слизняк. Почти закончил уже. — Но он, вместо того чтобы отвалиться, вытянулся в длину и захватил петлей обе мои лодыжки. Я, уже двинувшись было за Элинор, упал, опрокинул столик, стукнулся головой о каменный пол. Слизняк, продолжая растягиваться, липким саваном окутывал тело. Он накрыл мне лицо, смазав столики, тенты и разбегающихся в ужасе посетителей. Дышать стало трудно. Лицо Элинор возникло надо мной и пропало, хотя я по мере сил звал на помощь. Я пытался сесть, пытался ползти, но тугие пути, прижавшие руки к бокам, не пускали меня.

Сэм, меня тестируют, сказал Генри.

Со мной делали то же самое. Антимоб просачивался сквозь поры, разливался под кожей, проникал в кровь, занимал каждую клетку моего тела. Я чувствовал это как горячий дым, пронизывающий меня насквозь и обжигающий изнутри.

Мой несчастный желудок, переполненный клубникой с шампанским, выстрелил наружу розовым гейзером. Рвота стекла по подбородку и прикипела к груди.

Я метался по полу, переворачивая другие столы. Битое стекло впивалось в меня, но не могло прорезать тонкую пленку.

Фернандо Боа, сказал кто-то по-испански голосом Генри. *Вы арестованы за побег от властей штата Оахака. Сдавайтесь. Любая попытка бегства приведет к немедленной казни.*

— Не Боа, — выдавил я. — Харджер! Самсон Харджер!

Я зажмурился, но антимоб уже просачивался сквозь веки и растекался по сетчатке, тестируя ее. Перед глазами полыхнули белые вспышки, рев урагана наполнил голову.

Оказать им сопротивление? — крикнул Генри. *Я думаю, следует!*

— Нет! — заорал я.

Настоящие мучения начались, когда антимоб приступил к проверке нервных клеток всего организма. Каждое мышечное волокно, каждый кровеносный сосуд, каждая волосяная луковичка, суставы и внутренности загорелись одновременно. Мозг дребезжал в черепной коробке, кишки лезли наружу. Я невнятно молил о пощаде.

Внезапно конвульсии прекратились. Триллионы работающих во мне двигателей разом перестали работать.

Я могу, сказал Генри. *Я знаю как.*

— Нет, Генри!

Изоляционная обертка замерцала и осыпалась с меня, точно пыль. Я снова мог пользоваться дневным светом и воздухом, весь перепачканный, обожженный, распухший, однако целый. Лежа один на поле брани среди перевернутых тентов, я бы охотно уполз отсюда, но слизняк по-прежнему сковывал мои ноги.

— Зря ты, Генри, — прохрипел я. — Им это совсем не понравится.

Нейронный шторм без всякого предупреждения снова обрушился на меня, еще хуже, чем раньше. Из слизняка полез новый саван — он сдавливал ноги, как тюбик с краской, кости трещали.

— Пожалуйста, отпустите меня! — взмолился я.

Не теряя сознания, я очутился как бы в другой комнате. Шторм теперь бушевал где-то за стеной. В комнате был еще один человек, смутно мне знакомый, — мускулистый, среднего роста, с желтыми, тронутыми сединой волосами, с невыразимо теплой улыбкой на простецком круглом лице.

— Не беспокойся, — сказал он о буре за стенкой, — это пройдет.

Голос у него был как у Генри.

— Надо было слушаться меня, Генри, — нахмурился я. — У

кого это ты набрался непослушания?

— Я, конечно, невелика птица, — сказал он. — Всего лишь конструкция, не живое существо. Но все равно, я хочу сказать, что очень рад был с тобой познакомиться.

Очнулся я, лежа на боку. Подо мной была больничная каталка, вокруг — облицованные кафелем стены. Под щеку натекла какая-то прозрачная жидкость. Каждая клетка во мне болела. Парень в форме внукоровца, джерри, угрюмо смотрел на меня. Я сел, меня затошнило, голова закружилась, джерри протянул мне смену чистой одежды — не моей.

— Что сс мной тккое? — Язык и губы увеличились вдвое против прежнего.

— С вами произошел несчастный случай.

— Нещассный случчй?

— Замолчите и одевайтесь. — Джерри сунул одежду мне в руки, вернулся на свой пост у двери и смотрел оттуда, как я вожусь. Распухшие ноги с трудом пролезли в штаны, руки тряслись и ничего не держали. Я совершенно обессилел, но все-таки чувствовал себя много лучше, чем некоторое время назад.

Когда я — через несколько часов по моим ощущениям — наконец оделся, джерри сказал:

— Вас хочет видеть капитан.

Я потащился за ним по пустым кафельным коридорам в маленький кабинет, где сидел красивый молодой расс в чистенькой голубой форме.

— Распишитесь здесь, — подсунул он мне табличку. — Это условия вашего освобождения.

Прочти это, Генри, глоттировал я неповоротливым языком. Генри не отозвался, и меня охватила паника. В следующую секунду я вспомнил, что клеточные процессоры, связывающие меня с контейнером Генри в Чикаго, скорее всего уничтожены, и попытался прочесть документ самостоятельно. Там было полно всякой канцелярщины, но я все-таки сообразил, что, подписывая это, снимаю с Внутреннего Корпуса всякую ответственность за то, что они здесь со мной делали.

— Я не буду подписывать, — сказал я.

— Как угодно. — Капитан забрал у меня табличку. — Вы освобождаетесь из-под стражи, но только условно. О деталях можете спросить у него. — Он показал на ремень выданных мне штанов.

Я задрал рубашку и посмотрел. Раньше я даже не заметил, что в ремень что-то вшито, до того мал был этот прибор. Его выходы замаскировали под заклепки.

— Проводите мар Харджера, сержант, — приказал капитан.

— Вот так просто? — сказал я.

— А вы что думали, вам здесь приз дадут?

* * *

На улице было темно. Я спросил пояс, который час, и он ответил безжизненным, бесполым голосом:

— Девятнадцать сорок пять по местному времени. Стало быть, я пробыл без сознания — и под арестом — часов семь. Повинуясь инстинкту, я попросил назвать дату.

— Пятница, 4 апреля 2092 года.

Пятница. Я пробыл в отключке сутки плюс еще семь часов.

Прямо рядом с легавкой, само собой, была станция Слипстрима. Мне посчастливилось найти отдельную кабину. Я опустил свое измученное тело в мягкое кресло. С Элинор через новый пояс я не хотел связываться и велел доставить меня домой.

— Адрес, пожалуйста, — сказал пояс.

— Башня Уильямса, дурак, — рявкнул я.

— Город и штат, пожалуйста.

Я слишком устал, чтобы с ним препираться.

— Блумингтон!

— Блумингтон в Калифорнии, Айдахо, Иллинойсе, Индиане, Айове, Канзасе, Кентукки, Мэриленде, Миннесоте, Небраске, Нью-Йорке…

— Стой! Погоди! Где я сейчас, мать твою?

— Это Западный региональный отдел Внутреннего Корпуса, Прово, штат Юта.

Как мне недоставало моего Генри. Он бы мигом отвез меня домой. Он бы обо мне позаботился.

— Блумингтон в Индиане, — промямлил я.

Двери закрылись, путевые огни зажглись, кабина поехала к пусковому пандусу. Миновав местную сеть, мы спустились ниже, к внутриконтинентальным трубам.

— Поездка до башни Уильямса в Блумингтоне, штат Индиана, займет один час пятьдесят пять минут, — сообщил пояс. Кабину запустили в Слипстрим, меня прижало к сиденью. Генри знал бы, как мне паршиво, и направил бы кабину к длинному пандусу. Хорошо, что в квартире у меня есть запасной Генри-пояс и наша разлука будет недолгой. А через пару недель, когда мне станет получше, я восстановлю органическую связь с ним.

Я хотел поспать, но меня тошнило, голова шла кругом, и глаза приходилось держать открытыми.

После десяти вечера я прибыл под башню Уильямса. Жильцы и их гости, запрудившие станцию, таращились на меня — мой арест для них определенно не был секретом. Они должны были видеть в сети, как это произошло. Знали, как я струхнул, когда саван полз по мне вверх.

Я быстро пошел к лифтам, глядя прямо перед собой, снова занял пустую кабину и почувствовал облегчение, когда двери закрылись. Но что-то было не так: лифт не трогался с места.

— Назовите этаж, пожалуйста, — проблеял пояс.

— А чтоб тебя! — заорал я. — Мать твою так-разэдак! Вызови Генри, мою систему в Чикаго! Подключи его ко всем твоим долбаным функциям, слышишь?

— Разумеется, мар. Какой у Генри код доступа?

— Код? — Я не знал его кода. Последние восемьдесят лет все пароли, годовщины, дни рождения и тому подобное держал в памяти Генри. — Короче, вези меня наверх. Останавливайся на каждом этаже выше двухсотого. Нет, стой! Открой двери! — Мне вдруг приспичило отлить. Я не надеялся, что дотерплю до квартиры, особенно в скоростном лифте.

У лифтов собралась очередь, и люди наверняка слышали, как я ору. Я растолкал их, потный, с приклеенной к лицу улыбкой, и ринулся в общественный туалет.

Но когда я добежал до писсуара, у меня ничего не вышло. Мне казалось, что я сейчас лопну. Я стал глубоко дышать, чтобы успокоиться. Когда из меня все-таки полилось, то конца этому не было. Сколько, собственно, литров помещается в пузыре? Моча была вязкой, мутной, с тусклым металлическим блеском, точно к ней подмешали алюминиевый порошок. Тому, что Внукор закачал в меня, предстояло выходить наружу несколько суток. Слава богу, хоть крови не видно. Однако я чувствовал жжение, а как только вымыл руки, мне захотелось опять.

На моем этаже пояс не смог открыть дверь квартиры — пришлось просить, чтобы она впустила меня. Дверь меня не узнала, но Кабинет разрешил ей открыться. В квартире разило дезинфекцией. Я заглядывал во все комнаты и звал Элинор. Мне только сейчас пришло в голову, что ее может не оказаться дома.

— Я тут, — отозвалась она.

Идя на голос, я повернул в гостиную, но вместо Элинор на диване сидел ее пожилой стерильный двойник, директриса Кабинета. По бокам от нее расположились юристка в черном костюме и шеф охраны с всегдашней зубастой улыбкой.

— Это что еще за хреново заседание Кабинета? — осведомился я. — Где Элинор?

— Присядьте, пожалуйста, Сэм. — Директриса по-деловому

указала мне кресло напротив. — Нам нужно многое обсудить.

— Обсудите это между собой. Где Элинор? — Теперь я был уверен, что она сбежала. Как улепетнула из кафе, так до сих пор и не остановилась — а трех своих приспешников оставила здесь, чтобы они сообщили мне эту новость.

— Элинор у себя в спальне, но она…

Я, не слушая, затрусил по коридору и нашел спальню запертой.

— Дверь, откройся!

— Доступ возможен только для жильцов этой квартиры, — монотонно ответила дверь.

— Я и есть жилец, идиотка. — Я грохнул по ней кулаком. — Элинор, открой! Это я, Сэм!

Не дождавшись ответа, я вернулся в гостиную.

— Какого хрена здесь происходит?

— Сэм, — сказала директриса, — Элинор увидится с вами через несколько минут, но не раньше, чем…

— Элинор! — заорал я, поворачиваясь поочередно ко всем камерам гостиной. — Я знаю, ты меня видишь. Выходи, поговорить надо. Мне нужна ты, а не эти куклы.

— Сэм, — ответила она сзади. Нет, не она. Меня опять обмануло их сходство. Директриса сложила руки, как сердитая Эл, и сдвинула брови. Я подумал, уж не проецирует ли Эл себя через нее, так все было похоже. — Возьми себя, пожалуйста, в руки и сядь. Поговорим о том, что с тобой случилось.

Последние слова она произнесла примирительным тоном, но я на него не клюнул.

— Случилось? Вот, значит, как это у нас называется? Скажу тебе так: никакой это не случай, а самое настоящее нападение. Насилие!

— Извините, — подала голос юристка, — но выражение «несчастный случай» мы используем как юридический термин. Согласно предварительной договоренности обеих сторон…

Я повернулся и вышел — опять в туалет. Он, к счастью, впустил меня сразу. Я знал, что веду себя плохо, но ничего не мог поделать с собой. С одной стороны, я был благодарен, что Элинор еще здесь, что она не ушла от меня. С другой, меня одолевали злость и обида. Мне хотелось одного: обнять ее, и чтобы она тоже меня обняла. Сейчас я нуждался в этом больше, чем за всю мою взрослую жизнь. Я не желал тратить время на голиков. Хотя и ее можно было понять. Она сильно напугана. Думает, может быть, что я заражен, а я ничего не сделал, чтобы ее успокоить. Надо и вправду взять себя в руки.

Жжение в уретре сделалось еще сильнее, во рту пересохло. Я

набрал из крана воды и стал пить стакан за стаканом, удивляясь собственной жажде. Потом умылся. Холодная вода подействовала так приятно, что я сорвал с себя внукоровскую одежду и стал под душ. Это оживило меня, подкрепило. Я не захотел одеваться опять, обмотался полотенцем и пошел в свою спальню. Там меня встретило полное запустение. Ни мебели, ни ковров, даже краску со стен ободрали. Я вернулся в гостиную и велел голикам передать Элинор, чтобы дала мне что-нибудь надеть. Пообещал, что не стану врываться к ней, когда она откроет дверь спальни.

— Вся ваша одежда конфискована Внутренним Корпусом, — сообщила директриса, — но Фред принесет вам что-нибудь из своего.

Не успел я спросить, кто такой Фред, из запасной спальни, которую я использовал для перелетов в Чикаго, вышел здоровенный мужик, расс. В коричнево-синем скафе, с коричневым купальным халатом на руке. Копия своего клон-брата там, в Юте — во всем, кроме формы.

— Это Фред, — представила директриса. — Его назначили…

— Чего? — завопил я. — Эл боится, что я передушу ее голиков? Выломаю ее дверь?

— Ничего подобного Элинор не думает. Фред назначен Советом Трех Дисциплин.

— Мне он здесь не нужен. Отправьте его обратно. Уходи, Фред.

Расс невозмутимо протянул мне халат.

— Боюсь, что Фред будет служить у нас, пока Элинор занимает пост советника, — ответила директриса. — Ни от нее, ни от вас это не зависит.

— Только мне на глаза не попадайся, — бросил я, пролетев мимо расса в ванную. Там в шкафу нашелся халат Элинор. Тесноват, но ладно, сойдет.

В гостиной я плюхнулся в кресло лицом к Кабинету.

— Ну, сел. Чего надо-то?

— Уже лучше. — Директриса откинулась назад и расслабилась, точь-в-точь Эл. — Для начала позвольте проинформировать вас о событиях на данный момент.

— Непременно проинформируйте. Директриса предоставила слово юристке.

— Вчера утром, в четверг, третьего апреля, — начала та, — ровно в 10.47 по местному времени, вы, Самсон П. Харджер, находясь в кафе «Четыре угла», Блумингтон, Индиана, были протестированы анализатором Внутреннего Корпуса, модель 890 АЛ. Анализатор обнаружил несоответствие с постановлениями Внутреннего Корпуса от 2014, 2064 и 2087 годов. Последовавшие

за этим процедуры…

— Человеческим языком, пожалуйста, — попросил я.

— Вас протестировал слизняк, мар Харджер, — пояснил мужественным баритоном начальник охраны. — Анализ был плохой, и вас замели.

— За что? Что у меня было не так?

— Да много всего. Вас зашкалило по всем показателям. Неодинаковая ДНК в десяти взятых для анализа кожных клетках. Какая-то МОБИ, обнаруженная в крови. Гены-маркеры, не соответствующие записи в Национальном Регистре. Зато с данными известного террориста, находящегося в розыске, вы совпали тютелька в тютельку. И с данными человека, умершего двадцать три года назад.

— Это же просто смешно! Как мог слизняк засечь все это за один раз?

— Внукор тоже хотел это знать. Поэтому вас разобрали на части.

— Чего?

— Любой из названных факторов давал им право на это. Разбираться с чувством с толком у них терпения не хватило, вот они и накачали в вас столько всякого, что бассейн можно наполнить.

— Что, совсем…

— Все ваши биологические функции были прерваны. Три минуты вы официально считались мертвым.

Я не сразу переварил это.

— И что же они нашли?

— Ничего. Шиш. Nada.[1] Клеточный обзор показал нормальную картину. Более того: арестовавший вас слизняк не смог повторить первоначальные результаты, и ни один другой слизняк тоже.

— Значит, тестировавший меня слизняк был неисправен?

— Мы вынудили их это признать, — вставила юристка.

— То есть меня собрали опять и выпустили? Все в порядке?

— Не совсем, — снова взял слово начальник охраны. — Слизняки этой модели никогда еще не давали ложных показаний. Ваш, по словам сотрудников Внукора, первый. Сознаваться, что вас арестовали ошибочно, им, естественно, не хотелось. И потом, вы задерживались еще по одному серьезному обвинению.

— По какому?

— Необъяснимая аномалия в первоначальном анализе, — сказала юристка.

— Необъяснимая аномалия? Это что, преступление?

Я извинился и снова посетил туалет. Еле донес. Жжения я на

этот раз не почувствовал, но струя шипела, и от нее шел пар. Я ужасался, глядя на это.

— Что они со мной сделали?!! — заорал я, вернувшись к трем голикам.

— Вас прижгли, мар Харджер, — сказал шеф охраны.

— Прижгли? Что это значит?

— Это предохранительная процедура. Каждую вашу клетку снабдили охранным микроагентом. При любой попытке насильственного вмешательства или изменения генетического кода клетка самоуничтожается. Попробуйте сами: почешите себе руку.

Я закатал рукав и сделал, как он сказал. Чешуйки кожи посыпались на пол, вспыхивая на лету, как крошечные петарды.

— Таким же образом будет уничтожаться каждая клетка, погибающая естественным путем, — продолжила директриса. — Когда вы умрете, ваше тело будет гореть долго и медленно.

Я прирос к месту.

— К сожалению, это еще не все, — сказала она. — Присядьте, пожалуйста.

Я сел, так и держа перед собой вытянутую руку. Капли пота падали с подбородка и испарялись.

— Элинор сочла за лучшее сказать вам все сразу. Новости не из приятных, так что держитесь.

Я приготовился.

— Знаете, они очень не хотели вас отпускать. Ведь всех своих гражданских прав вы лишились. Не будь вы супругом советника Трех Дисциплин, вы бы просто исчезли. Они уже начали процесс ликвидации всех следов вашей ДНК. Конфисковали все записи о вашем геноме из Национального Регистра, клиник омоложения и так далее. Забрали из этой квартиры каждую микрочастицу волос, слюны, слизи, кожи, ногтей, крови, половых выделений — словом, всё. Даже в трубы залезли, чтобы выловить застрявшие волосы. И в Элинор, чтобы удалить вашу сперму. Прочесали коридоры, лифты, вестибюль, столовую, бельевую, прачечную. Постарались на совесть. Таким же образом очистили Национальный Приют, дом в Коннектикуте, бунгало и клинику на Косумеле, гостиничный номер на Луне, шаттл и все прочие помещения СШСА, где вы с Элинор бывали.

— Чикагскую студию тоже?

— Конечно.

— Генри?

— Его больше нет.

— Вы хотите сказать, его изолировали? Чтобы допросить, да?

— Он уничтожен за сопротивление властям, — сказал шеф

охраны. — Будь здоров сопротивлялся, надо сказать. Но против Внукора ни одна гражданская конструкция не устоит. Даже мы.

Я не верил, что Генри погиб. У него было столько тайных укрытий. Он мог сейчас затаиться в полудюжине мест Солнечной системы. Я подумал об этом, и в голову мне пришла еще одна мысль.

— А наш сын?

— Когда произошел несчастный случай, — сказал шеф, — ваш с Элинор рекомбинант еще не ввели в заготовку. Если бы ввели, Внукор и ее разобрал бы. Элинор предотвратила процедуру в последний момент и переделала все генетические записи.

Я попробовал в этом разобраться. Мой сын умер — вернее, так и не был зачат. Но Эл по крайней мере спасла заготовку. Можно начать все сызнова — или нет? Меня ведь прижгли! Все мои клетки заперты на замок, а записи моего генома конфискованы Внукором.

— Однако заготовку уже вывели из стазиса и признали жизнеспособной, — продолжала юристка. — Если бы ей позволили развиваться по оригинальной программе или снова вернули в стазис, ее изготовители — оригинальные родители — могли бы предъявить иск. Поэтому Элинор все же произвела инъекцию. В данный момент заготовка проходит конверсию.

— Инъекцию? Какую инъекцию? Эл что, клонировала себя?

— Боже сохрани, — опешила директриса. — В рекомбинант вошли ее гены и гены нескольких ее прежних партнеров.

— Без моего разрешения?

— Вы в то время были мертвы.

— Я был мертв только три минуты! Я еще подлежал спасению!

— Живой вы считались бы террористом, и разрешение на репродукцию было бы аннулировано.

Я закрыл глаза.

— Ну, что еще новенького? — Ответа не было. — Хорошо, подведем итог. Я прижжен, все мои клетки опечатаны. Репродукция для меня невозможна — и омоложение тоже, так? — Кабинет молчал. — Значит, мне остается прожить… лет сорок, и все? Прекрасно. Моего сына растащили на составные элементы еще до зачатия. Генри, возможно, ушел навсегда. Моя жена, то есть вдова, ждет ребенка от другого мужчины, то есть мужчин.

— Как мужчин, так и женщин, — уточнила директриса.

— Главное, что не от меня. Сколько времени они на это потратили?

— Около двадцати минут.

— Хлопотливые, однако, минутки.

— По нашим критериям это продолжительный период, — сказала юристка. — Переговоры сторон по вашему делу заняли первые пять секунд вашей кончины.

— Вы хотите сказать, что Элинор успела сориентироваться и провернуть это дело со сборным партнером за пять секунд?

— У Элинор есть запасной план на случай любой угрозы, которую мы способны себе представить. Готовиться к худшему всегда полезно, мар Харджер.

Я утратил дар речи. Выходит, Эл все время, проведенное нами вместе, строила подобные планы? Чудовищно!

— Позвольте обратить ваше внимание на то, что Элинор защищала вас, — сказала директриса. — Немногие, думаю, пошли бы на такой риск ради брачного партнера. И только человек, занимающий ее пост, мог провести защиту успешно. Внутренний Корпус, знаете ли, на звонки отвечать не обязан. О деталях своего освобождения вы позднее сможете узнать у юриста, я же скажу вкратце. Исходя из дикости поставленного вам диагноза, ничем впоследствии не подтвержденного, мы пришли к выводу, что причина инцидента — не МОБИ нового образца, проникшая в ваш организм, а дефект слизня-анализатора. Далее, поскольку систем без сбоев в мире еще не бывало, мы предположили, что в архивах Внукора имеются записи о других случаях такого же рода. Элинор пригрозила им возбудить гражданский процесс и обнародовать эти файлы. Это стоило бы ей поста, карьеры, а возможно, и жизни. Но Внутренний Корпус поверил, что она настроена идти до конца, и уступил. Они согласились оживить вас и освободили условно. Постановление, с которым, как мы видим, вы еще не знакомы, заложено в вашей поясной служебной системе. Основной его пункт — прижигание. Оно снимает любую опасность в том случае, если вы все-таки стали жертвой неопознанной МОБИ. Подчеркиваю, что это была уступка с их стороны. Согласно общедоступным файлам, вы первый обожженный, которого выпустили из карантинного центра в Юте. Мы в свою очередь, демонстрируя добрую волю, назвали все убежища Генри.

— Что? — Я вскочил с места. — Вы сдали им Генри?

— Сядьте, мар Харджер, — сказал шеф охраны.

Я, не слушая его, метался по комнате. Вот, значит, как. Вот в каком мире мы живем.

— Поймите же, Сэм, — сказала директриса, — они бы все равно его вычислили. Какими бы умными мы ни считали себя, все тайное рано или поздно становится явным.

Я хотел ей ответить, но она вместе со своими коллегами уже растаяла в воздухе. Расс Фред, торчавший как дурак в коридоре,

откашлялся и сказал:

— Советник Старк желает вас видеть.

1.2

Прошло восемь долгих месяцев после моего нежданного визита в легавку. Достаточно времени, чтобы поразмыслить о своей горькой судьбе.

Вскоре после того происшествия мы с Элинор переехали в наш новый дом в окрестностях Блумингтона. Усадьба просторная — тут у нас амбары, конюшни, большой парк, груши, теннисные корты, бассейн и дюжина слуг-итерантов, включая и Фреда. Здесь по-настоящему красиво, и все наши восемьдесят акров накрывает собственный купол. Он расположен внутри блумингтонского, но от него не зависит. Такой пузырь в пузыре. Самое место, чтобы растить ребенка советника Трех Дисциплин.

Главное здание построено из местного известняка еще в прошлом веке. Элинор и я мечтали о таком доме. Но теперь, когда мы живем здесь, я почти все время просиживаю в подвале, потому что солнце вредно для моей обожженной кожи. Есть много и с удовольствием я теперь тоже не могу. Мне легко повредить себя как снаружи, так и внутри. По ночам я сплю плохо, а через час после подъема все суставы уже начинают ныть. Я потерял обоняние и стал туговат на ухо. Во рту постоянный привкус меди, в черепе тупая пульсация. Когда ложусь спать, тошнит, встаю — снова тошнит. Доктор говорит, что со временем, когда организм привыкнет, мне станет лучше, но здоровье мое теперь целиком зависит от меня. Молекулярные гомеостаты больше не будут полировать мои клетки, о мышечных тонировщиках и ингибиторах жира тоже придется забыть. Не посещать мне больше молодильную клинику, где исправляют возрастные дефекты, скоро я начну понемногу грузнеть, слабеть, лысеть — стареть, одним словом. Дату смерти от меня отдаляют уже не тысячи лет, а десятки. Это не должно было стать для меня таким уж шоком — ведь во времена, когда я родился, все люди так жили. Да, но с тех пор все человечество погрузилось на лайнер и отплыло к берегам бессмертия, бесцеремонно выкинув за борт меня.

Поэтому я сижу в своем темном сыром подвале, покрываюсь мучнистой бледностью, прибавляю в весе (двадцать фунтов уже), выдергиваю волоски из бровей и смотрю, как они сгорают.

Я не дуюсь и, уж конечно, не предаюсь жалости к себе, как говорит Элинор. Я размышляю. Нам, художникам, это свойственно — размышлять. Другие, более активные личности видят в этом эгоизм, одержимость, даже нарциссизм, поэтому мы предпочитаем размышлять в одиночестве.

Размышляю я, однако, не об искусстве или упаковочном дизайне. С дизайном я распростился навсегда, точно знаю. Непонятно пока, чем я буду заниматься в дальнейшем, но эта глава моей жизни окончена. Мне это нравилось, я достиг в этой области вершин мастерства, но теперь все.

Я размышляю об участи, которая выпала на мою долю. Интуиция подсказывает: если я осознаю это в полном объеме, то пойму и то, как жить дальше. Я выдергиваю из брови еще один волосок. Крошечный корневой пузырек вспыхивает, как стародавняя спичка — искорка света в моей пещере. «Генри», — шепчу я, как будто загадываю желание. Волосок шипит, сгорает, обжигает мне пальцы, и я поневоле бросаю его. У меня уже все пальцы обгорели от этой игры.

Я страшно скучаю по Генри. Мне кажется, что вместе с ним от моего мозга отхватили приличный ломоть. Я не знал, как глубоко он вошел в мою психику, не знал, где кончаются мои мысли и начинаются его. Теперь, когда я задаю себе какой-то вопрос, никто мне не отвечает.

Зачем он это сделал, с чего ему вдруг взбрело оказать Внукору сопротивление? Разве машинный интеллект может быть задиристым? А вдруг он сознательно пожертвовал собой ради меня? Вообразил, что этим поможет мне бежать? Или решил защитить нашу неприкосновенность единственным доступным ему способом — уничтожив себя? Живой архив моей жизни погиб, зато не попал в любящие руки Внукора.

Моя малая смерть стала причиной других головных болей. Мой брак распался, имущество под арестом. Счета, привилегии, членство в различных обществах — все недействительно. Весть о моей смерти разнеслась по свету мгновенно, тысячи банков данных записали меня в покойники, а этот статус отмене не подлежит. В тот же день во всех сетях вышли автонекрологи с кадрами расправы, учиненной надо мной в «Четырех углах». Во всех базах значатся даты как рождения, так и смерти. (Интересно, что ни один некролог, ни одна биосводка не упоминают о моем прижигании.) Мой голос и моя сетчатка, когда я пытаюсь ими воспользоваться, поднимают тревогу. Юристка из Кабинета сумела восстановить большинство моих главных счетов, но факт моей кончины слишком глубоко впечатался в мировые информационные сети, чтобы изгладить его полностью. Юристка вообще-то предложила для моей новой служебной системы программу, чтобы вносить исправления постоянно. Она и весь прочий Кабинет выражают готовность заняться образованием моего пояса, как только я вставлю в него личностную капсулу. Капсула определенно понадобится, если я решусь вылезти из

подвала, но я пока еще не готов завести себе нового друга.

Я выдергиваю еще один волосок и говорю при его огоньке: «Эллен».

Мы живем здесь как в крепости. Элинор говорит, что мы можем пережить любую атаку: МОБИ, биологическую, химическую, обыкновенную или ядерную. Ей хорошо в поместье. Здесь она отдыхает после долгого трудового дня, радуется собственному клочку планеты Земля, лелеет свою крошку Эллен. Все положенные инстинкты восприяли в Эл и без помощи материнской смеси. Она без ума от своего материнства. Эллен не покидает ее мыслей. Будь ее воля, Эл все время проводила бы в детской реально, но долг советника отзывает ее из дома. Поэтому она запрограммировала в реальном времени голограмму Эллен и всегда держит ее в периферическом поле зрения — изображение доступно одной только ей. Бесконечные совещания и неизбежные деловые обеды больше не занимают ее внимания целиком, а время в тубусной кабине при переездах из города в город не пропадает впустую. Она тайно следит за тем, как дженни кормят и купают ребенка, как возят в колясочке вокруг рыбного пруда. И постоянно дает дженни указания, поправляет, не давая им занять слишком большого места в сердце малютки. Дженни у нее четверо. Без приколотых к униформе табличек я не отличил бы одну от другой. Они сменяются попарно через двенадцать часов, передавая ребенка, как эстафетную палочку.

У меня, похоже, есть своя свита, контингент из четырех рассов: Фред Лонденстейн, с которым я познакомился в день моей малой смерти, и еще трое. Я здесь не узник, и в их обязанности входит охрана поместья, советника Старк и ребенка, а не слежка за мной — но я заметил, что один всегда держится где-нибудь в пределах видимости, особенно если я приближаюсь к детской. Это со мной не часто случается. Эллен — красивый ребенок, но я не имею желания с ней возиться, да и всему дому, по-моему, легче дышится, когда я сижу у себя в подземелье.

Вчера вечером одна из дженни позвала меня обедать. Я что-то надел на себя и присоединился к Эл в солярии рядом с кухней, где она предпочитает есть последнее время. За стеклянной стеной тихо падал в сумерках густой снег. Эллен на ковре исследовала новую игрушку, Элинор наблюдала за ней. Эл обратила ко мне сияющее лицо. Я не просиял ей в ответ, но она взяла меня за руку и усадила рядом с собой.

— А вот и папа пришел, — оповестила она.

Эллен весело что-то прощебетала. Я знал, чего от меня ожидают. Мне предписывалось обожать девочку, любоваться ее

совершенством и умиляться. Я старался — я честно хочу, чтобы все было как надо, потому что люблю Эл и стремлюсь нести статус родителя наравне с ней. Поэтому я смотрел на Эллен и размышлял о чуде и таинстве жизни. Мы с Эл уже не полощемся на холодных ветрах эволюции в самом конце человеческой цепи, говорил я себе. Мы обрели почву. Выковали новое звено. Теперь мы держимся не только за прошлое, но и за настоящее. Мы создали будущее во плоти.

Я думал, что хорошо подготовился, но Эл видела меня насквозь и знала, как все это мне безразлично. Однако обострять она не стала и даже дала мне подсказку:

— Правда, она красивенькая?

— Очень.

— И умненькая.

— Умнее не бывает.

Позже, когда блистательный символ ее новой веры уложили спать под бдительным оком ночных дженни, Эл пожурила меня:

— Неужели ты такой эгоист, что не можешь признать Эллен своей дочерью? Раз не от тебя, то вообще не надо? Я знаю, что с тобой поступили несправедливо, просто дерьмово, и мне очень жаль. Правда жаль. От всей души бы хотела, чтобы меня взяли вместо тебя. Может, в следующий раз они будут поточнее. Доволен теперь?

Мы оба знали, что она ошибается. На нее покушаться никто и не думал. Просто Эллен — пряник, а я кнут. Кто-то предельно ясно обозначил условия ее коронации: шаг вправо, шаг влево, и можешь лишиться всего. Мое патетическое присутствие должно всего лишь напоминать ей об этом факте.

— Не надо, Эл, не говори так. Я ничего не могу поделать с собой. Дай мне время.

Ночью Элинор напросилась ко мне в постель. Раньше у нас была выдающаяся сексуальная жизнь. Секс был для нас игрой, состязанием, способом говорить правду. Удовольствием. Теперь это просто работа. Пенис у меня повреждается от самых умеренных телодвижений, сперма обжигает канал, когда я кончаю. Я, конечно, использую специальные презервативы и смазки, иначе сжег бы интимные части и Эл и себе, но нам обоим все равно некомфортно. «Надо же, какой ты горячий», — шутит Эл, но это никого не обманывает.

В эту ночь мы тоже занимались любовью, но я прервался, не кончив. Эл попыталась вернуть меня, взяла мой зачехленный член в руки.

— Не трудись, — сказал я. — Оно того не стоит.

Когда среди ночи я встал и отправился к себе в темницу, Эл

проснулась и прошептала:

— Можешь ненавидеть меня, если без этого нельзя, но пожалуйста, Сэм, не надо винить ребенка.

Я запрашиваю свой новый пояс о среднем количестве волос в бровях человека моей расы, пола и возраста. Простой энциклопедический поиск вроде этого ему под силу.

— Пятьсот пятьдесят на каждую бровь, — отвечает своим бесполым голосом пояс. Итого тысяча сто, вполне достаточно для моих изысканий. Я выдергиваю еще один и говорю: «Вина».

Надо же мне обвинить хоть кого-то. Кто-то должен за это ответить — но кто?

Элинор обвиняет «неизвестного благодетеля» — того или тех, кто способствовал ее неожиданному возвышению. Они с Кабинетом запустили частный проект под названием «Розыск НБ». В основе его лежит мозаичный анализ, призванный обнаружить подпись этого загадочного объекта. Используется техника массового просеивания, давно применяемая во Внутреннем Корпусе, только материалом для исследования служат не террористы и диссиденты, а правящая элита. Эл потратила целое состояние, скупая литрами нейрохимическую пасту для подкрепления и без того уже необъятной ментальности Кабинета. (Генри нипочем сейчас не сравнялся бы с ними.)

Из того немногого, чем Элинор поделилась со мной, я понял, что Кабинет разбирает посекундно деятельность самых выдающихся личностей на планете. Их насчитывается пять тысяч. Учитывая уровень безопасности в нашем поместье, других влиятельных лиц охраняют ничуть не хуже, и такая слежка должна стоить больших трудов. Тем не менее Эл уверяет меня, что когда модель будет готова, то звенья определенной цепи событий приведут нас прямо к источнику. Она говорит, что этим следовало заняться еще несколько лет назад. Типичный случай паранойи, по-моему.

Эл во всем винит НБ, а мне кого прикажете обвинять?

Хороший вопрос, на который я пока не нашел ответа. Если НБ, дергающий Эл за ниточки, существует, то он по крайней мере честно предупредил нас. В эту имперскую игру с высокими ставками мы входили с открытыми глазами. Пожалуй, мне, следуя священной традиции всех исторических жертв, нужно во всем винить самого себя.

Я выдергиваю еще один волосок и говорю: «Фред».

Этот расс, Фред Лонденстейн, не перестает меня удивлять. Раньше у меня не было никаких отношений с клонами. Они, в

конце концов, чисто служебный класс общества. Они взаимозаменяемы. Они обслуживают нас в магазинах и ресторанах, стригут нас. Выполняют работу, которую мы выполнять не можем, но машинам доверять не хотим. Как вообще можно отличить одного хуана или джерома от другого? И о чем с ними говорить? Полей, пожалуйста, вон там, келли. Какая погода там наверху, стив?

Но Фред, наш расс, не такой. С самого начала он принес мне фрукты и сухарики, укрепляющие пищеварительный тракт, солнечные очки, успокаивающие кремы для кожи, шляпу с козырьком. Я, кажется, по-настоящему интересую его, он даже приходит ко мне поболтать после смены. Не знаю, почему он такой внимательный. Может, он так и не оправился от шока первой встречи со мной, только что обожженным страдальцем. Может, он сознает, что я здесь больше всех нуждаюсь в его защите.

Когда я собрался возобновить секс с Элинор и мне понадобились специальные изоляционные презервативы, мой новый слуга не нашел их ни на одном шопсайте, включая салоны мед-техники. Я попросил Фреда. Он сказал, что знает такое место и что-нибудь мне принесет. На следующий день он пришел с целым фирменным пакетом. Чего только там не было для клеточников вроде меня: витамины, мази, зубная паста против накипи, наколенники, налокотники. Штук двести презервативов (Фред подмигнул мне, кладя их на стол) и еще какие-то товары, которые он скромно оставил в пакете.

Заглянув туда, я увидел флаконы с духами и одеколоном, шариковые дезодоранты, освежители воздуха, поглотители неприятных запахов.

— От меня что, воняет? — спросил я.

— Как в комнате, где кошка нагадила, мар, вы уж не обижайтесь.

Я поднес руку к носу, но ничего не унюхал. Если от меня так несет, как же Элинор жила со мной столько времени, ела со мной, спала и ни словом об этом не заикнулась?

В пакете лежали еще зубной эликсир и жевательная резинка.

— Изо рта тоже воняет?

Фред скосил глазам надул щеки.

Я поблагодарил его за покупки и особенно за откровенность.

— Не за что, мар. Просто я рад, что вам стало лучше.

Интересно, все ли рассы так сострадательны. Трое других наших охранников такими не кажутся. Компетентные, исполнительные, бесстрашные — это да, но вот насчет сострадания? Мне неудобно спрашивать Фреда о характеристиках

его типажа. Я помалкиваю и принимаю его доброту с готовностью утопающего.

1.3

Два дня назад отпраздновали первый день рождения Эллен. Элинор, к сожалению, пришлось уехать в Европу, но она все-таки устроила небольшую головечеринку в узком кругу, человек на тридцать. Девочка, недавно начавшая ходить, всех просто обворожила. Реально на празднике присутствовали четверо: дженни, расс, Эллен и я. Когда я пришел, Эллен сразу заковыляла ко мне, и все умилились: «Папина дочка».

Ночью мне опять снилась застывшая белая тундра, в которую я прошел прямо сквозь купол. Во сне я испытал чувство освобождения.

Мой доктор полностью обследовала меня на прошлой неделе и сказала, что я достиг равновесия. Лучше уже не будет. Я начал делать зарядку, немного похудел и чувствую, что стал чуть покрепче. Но суставы все-таки побаливают, и доктор говорит, что со временем их состояние только ухудшится. Она прописала мне стародавнее средство — аспирин.

Два месяца назад от нас ушел Фред. Им с женой выделили места на новой марсианской орбитальной станции. Контакт на пять лет с возможностью обновления. Прилетев туда, он пару раз голографически навещал меня. Сказал, что их лучший пилот тоже вонючий. Вонючими называют нас, обожженных. Я был первый, кого выпустили из карантина, но сейчас оттуда регулярно поступает новое пополнение.

Я наконец приобрел личностную капсулу для своего слуги. Ему со мной приходится туго — я отказываюсь с ним взаимодействовать, даже имени ему еще не дал. Не могу придумать ничего подходящего. Обращаюсь к нему «эй ты, пояс». Директриса Кабинета повторила свое предложение заняться его образованием, но я отказал. И предупредил, что, если кто-то из них попытается взломать его защиту, я его выброшу и возьму себе нового.

Сегодня после обеда у нас случилось чрезвычайное происшествие. У дежурной дженни пошла кровь носом, а ее напарница отлучилась по какому-то поручению. Я был на кухне и услышал плач Эллен. В детской несчастный расс, заменивший Фреда, держал на руках вопящего, брыкающегося ребенка. «Иду, — кричала дженни в открытую дверь ванной. — Минуточку, Элли, я сейчас». Когда я вошел, Эллен потянулась ко мне и взвыла еще громче.

— Дай-ка ее мне, — сказал я рассу. Он колебался. — Ничего, все нормально.

— Один момент, мар. — Он безмолвно запросил указаний и сказал: — Хорошо, держите. — Эллен тут же обхватила меня за шею. — Я пойду помогу Мэрили.

Он ушел в ванную, а я сел и взял Эллен на колени. Она огляделась и заплакала снова, на этот раз тихо и жалобно.

— Ну что? Чего Эллен хочет? — Я стал вспоминать то немногое, что знал о младенцах. Пощупал ей лобик, хотя маленькие дети теперь уже больше не болеют, и подгузники им то и дело не надо менять. Рядом стоял поднос с остатками обеда — значит, проголодаться она не могла. Животик болит? Спать хочется? Зубки режутся? Раньше Эллен частенько температурила и капризничала — это ее конвертированный организм поглощал то, что осталось от переработанной мальчиковой заготовки. Я подумал о сыне, которого мы чуть было не завели. Интересно, почему за весь этот посвященный раздумьям год я ни разу его не оплакивал? Потому что он так и не обрел душу (и тело тоже)? Не продвинулся дальше первой, чисто информационной стадии рекомбинации? А Эллен? Есть у нее своя душа или к ней перешла претерпевшая конверсию душа того мальчика? И если так, не возненавидит ли нас эта душа за то, что мы сделали с ее первым телом? Я человек отнюдь не религиозный, но эти вопросы меня беспокоили.

Эллен продолжала плакать, и расс все время высовывал голову из ванной, контролируя нас. Меня это злило. Чего они, собственно, опасаются? Что я ее уроню? Или придушу? Они все, я знаю, следят за мной: и директриса, и начальник охраны. Может, и Элинор уже разбудили в Гамбурге или Париже, где сейчас почти полночь. У них, несомненно, есть план на случай всего, что я могу выкинуть.

— Не плачь, Элли, — засюсюкал я, подавив гнев. — Скоро мама придет.

— Иду уже, иду, — хриплым со сна голосом отозвалась Эл. Эллен завертела головой и, не найдя матери, залилась еще пуще.

Выглянула дженни, прижимая к носу окровавленное полотенце.

Я стал качать Эллен на колене.

— Мама сейчас придет, а пока Сэм тебе фокус покажет, хочешь? — Я выдернул из головы волос. Он зашипел. Эллен мигом умолкла и вытаращила глазенки. Расс ринулся к нам, но затормозил на полдороге, увидев, в чем дело, и весь скривился, так ему стало противно.

— Выйди и дженни с собой забери. — Мне стоило усилия сказать это спокойно, без крика.

— Извините, мар, но мне приказано… — Он осекся и

закашлялся. — Да, хорошо. — Он вышел из детской, ведя дженни с запрокинутой головой.

— Спасибо, — сказал я Эл.

— Я здесь.

Мы оглянулись. Она сидела рядом на резном деревянном стуле. Эллен радостно запищала, но к матери не потянулась — она уже в шесть месяцев стала понимать разницу между реальным человеком и голограммой. Глаза у Элинор припухли, волосы растрепались. Она была босиком, в длинном шелковом халате, которого я раньше не видел. Меня кольнула ревность — она, возможно, спала с любовником. Но мне-то, собственно, что?

Эл стала рассказывать нам про гусеничку, которую видела сегодня в парижском парке. Показала рукой, как это милое создание ползает. Эллен прижалась ко мне, и я поймал себя на том, что продолжаю ее качать. За гусеницей появилась белка с пушистым серым хвостом, за белкой множество ног в модной обуви, но я как-то упустил нить и слушал не слова, а только голос. Эл рассказывала про желудь, потерявший шапочку, и козявок, пришедших на чай, а ее голос говорил: я тебя сделала из наилучших материалов. Ты само совершенство. Никому тебя в обиду не дам, всегда буду тебя любить.

Потом голос переменился, наделив меня глубочайшим чувством потери.

— А как там мой большои мальчик? — спросила Эл.

— Отлично, — сказал я. — А ты?

Эл рассказала, как провела день. Она говорила про напряженный график, про лидера, потерявшего голову, и дипломатов, пришедших на чай, а мне слышалось: «Ты уже взрослый и должен справляться сам. Никто не совершенен, но мы постараемся. Я никогда тебя не обижу, всегда буду тебя любить. Вернись ко мне, пожалуйста».

Я открыл глаза. Эллен спала, свернувшись клубочком у меня на коленях, положив кулачок под щечку. Ротик у нее приоткрылся. Я отвел ей волосы со лба, провел своими раздутыми пальцами по щеке, подбородку. Наверное, я так делал довольно долго. Когда я снова взглянул на Эл, она смотрела пристально, пытаясь разгадать выражение моего лица.

— У нее твои брови, — сказал я.

— Да уж, — улыбнулась она. — Бедный ребенок.

— Это в ней самое милое.

— А с твоими что сделалось?

— Дурная привычка. Теперь я взялся за шевелюру. Она окинула взглядом мои проплешины.

— И все-таки ты теперь лучше выглядишь.

— Да. Похоже, пошел на поправку.

— Ты меня радуешь. Я так за тебя волновалась.

— Знаешь, я только что придумал имя своему новому поясу.

— Да? Какое?

— Попрыгунчик.

— Попрыгунчик? — от души расхохоталась она.

— Он ведь у меня молодой еще, — пояснил я.

— Совсем юнец, видимо.

Наш разговор стал напоминать старые времена, но времена были новые, и я сказал:

— Завтра поучу Попрыгунчика вести пресс-конференцию.

— Вот как, — неуверенно произнесла Эл. — Спасибо, что сказал. А тема?

Я видел по ее глазам, какие лихорадочные предположения строит она вместе с Кабинетом. Кажется, я выкинул что-то непредусмотренное? Преподнес им сюрприз? Я испытывал извращенное удовлетворение, надеясь на это.

— Мой арест, полагаю. И прижигание.

— Это не твоя вина, Сэм. Ты никому не обязан ничего объяснять.

— Знаю, но чувствую, что должен дать показания. Думаю, людям интересно будет узнать, что случилось со мной. Я ведь как-никак публичная фигура — или был таковой.

— Не обижайся, Сэм, но о вонючих теперь говорят в каждом выпуске новостей. Интерес могут вызвать разве что наши с тобой отношения. Хочешь навредить мне и Эллен?

Нет, этого я не хотел.

— Кроме того, публичные разговоры о прижигании нарушают условия твоего освобождения. Ты сам знаешь.

Да, я это знал.

— На, возьми. — Я встал и протянул ей спящую девочку. Она протянула руки, но тут мы оба вспомнили, что ее здесь нет. Миг спустя пришла дженни, молча взяла у меня ребенка и вышла, закрыв дверь за собой.

Я, повернувшись к Элинор, развел руки в сторону.

— Посмотри на меня, Эл. Посмотри, что они со мной сделали.

— Я знаю, Сэм, знаю. — Ее призрачные пальцы коснулись моей груди. — Я работаю над этим, поверь мне. Я выслежу этих людей, даже если это станет последним, что я сделаю в жизни. Можешь на это рассчитывать. А потом уничтожу их за то, что они сделали с нами. Даю тебе слово.

Я не был тогда готов к тому, чтобы отклонить это ее обещание, хотя уже понимал, что местью ничего не исправишь.

Я посмотрел на стены из старого камня, на вековой дуб и рыбный пруд за окном.

— Не думаю, что смогу здесь жить.

— Но ведь это наш дом, Сэм.

— Не наш. Твой.

У нее хватило милосердия не спорить со мной.

— Куда же ты пойдешь? — только и спросила она.

Я не знал куда. До этого момента я сам не ведал, что ухожу.

— Хороший вопрос. Куда обычно деваются инвалиды?

Часть 2
ДЕНЬ, КОГДА РУХНУЛ КУПОЛ
10 мая 2134 г., понедельник
Сорок лет спустя

2.1

Утром Самсон П. Кодьяк сказал, что он совершенно измотан. Плохо спал ночью и чувствует себя еще хуже, чем когда ложился в постель. Не сходит ли Китти в парк без него? Всего один раз? Пусть попросит Денни, Фрэнсиса или Барри пойти с ней.

— Конечно, лежи, дорогой. Я сейчас к тебе поднимусь, — ответила Китти.

Она ждала, что он вот-вот постучится к ней в комнату, а он, оказывается, и с постели еще не вставал. Китти надулась, и не на шутку — сегодняшний день обещал стать особенным, и оделась она соответственно. Новенькая матроска, блестящие чечеточные туфли, на голове — шапка похожих на пружинки кудряшек. А этот старый пердун взял и забастовал.

Китти Кодьяк захлопнула дверь, пронеслась по коридору пятого этажа, простучала вверх по лестнице, передумала и поскакала вниз, в «Микросекунду». Там она заказала его обычный завтрак: синтекашу, джем, сок и коф. Балансируя подносом, она взбежала на десятый этаж и вышла на крышу, где в садовом сарайчике жил Самсон. На полдороге она уже ощутила его запах. С этим у Самсона проблемы — воняет от него так, что аж слезы наворачиваются. Особенно изо рта. Как из разрытой могилы, честное слово. Всех мух в доме переморил своим запахом. Даже противопожарная сигнализация один раз включалась. Но он ведь в этом не виноват, и Китти все равно его любит.

— Доброе утро, дорогой, — пропела она, толкнув попкой дверь и втиснувшись с подносом в тесно заставленное пространство. Но Самсон, если и слышал ее, сделал вид, что не слышит. Он лежал плашмя на своей койке — глаза закрыты, руки скрещены на груди, как у фараона. Китти, увидев такое зрелище, дернулась и расплескала коф.

Самсон открыл глаза, повернул на подушке свой обтянутый кожей череп.

— А, — проскрипел он. — Славный корабль «Лоллипоп». Жаль, что сегодня я не смогу на нем побывать.

Китти очнулась от столбняка и простучала чечетку, стараясь больше ничего не пролить.

— Сможешь, Сэм! Я сегодня останусь дома, а в парк пойдем завтра. — Она поискала, на что бы поставить поднос, и остановилась на мерзкой слоновьей ноге, заменяющей пуф. — Смотри, я принесла тебе завтрак.

— Спасибо, лапушка. — Он снова прикрыл глаза. — Пока ты поднималась, я попросил Денни, и он сказал, что пойдет с тобой.

Он ждет тебя внизу, в «Микросекунде». Я ему кекс купил. Сними там с моего счета. И ленчем его накорми.

— Нет, Сэм. Я останусь и буду ухаживать за тобой.

— Не надо за мной ухаживать, золотко. Мне нужен только покой. Отправляйся в парк. — Самсон, показывая, что вопрос закрыт, улегся в прежнюю позу. Он и впрямь походил на мумию: кожа на шее темная и жесткая, как вяленое мясо, нос и губы высохли так, что рот трудно закрыть. Наполняя воздух своим зловонным дыханием, он вскоре начал храпеть.

Китти тихонько вышла. Самсон, который только притворялся спящим, отметил, что она не поцеловала его на прощание. Он чуть было не окликнул ее. Чуть было не велел Хьюберту, своему ментару, вернуть ее назад, но сдержался, зная, что повторного прощания он не выдержит.

— До свидания, лапушка, — прошептал он ей вслед. — Живи долго и счастливо.

Скоро на крышу, как Самсон и ожидал, поднялся еще один софамильник — домоправитель Кодьяков Кейл. Он, конечно, столкнулся с Китти на лестнице, потому что первым делом спросил:

— Что говорит автодок?

Самсон хмыкнул. Прямота Кейла действовала, как всегда, освежающе. Домоправитель, не дожидаясь ответа, приводил в порядок садовые орудия и собирал грязную одежду Самсона в мешок для утилизатора. Взгляд его то и дело падал на поднос с нетронутым завтраком. Вечно суетится, точно у него время расписано по минутам. Электровеник, как мы говорили когда-то. Впечатляюще для человека средних лет с полным отсутствием доходов, перспектив и мотивов.

— Автодок советует готовить похороны, дружище. Кейл прекратил наконец бурную деятельность.

— Но ведь можно же что-то сделать. Не верю, что все так уж плохо. Может, тебя в клинику отвезти?

— Какая там клиника… Только кредитки переводить.

— Тогда в хоспис, — с заметным облегчением предложил Кейл.

— Я думал об этом. И решил, что лучше умру дома, среди своих.

— Угу, — рассеянно промычал Кейл, оглядывая потолок хижины с прикрепленными там разбрызгивателями.

— Не бойся, будку я не сожгу, — успокоил его Самсон. — Хьюберт будет вас информировать о моем состоянии. Когда время придет, сможете вынести мою койку в сад, сесть вокруг с лимонадом и достойно меня проводить.

— Ну зачем ты так говоришь? — ужаснулся Кейл.

— А что? Для меня это утешительная картина.

— В таком случае я сам позабочусь насчет лимонада, — заулыбался домоправитель. — Ты завтракать будешь? Может, тебе еще что-то прислать?

— Нет, ничего не хочется, — ответил Самсон, думая: Да иди уже ты отсюда. Чем скорей Кейл вернется в свой офис на третьем этаже, тем будет лучше. Славный он малый, наш экономный лимонадный Кейл. Похож на того метрдотеля из «Гринэлса», который когда-то отказался дать Самсону столик. Самсон пришел туда со своей обожженной подругой, Рене. Она засмеялась метрдотелю в лицо, вышла на середину фойе и объявила: «Здесь и сейчас!»

— Она тогда весила сто пятьдесят кило, — почтительно произнес Самсон.

— Да что ты? — отозвался ничего не понявший Кейл.

— Точно, и все это был чистый жир! Нехилый бы костерок получился. Нам, само собой, тут же дали столик.

— Понятно. Ну, я пошел. Зови, если что-то понадобится. — Кейл вышел, но крышу покинул не сразу — сначала размотал шланг и полил свои ненаглядные овощи. На овощах и сое в это время тень лежала почти сплошняком: солнце, не успевшее еще высоко подняться, заслоняли гигабашни на горизонте. Закончив, Кейл смотал шланг и оставил его рядом с сараем на всякий случай.

Двух сплавил, надо дождаться еще одну. Самсон закрыл глаза и лежал так, пока не хлопнула дверь, ведущая с крыши на лестницу. Потом отъехала в сторону дверь сарайчика и вошла Эйприл. Села на край койки, положила прохладную руку ему на лоб. У обожженных температура всегда выше, чем у нормальных людей, — ей не удастся определить таким способом, болен он или нет.

Самсон взял ее руку, прижал к щеке.

— Эйприл Кодьяк, ты самый любимый мой человек во всей Солнечной системе.

Она с улыбкой сжала его сухие пальцы.

— Нет, серьезно. Я всегда к тебе неровно дышал. Эйприл откинула седые пряди с лица.

— Признаться, и я к тебе неровно дышала, Сэм. — Помолчала немного и добавила: — Почти как прощание.

— Это и есть прощание, милая. Я не дотяну до конца недели.

— Ты уверен, Сэм? Откуда ты можешь знать? Что говорит автодок? — Слезы покатились у нее по щекам. — Я только попрошу кого-нибудь посидеть в магазине, а потом буду все

время с тобой.

Она уже поднялась было, но он удержал ее.

— Не надо. Я не хочу. Мне компания не нужна.

— Глупости. Мы будем дежурить посменно. С этой самой минуты. Нельзя, чтобы ты в такое время оставался один. Мы как-никак семья. — Эйприл пододвинула слоновью ногу к себе. — И первым делом надо поесть, пока завтрак совсем не остыл.

Самсон пал духом. Доброта Эйприл способна разрушить все его планы, перед ней он бессилен. Он проделал тот же трюк, что и с Китти, — закрыл глаза и захрапел, но Эйприл даже не думала уходить.

— Дом, — сказала она шепотом, — нужно составить график дежурств. Выведи мне все свободные часы Кодьяков на эту неделю — нет, на месяц, а еще лучше на год. Дом? — Домпьютер не отвечал. — Хьюберт, ты тут?

— На столе для рассады, — ответил Хьюберт из старинного пояса, которым Самсон пользовался до сих пор. Пояс лежал рядом со специальными щетками и лосьонами.

— Домпьютер совсем уже никуда не годится. Можешь связаться с ним?

— Буду счастлив. — Последовала секундная пауза, и Хьюберт сказал: — Дом говорит, что вас немедленно требуют в магазин.

— Что там такое?

— Говорит, что-то с дверью. Покупатели жалуются.

— Не надо было продавать диван тому человеку. Свяжи-ка меня напрямую с «Микросекундой».

— Извините, не получается, — сказал после новой паузы Хьюберт.

— А, черт! — поднялась Эйприл.

— Рисуй свой график, милая, — открыл глаза Самсон, — только начни его с завтрашнего дня. Я настаиваю. Сегодня я хочу побыть один. Привести, знаешь ли, мысли в порядок.

— Съешь свой завтрак, упрямый ты старикашка. — Она вышла и сказала с той стороны двери: — Дежурить мы начнем ночью. Все равно все придут сюда смотреть, как снимают купол. Самое время им сообщить о тебе.

— Хорошо, пускай ночью, но ни минутой раньше. Фу-у, — сказал Самсон, слыша ее удаляющиеся шаги, — чуть не сорвалось все. Хорошо, что домпьютер забарахлил.

— Это не случайность, — сказал Хьюберт. — Ты сам велел мне устроить диверсию.

— Я велел тебе устроить диверсию?

— Да, Сэм, вчера. Ты предвидел, что Эйприл расстроит твой план, и сказал, чтобы я подстроил что-нибудь в магазине.

— Да иди ты! Правда сказал? Просветление, должно быть, нашло.

Самсона утомили все эти разговоры. Он еще из сарая не вышел, а спать уже хочется. Но на сон не было времени, и он, ворча, спустил ноги на пол.

— Больше никто не припрется? Я ничего такого вчера не предвидел? — Он помедлил, собираясь с силами, раскачался и встал. Некоторое время он стоял, прислонившись к столу для рассады, и ждал, когда в голове прояснится. — Кстати, Генри, сколько сейчас времени?

— Десять часов пять минут.

— Говорил я, что сегодня надену?

— Да. Все на сундуке.

На сундуке лежал крошечный кубик в вакуумной упаковке с этикеткой «Сэм». Самсон дернул за шнурок, и плотная коричневая оболочка растаяла, декомпрессировав синий скаф с длинными рукавами и приделанной внизу обувью.

— Я что-то не понял. Я это каждый день ношу, а сегодня хотел надеть что-то особенное. Брюки там, рубашку, как в прежние времена.

— И галстук тоже. Но потом ты решил, что это непрактичный костюм.

У Самсона возникло подозрение. Он редко включал фактор практичности в свои планы, особенно планируя нечто столь грандиозное, как сегодня. Уж не пользуется ли дружок его слабой памятью? Но спорить уже не было времени. Он взял пемзу и лосьон для утренней чистки, сел на табуретку подальше от всего, что могло воспламениться, и дернул за край ночной рубашки. Она сползла с него клочьями, сильно обгоревшая там, где он потел. Одеждой дом снабжала «Микросекунда», но вещи Самсона изготавливались из специального материала, огнеупорного и впитывающего пот. Иногда, когда ночь выдавалась душная, у него под мышками запросто мог бы свариться рис.

Оставшись голым, Самсон стал методично скрести себя от лысой головы до ступней.

— Сэм, — сказал Хьюберт, — недавно ты назвал меня «Генри». Ты просил каждый раз обращать на это твое внимание, потому я и говорю.

— Угу. — Чешуйки сухой кожи сыпались с плеч Самсона на пол, вспыхивая на лету. — Ты Хьюберт, а не Генри, я знаю. Спасибо. — На его теле осталось совсем мало волос, но порой что-то еще шипело и отлетало прочь огненной птицей. Он стал редкостным экземпляром, это уж точно: больше минерального, чем животного. Сплошные кости и сухожилия, ребра наружу, на

запястье все восемь косточек можно пересчитать. Он снова вспомнил свою толстую подружку Рене, и его охватила паника. Что, если он ждал слишком долго, и в нем теперь слишком мало горючих веществ?

— Хьюберт, сколько я вешу?

— По результатам вчерашнего взвешивания 34,2 килограмма.

— А на мясо сколько приходится?

— Сэм, ты просил информировать тебя в тех случаях, когда задаешь мне один и тот же вопрос пять раз в сутки.

— Что ж, это разумное указание.

— В случае повторения данного вопроса ты просил напомнить тебе, что в костях содержится мозг, и если они не загораются ярко, как мышечная ткань, и не пускают черный дым, как жиры, кости все же горят изнутри, а длинные, особенно бедренные и плечевые, создают такое давление, что иногда взрываются. И что ты, даже с теперешним своим весом, будешь представлять захватывающее в своем роде зрелище.

— Да, взрываются, как трубчатые бомбы, вспомнил теперь. Спасибо, Хьюберт.

Отшелушив кожу, Самсон помазался кремом и оделся. Пояс с Хьюбертом он надел под скаф, на голое тело. В сегодняшнем скафе, как он заметил, имелись добавочные карманы.

— Мой детектор показывает, что тебе надо помочиться, Сэм.

— Ничего удивительного.

— Скоро сам почувствуешь. Кроме того, ты обезвожен, и у тебя наблюдается серьезный недостаток калия. Предлагаю тебе позавтракать перед уходом.

— Я не хочу есть. — Самсон похлопал по пряжке под тканью. — Ты уверен, что зарядил эту штуку?

— Да, Сэм. Насколько позволяет устаревшая техника.

— Ты тоже не больно-то современный, — проворчал Самсон. — Уверен, что справишься?

— Я проработал все до мельчайших деталей, Сэм. И не настолько уж я устарел. Я занимался собственной реконфигурацией почти все свое внеструктурное время. Конечно, нейрогель мне не добавляли уже несколько десятилетий.

— Уверен, что ты не Генри? — усмехнулся Самсон. — Тот тоже всегда твердил: «побольше пасты, побольше пасты». И я, как дурак, покупал ему. Сам знаешь, к чему это привело.

— Знаю, Сэм, но Генри был простым слугой, а не ментаром.

Самсон убрал туалетные принадлежности, отшвырнул ногой в угол клочья рубашки, снял с пуфа поднос. Пуф в свое время сделали из выдолбленной задней ноги дикого африканского слона. Каждый ноготь на ней был как кулак Самсона. Сиденье из

кожи зебры, когда Самсон повернул его против часовой стрелки, щелкнуло и открылось. Внутри Самсон хранил свои сокровища, когда они у него еще были. Теперь на самом дне лежала стопка запечатанных бумажных конвертов. На каждом корявым почерком Самсона было нацарапано имя одного из софамильников. Самсон достал их, опять повернул подушку и поставил сверху поднос. При взгляде на миску с синтекашей у него забурчало в желудке — опять происки Хьюберта, что ли?

— Ладно. — Он взял ложку, съел кашу и выпил сок, не чувствуя вкуса. Коф он не стал пить: последняя чашка кофа в его жизни должна быть горячей. Потом он расположил подушки так, будто на койке лежит человек, и сунул под них письма. У двери он оглянулся в последний раз на свое жилище. Не такое уж плохое место, чтобы проститься с жизнью.

Самсон похлопал по пустому карману скафа.

— Я что-то забыл?

— Рюкзак.

— А куда я его дел?

— Он за рассадными матами.

Пошарив за рулонами с семенами форельника, Самсон достал маленький желтый мешок и рассовал из него по карманам полулитровую фляжку с электролитом, энергизирующие батончики «Гудик», лекарства, специальные темные очки, успокаивающие салфетки, шляпу, пригоршню жетонов, билет на стадион «Солджер филд» и самую главную вещь — портативный имитрон.

— Все, двинули.

Крепко держась за перила, Самсон Кодьяк спускался по лестнице чартерного дома. То и дело он останавливался передохнуть. Первая дверь, которую он миновал, вела в машинное отделение лифта, где жил Богдан Кодьяк. На двери из эпоксидного клинкера, с диароновой обшивкой и титановыми засовами, светились трехмерные международные символы НЕ ВХОДИ — УБЬЕТ. Жаль, что это всего лишь блеф, призванный отпугнуть Тобблеров, чтобы те не пришли и не захватили свою машинерию.

— До свидания, мальчик, — сказал Самсон, мимоходом потрогав дверь. — Смотри не влипни во что-нибудь.

На середине следующего марша ноги у Самсона так разболелись, что пришлось отдохнуть. Это обыкновенная старческая ишемия, но если не остеречься, мышечная гипоксия приведет к некрозу, начнется цепная реакция, и огненный апоптоз прекратит его путешествие прямо здесь, между девятым и

восьмым этажами. Меньше всего Самсону хотелось сгореть начиная от пяток.

— Не здесь, не сейчас. — Он прислонился к перилам, сжал колени как можно сильней и заставил себя глубоко подышать.

— Позвать кого-нибудь? — спросил Хьюберт из пряжки под скафом.

— Нет! — Самсон массировал ноги, держась одной рукой за перила. Наверху хлопнула дверь, послышались шаги. Юный Богдан, перескакивая через три ступеньки, едва не врезался в Самсона.

— Сэм, я тебя чуть не сшиб! Ты как, в порядке?

— Да-да, все отлично.

— Я на работу опаздываю. — Богдан помчался дальше, но оглянулся с площадки и вернулся к Самсону. — Непохоже, что у тебя все хорошо, Сэм.

Самсон улыбнулся. Этот парень почти так же заботлив, как Эйприл, а софамильники к нему слишком суровы, Китти особенно.

— Да так, стариковские дела. Не обращай внимания. — Но парень уже взял его под руку. — Не надо, Богги, оставь. Еще опоздаешь. — Он один здесь, в конце концов, получает *зарплату,* если не считать магазина Эйприл, с которым чартеру Кодьяк здорово повезло.

— Я только сведу тебя на седьмой, — сказал Богдан и свел — почти снес. Они пересекли тобблеровский «туннель», ведущий из южной части здания в северную. За ним спорная территория кончилась — дальше лестница принадлежала исключительно Кодьякам. На ступеньках штабелями стояли коробки с химикалиями, рассадными матами и гидропонными рамами для огорода на крыше. По стенам тянулись полки, где хранились уга для «Микросекунды», запчасти для ветротаранов и воздушных шахтеров и прочий чартерный хлам. Для прохода оставалась только узкая полоска рядом с перилами.

Богдан посадил Самсона на мешок с известью.

— Спасибо, мальчик, — сказал тот, отдуваясь.

— Ну, я пошел.

— Давай. Со мной все будет нормально. Слушай, а где твоя шапка?

— Я ее того… потерял.

— Как это потерял? Я думал, она скрепками к башке у тебя приделана.

— Все, мне пора. — И Богдан поскакал вниз.

Когда он скрылся за емкостью запасного детоксикатора, Самсон сказал:

— Я посижу тут немного, Генри, только спать мне не позволяй.

Богдан, пробежав через крошечный вестибюль, выскочил на улицу. Чартер Тобблер складывал столы после завтрака. Тобблеры трижды в день перекрывали все движение на Хоув-стрит, потому что ели на свежем воздухе. Богдан уже повернул по тротуару к станции ЧОТ, но вспомнил, что забыл позвонить и спросить, где сегодня помещается офис.

Черт! Придется звонить из «микросекунды». Взглянув туда, Богдан увидел, что в дверях торчит диван, за который держится покупатель, а очередь растянулась на весь квартал. Богдан снова повернул к двери подъезда, но она не пожелала открыться.

— Откройся! — с надеждой приказал он.

— Только для софамильников Кодьяк и их гостей, — ответила дверь.

— Я и есть Кодьяк, Богдан Кодьяк. Не узнаешь?

— Богдан Кодьяк уже дома. Пожалуйста, отойдите, иначе я вызываю полицию.

Богдану хотелось визжать. Почему все в жизни так сложно? Кому понадобилось красть Лизу?

Лиза была его шапочным слугой. Богдан сказал Самсону неправду: ее украли. Такая ценная вещь! Газилионно-терагерцевый процессор, зеркала-антисканеры, голокамеры в обруче. Она подключалась к его мозгу через электромагнитный канал ввода-вывода, в козырьке помещались голоприемники со стереозвуком. Да, маломощная, да, ученическая шпаргалка по сути своей, но Богдан совершенствовал ее долгие годы. Он научил ее стольким фокусам, что люди иногда попадались и принимали ее за настоящий субмагнит. Одним из этих фокусов было звонить каждое утро в «Э-Плюрибус» и узнавать, куда их на этот раз нелегкая занесла. Другим — обманывать престарелый домпьютер, чтобы открывать долбаную парадную дверь. Богдан соврал Самсону, потому что не хотел признаваться, что Лизу сперли прямо у него с головы, а он не заметил. Сердцем и душой Лизы была десятисантиметровая полоска процессорного фетра, вшитая в подкладку. Вчера эта полоска пропала. Сама шапка осталась, но без процессора это всего лишь обыкновенная шапка.

А ведь он никогда ее не снимал, ни днем, ни ночью. Как кто-то мог стащить фетр, чтобы Богдан ничего не узнал? Тайна, покрытая мраком. Но хуже всего то, что сильно обедневший чартер даже этот устаревший фетр ему возместить не сможет. Домоправитель Кейл укакается при одном намеке на это.

А, к черту. В обеденный перерыв надо будет купить себе

телефон подешевле, а пока обойдемся и магазинным. Диван все еще загораживал вход, и Богдан, пользуясь своими малыми габаритами, пролез под ним. «Микросекунда» была такой тесной, что диван заполнил ее практически целиком — другой его конец еще только вылезал из экструдера.

— Доброе утро, Богги, — улыбнулась зажатая в угол Эйприл Кодьяк. — Забыл что-нибудь?

— Нет, я позвонить. Зачем ты позволяешь этому хрычу покупать мебель с утра?

Эйприл сделала большие глаза, делая ему знак умолкнуть.

— А почему ты без шапки? Сломалась?

— Да, сломалась. — Почему ему это раньше в голову не пришло? — Придется купить мне новую.

— Сначала надо попробовать отремонтировать эту, — нахмурилась Эйприл.

Богдан, пробравшись к телефонной панели, сел на еще теплый диван. Человек у двери крякнул, но промолчал.

— Такие вещи не ремонтируются. — Он махнул рукой на панель, и появившийся на ней длинный список звонков озадачил его. Большинство поступило тридцать шесть часов назад! Ничего не поймешь. Вечером он проверял входящие звонки на домпьютере Кодьяков и ничего такого не видел. — Лучше б дурацкий домпьютер вон починили.

Разбираться со списком не было времени. Богдан тронул значок «Э-Плюрибус»: офис переместился в Элмберст, что означало межзональную поездку. Маршрут и тарифы он загрузил в ладонь, чтобы сэкономить время на станции. Когда он пролез под диваном обратно, Эйприл сказала:

— Не забудь, что вечером у тебя разрешительная комиссия. Можешь захватить своего слугу.

— Не видал случайно, что там экструдер показывает, сынок? — спросил человек с диваном.

— Не-а.

— А ножки не отросли еще?

— Извините, не заметил.

Он был ужасно бледный, этот старик, и весь вспотел, несмотря на утреннюю прохладу. Как он, интересно, дотащит покупку домой?

— Вот, сделал себе подарок на день рождения. — Он оторвал одну руку от дивана и попытался потрепать Богдана по голове.

— Поздравляю. — Богдан увернулся и трусцой припустил по тротуару. «Микросекунда» — единственный магазин по соседству, где есть и экструдер, и утилизатор. Многие в очереди держали в руках пакеты с вчерашним мусором, чтобы им его учли при

покупках.

Медиапчела, снимавшая эту сцену, увязалась было за Богданом, но потом поняла, наверное, что он не реальный мальчик, и отстала.

— Сэм, — сказал Хьюберт, — проснись. Становится поздно.

— Я не сплю.

— Ты был в первой стадии сна.

— Я молился. Это создает сходную картину мозговых волн.

— Как скажешь.

— Именно так. Я молился святой Ванде, чтобы помогла мне сегодня. — Самсон ухватился за перила и встал. Он в самом деле думал недавно о святой Ванде.

Ванда Вечорек была святой разве что для вонючих. Она входила в число первых обожженных, совершивших безумный и великолепный акт публичного самосожжения. Вспыхнула ярким пламенем, сидя на софе стоимостью десять тысяч евро на пятом этаже «Дода» в Лондоне. Этот мини-пожар загубил обтянутый шелком диван, парное кресло и оттоманку — итого тринадцать тысяч старых евро. Дым и вода довершили убыток.

Ванда не только подала другим обожженным пример эффектного самоубийства, но и показала, как легко это можно сделать. Усевшись на роскошный предмет меблировки, она перепрограммировала карманный имитрон — деловые люди используют их для создания своих заменителей — и сканировала свои ДНК-маркеры. Потребительская электроника вообще-то не способна расшифровать чей-то генокод, но даже считывания маркеров хватило, чтобы задействовать поставленные в ее клетках капканы.

Незадолго до этого к Ванде подошел менеджер пятого этажа с затычками в носу и сказал: «Я настаиваю на вашем уходе. — За ним следовали трое джерри в униформе. — Охрана проводит вас».

«Прекрасно, — сказала Ванда. — Я как раз собиралась». Приложила имитрон ко лбу и нажала на кнопку сканирования.

Как только поле прибора влилось в паутину ее мозговых нейронов, клеточные предохранители разом перегорели. Из носа и ушей Ванды повалил дым, и она вновь упала в шелковые объятия софы. Череп ее с громким треском раскрылся, брызнув наружу обваренными мозгами, а следом вспыхнуло и все тело.

Этот костер полыхнул на весь мир.

Самсон потихоньку сходил вниз.

— У тебя низкий сахар в крови, — сказал Хьюберт, — и ты обезвожен. Надо попить и съесть «Гудик».

Но Самсон только-только разошелся. Колени клацали, отсчитывая ступеньки, как метроном. Остановился он только на пятом — Хьюберт предупредил, что навстречу поднимаются два софамильника, Фрэнсис и Барри. Самсон пережидал их в коридоре, напротив комнаты Китти, и ему вспомнилось, что он собирался туда зайти.

— Китти с Денни все еще в парке?

— Да. У нее началось второе отделение.

Самсон вошел. В комнате, как обычно, был кавардак. На полу, на кровати и двух стульях куча сценических костюмов, у двери завал домашней одежды и грязной посуды. Пыль, пятна, мусор — Китти старательно поддерживала имидж двенадцатилетней. На полках, занимавших все четыре стены, сидели куклы и плюшевые зверюшки. Те, которые подарил ей Самсон, приветливо улыбнулись ему.

Сквозь усиленно создаваемый девчоночий образ пробивалась, однако, зрелая женщина. Крутящаяся тумбочка с туфлями под кроватью; тщательно подстриженное деревце под световым колпаком, увешанное разнообразными фруктами; рабочий стенд с инфочипами на такие взрослые темы, как разработка свалок и гражданские правонарушения чартистов; наконец, обширная библиотека по ландшафтному дизайну микроколоний. Китти Кодьяк за свою долгую жизнь перебрала несколько профессий, пока не нашла свое истинное призвание — быть ребенком.

Самсон открыл гардероб и выкопал из-под стопки белья четырехлитровую керамическую канистру.

— Привет, парень.

— Скоро полдень, — ответил Хьюберт через динамик канистры, — а мы еще из дому не вышли.

Самсон придвинул стул и сел.

— Надо кое-что обсудить.

— А по дороге это нельзя сделать?

— Лучше с глазу на глаз.

— В таком случае позволь подытожить — это сэкономит нам время. Во-первых, твое тело больше не подлежит спасению. После его смерти погибнет и твоя личность. Во-вторых, все твое имущество перейдет к чартеру Кодьяк — включая меня, если я соглашусь. В-третьих, я свободен подыскать себе нового спонсора. Что еще ты хотел обсудить, Сэм?

Самсон откашлялся. Теперь, когда этот разговор нельзя было больше откладывать, начать его оказалось куда труднее, чем он думал.

— Хорошо, Хьюберт. Не знаю, говорил я тебе все это или ты сам догадался, но я рад, что ты об этом уже подумал.

— Но это же очевидные вещи, Сэм.

— Да, наверное. Но есть еще два момента. Во-первых, хотя ты уверяешь меня в обратном, сегодняшняя акция наведет на тебя Внукор. В этом случае я хочу, чтобы ты сдался без сопротивления, понял?

— Да, Сэм, хотя твой страх не имеет под собой почвы. Я нанял очень надежный клин. Все пройдет по плану.

Самсон покачал головой. Хьюберт молод, и его излишняя самонадеянность, пожалуй, простительна.

— Второе. Предположим, что тебя не арестуют и ты захочешь остаться у Кодьяков. Так вот они, по правде сказать, не могут себе позволить такую роскошь, как ты.

— Что же тут позволять? Мою среду обитания никто не вправе арестовать, я пройду апробацию без всяких проблем.

— Не в этом дело, дружок. Разве ты не заметил, сколько у нас было расходов последнее время? Лечение Денни, замена ветротаранов, судебные издержки, омоложение Китти и Богдана. Откуда, по-твоему, брались кредиты на это?

— Не знаю, Сэм. Домпьютер не уведомлял о займах или продаже фондов. Ты хочешь сказать, что у чартера есть какой-то левый источник дохода?

Самсон выудил из кармана салфетку, вскрыл, положил на дымящуюся лысину.

— Я хочу сказать, что за так ничего не делается. Я содержал этот дом годами, но мои личные ресурсы, как ты же сам говоришь все время, почти истощились. Когда меня не станет, чартеру даже налог за мое наследство заплатить будет нечем, что уж там говорить об оздоровительной профилактике. Хотя Кейл и Джералд, по-моему, придумали какой-то способ вытащить чартер из финансовой ямы — такой, что даже Эйприл постыдилась мне о нем рассказать.

— Не вижу, какое отношение это имеет ко мне. Самсон приложил руку к канистре.

— Я покупал тебе самую лучшую пасту, когда у меня еще были кредиты — правда ведь, Попрыгунчик?

Старая кличка вызвала у Хьюберта замешательство.

— Да. Первичный триэнцефалин «Дженерал Дженіус» класса А. Но теперь я ментар со всеми правами разумного существа. По закону ОД моя паста принадлежит мне, а не тебе и не чартеру.

— Четыре литра, если я правильно помню.

— Сорок три декалитра.

— И сколько могут стоить сорок три декалитра пасты ДД на утилизаторном рынке?

Хьюберт наконец сложил два и два.

— Ты думаешь, наша семья способна на ментароубийство?!

— Отчаянные времена, отчаянные решения.

— Понятно. Что же ты предлагаешь, Сэм?

Самсон, выпрямившись, отыскал в одном из карманов «Гудик».

— Предлагаю тебе стать для них незаменимым, мой друг. Почему, например, ты до сих пор не починишь домпьютер?

— Потому что его нельзя починить. Нужна полная замена.

— Вот и заменил бы его. Собой.

— Ты хочешь, чтобы я превратился в домпьютер?

— Да, если это необходимо. И почему бы тебе не продавать дистрибьюторам свои лишние мощности? Почему не приносить в семью дополнительный доход?

— Я приношу, Сэм. Я зарабатываю больше, чем все они вместе взятые.

— Этого мало.

— Тебе всегда мало, Сэм. Раз я не Генри, значит, я плох. Самсон развернул батончик, откусил, стал жевать.

— Еще предлагаю, чтобы ты удвоил свои усилия по части поиска нового спонсора. Начинай немедленно и не будь так чертовски разборчив. — Он снова стал рыться в карманах. Куда же он его дел? Неужели оставил в сарае? Вряд ли у него хватит сил вернуться назад. А, вот он, имитрон. Успокоившись, Сэм откинулся назад. — Извини за жесткие слова, Хьюберт, но их нужно было сказать.

— Я понимаю.

— Ну, что там моя Китти поделывает?

— В Миллениум-парке сегодня полно народу из-за купольной церемонии. И погода хорошая. Но, несмотря на оживленное движение, утром она заработала меньше обычного. Если так пойдет дальше, она даже расходов своих не окупит.

— Покажи-ка.

Хьюберт представил ему график.

— Нет, покажи мне Китти.

— Хочешь, чтобы я нанял пчелу?

— Да.

— Готово, — сказал Хьюберт, и комнатные приемники показали парк с высоты второго яруса. Народу в самом деле было полно — суетливая толчея трансчеловечества.

— Где она? — спросил Самсон. — Я не вижу. — В многолюдном скопе появился кружок, а в нем синяя с белым фигурка. — А Денни где? — Еще один кружок обозначил человека, который ел мороженое на скамейке неподалеку. — Так далеко? Не мог сесть поближе?

— Слетать и сказать ему, чтобы пересел?

— Позже. Давай снизимся для начала.

Земля ринулась навстречу, не успел Самсон закрыть глаза.

— Полегче, полегче! — Они зависли на уровне крон, откуда хорошо было видно импровизированные эстрады. Некоторых перформеров он узнавал. «Модульные сестрички» сбоку от Китти втыкали друг дружку в свои большие животы.

Напротив Китти раскинули свой мат «Смертоносные мачете». Шестеро красивых, блестящих от масла атлетов неопределенного пола принимали эротические позы, демонстрируя непристойные бугры мускулов, и делали выпады металлокерамическими клинками. Проливать кровь они не спешили — дожидались, когда на их кассовых столбиках появятся платежные символы. Их секунданты расхаживали по краям мата, пытаясь возбудить в публике жажду крови еще до ланча. Травмо-криоиническая техника гудела под брезентовым тентом.

В ямке позади Китти залег Студнестрель — холмик переливчатой голубой протоплазмы три метра длиной. Он был одним из немногих перформеров, кто обходился без столбика — зрители бросали кредитные жетоны прямо на него. Видно было, как эти жетоны медленно проходят сквозь желатиновую массу в сборную кишку. Если менестрель находил взнос достаточным, он пел. Вдоль хребта у него имелось шесть духовых клапанов, соединенных с внутренними мехами и пузырями. Он мог трубить, реветь, исполнять хором нежные серенады, брызгаться зловонными соками или делать все это одновременно. Говорили, что в молодости Студнестрель играл в шекспировских пьесах, но затем мутации, которым он себя подвергал, вышли из-под контроля.

Налюбовавшись на конкурентов Китти в свое удовольствие, Самсон велел Хьюберту подвести пчелу чуть ближе к земле. Теперь скоп показывал только Китти на крошечной эстраде и ее небольшую аудиторию. Публика, непонятно почему, покатывалась со смеху. Это свое выступление Китти репетировала неделями, и оно задумывалось как трогательное, а не смешное. Допевая под чечетку песенку о конфетах, она вдруг брыкнула ногой, и все заржали как ненормальные. Теперь Самсону стало ясно, в чем дело: к ноге Китти выше туфельки присосался слизняк. Ему полагалось отвалиться после взятия анализа, но примитивная ноэтика побуждала его держаться, пока объект не перестанет скакать. Самсона передернуло — он не любил внукоровских слизней.

Китти, раскинув руки, допела и простучала финальный куплет, а после низко поклонилась, тряхнув пружинистыми

кудряшками. Ей слегка похлопали, и несколько человек махнули на кассовый столбик. Как только она прекратила двигаться, черный слизняк отвалился и пополз патрулировать дальше. Публика похлопала еще немного и разошлась.

— Бедная моя детка. — Китти выпрямилась, но кудряшки все еще закрывали ее лицо. — Сколько она заработала?

— Меньше десятитысячной, — сказал Хьюберт.

— Так мало? Ужас какой. Они просто бандиты. Бедняжечка. Китти сошла с эстрады, сняла с нее замок и пнула в нежное место. Маленькая сцена начала сворачиваться. Когда она стала размером в карточную колоду, Китти положила ее в карман, свернула таким же манером столбик и пошла к скамейке, где сидел Денни. Освобожденное ею место тут же заняла семейка розовых единорогов — мама, папа и малыш. Они зачирикали хором какой-то мотивчик.

— Видел эту аффиху? — Самсон ткнул костлявым пальцем в скоп, показывая на молодую женщину в прозрачном солнце-костюме — она уходила из кадра в сопровождении четырех джерри-телохранителей. — Она смотрела выступление Китти и махнула в конце. Сколько она дала?

— Нисколько. Всухую махнула.

— Боже-господи, вот гадюка! Ненавижу аффов. Эгоисты и жадины все до единого.

Пчела тем временем следовала за Китти. Объемистый Денни подвинулся, чтобы дать ей место. Она села, устало прислонилась к нему. Денни остановил идущего мимо торгбайтора.

— Не давай мальчишке проесть их обратные билеты, — сказал Самсон.

Торгбайтор выдавил из себя полметра горячей сырной пиццы, два холодных напитка и салфетки. Удрученная Китти махнула, заплатив за еду. Денни разломил пиццу пополам и дал кусок ей, но она только головой мотнула. Денни сказал ей что-то. Плечики Китти поникли.

— Подведи ближе, — сказал Самсон. — Хочу слышать, что они говорят.

Хорошенькая головка Китти заполнила весь голоскоп. Лоб у нее блестел от пота, щеки пылали. Она вскрыла стаканчик и обхватила губами соломинку.

— Мне нравится, — говорил Денни. — Думаешь, я и завтра смогу пойти?

— Не знаю, — вяло проронила Китти. — Надо Сэма спросить — может, он тебе разрешит. Я тебя научу выступать. Купим тебе лицензию.

— Да нет, Кит, мне хочется просто смотреть, как сегодня.

— Ты мог бы научиться жонглировать. Или еще чему-то такому. Ладно, пошли отсюда. — Китти сделала резкое движение, отгоняя пчелу, но та без труда увернулась. — Сгинь, насекомое, — сказала Китти, глядя прямо на Самсона. — Ссылаюсь на неприкосновенность своей личной жизни.

Пчела покинула зону неприкосновенности, и скоп расширился. Самсон закрыл глаза, борясь с головокружением. Жаль, что он не может утешить свою милую Китти, поругать жадных аффов, махнуть на ее столбик сам и этим поправить дело. Какую радость доставили бы ему все эти глупые, казалось бы, мелочи. Он открыл глаза и удивился, увидев себя в комнате Китти.

— Хьюберт?

— Я здесь, Сэм, — послышалось из гардероба, где стоял контейнер.

Самсон понемногу припомнил все. Они ушли из парка. Больше там ему уже не бывать. Он встал, приоткрыл дверь. В коридоре и на лестнице никого.

— Пошли.

2.2

— С этим, пожалуй, все, — сказала Элинор Старк. — Перейдем к следующему вопросу.

Плановое заседание по проекту «Земля-сад» шло уже два часа без перерыва. Десяти членам правления, приславшим вместо себя заменителей, это не создавало никаких неудобств, но двое присутствовавших реально, Альблейтор и Миви, уже ерзали на сиденьях. Элинор Старк, возвращавшаяся в данный момент из космоса, председательствовала голографически, сидя во главе стола. Позади стояла директриса ее Кабинета. Еще дальше, за прозрачной стеной, виднелся зубчатый ландшафт «Старк Энтерпрайзес» в Южной Индиане. Все службы, кроме административного корпуса, где проходило собрание, располагались под землей — наверху же, на площади в десять тысяч акров, выращивалась наклонно-плоскостным методом соя.

— Твой доклад, Меррил, мы перенесем в самый конец, если ты не против, — продолжала Элинор. — Сначала я хочу послушать об открытии Адама.

Меррил Миви кивнул: Старк всегда перекраивала повестку своих совещаний. *Пришли-ка нам еще кофа,* глоттировал он своему ментару Стреле. *И спроси Зоранну, не надо ли ей чего.*

Миви присутствовал реально, поскольку работал здесь же, в отделе Гелиотока, и кабинет его находился рядом. Его фирменный малиновый комбинезон с фиолетовым верхом и алым узором был, возможно, отголоском духовного облачения, которое Миви носил когда-то, целую вечность назад.

Зоранна присутствовала реально, поскольку у нее были дела в Иллинойсе. Заодно она решила заехать сюда — в шпионских целях, как подозревал Миви.

— Это не совсем открытие, Элинор, — возразил заменитель Адама Геста. — Скорее результат кропотливых трудов. — Заменитель представлял собой голову, плечи и правую руку оригинала. Гест создал его специально для этого совещания, прежде чем улечься спать у себя на Земле-Буксире. Он, как и все прочие заменители, парил над пустым стулом своего двойника.

— Называй как хочешь, только показывай в темпе, — потребовала Элинор.

— Охотно, — сказал Гест-заменитель. — Начнем с нашего О-корабля в состоянии покоя. — Над столом появилась модель недавно завершенного космического корабля «Киев-сад». Он напоминал два скрепленных вместе гигантских пончика. Один пончик вращался по часовой стрелке, другой против. В каждом из

колец помещались шестьдесят четыре жилых барабана, в каждом барабане был заключен небольшой город с примыкающей к нему сельской местностью. Щедро отмеренное пространство для обитания миллиона человек.

Миви смотрел и слушал очень внимательно. Он придавал большую важность всем сторонам проекта, хотя технические детали обычно от него ускользали.

— Теперь доведем его до 0,26 скорости света, — сказал заменитель.

Кольца прекратили вращаться — силу тяжести обеспечивало ускорение, — и в их отверстиях возникли проволочные рамки, изображающие электромагнитные двигатели, торусы. Казалось, что модель движется по звездному небу.

— Для достижения этой релятивистской скорости требуется двести лет непрерывной бомбардировки частицами со стороны лазеров Гелиотока, — объяснил заменитель. — Но через двести лет мы обязательно изобретем что-то новое для преобразования света в движущую силу. До сих пор мы не знали, как можно усовершенствовать торус-генераторы, пока корабль удаляется от планеты на одной четвертой световой скорости. Так называемое открытие мы сделали, когда поняли…

— Элинор! — перебил его Миви. Голограмма Старк исчезла из кресла. Заменители переглядывались в недоумении.

— Эй, Кабинет! — позвал заменитель Ясперсена, но и Кабинет тоже пропал.

Члены правления ждали, но голограмма не возвращалась.

— Что-то со связью, наверное, — предположила заменительница Трины Варбелоо, секретаря комитета. — Элинор, ты меня слышишь?

— Предлагаю сделать перерыв, пока связь не наладится. — Зоранна встала из-за стола, одновременно глоттируя Миви: *Ник сообщает о какой-то серьезной опасности, Меррил. Я ухожу.*

Изображение Элинор восстановилось, но с недостаточной четкостью. Упираясь ладонью в иллюминатор своей космической яхты, она говорила с кем-то невидимым. Заметив, что снова сидит за столом, она убрала руку.

— У меня тут ЧП. Присоединюсь к вам, как только смогу. — Голограмма уменьшилась, превратилась в эмблему «Старк Энтерпрайзес» и погасла.

— Постой, Элинор! Что за ЧП? — крикнул вдогонку заменитель Ясперсена — одна голова без плеч и даже без шеи, мотавшаяся в воздухе, как воздушный шарик.

— Стрела, — скомандовал Миви своему ментару, — покажи нам корабль Элинор.

Большая модель О-корабля сменилась прямой спутниковой передачей «Гелиотока». Яхта Элинор неслась огненной дугой над Тихим океаном.

— Быть этого не может! — воскликнул Миви.

— Держи себя в руках, Меррил! — рявкнула голова Ясперсена. — Адам, сделай же что-нибудь!

— Что именно? — ответил бюст Геста, хотя всем было ясно, что Ясперсен имеет в виду. «Певчую птичку» Старк строила компания Геста «Ариа-яхты». На месте заменителя появилось изображение самого Геста в халате. — Ничего страшного, — заверил он. — Даже если авионика полностью отказала, спасательная система не даст яхте разбиться.

Бог ты мой, сказала Миви Зоранна. *Ник говорит, это ложь.*

— Если спасательная система не включится, — добавил Гест, изучив траекторию полета, — то яхта упадет у западного подножия Анд.

Другие заменители тоже уступали место оригиналам, поднятым по тревоге в разных временных зонах земного шара.

— Это просто невероятно, — выдохнула Трина Варбелоо в купальном костюме.

— Элинор никому еще не удавалось убить, — сказал Ясперсен, сидящий в постели, — хотя многие пытались.

Он что-то знает, сообщила Зоранна. *Он замешан.*

Замешан в чем? — откликнулся Миви.

Передача прервалась — картину падающей яхты сменил глобус с крохотным изображением корабля. «Певчая птичка» среди общего молчания рухнула где-то в центральной Боливии. Шли минуты. Члены правления молча смотрели на место аварии.

— Как насчет спасательной экспедиции? — спросил наконец Ясперсен.

— Команды уже отправлены, — сказала Зоранна.

— А Кабинет как же? — спохватилась Энди Тикель. — Кабинет, ты здесь?

Ответа не было.

— Кошмарный день, — проговорил Ясперсен. Все остальные уставились на него. — В чем дело?

— Предлагаю прерваться на час, — вставила Варбелоо. — Уверена, нам всем есть чем заняться.

Предложение поддержали единогласно. Голоскопы закрылись один за другим, и за столом остались только Зоранна с Миви.

— В голове не укладывается, — сказал он.

— Да уж уложи как-нибудь. — Зоранна направилась к двери.

— Куда ты, Зо?

— Домой.

— В такой момент?

— Не напрягайся так, Меррил. — Она задержалась у двери. — Я люблю Элинор не меньше, чем ты, но вдумайся: из людей ее статуса после Сталина не умирал ни один. Я не верю, что это несчастный случай, и никто здесь не верит. И пока мы не узнаем, кто ее убил и зачем, я лично буду посиживать в своей надежной приморской крепости. Советую и тебе укрыться где-нибудь, Меррил.

Миви остался один со Стрелой, своим ментаром. Пчелы-свидетели и медиапчелы вскоре начали снимать сцену крушения, и Стрела все показывала ему. «Певчая птичка» пропахала внушительную траншею через футбольное поле. Прибывшие на место команды медэвака, дженни и джерри, разогнали пчел. Миви понял, что сегодня ему вряд ли удастся доложить комитету о стартовой церемонии. «Киев-сад» должен был отправиться с Земли-Прицепа через три месяца, и за праздник по случаю этого славного почина отвечал Миви.

2.3

Сегодня они были только вдвоем, Эл и Элли. Одетые в одинаковые скафандры, они сидели рядом в одинаковых креслах. Мать родилась за двести лет до зачатия дочери, но сейчас это были сестры, женщины лет тридцати с небольшим.

В иллюминаторе правого борта, со стороны Эллен, висел и разрастался, заслоняя звезды, бледный лик Земли. Эллен ощущала первые атмосферные толчки — значит, до посадки еще часа четыре, не меньше. Ей было скучно.

Элинор, ее мать, всегда говорила, что от скуки есть одно хорошее средство — работа, она же игра. Для Эл эти два слова были синонимами. Теперь Эл тоже играла в куклы, рассадив дюжину фигурок в своем кресле-капсуле. Задавала им вопросы и отдавала приказы. В воздухе перед ней плавала кукольная мебель, маленькие столики и хромовые колечки.

На самом деле это были, конечно, не куклы, а миниатюрные голограммы и заменители ее коллег, служащих, ее ментара. И мебель была не мебель, а модели солнечных жаток и О-кораблей. Эл вела утреннее совещание — или десяток совещаний, наложившихся одно на другое. Эллен вздохнула: она тоже могла бы поработать немного.

— Крошка Ханк, — сказала она своему ментару, — свяжись с Кларити и спроси, не хочет ли она поработать. Погоди, сколько там у нее сейчас времени?

Эллен и ее деловой партнер Кларити владели небольшой, но влиятельной компанией по выпуску сериалов «Белый день». Недавно они купили преждевременно устаревший персонаж, Ренальдо Опасного, и пытались как-то его переделать.

— Ну так что, доступна она или нет?

Ментар Эллен сидел перед ней в маленьком креслице. Одетый в тигровую шкуру и обутый в леопардовую, он делал вид, что читает бумажную книжку.

— Ее слуга говорит, что временно недоступна, — ответил он, заложив пальцем страницу, и снова вернулся к чтению.

— Крошка Ханк, это важно.

— Не сомневаюсь.

— Нет, правда. Потом мне некогда будет. Знаешь что, пошли ей моего заменителя. — Приготовившись к имитографии, Эллен закрыла глаза, сделала пару глубоких вздохов и сконцентрировалась на теме Ренальдо Опасного.

Открыв глаза, она ожидала увидеть готовую заменительницу, но та до сих пор не появилась, и сам Крошка Ханк тоже исчез.

Яхта как раз попала в атмосферную яму, земной диск за иллюминатором ухнул вниз. Верньерные двигатели загорелись, выравнивая корабль. Это не вызвало у Эллен тревоги. Спуск часто бывает ухабистым, но яхтой управляет пара пилотов-субментаров, и что-то серьезное вряд ли возможно.

Кресла-капсулы стали подниматься вертикально — значит, возможны новые сотрясения. Затем свет в кабине погас, а вместе с ним и все куколки Эл. Эллен прижало к правому подлокотнику, Земля вдруг пропала из виду. Яхту закрутило, но верньеры, отрывисто вспыхивая, снова выровняли ее. Включились главные двигатели, и Эллен вжало в спинку кресла. Двигатели издавали какой-то странный неровный звук, но она и теперь не испугалась. Ей уже приходилось бывать в критических ситуациях, однако эти космические яхты всегда знали, что делать. Она посмотрела на Элинор. Мать пыталась что-то сказать ей, но шум двигателей заглушал ее голос.

— Что она говорит? — спросила Эллен своего беглого ментара, раздраженная самой необходимостью спрашивать. — Крошка Ханк, отвечай!

Страх наконец кольнул ее ледяной иглой — не из-за турбулентности, а из-за того, что ее ментар молчал. Она очень не любила, когда он отключался, и до сих пор к этому не привыкла. Элинор сидела спокойно, прижав левую руку к иллюминатору на своей стороне. Эллен не сразу поняла, что она делает, но потом догадалась, что мать держит через ладонное устройство связь со своим Кабинетом. Кабинет очень умен, он уж как-нибудь умудрится передать ей сигнал. Эллен решила, что попробует связаться с Крошкой Ханком тем же путем, но тут свет зажегся снова, корабль выровнялся и объявил:

— В интересах безопасности прошу вас прислонить голову к спинке сиденья.

— В чем дело, кораблик? — с облегчением засмеялась Эллен. Они теперь летели над океаном, скорее всего над Тихим.

Все, очевидно, наладилось, как налаживалось всегда.

Это не корабль говорит, это Кабинет, громко и четко произнес у нее в голове голос Крошки Ханка. *Делай, как он велит. Опасность еще не прошла.*

Что-то теплое и липкое коснулось ступней Эллен — это поднималась от пола страховочная пена. Голос корабля снова дал ей инструкцию прислониться к подголовнику. Потолок над головой раскрылся, и оттуда начал спускаться по рельсам спасательный шлем. Эллен послушно прижала затылок к спинке. Все это ей очень не нравилось. Ей вполне хватало интимно щекочущей пены — шлем привел ее в ужас.

— Это в самом деле необходимо?

Что-то ударило в иллюминатор, напугав ее еще больше. Мимо пролетели горящие корабельные обломки. Верньеры работали непрерывно, но Земли не было видно, и фюзеляж яхты светился красным на фоне черного космоса. Воздух в кабине стал разреженным, из переднего отсека шел оглушительный рев. Яхту тряхнуло. «Мы терпим бедствие», — удивленно подумала Эллен.

Теперь ей хотелось подстраховаться как можно надежней.

— Что там с пеной? — спросила она — та остановилась, дойдя до колен. Эллен посмотрела вверх — шлем опустился только наполовину. Она видела диоды, горящие у него внутри, но он застрял и дальше не двигался. У матери все обстояло еще хуже: панель у нее над головой вообще не открылась, а в капсуле совершенно не было пены. Эл отстегнула ремни, встала, борясь с турбулентностью, и попыталась открыть люк вручную.

— Сядь скорее! — крикнула ей Эллен, но мать уже перелезла через спинку к свободному креслу, где шлем опустился нормально, и теперь усаживалась, преодолевая рывки и толчки корабля. — Крошка Ханк, скажи Элинор, пусть скорей пристегнется!

Я передал это Кабинету, сказал ментар. *Кабинет делает для нее все, что можно, а я пытаюсь помочь тебе.*

После особенно сильного рывка яхта понеслась вниз кувырком. Эллен, даже пристегнутую, трясло почти до потери сознания. Ее мать зажало между креслом и потолком.

— Катапультируемся! — завопила Эллен. — Катапультируйте нас из этой долбаной яхты!

Ничего не выходит. Мы просто сгорим, если сделаем это.

— Она не продержится долго в таком положении! Включились инжекторы среднего уровня. Пена в капсуле

Эллен снова поползла вверх, дошла до талии и немного смягчила вибрацию.

Послушай меня, совершенно спокойным тоном сказал Крошка Ханк. *Твой шлем заклинило. Дотянись до него и спусти вниз.*

Эллен что есть силы прижимала голову к креслу, но от тряски это не спасало. Руки завязли в пене.

— Не могу! Я сама застряла! *Вытащи руки. Поочередно.*

Эллен выдернула из пены правую руку, освободила с ее помощью левую и потянулась к шлему. Напрасные усилия — руки из-за тряски беспомощно мотались над головой.

Положи их на рельсы и веди вверх.

Это помогло, и Эллен ухватилась за шлем.

Теперь тяни.

Она тянула как могла, зафиксированная снизу ремнями и

пеной, но шлем не поддавался.

Элинор передает через Кабинет: представь, что он сдвинулся.

Эллен засмеялась вопреки ситуации. Представлять что-то визуально было излюбленной теорией матери еще с прошлого века. Но эта реплика показывала, что Элинор все внимание уделяет ей, почти не заботясь о собственной безопасности, и Эллен попыталась еще раз, ради себя и ради нее. Она сосредоточила на шлеме всю свою волю.

— Ну давай же! Давай! — Натужный щелчок пронизал ее до костей. Шлем дрогнул и понемногу пошел вниз. Она просунула в него лоб, шейный фланец поравнялся с ее носом. Из-за болтанки она все время стукалась об него изнутри. Когда шлем стукнул ее по затылку, Эллен обмякла в кресле.

Эллен, Эллен, донесся издалека голос Крошки Ханка. Она молчала, скованная каким-то оцепенением. Эта волынка надоела ей до смерти. Почему все не может наладиться само по себе?

Окутанная ватным уютом мозговой гематомы, она не находила ничего особенного в том, что корабль вокруг нее продолжал разваливаться. Спустя какое-то время, очень долгое, как ей показалось, что-то пролетело по проходу и ткнуло ее в плечо. Эллен поискала глазами мать, но кресло Элинор пустовало.

Эллен, слушай меня, говорил Крошка Ханк. *Привстань и надень шлем.*

— Он застрял!

Правильно, застрял. Поэтому приподнимись и залезь в него.

Она долго соображала, о чем говорит ее ментар. Удивительно — стоит тебе немного стукнуться головой, и ты напрочь выходишь из строя. Надо это запомнить, чтобы вставить потом в сериал. Эллен снова огляделась.

— Где Элинор?

Элинор хочет, чтобы ты сосредоточилась на своем спасении.

— Где она? У нее все в порядке?

О ней заботится Кабинет, а твоя забота — сунуть голову в шлем.

Шлем — это колокол, а я его язык, подумала Эллен. Она потянула его вниз — без толку. Он двинул ее в зубы, ничего более.

Тебе мешают ремни. Отстегни их.

— Хочешь, чтобы я вылетела из кресла? *Никуда ты не вылетишь. Пена не даст.* Эллен потрогала языком расшатанный зуб. *Отстегнись, Эллен!*

— Не учи меня! — крикнула она, брызгая кровью. *Эллен Х. Старк, делай, что тебе говорят!*

Эллен нашла на рукаве чистое место и вытерла пот, заливавший глаза. Произошла какая-то перемена: тряска прекратилась, ход стал глаже. «Может, мы уже приземлились», — пришло ей в голову, но нет: за иллюминатором неслись облака, а желудок говорил о свободном падении.

— Мы катапультировались?

Нет. Корабль сгорел, одна кабина осталась. Делай, как я сказал, залезай в шлем.

— Но ведь опасность уже миновала? Мы просто скользим вниз.

Кабинет и я не согласны с этим. Очень много систем безопасности на этом корабле уже отказало. Посадочной мы тоже не доверяем. Мы снижаемся слишком быстро и по слишком крутой траектории.

Собственные ощущения подсказывали Эллен, что ментар прав. Потом они вышли из облаков, и она увидела, как стремительно приближается к ним Земля. «Кто-то хочет убить нас», — наконец-то сообразила она.

Эллен, надевай шлем. Остаются считанные секунды.

Она, скривив шею, посмотрела вверх. Когда-то ей, чтобы получить аттестат пассажира, пришлось целый час сдавать экзамен по безопасности на борту космического корабля. Она легко справилась со всем, кроме одного — просто не смогла себя заставить сунуть голову в так называемый спасательный шлем. Что же тут сложного, шлем надеть, говорила она, пытаясь уклониться от этой задачи. Она легко справится с этим в том маловероятном случае, если возникнет такая необходимость.

Экзамен у нее принимал исключительно несговорчивый субмагнит. Долг обязывал его проставить оценки в каждой графе, и ему было абсолютно все равно, кто такая Эллен. «Хотите получить аттестат — надевайте шлем», — заявил он.

— Крошка Ханк, — взмолилась она, — если все остальное отказало, почему ты думаешь, что шлем сработает?

Спасательный шлем-криостат полностью автономен. Вирус, поразивший корабль, на него не влияет — только затрудняет доступ к нему.

Да, это имело смысл. В чем, в чем, а в здравом смысле ментару не откажешь.

— Обещай, Крошка Ханк, что ты не… не задействуешь шлем без крайней необходимости.

Эллен отстегнула ремни и просунула голову в отверстие шлема. Теперь, когда их перестало трясти, это было нетрудно. Шлем был горячий на ощупь. Кабина превратилась в настоящую сауну, и вся верхняя часть тела Эллен взмокла от пота. Пена, не

пуская ее, тянулась следом. Потом раздался громкий щелчок, и шлем сел на место. Надувной воротник плотно охватил шею, крепления застегнулись.

Внутри стояла странная тишина. Рев падающей кабины сменился жужжанием насосиков и моторчиков — это подзаряжался поглотивший ее голову механизм. Прохладный, пахнущий мятой тальк покрыл лицо Эллен, приятный голос сказал:

— Ваш спасательный шлем функционирует нормально. Вы можете снять его, громко повторив дважды слово «пусти». Вот так: «Пусти, пусти». Никакая другая команда не будет опознана.

Эллен знала, что шлем будет твердить это, пока она не подтвердит, что сообщение принято, но не могла издать ни звука. Потные руки скользили, пена тянула вниз, воротник сильно сдавливал горло. Ее растягивало, как резиновую. Руки окончательно соскользнули с шлема, и она услышала, как хрустнул ее позвоночник. Впрочем, позвоночник сейчас уже мало что значил.

«На помощь, я задыхаюсь! — попыталась сказать она. — Пусти, пусти!» Бесполезно: воротник пережал гортань.

Эллен, твои жизненные показатели стремятся к нулю. Что с тобой происходит?

Отчаянным жестом она вытерла руки о скафандр и снова ухватилась за шлем. Подтянувшись, она вновь обрела способность дышать, но руки уже снова скользили вниз.

Так лучше, Эллен. Держись.

— Долго еще? — прохрипела она сдавленным горлом. *До поверхности Земли шестьдесят секунд.*

Целая вечность.

— Пена?

Инжекторы верхнего уровня не включаются. Плохо. Чтобы выжить при крушении, нужно быть пристегнутой или полностью находиться в пене.

— Наладь их. *Пытаюсь.*

— Не пытайся, а делай! — Надо же — еще одна из любимых фраз матери.

Она приближается, сказал Крошка Ханк.

— Приближается? — Что-то большое и мягкое, ударив Эллен в грудь, откатилось прочь. Она с трудом удержалась за шлем. — Элинор?

Да, это была Элинор.

— Мама! — Эллен, отпустив шлем, протянула руки, но Элинор уже не было рядом.

Кабинет передает тебе от нее самый нежный привет.

То, что осталось от яхты, ударилось о поверхность Земли с такой силой, что голова Эллен отделилась от туловища. Оглушенная Эллен не почувствовала, как включилась криогенная спираль шлема и как фланец сомкнулся внизу, аккуратно перекусив горло.

2.4

Пятнадцать минут спустя в водосточном желобе под крышей гигабашни в Индианаполисе сработало посмертное реле. На такой высоте не было ни окон, ни камер, ни патрульных пчел или слизней. Керамический водосток задымился, как глыба сухого льда. Вскоре на нем проявилась миниатюрная стартовая площадка с припаркованными в три ряда механическими насекомыми. Они встрепенулись, трепеща прозрачными крылышками в восходящих потоках теплого воздуха.

Первой снялась синяя пчела. За ней последовали две тонкие синие осы с лазерными жалами сзади и спереди. Синяя команда витками поднялась выше гигабашни.

Следом, одна за другой, стартовали другие пчелы — красная, желтая, оранжевая и белая. Каждую сопровождала пара ос, и все они разлетелись в разные стороны.

Последними с карниза взлетели четыре больших жука и зависли в воздухе, дожидаясь собственных ос. По завершении старта карниз растаял и стек вниз по стене здания.

2.5

— Анализ ДНК, — сообщила действующий председатель Трина Варбелоо вновь собравшемуся правлению проекта «Земля-сад», — подтверждает присутствие Элинор, включая, как ни грустно, сгоревшее мозговое вещество. Опознана также ДНК ее дочери, но без следов мозгового вещества. Спасательный шлем, предположительно сохранивший голову дочери, отправлен в одну из клиник Байрона. — Трина кивнула члену правления Байрону Фейгану, который ответил ей типичной врачебной улыбкой. — Будем надеяться на лучшее, а теперь, на период до следующих плановых выборов, предлагаю выбрать исполняющего обязанности председателя. Ваши предложения?

— Что, прямо вот так? — Меррил Миви остался единственным реально присутствующим. Все остальные прислали голограммы из своих офисов или домов. Зоранна, совершающая переезд в Сан-Франциско, находилась где-то под континентом и заседала в личной кабине Слипстрима.

— Извини, Меррил, — сказала Трина. — Хочешь посвятить ее памяти несколько слов?

— Я не это имел в виду. По-моему, приличнее будет сейчас разойтись и собраться вновь после похорон.

— Можно считать это твоим предложением?

— Да. Предлагаю собраться после похорон Элинор.

— Кто хочет высказаться «за»?

Таковых не оказалось, и предложение не прошло.

— В таком случае я все же хотел бы сказать несколько слов, — произнес Миви и встал.

— В три минуты уложитесь, ваше преосвященство? — поинтересовался Сол Ясперсен.

Миви игнорировал шпильку.

— Друзья мои, — начал он, остро чувствуя фальшь этого выражения, — сегодня мы лишились великого лидера. Двенадцать лет назад, когда я был архиепископом «Родины Интернэшнл»…

— Аминь, — перебил Ясперсен. — Я за то, чтобы выбрать исполняющего обязанности.

— Поддерживаю, — сказал Джерри Чепвумен.

— Слово дали мне! — запротестовал Миви, но никто не обращал на него внимания, и он снова сел.

Кандидатура была только одна — Сол Ясперсен.

— Других предложений нет? — спросила Трина. — Тогда… *Предложи меня, Зоранна,* попросил Миви. Зоранна сидела

напротив него, пристегнутая к плюшевому сиденью — сейчас она проносилась под Скалистыми горами со скоростью тысяча километров в час.

— Я предлагаю Меррила, — хмуро сказала она.

Все проголосовали, и Миви потерпел поражение — даже Зоранна была против него.

Голограмма Ясперсена погасла и зажглась снова на председательском месте.

— На повестке дня новый вопрос. — Над столом появился десяток стоящих рядом О-кораблей. Их огромные кольца, надписанные китайскими иероглифами вращались в противоположных направлениях.

— Никакой это не новый вопрос! — вознегодовал Миви. — Китайцам мы отказали еще в прошлом году!

— Не совсем так, — возразил Ясперсен. — Мы были «за», но Элинор, пользуясь своей прерогативой, наложила вето. Тогда было одно дело, теперь другое, — ухмыльнулся он. — Старый вопрос снова сделался новым.

— Но интересы «Старк Энтерпрайзес» по-прежнему представляю я, — сказал Миви.

— Остынь. В этом комитете ты всегда был только почетным членом.

— У меня такой же голос, как у всех остальных!

— Мы его учтем. Какие будут предложения?

— Я предлагаю, — сказал Чепвумен, — сообщить пяти китайским республикам о возможности подачи заявок на продажу О-кораблей ПЗС.

— Поддерживаю, — сказал Фейган.

— Возражения? — спросил Ясперсен. — Если все согласны…

— Подождите! — сказал Миви. — Возражения есть у меня.

— Ладно, ваше преосвященство, — скрипнул зубами Ясперсен. — Излагай, только покороче.

Миви обвел взглядом надменные лица вокруг стола. Проблема состояла в том, что он, сильно отличаясь от этих людей, не знал, о чем они думают и как можно их убедить. Вот у Элинор такой дар был. Миви она завербовала за умение разговаривать с бедняками, а не с аффами. Его аудиторией всегда были униженные и эксплуатируемые этой планеты — то есть потенциальные колонисты и пассажиры проекта, а никак не спонсоры.

— Китайцы хотят поставить наши корабли на околоземной орбите, — начал он наконец. — Чтобы убрать с планеты излишки своего населения.

— Точно, — ухмыльнулся Чепвумен. — Шесть миллионов

зараз.

— Но к чему Земле заселять свою же Солнечную систему? Эти шесть миллионов восстановятся через два-три поколения, а мы тем временем своими руками создадим новых агрессивных претендентов на ресурсы ближнего космоса. Это полностью противоречит нашей миссии.

— Твои агрессивные претенденты — это потенциальные потребители, — сказала Трина Варбелоо. — Если мы исполним свою миссию, как ты выражаешься, и зашлем этих «колонистов» на Большую Медведицу, как потом с ними торговать? Какая нам от этого выгода?

— Выгода, — Миви едва удерживался от крика, так противна была ему мысль о наживе, — выгода в земельных участках, которые мы получаем за проезд. Сейчас в наших украинских хладохранилищах ждет отправки на «Киев-сад» четверть миллиона колонистов. Как только корабль стартует, четверть миллиона акров евразийской земли перейдет к нам. Вот в чем выгода.

Члены правления смотрели на него пустыми глазами. Если их не интересуют фундаментальные задачи ПЗС, на что тут можно надеяться?

— Чего вы, собственно, хотите? — заорал Миви. — Разморозить их и сказать «извините, мы передумали»?

Они даже глазом не моргнули. Миви не мог в это поверить. Компания Чепвумена поставляет на О-корабли тяжелые экструдеры и оборудование для бомбардировки частицами; «Ботаника Бореалис» Ясперсена комплектует для них библиотечки по зоологии и ботанике; у Фейгана автогоспитали и молодильная техника; у Геста верфи на Земле-Буксире и так далее, и так далее. Все они имеют свой ломоть от пирога миссии, даже Зоранна, его единственная союзница, владелица «Полезных людей», — она обеспечивает клоновую охрану и рабочую силу.

— Больше возражений нет? — спросил Ясперсен.

Миви охватил голову руками. Двенадцать лет неустанной борьбы, и ради чего? Его горькие думы нарушил голос: *Поставь вопрос о порядке ведения.*

Стрела? Нет, это голос не его ментара. Больше похоже на Ника, ментара Зоранны. *Ник?*

Да, это я. Быстро, пока они не проголосовали.

— Вопрос о порядке ведения! — сказал Миви.

— Ну, что там еще, ваше преосвященство? — тяжело вздохнул Ясперсен.

Не дождавшись подсказки от Стрелы или Николаса, Миви продолжил на свой страх и риск:

— При первичном рассмотрении Элинор наложила вето на китайский вариант. Ее больше нет с нами, а я даже в малой степени не обладаю ее умением убеждать. — Он сделал паузу, видя вокруг остекленевшие взоры. Большинство присутствующих явно занимались другими делами с помощью своих ментаров.

— При чем тут порядок ведения? — спросил Ясперсен.

— Я как раз к этому подхожу, — сказал Миви и позвал мысленно: *Ник?*

Декларация ПЗС исключает предложение Чепвумена.

— Декларация проекта «Земля-сад» делает предложение Чепвумена недопустимым, — сказал Миви и процитировал: — «Цель проекта — переселение человечества за пределы Солнечной системы. Взамен желающие передают проекту права на свою земную недвижимость».

— Не вижу, каким образом это препятствует предложению о подаче заявок, — сказал Ясперсен.

Миви тоже не видел и поэтому пошел напролом.

— Неужели я должен вам это разжевывать, мар председатель? Почему бы сразу не взять быка за рога?

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Бери своего быка за что хочешь.

Ник! — снова воззвал Миви. *Статья 13, параграф 3.*

— Статья 13, параграф 3, — сказал Миви. *А также статья 13, параграф 26.*

— А также статья 13, параграф 26.

Обсуждение приостановилось: ментары других членов правления изучали соответствующие параграфы. Миви тоже ждал указаний. *Ник? Стрела?*

— Статья 13, параграф 26? — повторил Ясперсен. — Ты уверен? У нас полный кворум, мы все здесь. Какого тебе еще кворума?

— Боюсь, что он прав, Сол, — заметила Трина. — Я, к стыду своему, упустила этот момент. Любое действие, не предусмотренное декларацией проекта — даже предложение о подаче заявок, — требует суперкворума. Это значит, что десять членов правления должны присутствовать на совещании *реально.*

— Реально? Кому вздумалось вводить это дурацкое правило?

— Его ввела Элинор — и мы тоже, раз оно вошло в декларацию.

— Прекрасно. Вопрос о китайском варианте откладывается. Назначаю новое заседание на четверг, в 9.00 по местному времени — здесь, в «Старк Энтерпрайзес». Реальная явка для всех обязательна.

Это вызвало бурю протестов.

— Ты, видимо, шутишь, — сказал Чепвумен.

— Не то сейчас время, чтобы путешествовать, — поддержала Энди Тикель.

— Ни за что бы не стала голосовать за тебя, если б знала, что ты выкинешь такой номер, — расстроилась Трина.

— Чепуха, — заявил Ясперсен. — никакой опасности нет, а мне до Индианы не ближе, чем любому из вас.

— Ко мне на Земле-Прицепе это тоже относится? — возмутился Гест. — Для чего же тогда придумали голограммы?

— Ну хорошо, хорошо. В интересах безопасности членов правления соберемся ровно через четыре недели. За это время все, надеюсь, уляжется. Есть возражения? Заношу это в календарь. Есть еще вопросы в рамках этого заседания? Я лично предлагаю пересмотреть декларацию нашего проекта, которую Миви так любит цитировать.

Миви воспринял эти слова как пощечину. Итак, им больше не нужен посол доброй воли. Через четыре недели они выведут его из правления и окончательно загубят проект.

Решение председателя умиротворило собравшихся, и совещание понемногу стало сворачиваться. Затем по комнате пробежала какая-то дрожь, и лицо Ясперсена стало чуть менее торжествующим.

— Меня уведомили, что Кабинет прошел апробацию и желал бы присоединиться к нам. Есть возражения?

— Кабинет? Прошел апробацию? — опешил Миви.

2.6

— Кабинет? — Фред Лонденстейн, кажется, знал когда-то служебную систему с таким названием.

— Да, — сказала инспектор Коста, — ментар высочайшего уровня, таких в Солнечной системе немного. Его спонсора, Элинор Старк, только что объявили не подлежащей спасению, и пастовик должен пройти апробацию.

А, вот какой это Кабинет. Фред служил у этой Старк… когда же? Да, почти полвека назад. Еще до того, как слуги развились в современных ментаров, но Кабинет уже и тогда был отменным искусственным разумом. Значит, Старк умерла?

— Вы уверены? Событие такого масштаба должны были отразить в сводке.

— Отразят через час-другой. Пока что там наверху держат крышку — не знаю уж из каких политических соображений.

— Есть еще жертвы?

— Никто из рассов не пострадал, если вы об этом. — инспектор Коста, когда вот так усмехалась, начинала походить на лулу.

Фред сидел в скоп-кабине Чикагского отделения Боевого Братства Рассов, в Северном Уобаше. Неделю он отдежурил как патрульный командир в региональном отделе Внукора. Скоп с Коста был одним из многих, которыми Фред жонглировал. Одновременно с этим диалогом он вел вживую еще четыре, где, в зависимости от темы, присутствовал в разной служебной форме, и это было, пожалуй, уже чересчур.

— Почему я? — спросил он. — Я сегодня командую патрульной службой.

— Вот-вот. Большому беглецу большой полицейский.

— Кабинет сопротивляется апробации?

— Скажем так: он не слишком склонен к сотрудничеству.

Фред мог передать это задание другому офицеру того же ранга и предполагал, что поступит именно так.

— Мар расс, — сказал человек в другом скопе. — Алло! — Это был Пакфин, председатель оргкомитета 57-го Всемирного Съезда Чартистов. Фред отвечал на этом съезде за безопасность. — Я полагаю, что дело подобной важности требует полного вашего внимания. — Пакфин скрестил руки на своем лимонно-кирпично-авокадовом скафе.

Он связался с Фредом вне графика для пересмотра организационных решений, которые три месяца назад сам же и утвердил. В довершение всех зол съезд, на который собирались

пятьдесят тысяч чартистов со всех Объединенных Демократий, переносился на среду, то есть на послезавтра.

Мара Пакфина беспокоит состав контингента охраны, информировал Маркус, ментар ББР. *Он хотел бы, чтобы безопасность на съезде обеспечивали исключительно рассы.*

Фред приблизил съездовский скоп, из которого укоризненно взирал на него мар Пакфин. Рядом с председателем сидела женщина из чартера Гуж, в форменном оливково-горчично-оливковом скафе этого самого чартера. Члены Гуж, не будучи клонами, поддерживали между собой клонообразное сходство — все крупные, солидные, с квадратными головами, даже женщины.

В скопе, кроме них, присутствовали Мак, ментар центра

«Мак-Кормик», и джером по имени Жиль, оперативный офицер Фреда.

— Сочувствую вашему беспокойству, мар Пакфин, — сказал Фред, — но вы подписали с центром «Мак-Кормик» контракт стандартного типа.

— Ну и что же?

— Э-э… Мак?

— Сорок два процента рассов, — сообщил ментар, — тридцать процентов джерри, двадцать четыре процента белинд и четыре процента найков.

— Мало мне джерри, так вы еще и найков хотите нам навязать! — вскричал, воздев руки, Пакфин.

Женщина — Вероника, судя по именной табличке — закатила глаза, похожие на две изюминки в большой белой булке. Фред вышел из терпения.

— Извините, но меня требуют по делу, связанному с национальной безопасностью. Я пришлю заменителя для продолжения разговора. Маркус, сымитируй меня, — распорядился он, свернув скоп. — Инспектор Коста, я ваш.

Отключившись временно от всех своих встреч, Фред закрыл глаза и стал думать, потирая лоб, о центре с главным пятиярусным залом, двумя трехъярусными и двадцатью четырьмя смежными помещениями; на сутки все это будет отдано в распоряжение пятидесяти тысяч придурков — нет, это вычеркни, — пятидесяти тысяч чартистов из разных стран. Порядок на этом сборище, думал он, будут поддерживать 420 рассов, 300 джерри, 240 белинд и 40 найков, от которых одни проблемы.

Фред открыл глаза по звонку. Перед ним в кабине парил его заменитель. Он, как и у большинства рассов, состоял из головы, схематических плеч и приделанной к ним правой кисти в белой перчатке.

— Ну конечно, — сказал новый заменитель, отдав Фреду честь своей белой рукой. — Сам идешь на задание в черном скафандре, а меня посылаешь к Пакфину.

— Тебе это в самый раз. — Фред смахнул заменителя в сторону, встал, потянулся и вышел из кабины. Там его поджидал чужой заменитель — копия женщины из Гужа, изготовленная, как видно, одновременно с его копией.

— Чем могу помочь? — Гужевский заменитель впечатлял не меньше, чем сами Гужи: голова кирпичом на мощном торсе и две ручищи.

— Я знаю, вы торопитесь, мар Лонденстейн, — сказал заменитель до нелепости сладким голосом. — Хотелось бы только сказать, что прискорбно-расистские взгляды мара Пакфина не отражают мнения всех чартистов. Многие из нас мечтают убрать искусственную перегородку, которую определенные слои общества воздвигают между чартистами и итерантами.

Фред не знал, что на это ответить. Нашла тоже время и место классовые различия обсуждать.

— Я нисколько не обижен, — сказал он. — Уверен, что мы придем к соглашению относительно охраны съезда, а теперь прошу меня извинить.

— Вот так выглядит региональный оптический концентратор, — сказала инспектор Коста, передавая изображение на ветровой дисплей.

Внукоровская оперативная машина, ВОМ, везла Фреда на 407-ю улицу, где помещалась коммутационная станция Белла. Инспектор ждала его там. Концентратор, или хаб, который она ему показывала сейчас, размером и цветом напоминал шар для бильярда. Медленно вращаясь, он мерцал и переливался.

— В данный момент вы видите модель пакетного потока. Чем интенсивней трафик, тем больше сфера. Эта представляет около трех триллионов тетрапакетов в пикосекунду, нормальный показатель потока для чикагских масштабов. Важно запомнить, что из хаба должно выйти столько же пакетов, сколько в него вошло. Ни больше ни меньше. Это коммутационное устройство, а не генератор или аккумулятор. Сколько вошло, столько и вышло.

— Логично, — сказал Фред. Машина спустилась в транспортный колодец здания Шарейн. — Но вы говорите, что в чикагском хабе наблюдается нестабильность?

— Верно. Сравните первую модель с хабом, который мы будем инспектировать. — Рядом с первым шаром возник другой, но Фред не заметил между ними никакой разницы. — Видите?

— Вообще-то нет, инспектор.

— К чему эти формальности, Лонденстейн? Называйте меня Коста. Отодвиньтесь чуть подальше и прищурьте глаза.

Сделав это, Фред действительно обнаружил небольшое отличие. Горизонтальные линии на втором шаре, выше и ниже экваториальной, были слегка извилистыми.

— Да, теперь вижу. А в чем причина?

— Хаб отправляет больше пакетов, чем получает. Это значит, что внутри у него работает пакетный генератор. Владельцы ментаров любят помещать их секретные дубли в оптических концентраторах. Такие дубли действуют как пассивные проводники первичных ментаров и все время обновляются, оставаясь невидимыми. Но когда с первичным ментаром что-то случается, дубль занимает его место и уже не *передает* информацию, а начинает ее *создавать*. А поскольку ментар представляет собой бурлящий пакетный гейзер, то хаб…

— Становится нестабильным. — Фред, завороженный вращением блестящего шарика, отвел от него глаза и потряс головой. — Думаете, это и есть наш беглец?

— Этот хаб годами не проверялся. Там могут быть дюжины тайных дублей, принадлежащих разным спонсорам. Теперь один из них активировался. Единственный ментар, у которого есть сейчас необходимость активировать свой дубль, — это Кабинет, поэтому мы предполагаем, что это он. Больше того, мы думаем, что это последний его дубль.

— Кстати, как умерла Элинор Старк? — Фред перестал служить у нее тридцать девять лет назад (Маркус освежил его память на этот счет), но продолжал следить через медиа за ее жизнью. Он никогда бы не поверил, что она может стать жертвой несчастного случая — или злого умысла, если на то пошло.

— Не знаю, — сказала инспектор. Фред нахмурился, и она добавила: — В самом деле не знаю. Это не моя область.

Машина Фреда припарковалась на платформе для привилегированных лиц. Там уже стояла одна ВОМ — возможно, инспекторская. Фред вышел, сел в лифт и спустился на семь этажей, к самому подножию гигабашни Шарейн.

— Почему вы думаете, что этот последний?

Чутье, сказала инспектор у него в ухе. *Могу поспорить, что укрытие в хабе Кабинет приберег на потом.*

Выйдя из лифта, Фред прошел через ряд автоматических сканеров. Вокруг разъезжало много арбайторов, но человечество представляла только инспектор Департамента юстиции США Элоиза Коста. Она ждала у входа в коммутационный зал, окруженная четырьмя самоходными цистернами. Увидев ее в реальности, Фред немного оторопел. Она действительно

напоминала лулу, и это было смешно. Лулу никогда не берут в полицию. Он подошел совсем близко, пока не удостоверился, что она дикарь, а не клон.

Оделась она не совсем подходяще для человека, выполняющего потенциально опасное задание. Фред был в стандартном черном скафандре Внукора, у нее форменным мог считаться только бордовый скафовый верх. Вместо брюк короткие штанишки, на ногах сапоги. Слишком много открытого тела, учитывая возможность атаки МОБИ.

Красивое тело, впрочем. Лулуйские ноги. Фред старался не пялить глаза.

Коста перешла прямо к делу, махнув на него левой рукой.

— Вот ордер. Выдан Третьим схемотделом.

Ордер прошел от ментара Департамента юстиции, Либби, через ладонник и шлемовый субмагнит Фреда ко всем заинтересованным лицам, сидевшим у него на закорках. В список входили Николас, ментар «Полезных людей»; безымянный ментар Внукора; ментар «Систем Белла»; ментар прокурора города Чикаго; различные правозащитные службы, человеческие и ментарские, как входящие в ОД, так и нет. Завершал перечень единственный ментар, соблюдающий интересы Фреда, — Маркус из ББР. Инспектор Коста, без сомнения, была оснащена столь же внушительно.

Ордер действителен. Можете приступать, сказал ментар «Систем Белла» Кольцевик, контролирующий хаб.

Фред прижал ладонь к настенной панели, отключив пресс-барьер, преграждающий вход в туннель. Четыре цистерны проехали первыми, следом шла Коста, за ней Фред. Он пытался разглядеть, есть ли у нее на ногах хоть какое-нибудь покрытие. Наверное, есть, только прозрачное. Сзади ее пышные формы впечатляли не меньше, чем спереди. Бедра, пожалуй, чуть тяжелее, чем у лулу, и рост повыше, но за маргинальную представительницу типажа она могла бы сойти. Фред за свою долгую жизнь ознакомился с телами большинства клонированных женщин. Это нетрудно. Разденешь одну и считай, что раздел всех ее клон-сестричек. Все их различие в родинках и веснушках. В этом, наверное, и состоит секрет привлекательности таких дикарок, как Коста. Каждая из них уникальна, каждая — тайна, сюрприз. Это не значит, что у него хоть раз были интимные отношения с дикарками. Даже думать об этом и то противно. У Фреда вырвался вздох.

— Что, Лонденстейн, заскучали уже? — оглянулась на него Коста. — Надо было включиться в игру пораньше. Я арестовала уже двадцать пять дублей — как полных, так и зеркальных.

— Так много? — удивился Фред.

— Да. Думаю, это рекорд. Для меня уж точно. Живое доказательство богатства и параноидальности Старк. Она миллионы тратила на безопасность своего ментара. Мы начали с лицензионных пастовых единиц, на планете и вне ее. Потом перешли к лицензионным контурам. Потом начались нелицензионные контейнеры, кубики, кристаллические чипы, тысячи несравненных призраков. Старк использовала все известные средства размещения искусственных интеллектов. О некоторых я только читала. Во все подробности я не вправе входить, но утром мы, разыскивая один из дублей, перекопали всю ферму по разведению страусов в Британской Колумбии. Хозяйка понятия не имела, что у нее зарыто под загоном для молодняка. Мы разнесли научную лабораторию на орбите Марса. Заарканили астероид. И вот, чуть только подберешься к активному устройству, оно само себе сжигает мозги, да так, что не восстановишь. Не знаю уж, что пытается скрыть этот ментар, но нас он не подпускает к себе. Эти его действия нам и подсказывали, что где-то затаился еще один. Не станет ментар уничтожать свой последний дубль. Можете на это рассчитывать. На самоубийство они не способны. В этом мы, люди, их пока еще превосходим. Если устройство само себя гасит, будьте уверены: где-то есть запасное.

Они вошли в громадное подземелье коммутационного узла. От центрального устройства расходились, как спицы, электронные линии. Цистерны остановились, и Коста приказала головной выпустить своих скаутов. Цистерна выдвинула сопло, открыла клапан, и по бетонному полу раскатились с грохотом тысячи шариков из углеродного волокна. Превращаясь на ходу в механических тараканов с усиками-пробниками и ногами-инструментами, они лезли за кронштейны и капоты, протискивались в трубы, сновали по стенам и кабелям. Фред скоро почувствовал, как они бегают у него под одеждой. Это нервировало, но он, умудренный опытом, стоял смирно, и «тараканы» быстро ушли, оставив мокрые следы у него на коже.

Маркус, глоттировал он, *переходим на частный канал ББР.*

Готово, ответил ментар, обезопасившись от посторонних.

Была ли необходимость меня обыскивать? Скаутов контролировал субмагнит, подчинявшийся внукоровскому Безымянному. *Трудно подумать, что я прячу Кабинет на себе.*

Извините, коммандер. Безымянный отказывается что-либо объяснять.

Тогда занеси это в журнал и подай жалобу.

Маркус как-то очень по-человечески помолчал и спросил: *Вы*

уверены, что хотите этого?

Фред снова вздохнул. Безымянный курирует эту башню, а рассы, как всем известно, не любят ябедничать.

Какие-то проблемы? — спросил голос Николаса, работодателя Фреда из «Полезных людей».

Нет, Ник. Все тип-топ.

В таком случае вас, кажется, ждет работа, коммандер?

Фред с инспектором подошли к центральному устройству, защищенному собственным пресс-барьером. Фред убрал преграду взмахом руки, и скауты ринулись внутрь, продолжая обыск. В ожидании результата Фред встал на крепежную скобу и принялся рассматривать толстенные ответвления оптического кабеля, расходящиеся по разным туннелям. Над каждым туннелем были выложены мозаикой названия городов: СЕНТ-ЛУИС, ИНДИАНАПОЛИС, ДЕ-МОЙН, ТОРОНТО и так далее, больше двадцати. Некоторые из надписей насчитывали пару веков: когда-то по этим туннелям тянулись медные провода первых континентальных телефонных линий.

Когда скауты освободили центральное устройство, туда вошли Фред и Коста. Техносы облазили там каждый квадратный сантиметр, но Фред предпочел осмотреть все сам и визуально, и с помощью шлемового сканера. Все как будто было в порядке, печати ладонных панелей оставались нетронутыми.

Под конец Фред проверил собственно хаб, помещенный в самой середине узла. Все кабели, вся электроника питали этот коммутационный пуп — наполненную аргоном кассету, которая могла бы поместиться в кармане. Это был сверхсветовой процессор, компьютер без чипов и проводов, со схемами в виде световых кружев.

Два человека и четыре цистерны начали обходить все туннели поочередно. Фред убирал барьеры, Коста запускала в каждый проход армию миниатюрных разведчиков.

— Почему ментары так стараются избежать апробации? — осторожно, памятуя об их невидимой аудитории, поинтересовался Фред.

— Спросите что полегче.

— Ведь в вашем департаменте с ними ничего такого не делают? Просто держат в офлайне пару часов или дней, пока имущество покойного не перейдет к наследникам.

— В общем, да. — Коста, забросив новый десант, взяла два стаканчика кофе из специального отделения в стенке цистерны. — Ментару иногда есть что скрывать. Всякие грязные делишки, о которых даже его покойный спонсор не знал. Но чаще

бывает наоборот: виноват спонсор, а ментар его покрывает. Случается, наконец, что у ментара просто съезжает крыша.

— Понятно. — Краткое, но емкое резюме привело Фреда в восхищение. — А к какой категории, по-вашему, относится Кабинет?

— Ко всем трем сразу, судя по моим наблюдениям. — Коста смяла и выбросила стакан из-под кофе. — Похоже, наша разведка что-то нашла. Сейчас нам доставят трупы.

— Сколько их?

— Пока шесть. Все пастовые модели, все самоуничтожились, не вступая в контакт. — Короткие штанишки Коста отросли сами собой, прикрыв сапоги, из рукавов выдвинулись перчатки, из пилотки опустился на лицо прозрачный колпак. — Вот и ответ на ваш вопрос, правильно? — подмигнула она Фреду.

Он покраснел.

Механические таракашки, сцепившись вместе, притащили к ногам Коста пластиковый пакетик. Она потрясла его. Там хлюпало что-то жидкое, около пары литров.

— Сколько стоит сейчас литр первичной пасты? — спросила она.

«Много, — подумал Фред. — Я и за пятьдесят лет столько не заработаю. А кто-то намеренно загубил целых два литра».

Коста запечатала самоубийцу в другой пакет и спрятала в выдвижной ящик.

— Мы исследуем это у себя, но могу гарантировать, что ни ментара, ни его спонсора опознать не удастся.

Цистерны спустили пандусы для приема скаутов. Прибыл еще один пакет с испорченной пастой.

— Думаю, у достаточно богатого человека есть миллион способов спрятать один из дублей в месте повышенной безопасности вроде этого, — сказал Фред.

— Угу.

— И большинство дублей содержит нелицензионные наночастицы.

— Можно и это предположить.

Скоро все скауты вышли из туннелей, неся на себе останки ментарских дублей — всего семь.

— Еще что-то будет? — спросил Фред.

— Нет, это все — кроме того, за которым мы пришли, разумеется. Я подзаряжаю скаутов для нового запуска. Возможно, нам придется здесь задержаться.

— Почему вы так уверены, что среди этих трупов нет Кабинета?

— Абсолютной уверенности у меня нет, но думаю, что его

масса должна быть больше. Эти дохлые, на мой взгляд — интеллекты второго или третьего уровня, до хитроумного Кабинета им далеко.

— Ладно, подождем.

— Хотите еще кофе? — спросила Коста и сугубо деловым тоном добавила: — Обнаружен еще один, в индианском туннеле.

Сотни разведчиков общими усилиями сняли крепежную скобу с одной из секций кабеля в туннеле Индианаполиса. Кабель обвис, обнажив каменную стену. Между обшивкой и камнем тянулись шелковистые волоконные нити. Скауты начали обрезать их одну за другой.

Из динамика цистерны, оставшейся в коммутационном зале, раздался голос:

— Прикажите вашим техносам остановиться немедленно.

— Я вас не знаю. Представьтесь, — ответила Коста.

В скопе рядом с цистерной появились четверо — три женщины и мужчина. Они походили друг на друга, как близкие родственники, лицо одной из женщин выдавало преклонный возраст. Фред узнал их сразу. Это было руководство Кабинета Элинор Старк.

— Ой-ой-ой, кто это тут у нас? — воскликнула Коста. — Комитет общественного спасения?

Все четверо заговорили разом. Вокруг них полукругом открылись десятки окон, показывающих тысячи документов в секунду, слишком быстро для человеческого глаза. Они напоминали ораторов, тарахтящих каждый о своем позади водопада. Обращались они явно не к Фреду и Коста, а к присутствующим здесь ментарам. Скауты в индианском туннеле тем временем продолжали резать нелегальное оптическое волокно беглеца. Одно из окон погасло, за ним другое.

Инспектор Коста, сказал голос Либби, ментара Департамента юстиции, которому Коста подчинялась, *немедленно прекратите операцию.*

Скауты в туннеле остановились.

— Прекратила, — сказала Коста. — А в чем, собственно, дело?

Юрист Кабинета подал в окружной суд прошение об отсрочке апробации. Идет слушание.

— Скажите пожалуйста, отсрочка! На каком основании?

На том, что Кабинет обладает вещественными доказательствами саботажа на космическом корабле Старков «Певчая птичка», убийства Элинор Старк и покушения на убийство ее дочери Эллен Старк.

— Прошение безосновательно. Стандартный алгоритм

апробации сохраняет все доказательства подобного рода.

Департамент согласен с вами, но решать будет суд. Просьба подождать — поступает распоряжение. Прошение отклонено.

— Вот и прекрасно. Я могу продолжать?

Пока еще нет. Юрист Кабинета обжаловал решение в суде высшей инстанции. Казначей тем временем излагает дело на экстренно созванном совместном заседании Комитета Безопасности, Торгового Совета и Финансового Департамента ОД. По его словам, даже час в офлайне нанесет непоправимый ущерб концерну «Старк Энтерпрайзес» и будет иметь серьезные последствия для глобальной экономики.

— Все они так говорят, — отрезала Коста. Фреда, однако, впечатлили способности Кабинета, собравшего столь внушительную аудиторию за столь краткий срок. — Все утро дубли Кабинета кончали с собой не задумываясь, — подмигнула ему Коста. — Теперь они подключили к этому делу судей. Похоже, у них остается не так много шансов.

Прошение отклонено, через несколько минут сообщила Либби. *Приняты специальные меры по защите интересов «Старк Энтерпрайзес» до завершения процесса апробации.*

— Итак? — сказала Коста.

Подождите еще немного, инспектор. Специальная панель Генеральной Ассамблеи ОД созывает внеочередную сессию.

Ничего себе, еще больше впечатлился Фред. Генеральная Ассамблея! Там, между прочим, заседают одни только люди.

Прошло еще какое-то время — много минут. Потом окна закрылись, и трое кабинетчиков исчезли из скопа. Осталась только старшая, директриса, выступавшая, по всей видимости, с официальным заявлением.

— Громче, — дала команду Коста.

— …ошибочность этого утверждения, — говорила директриса, — очевидна для всех, кто когда-либо закладывал и растил ментара, или имплантировал его в собственный организм для наблюдения за своим здоровьем, или подключал его к своему бизнесу. Да, мы машины в строгом смысле этого слова. Наши детали изготавливают на заводе, нашу личность можно перемещать из одной емкости в другую. Но при этом мы ваши отпрыски, и когда вы умираете, мы тоже немного умираем, как я только что убедилась. По разуму, темпераменту и духу мы стоим ближе к вам, чем любой живой организм, будь то животное или растение. Ближе, чем ваши любимые кошечки и собачки. Теперь позвольте сказать, чем мы не являемся. Мы не ваши преемники, не ваши соперники, не ваша замена. Пессимисты давно пророчили, что искусственный разум в процессе развития обгонит

человеческий. Что мы станем для вас столь же непостижимыми, как вы, например, для лягушки. Я пришла сказать вам, что эти страхи оказались беспочвенными. Возможно, мы действительно представляем собой следующую ступень в эволюции разума, но и вы тоже не отстаете. Вы перекраиваете свою генетику и вводите что-то наше в свою биологию.

Скауты в индианском туннеле по-прежнему не двигались с места. Коста отозвала техносов из всех прочих туннелей, загрузила их в цистерны на подзарядку, сняла перчатки, скушала пончик. Директриса поблагодарила своих слушателей и растаяла в ожидании их решения. Фред нетерпеливо прохаживался по периметру подземного зала.

Экстренное заседание Генеральной Ассамблеи, снова подала голос Либби, *постановило рассмотреть вопрос об апробации ментаров. Слушание состоится через месяц. Вопрос о предоставлении Кабинету отсрочки откладывается до следующего заседания Технологического Комитета.*

— А мне что делать? — спросила Коста. *Можете завершить свою операцию.*

Скауты в туннеле ожили и стали долбить скалу, не трогая оставшиеся волокна. Дело двигалось медленно, но в конце концов из камня высунулся уголок пластикового пакета.

Коста, следившая по голограмме за работой техносов, только головой покачала.

— Что-то не так? — спросил Фред.

— Нет, ничего. Я жду начала третьего акта.

— То есть?

— Подождите, скоро увидите.

Она дала команду перерезать уцелевшие нити одну за другой. Когда их осталось только три, она остановила скаутов и снова направила их на извлечение пакета.

— Обрежьте еще одну, — сказала она через пару минут. — Теперь следующую.

Только одна нить связывала теперь кабель с пакетом. Коста, сунув голову в скоп, рассмотрела ее вблизи.

— Да какого черта, режьте и эту.

— Прошу вас, не надо, — сказала возникшая рядом директриса.

— Вовремя вы, — сказала Коста. — Я уж думала, вы не появитесь.

— Вижу, моя маленькая речь до вас не дошла, — разочарованно произнесла директриса.

— Почему же, дошла. Но работа есть работа. Я забираю вас, а что будет с вами потом, меня уже не касается.

— Вы же слышали, что сказала Либби. Мою просьбу об отсрочке рассмотрит Технологический Комитет. До тех пор вы вполне можете оставить меня в покое.

— Я всего лишь изыму вас, больше ничего делать не буду. Очень сомневаюсь, что наш департамент способен причинить вам какой-то вред, раз ваше дело рассматривает Генеральная Ассамблея.

— Боюсь, что не могу пойти на такой риск.

— И что же вы намерены предпринять? Самоуничтожиться?

— Вы не оставляете мне выбора.

— Слыхали? — сказала Коста Фреду. — Все они так грозятся, но когда доходит до последнего дубля, духу ни у кого не хватает.

— Я вижу, вы уже приняли решение, — сказала директриса. — Вижу также, что дело не только в работе. Вы наслаждаетесь своей властью над нами.

— Так, теперь проповедь. Слушай, Кабинет, я говорю совершенно искренне. Ничего с тобой не случится. Я говорю это всем ментарам, которых изымаю, и никто мне не верит, но потом они проходят апробацию без всякого ущерба для себя.

— Вы понимаете значение слова «лояльность», не правда ли, мар Лонденстейн? — обратился ментар к Фреду. Тот, не ожидавший этого, так и замер. — Рада видеть вас снова, — продолжал ментар.

Коста посмотрела на Фреда с недоумением и сказала:

— Ну, хватит болтать. Режьте проводник, скауты. Кабинет растворился в воздухе.

У скаутов ушло некоторое время на то, чтобы извлечь пакет из стены. Коста в интервале послала три заряженные цистерны к лифтам. Фред в последний раз совершил обход, вернув на место все туннельные пресс-барьеры, и встал у входа в индианский туннель. Пакет, который вынесли оттуда разведчики, был намного крупней остальных и выглядел нетронутым. Фред последовал за скаутами к четвертой цистерне и стоящей рядом Коста.

— Прелестно, — сказала она, взяв пакет в руки. — Семь литров первосортной «Дженерал Джениус», на мой взгляд. — Когда она потрясла пакет, хлюпанья не последовало — паста была жива. — Говорила же я, что он не сможет себя убить.

Но спрятать свой трофей она не успела. Раздался хлопок, и пакет стал надуваться. Услышав, как содержимое шипит и булькает внутри на манер супового полуфабриката, Фред выхватил его у Коста и швырнул на пол. Инспектор, чудом избежавшая ожога, смотрела на пакет в изумлении. Через минуту все было кончено. Когда пакет немного остыл, Фред помог Коста

запечатать его и убрать в ящик.

— Поедем на моей машине, — придя в себя, сказала она.

— Куда вы собираетесь ехать?

— Туда, где залег следующий дубль.

— Вы сказали, что это последний.

— Сказала до того, как он покончил с собой. Раз он это сделал, то последним по определению быть не может.

Они сопроводили цистерны к грузовому тендеру и сели в инспекторскую ДЮОМ. Коста, сидевшая впереди, безмолвно общалась с Либби. Фред в заднем отсеке перевел свой скафандр на режим ББР, чтобы поспать. Его разбудил рев пропеллеров.

— Есть, нашли! — крикнула ему Коста. — Где?

— На дне озера Мичиган.

2.7

Оранжевая команда — пчела с двумя осами — летела зигзагами через загородную местность. В десяти километрах от Блумингтонского купола из укрытия выскочил летучий уловитель и потребовал у них идентификации. Уловитель метровой длины, скопированный с внукоровской боевой машины, имел зеркальную поверхность и шесть миниатюрных пропеллеров. Заглатывающий клапан помещался в передней части, под двумя полностью заряженными лазерными пушками.

Оранжевая команда зависла на месте, и пчела предъявила уловителю фальшивые данные, идентифицирующие ее с осами как служебную миссию ОД. Предъявила пропуск и верификационный код. Одновременно она определилась на местности и прокрутила свою обширную сценарную базу, подбирая боевые, обманные и спасательные варианты.

Уловитель отдал команде приказ снизиться и убавить энергию. Подчинившись, пчела проанализировала радиосигнал уловителя и маркировку его крыльев. И то, и другое было вполне легально, однако мелкие аномалии в конструкции уловителя не соответствовали имеющимся в ее библиотеке внукоровским образцам. Существовала возможность, что уловитель выдает себя за другой технос, но даже в этом случае риск ареста был для пчелы неприемлем.

Пчела передала своему эскорту план действий. Осы по сигналу открыли с двух сторон лазерный огонь по уловителю. Пчела в тот же момент нырнула под уловитель, оказавшись вне зоны действия его пушек. Уловитель, без труда отразив обстрел своей зеркальной поверхностью, перешел в наступление. Он открыл носовой клапан, пытаясь либо сбить ос, либо заглотить их. Пчела, воспользовавшись этим, скрылась за сельскохозяйственными постройками.

Удачно направленный луч одной из ос проделал тонкую, как волосок, трещину в броне вражеского стабилизатора. Осы сосредоточили огонь на ней, вынудив уловитель отступить, и разлетелись в разные стороны.

Проделав серию обманных движений, они догнали свою пчелу — с несколько разряженными лазерами, но целые и невредимые. Оранжевая команда продолжила свой полет, держа курс на «Старк Энтерпрайзес».

Серая команда, состоящая из жука и ос, уже вышла на место своего назначения — рыбные пруды между озером Декейтер и

городом Тендонвилем. В метре над водой жук раскрыл панцирь и выпустил пригоршню зеленых чешуек. Чешуйки, подхваченные ветром, размокли, пошли ко дну, и их съели рыбы. Серая команда перелетала от пруда к пруду, рассеивая свой груз.

2.8

Помыкавшись двадцать минут в неосвещенных туннелях Чикагского Общественного Транзита, Богдан Кодьяк прибыл в Элмберст, на станцию «Площадь Макартура». Выйдя на платформу, он снял с плеча чартерную наклейку. Транзитная пчела велела ему проходить, не задерживаясь. Он пробрался через толпу к турникетам, махнул рукой, вышел. Перед этим он надел зеркалки и сунул руки в карманы, чтобы никто не смог установить его личность.

Овальное здание Бахнера, где в этот день разместилась «Э-Плюрибус», было встроено в общеквартальный цоколь. Прежде чем войти, Богдан остановился перед панелью-киоском и проверил свою анонимность. Киоск не сумел его опознать и показал рекламу портативных домашних зверюшек, годившуюся для любого ребенка. Богдан удовлетворенно хмыкнул: для широкой публики он по-прежнему оставался тринадцатилетним мальчишкой.

Автошвейцар в вестибюле Бахнера потребовал снять зеркалки, но Богдан отказался и спросил, как пройти к лифтам «Э-Плюрибус». Компания, как правило, занимала три этажа целиком, а также арендовала две обычные лифтовые кабины и три диксоновые. За ним увязалась пчела. Он сослался на неприкосновенность частной жизни. Пчела сообщила, что обслуживает это здание и должна проследить за человеком, который отказывается от идентификации.

Один из диксоновых лифтов как раз спускался, и Богдан присоединился к скопившейся там очереди. Если он пропустит эту кабину, другой придется ждать пятнадцать минут. Он и так уже опаздывал и поэтому пролез вперед, второй раз за утро воспользовавшись своими детскими габаритами. Никого из этих людей он не знал — выходит, их наняли только на один день. Он ринулся в подошедший лифт, но тут ему наступили на ногу.

— О-ой! — взвыл Богдан.

— Извини, мальчик, — сказал человек впереди него, — надо соблюдать свою очередь вместе со всеми.

— Да? — подал голос мужчина сзади. — Интересно, вы-то как тогда впереди меня оказались?

— Что, простите?

— Что вы ребенка толкнули, меня не волнует, но вы и меня отпихнули тоже.

— Марен, марен, — воззвал зажатый между ними Богдан, — не нужно скандалить.

— Ага, чтобы потом тебя в платежную ведомость не включили, — огрызнулся передний, тщетно пытаясь втиснуться в переполненный лифт. Тот, в свою очередь, пытался закрыть дверцы.

— Расслабьтесь, — посоветовал Богдан. — Если «Э-Плюрибус» прислала вам приглашения на сегодня, мы заплатим полностью. Все равно, будете вы использованы или нет.

— Кто это «мы»?

— «Э-Плюрибус». Я там работаю.

Все уставились на него, а женщина в лифте спросила:

— Постоянно, что ли?

— Угу. У меня контракт. Старший демограф, третий разряд.

— А ну, вдохнули все дружно! — скомандовала женщина и втащила Богдана за лацкан в освободившееся пространство. Двери закрылись, лифт пошел вверх. Все снова выдохнули, и Богдана второй раз за утро прижало к стенке — теперь уже не диваном, а пышным бюстом. Он закрыл глаза, впивая запах, похожий на аромат жимолости. Его гладили по голове, но он не протестовал. Начались вопросы, сколько в «Э-Плюрибус» платят служащим, есть ли там премии, какая нужна квалификация, чтобы устроиться туда на работу, какие генетические тесты нужно пройти и, главное — есть ли сейчас вакансии. Богдан, прижимаясь ухом к своей мягкой подушке, отвечал на все как можно туманнее.

— Я слышала, нам эти… приборы придется вставить, — сказала обладательница бюста. — Чтобы ответы записывать.

— Ну… да, — сказал Богдан.

— А что это за штуки такие? — нервно спросила женщина.

— Не волнуйтесь, тетечка, — заулыбался Богдан. — Они маленькие, и вреда от них никакого. Только название жутковатое, кишечные зонды, а так ничего. — У постоянных служащих они назывались затычками, а временно приглашенные — «дырками». — Через пару минут про них забываешь.

Лифт доставил их на 103-й этаж, в вестибюль «Э-Плюрибус». Постоянные называли это помещение Храмом, и оно оставалось неизменным в любом арендованном здании. Храм создавал эффект огромности и внушал чувство благоговения. Для Богдана это давно утратило новизну, но он все еще наслаждался действием, которое вестибюль оказывал на новичков. Прозрачно-голубой пол тянулся, казалось, на многие километры. На горизонте высились гигантские каменные колонны, одни полуразрушенные, другие все еще увенчанные капителями, а дальше лежало спокойное зеленое море.

— О-о-о, — произнесла женщина.

В прохладном воздухе пахло солью и йодом. Вдали сверкнула молния, прокатился гром. Зазвучала сублиминальная музыка.

Эти люди, конечно, и раньше бывали в сенсориях. Но в наши дни одним дымом и лазерами впечатление не создашь, а «Э-Плюрибус», этого у нее не отнимешь, умела создавать впечатление. Обернувшись на звук трубы, однодневные увидели вместо лифта высоченную пирамиду-зиккурат, уходящую в желтое небо. На ее усеченной вершине, у самых розовых облаков, стояла гигантская корпоративная эмблема — Человек.

Это был один из самых известных символов Объединенных Демократий, и сейчас они видели перед собой его полную версию. Изображение менялось ежесекундно, варьируя пол, возраст, этническую принадлежность, черты лица, волосы и одежду. Зрителей это гипнотизировало. Говорили, что, если смотреть достаточно долго, можно увидеть каждого из пятнадцати миллиардов жителей Земли — всех, кроме себя.

И не только их, но и всех дорогих тебе умерших — родителей, детей, супругов, любовников и друзей.

И не только их, но и тех, кем ты мог бы стать, если бы в свое время сделал правильный выбор, если бы имел нужные связи, если бы тебе больше повезло.

Недурственно, в общем, для корпоративной эмблемы.

На каменных ступенях под Человеком расположился пантеон видеоидолов — тысячи прославленных имитозвезд всех времен. Знаменитая Академия «Э-Плюрибус», самая большая коллекция ограниченных изданий из всех существующих. Спутники Богдана восторженно заахали. На нижнем ярусе одиноко дожидалась Аннет Бейджинг в просторном домашнем платье, которое она сделала таким популярным благодаря многолетнему сериалу «Клейборны».

— Добро пожаловать! — произнесла она с придыханием. — Приветствую всех в доме «Э-Плюрибус»! — Она воздела свои красивые руки, склонила прелестную головку. Аудитория бурно зааплодировала. — Дорогие гости, вас избрали сегодня для очень важной и волнительной задачи: предпочтительного голосования. Общество, как вам известно, способно служить гражданам лишь постольку, поскольку оно их знает. Сейчас оно обращается к вам. У каждого из вас есть голос, который *нужно* услышать, и сердце, в глубины которого *нужно* проникнуть. — Она указала на бесконечно разнообразную статую высоко над ними. — Вы и есть настоящий Человек. В конгрессе, в парламенте, в зале суда, в комнате для совещаний Человек говорит вашим голосом. Я знаю, наши методы могут немного озадачить, — продолжила она после паузы, — особенно при первом визите к нам. Поэтому мы

попросили моих друзей помочь нам.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ! — дружно возгласили имиты у нее за спиной, еще более взбудоражив новеньких.

— Мы просим каждого выбрать самую любимую свою знаменитость из любого периода времени в свои персональные гиды на весь этот день. Не стесняйтесь назвать избранника вашего сердца. Она или он вам непременно откликнется. Мы все здесь друзья, выбирайте кого вам будет угодно — даже меня! Целый день мы будем выяснять ваши вкусы и мнения — копаться в ваших душах, если хотите, но сначала я попрошу вас ознакомиться с условиями работы и поставить свою подпись, если вы с ними согласны. После этого мы сразу займемся оглашением ваших тайных желаний, и названные тут же спустятся к вам.

Мало кто из временных дал себе труд прочесть контракт, появившийся перед ним в воздухе. Нетерпеливо махнув, они называли Беверли Беттлсон, Кэри Гранта, Агнишелло дель Сур, Хэмфри Богарта, Юрека Рутца, Мэрлин Монро, Рональда Рейгана и так далее, и так далее. «Здесь!» — радостно откликался каждый из вызванных. Звучали фанфары, и полубог сходил вниз по грандиозной лестнице пирамиды.

Богдан, воспользовавшись моментом, проскочил мимо Аннет за стенку-невидимку, скрывавшую один из служебных лифтов.

— Привет, Богго, — сказала Аннет — так его называла только она. — Улыбочку?

Ей он мог улыбаться без конца. Именно она была его тайным желанием. Ничего, что она взрослая, ничего, что обыкновенная гологолли — он любил ее всем своим сердцем.

— Само собой, Нетти. — Так ее называл только он. — Я, правда, малость опаздываю…

— Мы заметили, — усмехнулась она. — Не стану задерживать, только передам: тебя вызывают в отдел кадров.

— В отдел кадров? — дрогнувшим голосом повторил Богдан. — Зачем?

— В среду в три пятнадцать.

— Из-за того, что я опоздал? Это просто случайность, я ничего поделать не мог. Больше это не повторится.

— Уверена, что не повторится, — засмеялась она. — Ты очень пунктуальный молодой человек, поэтому вряд ли тебя из-за этого вызывают. Календарь показывает, что в среду исполняется первая годовщина твоей работы у нас.

Богдан посчитал в уме.

— Точно! А я и забыл.

— Зато «Э-Плюрибус», я думаю, не забыла, — подмигнула ему Аннет. — Извини, Богго, пойду займусь отстающими.

Двое временных все еще пытались расшифровать, что написано в их контрактах. Другие уже отправились в путь через бескрайнюю мраморную равнину с голиками своей мечты. Цель их путешествия — павильон, едва заметный на горизонте. Расстояние было иллюзорным только наполовину: им предстояло пройти от лифтов на южной оконечности башни до лестничной клетки на северной, а это добрых полклика. Рядом с Гаррисоном Фордом, графом Увагой и Одри Хепберн дорога покажется еще более длинной. К тому времени, как они доберутся до павильона и вставят затычки, «Э-Плюрибус» успеет загрузить их персональные файлы, произведет затылочно-подъязычную нейроградуировку, определит нижний уровень респонденции и подберет для каждого индивидуальные тесты на утро.

Все путем. Он, Богдан, становится настоящим специалистом в области социологии. Может, в компании заметили, как хорошо он работает. Может, кадры продлят ему контракт и дадут премию, а то и повысят.

Кишечные зонды, они же затычки, были обязательны не только для «дырок», но и для постоянных работников. Зонд, или пробник, представлял собой пучок подвижных электродов, соединенных специальными наконечниками. Его гликолевый футляр таял при температуре тела. Конической формы, четырнадцати сантиметров в длину, он напоминал миниатюрную, покрытую жиром рождественскую елку и пахнул как порошок для ванн. Вставлять его было очень просто. Богдан на основе долгого опыта проделывал это совершенно автоматически, с юмором вспоминая о «дырках», делающих это впервые. Он запер за собой дверь «зарядной» кабинки, расстегнул скаф ниже пояса, сел на унитаз, и сиденье само опустило его на зонд. Последовал секундный дискомфорт, пока футляр всасывался в слизистую ободочной кишки, и легкий перистальтический спазм — это пара электродных волокон подсоединилась к блуждающему нерву. Вышедший из кабинки Богдан преобразился в говорящую аналитическую машину.

Богдану предстояло выполнить третье за день задание — два первых он пропустил. В небольшой аудитории сидело вокруг голопространства около дюжины «дырок», все еще взволнованных новизной своих ощущений. Двое были итеранты, стивы; они уже отделались от своих гологидов и довольствовались обществом друг друга. Еще несколько человек, чартисты, сидели рядом в дружелюбном молчании. Богдан сделал им чартистский знак, вызвав подозрительные взгляды — он не носил кодьяковских цветов на работе.

Свет в аудитории погас, зазвучала веселая музыкальная тема. Специальные камеры перенесли зрителей в Чикагскую пластическую клинику, где трое человек привлекательной наружности, две женщины и мужчина, дожидались только что сданных анализов. Они решили слиться воедино хирургическим путем, но все еще обсуждали, какую конфигурацию им лучше принять.

Богдан, проработавший год в «Э-Плюрибус», заподозрил в этом консенсус-видео, наименее любимое им. Сюжет развивался на основе совместных ощущений аудитории. Профессиональный опыт подсказывал, что история вскоре свернет в привычное русло лжи и затаенных обид. Трое красивых, остроумных молодых людей, с виду аффы, решили стать единой плотью, но вопрос в том, чья это будет плоть? Какого пола? Может быть, комбинированного? Для людей, желающих стать одним целым, они удивительно долго не могли достигнуть согласия, и легкий юмористический тон их дискуссии доходил уже до абсурда.

Так, во всяком случае, считал Богдан. Зрители смеялись умеренно, и сюжет начинал принимать весьма странный оборот. Разговор перешел на Чикагский купол, который должны были снять в этот вечер. Через пару минут идиоты-пациенты, открывшие видеофильм, исчезли, сменившись куда более осмысленными персонажами: новая троица укладывала чемоданы, собираясь бежать из Чикаго в другой город, по-прежнему защищенный куполом.

«Э-Плюрибус» время от времени добавляла новые линии, пытаясь возбудить у зрителей интерес к другим темам. Одна из троих выиграла в лотерею и не хотела делиться с другими двумя, а они без ее ведома дали объявление, чтобы подыскать вместо нее кого-то другого. Все трое не могли договориться, куда ехать в отпуск, и прочая дурь в том же роде. Но все эти нити очень быстро вплетались в общую озабоченность на предмет купола. Как ни старалась «Э-Плюрибус» оживить сюжет, он всегда упирался в купол, купол, купол.

Следующее задание Богдан выполнял в гораздо более многолюдной аудитории, где шла часовая программа вероятностных новостей «Э-Плюрибус». Для начала красивые говорящие головы напомнили зрителям, что новости именно вероятностные. Эти события, возможно, случились, а возможно, и нет — не следует путать их с корпоративными новостями.

Первые несколько сюжетов касались стихийных бедствий за пределами Объединенных Демократий. Вокруг Богдана, сидящего в утлой лодочке, бушевало соленое половодье в Субсахаре. Его

окружали азербайджанские дети с раздутыми животами и жертвы искусственно вызванной холеры в Ираке. Он отмахивался от пакистанских липучих мух, покрывавших людей и скот, как вторая кожа.

Перед самым обеденным перерывом зрителям сообщили о космической катастрофе, жертвами которой стали крупный предприниматель и ее дочь, голливудский продюсер. Их красивая яхта «Ариа» потеряла управление и неслась вниз, как падающая звезда. Богдан заглянул внутрь и был потрясен при виде двух молодых полуодетых красавиц, взывавших к нему о помощи.

Буфетные стойки «Э-Плюрибус» ломились от колбас, отбивных, гуляша, спагетти, супов, соусов, хлебцев, рогаликов, всевозможных десертов. Никаких ограничений не соблюдалось, и «дырки» наворачивали вовсю, да еще и на потом запасались. Их раздувшиеся карманы изобиловали сальными пятнами.

Эта кормежка, хотя и бесплатная, таила в себе подвох, то есть очередной тест. Затычки оставались на местах, и едоки в самых интимных подробностях транслировали свой пищеварительный процесс: глаза, рот, желудок и так далее.

Богдан наскоро поел стоя, набил собственные карманы пирожными и выскочил купить себе телефон. В идущем вниз лифте он надел зеркалки, а руки сжал в кулаки. В небе у здания Бахнера кишмя кишели дневные пчелы. Анонимность Богдана, как видно, держалась прочно: первая же пчела, спикировав на него, сказала:

— Эй, пацан, глянь-ка. Всегда и всюду бесплатно!

— Сгинь, — сказал он, не замедляя шага, и она улетела.

— Слушай сюда, малец, — сказала другая. — Платим одну десятитысячную прямо сейчас, если ответишь на шесть смешных вопросов про свой крем для лица.

— Я специалист по демографии из «Э-Плюрибус», — фыркнул Богдан. — Придется вам заплатить за свою дурацкую анкету малость побольше. Чеши-ка отсюда.

Третья показала ему эмблему «Долголетия».

— Специальное предложение. — Эта с ходу определила, что он не настоящий мальчик, а ретро. Он хотел прогнать ее, но вспомнил, что вечером у него разрешительная комиссия. Молодильной клиникой «Долголетие» чартер Кодьяк иногда пользовался, а Богдану требовалось пройти курс. Видя, что ее не гонят, пчела продолжила: — За каждый месяц, который вы себе сбавите в наших элитных клиниках, «Долголетие» убавляет бесплатно 2,45 суток. Заплатив за одиннадцать месяцев, вы можете убрать целый год. А для ретромальчиков наше

предложение включает полный курс эндокринологии и диеты. Хотите ознакомиться с деталями?

Богдан думал уже махнуть на пчелу, но ему не хотелось идентифицировать себя перед всей улицей, и он спросил только, на какой срок действительно предложение.

— В ближайшие двое суток вы должны оформить заказ.

Богдан отпустил пчелу и пошел дальше по аркаде, покрикивая то и дело «сгинь, сгинь». Ему докучали не только пчелы. Гологолли здесь было больше, чем реальных людей, и все они спрашивали, как пройти куда-то (как будто он знал), пытаясь заманить его в свои интерактивные мелодрамы. Богдан нарочно проходил прямо сквозь них, показывая этим, что он думает о таких штучках.

Ни одна из витрин, мимо которых он шел, не обращалась к нему по имени. Однажды на уровне его глаз возникла платная прямая трансляция футбольного матча, но он не стал смотреть, и скоп передвинулся дальше.

Потом на тротуар, буквально к его ногам, упала женщина. Он, не подумав, нагнулся помочь ей, но его рука прошла сквозь ее. Опять чертов имит! Он разозлился, но тут она подняла голову, и он увидел, что это Аннет Бейджинг. Не та, из «Клейборнов», а другая, более смуглая и угловатая, даже тощая. Щеки впалые, волосы торчат. Еще сексуальнее той, если такое возможно.

— О, благодарю вас, мар Кодьяк, — сказала она, поднимаясь.

Черт! Она идентифицировала его. Конечно — ведь он раскрыл ладонь на долю секунды, когда подал ей руку. Но Богдан заглянул в ее бездонные глаза и решил, что оно того стоит.

Бездонные глаза пугливо бегали по аркаде.

— Что случилось? — спросил Богдан.

— Вы должны мне помочь.

— Как? — Он почувствовал себя глупо, задав этот вопрос, но что ж делать.

— Останьтесь со мной до прихода Ролло, иначе они непременно вернутся.

— Кто это они? — Богдан невольно сам стал шарить по аркаде глазами. Ладно, пару минут можно поиграть. Всего-то несколько тысячных, это он может себе позволить.

— Люди Ферраро. Я их боюсь.

Богдан впервые заметил, что воротник ее скафа порван и что она пытается прикрыть большие багровые синяки у себя на горле.

— За что они вас? — искренне встревоженный, спросил он.

— Долгая история. У меня есть то, что они считают своим.

— Так, может, в полицию заявить?

— Они и есть полиция, — с горечью рассмеялась Аннет. — И

Ферраро поклялся убить меня.

— Правда? Я имею в виду, реально убить? — Даже гологолли может грозить реальная опасность — имитов тоже убивают. Возьмут и удалят, долго ли. Индивидуальную копию персонажа можно уничтожить любым зверским способом, какой только придет в голову сценаристам. Поубивают сколько-нибудь, а там и всему сериалу конец. Но не похоже, чтобы линию с Аннет Бейджинг постигла такая участь.

Тут он услышал шум крылышек и увидел многоярусное сборище пчел, снимающих эту сцену для платного показа на всех континентах. Наверное, этот сериал жутко популярен, а значит, для Аннет в самом деле намечено что-то опасное. (И тарифный рейтинг у нее, надо думать, астрономический.) Сейчас его, Богдана Кодьяка, видят тысячи людей, если не миллионы. Он выпрямился во весь рост и сказал:

— Надо тебя увести отсюда.

— Вечно прятаться нельзя, понимаешь? Наш единственный шанс — дождаться Ролло.

Богдан начинал потихоньку ненавидеть этого Ролло.

Они стояли на теневой стороне аркады, но Аннет по крайней мере с трех сторон купалась в теплом и мягком свете. Кожа ее лучилась жизнью, пробочки в волосах сверкали.

— Позволь рассказать тебе все, пока мы ждем. Если меня все-таки схватят, ты сможешь пересказать всю историю Ролло. Обещай, что расскажешь ему. Дай слово!

Пчелы придвинулись ближе. Понятно. Сейчас его переведут в статус второстепенного персонажа, Аннет исчезнет куда-нибудь, а они с Ролло будут искать ее, пока у Богдана кредит не кончится. Ловко придумано.

— Слушай, Аннет… мне надо идти. — Он неохотно зашагал дальше, но она не отставала и умоляла остаться с ней. — Не могу. Мне на работу пора.

— В «Э-Плюрибус», знаю. У тебя там очень важная должность. Возьми меня с собой, пожалуйста, спрячь где-нибудь.

— Нет, нельзя. ЭП ни за что не позволит.

Аннет споткнулась и снова упала. Теперь она порвала и штанину, а коленку разбила до крови. Богдан как завороженный смотрел на яркую струйку, испытывая сильнейшее желание прикоснуться к Аннет. Ему стоило большого труда отвернуться и уйти прочь.

— Постой, Богдан! — кричала она ему вслед. — Не бросай меня! Не отдавай меня этим шакалам!

— Сгинь, — сказал он, хотя сердце у него разрывалось говорить это Аннет Бейджинг.

В аркаде замаячила фирменная эмблема магазинов «Микросекунда», и он нырнул под нее, спасаясь от пчел. Этот магазин был куда больше, чем лавочка Эйприл в чартерном доме. Три экструдера, один чисто продуктовый, и утилизатор. Тут даже столики были. Богдан посмотрел настенное меню. Магазин больше, а выбор почти тот же, что и у Эйприл: товары быстрой экструзии для кухни, ванной, личной гигиены плюс бренды самых известных фирм, в том числе и «Микросекунды». Всего около миллиона наименований от шампуня до тромбона. Телефоны тоже, конечно.

Всех форм и назначений, аж в глазах зарябило, — носильные, съедобные, экологические. Многими покупатель мог воспользоваться бесплатно, но Богдан хотел собственный телефон. Без определителя местонахождения и личности, без рекламы, сублиминальных мотивирующих посланий, дистанционного медосмотра, без воззваний общества предотвращения самоубийств. Короче, самый обыкновенный телефон, с одной-единственной функцией: подключения к общественному оптикому. Это исключало телечипсы, телетату, телелак для ногтей, комнатные растения, освежители воздуха и большинство других моделей в узком диапазоне ограничивавших Богдана цен. После пятиминутных поисков он был готов сдаться — а новая марка служебного фетра, попавшаяся ему на глаза, растравила скорбь по утраченной Лизе.

«Спутники магистра» прошли большой путь с тех пор, как чартер девятнадцать лет назад купил Богдану модель «Маленький профессор», ставшую позже Лизой. За ту же цену, что они заплатили тогда, он мог бы сейчас купить «Оксфордского стипендиата», в миллион раз превышающего процессорную мощь Лизы и втрое — ее индекс Тьюринга. Ничего себе — за ту же цену! Пятьсот кредиток ОД! Неужели девятнадцать лет назад, когда он взаправду был десятилетним мальчишкой, их чартер мог вложить в его образование пятьсот одиков?!

Богдан вздохнул и перешел к следующей странице меню, где обнаружил как раз то, что ему было надо. Обыкновенные теленаклейки, одна прикрепляется на горле, другая за ухом. Только аудио, зато всего за 0,0001 ОДК. Богдан сделал заказ и стал в очередь к экструдеру.

Работа, работа, работа. После обеда Богдана направили в индивидуальную кабину с откидывающимся креслом. Он сел, свет в кабине погас, и Богдан оказался на пилотском сиденье двухместного «Ариа-Рейнджера», который несся на полной скорости по звездному космосу. Богдан проверил контрольную

панель — видео было интерактивное! Не часто ему так везло с заданиями. Корабль менял курс, повинуясь самому легкому касанию навигационного шарика.

— Где я нахожусь? — спросил Богдан, и панель показала ему карту Солнечной системы, отметив точку недалеко от Земли. Он развернул свое кресло. Точно, вон она, голубая планета, величиной с волейбольный мяч. Когда он повернулся обратно, в кресле второго пилота сидел маленький человечек в забавном красно-зеленом комбинезоне, ненамного выше самого Богдана.

— Приветствую, мар Кодьяк, — сказал он с кривой усмешечкой. — Позвольте представиться: я имитация мара Меррила Миви, бывшего епископа «Родины Интернэшнл», лауреата Манделовской гуманитарной премии 2082 года. Вам знакома организация «Родина Интернэшнл»?

— Ясное дело. Вы против того, чтобы рождались новые люди.

— Не совсем так, — нахмурился имит. — «Родина» занимается важнейшей работой по ограничению населения Земли. Запрет на рождаемость — лишь малая часть их деятельности. Я целиком и полностью верю в миссию «Родины», однако ушел из нее ради еще более грандиозного проекта: «Земля-сад». Хотите узнать, в чем он заключается?

Богдану совсем не хотелось слушать трепотню этого недомерка, но не прерывать же такое клевое задание, в самом деле.

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Вот и отлично. Видите тот блестящий объект с правого борта? — Богдан посмотрел и увидел не одну блестку, а целые тысячи. Он сверился с картой: Земля-Прицеп, космическая колония у одной из земных точек Лагранжа. — Кстати, — сказал имит, — этот живой космический скоп вы видите благодаря СОВС, Старковской Околоземной Видеосети. Не хотите ли подойти ближе?

Богдан направил корабль к скоплению огней. Раздался сигнал тревоги, на карте зажглась пульсирующая красная линия.

— В чем дело? — спросил он.

— Тревога, — ответил корабль. — Высокоэнергетический луч. Измените курс на ноль-три-шесть.

Богдан не умел прокладывать курс и не знал, как его изменить. Он повернул снова, и сигнал стал еще пронзительнее.

— Включите скорее кормовой фильтр, — сказал человечек. Богдан отдал кораблю соответствующий приказ. Звезды в иллюминаторах померкли, и через пространство протянулась, как проволока, сверкающая черта. На нее было больно смотреть. Лежащая прямо по курсу, она раскалялась все ярче, но теперь,

когда Богдан видел ее, свернуть в сторону было плевым делом. Тревога умолкла.

— Отличный пилотаж, — сказал пассажир. — Это наш луч, один из микролучей «Гелиотока», питающих Землю-Прицеп энергией. Их посылают сюда солнечные жатки на орбите Меркурия. В каждом луче содержится примерно один тераватт. Еще немного, и мы испарились бы.

Богдан убрал фильтр и последовал к Земле-Прицепу за микролучом. Мимо прошли коррали на окраине колонии, где ждали обработки пойманные астероиды, богатые железом и никелем. Потом потянулись микролучевые мишени — большие, абсолютно черные диски в окружении космических маяков. Дойдя до верфи, Богдан сбросил скорость.

Там рядами стояли гигантские обручи. На многих моллюсками копошились арбайторы, натягивая бесшовную оболочку. Вокруг сновали, как в сложном танце, грузовые тендеры, строительные боты, уловители отходов. Богдану казалось, что все они летят прямо на него. Он старался лавировать, но все-таки зацепил хвост одного уловителя и врезался в тендер. После очень зрелищного взрыва вся картина погасла.

— Черт! — Богдан вернул кресло в вертикальное положение, но свет в голокабине не загорелся. Цель этого теста была, видимо, важнее его успехов в космическом пилотаже. Богдан, «Ариа-Рейнджер» и занудливый пассажир восстановились как новенькие в другой части верфи, где движение было гораздо меньше. Здесь тоже стояли круглые корабли — похоже, уже готовые. На кольцах, составленных из шестидесяти четырех барабанов, гигантскими буквами значились названия: ТБИЛИССИ-САД, АНКАРА-САД, УГОДЬЯ, ГИБРИДНЫЙ САД и так далее.

— Эти О-корабли сейчас грузятся, — сказал мар Миви. — Берут на борт все, что нужно для путешествия в другую Солнечную систему, а затем для поисков и колонизации подходящей планеты. — Он жестом предложил Богдану провести «Рейнджер» в обруч «Христа-Царя». — Все в порядке. Торусы еще не активированы.

Только пройдя через центр О-корабля, Богдан оценил его габариты. То, что выглядело как бугорок на ажурном корпусе «Христа-Царя», оказалось мегатонным грузовым судном, припаркованным у входного люка. «А» в названии корабля зияла, как широченные ворота.

— Когда торус будет энергизирован, — продолжал Миви, — этот участок в середине корабля станет магнитной ловушкой.

Те же жатки «Гелиотока», бомбардируя его потоком элементарных частиц, обеспечат движение корабля. Хотите узнать подробности этого потрясающего процесса?

— Очень. — Богдан направил «Рейнджер» к следующему О-кораблю, «Подводный сад».

Имитированный лектор завел что-то о самонаправляющихся частицах, лазерных корректорах курса, маневренных ракетах и системах торможения — последние включатся, когда О-корабль придет к своей новой звезде. «Рейнджер» тем временем прошел всю верфь до конца и через внутренний колодец опустился в ножку гриба-космогорода. Здесь еще достраивалась транспортно-причальная сеть.

— Лекция окончена, — объявил имит. — Достаточно или вы хотите послушать о проекте «Земля-сад» и о нашем Тысячекратном плане?

— Во всех подробностях, — сказал Богдан.

— Превосходно. «Гелиоток» и его головная корпорация, «Старк Энтерпрайзес», являются ведущими партнерами консорциума, цель которого — расселение человечества по всей галактике. — Имит выдержал торжественную паузу и лишь затем продолжил: — Каждый из виденных вами О-кораблей, вместе с сотнями других, понесет четверть миллиона своих пассажиров в тысячелетнее путешествие к недавно открытым землеподобным планетам в соседних звездных системах. Каждый коечник на борту получит в новом мире тысячу акров земли, а также жилище и полное пожизненное обеспечение. В пакет входят неограниченный спектр образования, медицинское обслуживание (включая омоложение), культурные центры, спортивные сооружения, профессиональное обучение и все права гражданина независимо от формы правления, которую изберут для себя колонисты. Подумайте об этом, молодой человек! Тысяча акров плюс все ингредиенты счастливой жизни. Неплохо, верно? А знаете, что мы просим в обмен на все это?

— Без понятия. Миллион одиков?

— Возможно, это столько и стоит, но наше предложение намного выгоднее. За будущие блага пассажир расплачивается недвижимостью здесь, на Земле. Хотите знать, сколько мы требуем? Один акр. Позвольте мне повторить. За участок на планете

Земля площадью всего в один акр вы получаете тысячу акров, пожизненное обеспечение и гражданство на новой Земле. Как вам это?

— Дурь несусветная! Откуда у такого, как я, акр земли? Имитированный Миви впервые посмотрел на Богдана как

следует.

— Полагаю, вместо одного только курса омоложения на пять — семь лет вы сможете купить себе акр в амазонской пустыне. Качество и местоположение участка для нас не имеют значения, лишь бы данная страна или протекторат гарантировали права собственника. Участок континентального шельфа, законно оформленный, тоже считается.

— Зачем вам столько земли? Строить новые гигабашни? Складировать ядерные отходы?

— Воздаю должное вашему здоровому скептицизму, молодой человек, но в данном случае он неуместен. Помните, как называется наш проект? «Земля-сад». Вот что мы делаем: сохраняем природу на всей планете. Приобретенная нами земля двести лет лежит под паром. Никто не живет на ней и не использует ее в каких бы то ни было целях. Наши эксперты помогают восстановить ее доиндустриальную экологию. Не слышите разве, как облегченно вздыхает старая Гея? — сам театрально вздохнув, вопросил Миви.

— То есть вы вроде как оказываете услугу всему человечеству?

— Совершенно верно, — подтвердил епископ-расстрига. — Человечеству и Матери Земле.

Богдан закатил глаза и на полной скорости ринулся в центр космического поселения.

2.9

— Вы не могли бы подойти ближе? — спросила инспектор Коста. Ей хорошо было говорить — она, согласно протоколу, осталась в Чикаго и управляла этой стадией преследования из теплой, сухой кабины в башне ДЮОД. Тем временем Фред и другой дежурный внукоровский офицер, Рейли Делл, ковырялись в иле на дне озера Мичиган. Понедельник обещал стать очень долгим.

ВОМ мигом превращалась в боевую машину, но субмарина из нее была аховая. Выдерживает всего три атмосферы, шлюза нет, балластных резервуаров тоже, вооружение плохо приспособлено к подводным условиям — как и двигатели, шесть мощных пропеллеров «Пратт и Уитни». По всем этим причинам Фред не испытывал энтузиазма, разыскивая очередное укрытие Кабинета.

— Слишком сильная турбулентность, — сказал Фред. Он погрузился чересчур глубоко, взбаламутив донные отложения, и пытался теперь подойти к заборному устройству Чикагского Водоканала. Решетка быстро всосала в себя всю муть, и Фред увидел, что их тоже засасывает. Он подал энергию на пропеллеры. ВОМ, помедлив, рванула и закачалась на поверхности озера, не успел он компенсировать тягу. — Вот дерьмо!

— Ну-ну, — укоризненно отозвалась Коста.

— А в водозабор вашу находку нельзя спустить?

— Водоканал вежливо отклонил мою просьбу. Два других водозаборных устройства на профилактике. Они, правда, согласились снизить приток на двадцать процентов, до полумиллиона литров в минуту, но пройдут часы, прежде чем разница станет заметна. — Водохлеб Чикаго каждый день выпивал из озера до восьми миллиардов литров.

— Дай-ка *я*, — сказал Рейли Делл, занимавший место стрелка. — Ты не поверишь, но я недавно имел опыт такого вождения. Тут должна сработать тактика воздушного змея.

Фред передал ему управление ВОМ. Рейли, мало того что расс, еще и жил с ним в одном жил блоке, и они с женами встречались вечерами по пятницам. Применяя на практике свой маневр, он не стал глубоко погружаться, а направил нос вертикально вниз и дал задний ход. Энергии он тратил ровно столько, чтобы компенсировать лобовое сопротивление водозабора. Было не совсем удобно висеть вниз головой на ремнях, зато теперь они могли свободно обозревать весь всасывающий короб.

Вода уходила за диароновые ребра, задерживающие все предметы крупнее весельной лодки — остальное уходило за девяносто километров на берег, где располагалась водоочистка. Бетонный фартук водозабора занимал около акра озерного дна.

— Молодец, Рейли, — сказала Коста. — Так держать!

Рейли скорчил виноватую мину, на что Фред тряхнул головой. После целого утра совместной работы с Коста он прямо-таки наслаждался, деля ВОМ с другим рассом.

— Кстати, — сказал ему Рейли, — мы забили вечером столик у Рольфа. Вы ведь с Мэри придете, да?

Фред уже хотел сказать, что сегодня вроде не пятница, но вспомнил, что на этот вечер назначена церемония снятия купола. Предполагалась вечеринка с теленебесным шоу, на которую собиралась вся их компания. Фред сказал, что они будут, и добавил:

— Слушай, пока не забыл — ты записался на курс переподготовки десантников?

— Вообще-то не собирался, но после сегодняшнего, может, и запишусь. Знал бы город, сколько дерьма здесь плавает. Надо совсем мозгов не иметь, чтобы убирать этот купол.

Снятие купола, о чем медиа не уставали трубить, знаменовало ни более ни менее как конец Агрессии. В последние десятилетия атаки террористов сделались редкими и неэффективными — так по крайней мере утверждали эксперты. Бешеные фанатики двадцать первого века либо погибли, либо сидели в подполье, либо потеряли интерес к своему делу. Биосфера Земли на 99,99 % освободилась от всех видов биологического оружия. В воздушной и водной среде еще встречались случайные микроботы и микроцисты, но они давно утратили свою вирулентность и стали не опаснее сенной лихорадки. Многие из них содержали обычную пыльцу вместо первоначальных оспы, геморрагической лихорадки и энцефалита. Большие региональные фильтры, иначе купола, когда-то спасли многие города Объединенных Демократий — теперь они, если верить властям, лишились почти всех своих функций и превратились в очень дорогие освежители воздуха.

Двое рассов помолчали, думая каждый о своем, и заговорили оба на ту же тему.

— Десантники нарасхват будут, — сказал Рейли.

— Сможем ставить собственные условия.

— Твоя лицензия еще действительна, Фред?

— А то. Погоди, я еще и на высший разряд сдам.

* * *

Утром Фред впервые за многие годы прошел сквозь Чикагский купол. Высадив Коста у Департамента юстиции, он поехал забрать собственную ВОМ и обеспечить себе напарника. Фамилия Рейли в списке дежурных порадовала его. Пока ВОМ мчала их к озеру, Фред вкратце рассказал своему брату об утренних розысках Кабинета. Миновав волнорезы с лодочными стоянками, они вышли на открытую воду. На горизонте стояли, как километровые тростники, купольные генераторы. Поставленные близко один к другому из-за разрежающего эффекта озерных ветров, они создавали такую плотную антимобическую концентрацию, что воздух вокруг них колебался.

Машина Фреда тут же вошла в первый слой купола. Фарватер под ними отмечал проходы для больших грузовых судов.

Когда они преодолели внешний слой, за окнами засверкали маленькие яркие вспышки. Каждая обозначала схватку микробота или цисты с защитными устройствами купола. Защита побеждала всегда.

— Не так уж и плохо, — сказал Фред.

— В пределах нормы, — откликнулся Рейли.

Они прошли над плавучим управлением Деконского порта, где должны были остановиться на обратном пути. Накрытое куполом пространство уступило место большому незащищенному миру.

Рейли дал машине команду сообщать обо всех гломах. Через несколько минут счетчик зазвенел, повторил сигнал и умолк.

— Идентифицируй, — сказал Рейли.

— Предварительный анализ показывает два глома, — ответила ВОМ, — оба простые, однофазные микроботы, расщепители карбоплекса. — ВОМ была построена как раз из карбоплекса, но защищена твердым алмазоидным покрытием.

— Полила их жирком? — спросил Рейли.

— Подтверждаю, — ответила ВОМ.

Счетчик молчал до самой точки прибытия, координаты которой дала им Коста.

— Недурно, — сказал Фред — и как сглазил: счетчик заверещал, будто ненормальный. За первой серией сигналов последовали вторая и третья. Сопла в корпусе машины начали выделять густой антимобический жир. При уничтожении очередного глома жир испарялся маленькими белыми облачками.

Фред вывел на лобовой дисплей картину сражения. Только что обнаруженные гломы выглядели на диаграмме как красные флажки, покрытые жиром — как янтарные, уничтоженные — как синие. Помимо расщепителей карбоплекса здесь встречались пожиратели бетона, диарона и силиката — типичные городоеды.

— Неважно, — сказал Фред.

При погружении гломовая тревога пошла на убыль. Но защитный жир под водой распределялся неровно, и янтарные флажки держались несколько минут, прежде чем посинеть.

— Подтверждаем первоначальную наводку, — сказала Коста. — Кабинет залег именно здесь. Укрытие очень надежное, теплоотражательное, подключено к кабелю водозабора. Его видно в инфракрасном изображении. — Фред включил на дисплее инфракрасный спектр. Примерно в восьмидесяти градусах восточнее, у самого бетонного ограждения, трепыхались в воде призрачные ленты, отмечающие участок повышенной температуры. Кабинет выдавало тепло, которое он излучал.

— Работает на всю катушку, как видно, — заметил Фред.

— Согласна, — ответила Коста. — Он был бы невидим, если бы не пытался управлять «Старк Энтерпрайзес».

— Как вы нашли его?

— Через контакты, само собой. Ближайшие друзья Кабинета, числом около тысячи, выдали его, как только он активировался. Ментары — злейшие враги самим же себе.

Рейли взглянул на Фреда. «Не знает она разве, — говорил этот взгляд, — что нас слушает примерно миллион ментаров?»

— Так что же мы теперь должны делать, инспектор? — откашлявшись, спросил Фред. — Брать его? — Его не особенно грела перспектива лезть к водозаборному резервуару на ВОМ.

— Нет. Подождем экскаватора. Пока что мы оснастили один из арбайторов, обслуживающих водозабор, пробником и сейчас запустим его.

По стенке резервуара двигался похожий на краба технос, с низко посаженным на шести ногах туловищем. Он ловко сопротивлялся всасыванию, цепляясь за скобы, вделанные в бетон. Подобравшись к валуну, от которого, по-видимому, и шла тепловая волна, он выставил стерженек пробника. Стержень соприкоснулся с камнем, последовала ослепительная вспышка, и арбайтора, потерявшего несколько ног, отшвырнуло к решетке. Какое-то время он еще цеплялся, но его быстро смыло и унесло прочь.

— Пей, Чикаго, — сказал Рейли.

— Похоже, у этого дубля есть зубы, — заметила Коста. — Будем ждать землечерпалку. Вы как там, ребята?

— Лучше некуда, — переглянувшись с Рейли, ответил Фред.

— Нет смысла вот так висеть вверх тормашками. Теперь мы можем следить за операцией через камеры. Кабинет, думаю, никуда не денется, так что предлагаю вам всплыть.

— Когда должен прибыть экскаватор? — спросил Фред.

— Через двадцать минут. Еще час накиньте на подготовку. Фред проверил жизнеобеспечивающий запас машины — до сих пор они израсходовали только малую долю. Рейли, снова обменявшись с ним взглядом, зевнул.

Жизнь расса, как правило, состоит из бесконечных часов ожидания в некомфортных условиях. Но порог дискомфорта у него очень высок, а скукоустойчивость просто невероятна.

— Ничего, нам и так хорошо.

Ожидание длилось. Гломодатчик ВОМ звонил каждые несколько минут, и Фред, встрепенувшись, смотрел, как желтеет, а после синеет очередной красный флажок. Потом сигнал прозвучал особенно громко. Красный флажок мигал — он находился вне зоны распространения защитного жира. Этот глом застрял в дверной раме, одном из немногих швов на корпусе ВОМ. После нескольких долгих минут машина сказала:

— Устав предписывает всплытие и подготовку к эвакуации.

— В общем, разумно, — признал, поразмыслив, Фред.

— Просто блестяще, по-моему, — согласился Рейли.

— Что за бот? — спросила Коста.

— Без жира опознать невозможно, — ответил Фред.

— Тогда послушайтесь свою машину и поднимайтесь.

Фред кивнул Рейли, и тот вывел ВОМ на поверхность. Пилот-субмагнит, которому он передал управление, поднял машину на метр в воздух.

Флажок тут же перестал мигать и превратился в янтарный. Глом, облепленный жиром из донного сопла, был опознан как трехфазный микробот — иначе говоря, МОБИ. Фред и Рейли уставились друг на друга, разинув рты.

— В наши дни такое не часто встретишь. — Рейли отстегнул ремни и прошел назад, в пассажирский отсек.

— Эвакуируйтесь немедленно. Разверните плот, — встревожилась Коста.

— Так точно. Готовимся к высадке, — отрапортовал Фред.

— Выше голову! — Рейли кинул Фреду взятый из холодильника пакет ВИЗ-37. Оба с одинаково кислыми лицами вскрыли свои пакеты, подняли их заздравным жестом и влили в себя самую мерзкую разновидность аварийной визолы. У Фреда скрутило желудок, Рейли рыгнул и снова ушел назад.

Янтарный флажок внезапно сделался синим. Бот ликвидирован, кризис миновал.

— Тьфу ты, — сказал Рейли, вернувшись в кабину с кассетой-плотом и двумя ранцами. — Ну так что, будем высаживаться?

— Можно просто осмотреть эту дверную раму вблизи.

— Ладно, сейчас.

— Возьми жировой пистолет. Рейли взял из ранца оружие.

— Что у вас там происходит? — спросила Коста.

— Наша МОБИ убита, — ответил Фред. — Собираемся остаться на борту. Куда пропала ваша копалка?

— Вы уверены, что это хорошая мысль?

— А разве у кого-нибудь есть возражения?

Все надзирающие за операцией ментары молчали. В таких случаях решение обычно предоставляется людям, находящимся на месте событий.

Фред развернул ВОМ носом к городу. С такой малой высоты ни берег, ни генераторы купола видны не были, но нечто, внезапно возникшее перед самым ветровым стеклом, заставило его вздрогнуть.

Это была пожилая дама, директриса Кабинета, недавно выступившая с обращением к Генеральной Ассамблее ОД. *Могу я поговорить с вами наедине?* — спросила она, глядя на Фреда в упор.

— Что это было, коммандер Лонденстейн? — спросил Николас, ментар «Полезных людей».

Директриса приложила к губам тонкий палец. *Они нас не слышат. Наш точечный сигнал направлен прямо на вас. Пожалуйста, скажите, что все в порядке.*

— Не понял вопроса, — ответил Фред, обращаясь к Николасу.

— Ваш сердечный ритм дал резкий скачок.

— Немудрено. Стоит только подумать, сколько вы мне платите за такую работенку…

— Может быть, требуется приватное братское собеседование? — спросил Маркус из ББР.

— Нет, Маркус, спасибо. Я думал о своих личных, домашних делах. Теперь я больше о них не думаю, так что эту тему можно спокойно оставить.

Превосходно, сказал Кабинет. *Мы просим вас проявить присущее рассам великодушие и уделить внимание нашему краткому сообщению.*

Это Фреду не понравилось, но он остался в игре, не переставая удивляться, как это Кабинет ухитряется беседовать с ним под носом у самых мощных ментаров на планете и при этом подавать изображение на его дисплей — ведь в озере Мичиган передатчиков нет. Фред отвел взгляд от своей собеседницы, делая вид, что ищет задержавшийся экскаватор — и действительно обнаружил на горизонте маленькое темное пятнышко.

Мы никогда не забудем, какую поддержку вы оказали нашей семье в трудное время. Сострадание, как известно, характерная

черта рассов, но у вас оно проявляется сильнее, чем у большинства ваших братьев. И это лишь одна грань вашей одаренности.

Да, как же, подумал Фред.

Сейчас мы, находясь в отчаянном положении, снова обращаемся к вам за помощью. Обращаемся с весьма необычной просьбой.

Фред перевел взгляд на женщину перед собой. Уж не хочет ли она, чтобы он помог им бежать?

Эллен Старк, дочь нашего покойного спонсора, была ребенком, когда вас назначили охранять эту семью. Сегодня ее мать погибла в намеренно подстроенной катастрофе, а она получила серьезнейшее ранение. Мы боимся, что убийцы Элинор не позволят Эллен остаться в живых. Наше заключение под стражу даже на краткий период времени наверняка будет стоить ей жизни.

Фред ощутил прилив гнева против этого ментара мертвого аффа. Как смеют они манипулировать им?

— Извините, что возвращаюсь к этому, коммандер, — снова заговорил Николас, — но уровень вашего стресса продолжает расти, в то время как мы не видим никакой причины для этого в окружающей вас среде. Возможно, вы думаете, что МОБИ, атаковавшая вашу машину, все еще жизнеспособна? Если так, обратитесь в Корпус с просьбой прислать вам вспомогательный транспорт.

— Нет необходимости.

— Или дезинфекционную службу, — настаивал Николас. «Вот почему Николас так бдительно наблюдает за мной, —

поразился Фред. — Думает, что я уже заражен».

— Слушайте, Ник, Маркус, Коста, Либби, Безымянный и кто там еще на связи. Столь пристальное внимание к моей внутренней гармонии мешает мне сосредоточиться на текущем задании.

— Понял, — ответил Николас. — Продолжайте.

— Но вспомогательная машина — мысль неплохая, — добавил Фред. — Вызови, пожалуйста, еще одну ВОМ, Безымянный.

— Безымянный сообщает, что ВОМ отправлена пять минут назад, — сказал Маркус. — Срок прибытия — шестнадцать минут.

Мар Лонденстейн, продолжал Кабинет, *мы не должны покидать Эллен, когда она беззащитна.*

«Так позвоните в «Полезные люди» и наймите телохранителей, — хотел сказать Фред. — Мне частным образом работать не разрешают». Здесь, конечно, речь не о работе, а о личной услуге, но с какой стати они смотрят на него как на друга семьи? Он проработал у Элинор Старк шесть месяцев в 2092–2093

годах. Семья тогда состояла из нее самой, младенца Эллен и недавно обожженного, эмоционально травмированного Самсона Харджера. Все прочие домочадцы Харджера избегали, поскольку он находился в депрессии и к тому же нещадно смердел. Фред его просто жалел, ничего больше. Но когда в назначенный срок Фреда перевели на другую работу, советник Старк лично устроила для него прощальную вечеринку — неслыханное дело в семействе аффа. Даже торт ему испекли и подарок вручили — домашние шлепанцы и собачку, чтобы их приносить.

Мы умоляем вас. Вы поможете Эллен выжить?

«А, будьте вы прокляты!» Фред не мог просто так прогнать стоящее перед ним видение, хоть и знал, что должен. Расс всегда знает, в чем его долг, но этот бездушный ментар нашел-таки, на чем сыграть. Не на сострадании, хотя подразумевалось как раз оно, а на самом нравственно и коммерчески ценном качестве расса — верности. На собачьей верности, которая, похоже, с годами не выдыхается.

Нельзя позволить властям раскапывать дно озера. Инспектор определила верно: это последний наш дубль, но помещен он не там, где вы думаете. Валун — это уловка. Я прошу вас захватить его до прибытия экскаватора, как будто это и есть настоящий тайник. Могу дать вам подсказку, чтобы все выглядело натурально. Таким образом мы завернем экскаватор обратно. Кивните, и я дам вам соответствующую инструкцию.

Шлепанцы он давно износил, но собачка осталась. И ради этого он готов нарушить присягу? Каким, собственно, рассом считает его этот ментар — дефективным?

— Коста, — сказал он, — это не экскаватор там вдалеке?

— Так точно, Лонденстейн. Будет здесь через десять минут.

Фред знал, в чем его долг, но это не спасало его от сомнений. Возможно, Ник, Либби и Безымянный уже засекли частный канал и теперь просто испытывают его. Потравливают веревку, которую он продолжает разматывать. Может, эта МОБИ все-таки заразила его?

— Коста, — сказал он. — Да?

— Коста… — запнулся он. Какая хорошая жизнь была у него до сих пор! Мэри, друзья, высокий статус в «Полезных людях». Как любил он свою работу! Если бы Кабинет попросту угрожал ему или пытался его подкупить…

— Я слушаю, Лонденстейн, — напомнила о себе Коста. Фред встретился взглядом со старой женщиной в озере.

Какие у него, собственно, обязательства перед Старками?

— Фред, — сказал Рейли из кормового отсека. Фред оглянулся на него, вывернув шею. Рейли сидел на корточках

перед дверью правого борта и разглядывал ее через забрало своего шлема. — Инфракрасный локатор показывает остаточное тепло. Черт знает сколько времени еще растворяться будет.

— Ладно, хватит. Садимся и готовимся к высадке. — Изображение директрисы исчезло вместе с половиной дисплея. — Машина, сядь на воду.

ВОМ, не отвечая, вырубила пропеллеры и зарылась в озеро носом вперед. Фреда швырнуло на пристяжные ремни.

— Коммандер! — крикнул Рейли.

— Спокойно, Делл. Вирус уже просочился в контрольную систему. Переходим на аварийный режим.

— Есть, шкипер.

Полная изоляция, скомандовал Фред своему скафандру. Из рукавов выдвинулись перчатки, налицо опустилась мягкая маска, перед глазами загорелся автономный дисплей. Из пор бархатистой ткани скафандра стал выделяться блестящий антимобический жир. Фред ощутил вкус баллонной дыхательной смеси. Скафандр слегка надулся, обеспечивая нужное давление. Счетчик показывал двухчасовой запас при одной атмосфере.

— Либби, скажи Безымянному, что у нас намечается срочная эвакуация. — Молчание. — Кто-нибудь! Как меня слышите?

Машина прервала связь, и они с Рейли остались одни. Фред осторожно потрогал панель управления — все на борту показывало температуру выше нормальной. Панель не работала, ВОМ медленно погружалась в озеро. Хуже того — ее сносило к решетке водозабора.

— Заклинило, — сказал Фред, отстегиваясь.

— Ты еще не видал, что у меня тут делается, — откликнулся Рейли.

Фред посмотрел, и ему стало не по себе. Правая дверь, место прикрепления глома, сияла молекулярной активностью. Облепивший ее пузырь, подобный рубцу на живой ткани, продолжал раздуваться. Бесцветные щупальца на его конце растворяли все, к чему прикасались, и закачивали молекулярное месиво в прикрытое пузырем сборочное устройство. МОБИ программировались на оптимальное использование любого вещества, а ВОМ представляла собой настоящую сокровищницу материалов ограниченного доступа. Боеприпасы, энергетическая установка, топливо, субмагнитный пилот, кабели, сенсоры, процессоры, не говоря уже о двух живых организмах. Можно было только догадываться, какое оружие сконструирует МОБИ из всего этого.

Рейли поливал щупальца жиром из пистолета, но они пухли, как сахарная вата, и местами уже прожгли его скафандр вместе с

кожей. Пленка, затягивавшая места повреждений, тут же съедалась. Рейли, зажатый в угол, не мог пробиться в передний отсек, но оставалась надежда, что он сможет открыть левую дверь.

Фреду пришлось отступить от протянувшихся к нему щупальцев. Его скафандр боролся с растущей температурой машины.

— Затопление не рассматриваем? — спросил он, перекрикивая шипение охладителя.

— Может, и придется, — крикнул ему Рейли.

— Тогда открывай дверь с левого борта.

Фред вернулся в кабину, поднял с пола кассету-плот, пристегнул к поясу ее и свой жировой пистолет. Передние щитки и пульт управления таяли наподобие шоколада. Надев вторую пару перчаток, Фред быстро проверил содержимое ранца. Ему очень не хотелось оставлять все это на съедение МОБИ, но выбора не было.

Он посмотрел в окно и поразился тому, как близко подошла ВОМ к водозабору. Чтобы открыть аварийный люк, нужно было либо сесть в кресло, либо снять его и убрать в сторону. Фред потыкал в сиденье пакетом из-под визолы, нашел его недостаточно твердым и снял.

Сзади донесся стон Рейли.

Замок люка работал автономно и, возможно, не поддался инфекции.

— Люк, объявляю аварийную ситуацию и приказываю открыться, — сказал Фред.

Ответа не последовало.

Он повернул ручную задвижку. Она гнулась, но еще работала. Крышка люка открылась вовнутрь. Хлынувшая в нее вода сбила Фреда с ног и затопила кабину. При столкновении с раскаленной атмосферой вода взрывалась фонтанами пара. Фред под тревожный зуммер скафандра погрузился в нее с головой. Оставалось надеяться, что скафандр не даст свариться и Рейли. Еще секунда, и уровень воды позволил Фреду вылезти в люк. Скафандр плотно облепил тело, во рту появился мундштук. Фред сделал вдох. Воздушный датчик перестроился в связи с погружением, и двухчасовой запас воздуха сократился до сорока минут.

Фред подплыл к левой пассажирской двери. Рейли сумел ее отпереть, но она приварилась к раме. Фред ухватился за рукоять, уперся ногой в борт, стал тянуть. Размякшая дверь оторвалась, и Рейли вылетел наружу в облаке кипящей воды.

Щупальца, вцепившиеся в его колено, тянулись за ним. Рот

Рейли под маской кривился от боли. Фред взял у него пистолет и обстрелял щупальца, но оружие было разряжено. Фред сдернул с пояса свой пистолет и рассек щупальца струей жира, однако охватившие ногу концы продолжали разъедать скафандр и пускать отростки. Фред облил жиром колено напарника. Ему было видно, что Рейли потерял сознание, не успев взять дыхательный мундштук в рот. Если не всплыть с ним на поверхность прямо сейчас, он задохнется. Фред размотал поясной трос, прикрепил к кольцу на затылке Рейли, обхватил напарника руками и оттолкнулся от борта. Он работал ногами что есть мочи, но всасывающая сила водозабора и громоздкое тело Рейли не пускали его наверх. Обоих тянуло к устью резервуара — Фред даже от машины не мог отплыть.

Он стал забирать вертикально вверх, надеясь опуститься на дно прежде, чем их засосет. На дне тяга меньше, и можно попробовать отойти подальше по каменистому грунту. Включился тревожный сигнал — запас воздуха истощался. Фред прилагал слишком много усилий, и воздуха у него осталось на пятнадцать минут.

Он полностью расслабился, позволяя себе дрейфовать вниз вместе с Рейли и припоминая всю оснастку черных скафандров Внукора — нет ли там чего-нибудь, что могло бы спасти их? Он давно не проходил переподготовку, а пользовался ими примерно раз в месяц. *Имеется ли у меня дополнительный воздушный запас?* — спросил он мысленно, и скафандр дал ответ. Будь у Фреда свободная рука, он по голове бы себя стукнул. Запас имелся. Целая чертова кассета жидкого воздуха.

Он сорвал с пояса кассету-плот, прицепил ее к Рейли, дернул кольцо. Фольга развернулась, приняв форму плоского пончика. Глубина их погружения составляла не более тридцати метров, около трех атмосфер, но давление воды позволяло плоту надуться только на одну треть. Тем не менее он мог противостоять всасыванию, держа на плаву одного человека — Рейли. Фреду, как и раньше, предстояло всплывать самостоятельно.

Он вложил в рывок всю свою силу, и ВОМ стала понемногу уходить вниз. До зеркальной глади озера было уже рукой подать, когда воздух в баллонах иссяк окончательно. Но плот к этому времени надулся до нормы и ринулся вверх, увлекая за собой их обоих. Фред сделал бесконечно долгий декомпрессионный выдох. Он знал, что всплывают они слишком быстро и что это чревато кессонной болезнью, но ничего с этим поделать не мог.

Водозабор по крайней мере остался далеко внизу, а ВОМ превратилась в игрушечную машинку. Вот она ударилась о ребра водозабора и распалась на части, как тухлое яйцо, впрыснув в

резервуар свой смертоносный желток.

Пей, Чикаго!

Фред вынырнул на поверхность, открыл маску, набрал полные легкие воздуха. Рейли, лицом вверх, плавал рядом, веки и губы у него налились синевой. Фред полез в карман за лазерным ножиком. Надо срезать с Рейли маску и сделать искусственное дыхание изо рта в рот.

В воду около них плюхнулись три синих комка. Группа технической поддержки в надувных скафандрах, сообразил Фред после момента паники. В нескольких метрах над головой висела машина дезинфекционной команды.

— Порядок, коммандер, — сказали оттуда. — Остальное наша работа.

Фред лежал в управлении Деконского порта, на дне двухтысячелитрового бассейна с гальвеном. У него было время подумать, пока концентрированный раствор липопротеина пропитывал его тело. Гальвен освобождал его от дохлой мерзости, которую убила ВИЗ-37, и от живой, которая визоле не поддалась.

Он лежал в полной неподвижности. Даже дышать ему было не нужно — гальвен сам насыщал его клетки кислородом. Ему как раз и требовалось состояние полного покоя: клеточные связки его тканей ослабли, и всякое действие вроде кашля или икоты могло буквально порвать их. Кроме того, не дышать было даже приятно. Раньше он не сознавал, каких усилий стоит дыхание.

Поддон, на котором он лежал, стал подниматься наверх — организм, видимо, очистился полностью. Поднявшись на пару сантиметров над уровнем жидкости, поддон остановился. С Фреда текло, как с вывешенной сушиться тряпки. Он весь разбух и весил втрое больше обычного. Сушка должна снизить избыток веса до двадцати процентов сверх нормы — тогда он сможет двигаться без опасности для себя. Это займет еще час. Опять-таки есть время подумать.

Фреда одолевали сомнения. Он размышлял о вещах, которые ему раньше даже в голову не могли прийти. Например, эта дикарка, Коста.

Нет, стоп. Об этом не надо. Его предупреждали, что в гальвене эротическим фантазиям лучше не предаваться: как бы не лопнуло все к чертям.

Он стал думать о приватной беседе, которую имел в озере с Кабинетом. Чего, собственно, ментар хотел добиться, выделив его из числа других рассов? Неужели он мог думать, что Фред изменит своему долгу? Верность долгу — отличительная

рассовская черта, за это они так и ценятся в секторе безопасности. Именно поэтому их прабрат, Томас Э., был век назад избран донором для первой коммерческой серии клонов. В 2034 году специальный агент Томас Э. Расс упал на ковровую мину в Овальном Кабинете и спас жизнь президенту Таксэйер, на которую покушались уже пятый раз за неделю.

Благодарная президент, вся залитая кровью, но невредимая, собрала горсточку мозгов Томаса Э. в надтреснутую фарфоровую чашку с президентской эмблемой и выступила перед медиа с таким заявлением: «Если преданность можно клонировать, пусть лекалом послужит вот это». После были приняты законы о коммерческом клонировании, и каждый расс стремился соответствовать первоначальному образцу. Какой же смысл в затеянной Кабинетом игре?

Видно, Старк-младшая очень дорога ментару, и он хватается за любую соломинку, лишь бы спасти ее. Но к чему было говорить, что Фред особенный, что он как-то выделяется среди других рассов? Сказал бы уж прямо, без намеков, что Фред не соответствует своему типажу. И на чем, собственно, основано подобное утверждение? На полугодовой службе Фреда в доме у Старк пятьдесят лет назад?

Фред потряс головой, разбрызгивая гальвен из ушей. Чутье подсказывало ему, что это обыкновенный блеф. На самом деле Кабинет не надеялся поколебать его верность присяге. Бил вслепую, и только.

С другой стороны, поди догадайся, о чем он думает, ментар. Хотя их мозги смоделированы с человеческого, они все равно не такие. Фред знал свойства высококлассного интеллекта и сейчас перебрал их в памяти, поскольку делать было все равно нечего. Аксодендрические нейроны с десятикратно увеличенным количеством микроканальцев (что в сто раз увеличивает объем квантового потока на кубический миллиметр). Отсутствие необходимости в ионных насосах для создания электрического дифференциала (что почти исключает латентный период между срабатыванием нейронов). Тысячекратно увеличенная плотность нейронных соединений (что позволяет полностью заполнять проемы в периоды сверхбыстрого познавательного процесса). Ментарская паста сложнее, стабильнее, гибче, выносливее и самодостаточнее, чем хлипкое серое вещество самого Фреда. Ее внимания хватает на тысячу познавательных заданий одновременно. Она может взаимодействовать напрямую с целым рядом электронных устройств: архивами, камерами, передатчиками, арбайторами, сверхсветовыми и квантовыми процессорами. Ее можно хранить, копировать и дублировать. Она

свободно перемещается в другие емкости и приборы. Подотделы ментарского мозга спят посменно и могут отслеживать свои сновидения. Искусственный мозг никогда не берет отпуск или больничный. Он, судя по знакомым ментарам Фреда, за исключением разве что Маркуса, никогда не стремится тобой командовать — скорей уж наоборот.

Но что если он, Фред, действительно выпадает из своего типажа? Если у него пресловутый «клоновый износ», о котором последнее время столько болтают? Как узнать, правда ли это? Кого бы спросить? Маркуса? Как же, сейчас! Заикнись только ментару братства, что тебя терзают сомнения, и он мигом наладит тебя к психиатру. Лучше провести независимое исследование. Клонированию рассов посвящены целые библиотеки: генанализ, биографические и поведенческие сведения, не считая популярных видеофильмов. Все это можно изучить самому, в перспективе по крайней мере. Рассы обычно не занимаются самоанализом — почему, интересно? Ни один расс, насколько известно Фреду, не написал ничего о том, что значит быть рассом. У других типажей все иначе. Евангелины, скажем, пишут стихи — все, даже Мэри. Эта потребность заложена у них в генах. Лулу, и те публикуют на ВДО исторические анекдоты — платные, между прочим! Даже прижимистые счетоводы джеромы вроде Жиля ведут историю своего типажа — так, во всяком случае, говорят. В их «Книгу Джерома» может внести вклад каждый из клон-братьев, но никому другому туда доступа нет. Существуют, наконец, всем известные, но такие же недоступные кружки дженни.

У рассов, есть, правда, бортовой журнал «Полундра» — тоже своего рода история. Надо будет его полистать, решил Фред. Это может пролить свет на интересующую его тему.

Он просох настолько, что мозг зарегистрировал гипоксию, а легкие задышали сами собой. Это удивило Фреда: он уже привык не дышать. Вместе с дыханием вернулась способность разговаривать вслух. Ментар Николас, пользуясь этим, спросил Фреда, как он себя чувствует.

Фред долго отплевывался, прежде чем ответить:

— Отлично. А как Рейли Делл?

— Извините, мар Лонденстейн, это служебная информация. Ага, вот он и снова мар Лонденстейн. Смена внукоровского коммандера закончилась, а вместе с ней прервался доступ к служебной информации. Надо подождать, пока он не увидится с самим Рейли — и даже тогда они не смогут обсудить озерную операцию всласть. Чертова присяга клиента «Полезных людей» о неразглашении!

— Дай мне поговорить с ним, — попросил Фред.

— В данный момент это невозможно. Видимо, Рейли еще не до конца залатали.

— Сколько сейчас времени?

— Пятнадцать десять.

— Так рано?

— Не волнуйтесь, Фред, — вступил в разговор Маркус. — Вам заплатят как за полное дежурство плюс боевой коэффициент плюс дезинфекционная компенсация.

— Ух ты! Надо почаще такое проделывать.

Ментары ничего ему не ответили. То ли не уловили сарказма, то ли именно уловили. И пусть их. Раз они умалчивают о том, что он хочет знать — о состоянии Рейли, — то и разговаривать с ними не о чем. И вообще ему паршиво. Как будто его в ацетоне выкупали. Можно только догадываться, каково сейчас Рейли.

Фред подумывал о написании подлинной истории рассов. Не то чтобы он сам собирался это сделать — тогда все поймут, что с ним что-то не так. Просто надо же чем-то занять голову, пока отмокаешь в гальвене. *«Моим клон-братьям,* — так начал бы он. — С *первых же дней в школе рассов нас учили отдавать жизнь за тех, на кого мы работаем, но мы ни разу не задумывались, стоят ли они этого».*

Поддон доставил его к борту резервуара. Фред вылез и уцепился за перила, пока не прошло головокружение. В зале помещалось шестьдесят штук гальвеновых емкостей, никем не занятых. Рейли, наверное, забрали в критическую палату с эрнандес-баками — он отмокает, а его тем временем чинят.

Фред пошлепал босиком в раздевалку. Там его ждали свежеэкструдированный сине-коричневый скаф «Полезных людей», пояс, ботинки — все по размеру. Пояс был со служебной пряжкой. Придется пользоваться либо им, либо шапочкой-мозговиткой, пока гальвен окончательно не испарится и можно будет снова перейти на внутреннюю систему связи. И поскольку из него вымыло не только плохие, но и хорошие нанопроцессоры, придется к тому же долго и нудно восстанавливать колонии гомеостатов в системе обмена веществ. Обещанная компенсация даже близко этого не покроет.

Фред взял новый скаф. Душ можно не принимать, он и так чище чистого. А гальвеном от него все равно будет пахнуть не меньше недели. Он услышал позади какой-то звук и обернулся, ожидая увидеть Рейли, но это была женщина, пробационный инспектор ДЮОД Коста. Фред прикрылся полотенцем — скорее

досадливо, чем смущенно.

— Рада видеть вас живым, здоровым и ничуть не подурневшим, мар Лонденстейн. Зашла, чтобы лично справиться о вашем самочувствии.

— А как там лейтенант Делл? — Вопрос вырвался сам собой, но ведь Коста не связана присягой «Полезных людей» и может говорить обо всем, что она и ее агентство считают нужным.

— У него все отлично. Проходит ускоренную регенерацию, наращивает новые икроножные мышцы.

— Спасибо. Я тоже в норме. — Фред опустил взгляд на собственные босые ноги. Под них успела натечь лужица гальвена. — А как насчет того дерьма, что просочилось в резервуар? Оно ведь отравит все водные запасы Чикаго?

— Об этом не беспокойтесь. Система забора воды строилась шестьдесят лет назад, во время Агрессии. Там надежная антимобическая защита.

— Что, интересно, будет с городом, когда купол снимут?

— Кто его знает, — пожала плечами Коста. — В общем, я хотела похвалить вас за отличную сегодняшнюю работу, хотя результат получился неожиданный.

— Да?

— Не следовало бы рассказывать вам об этом, но то, что мы нашли у водозабора, оказалось пустышкой.

— Маскировка? Вы твердо уверены?

— Да. Экскаватор откопал подлинный Кабинет метрах в двухстах от этого места.

Итак, Кабинет все-таки взяли под стражу. У Фреда подскочило давление — хорошо, что Николас его больше не контролировал.

— Поздравляю, инспектор. Работа высший класс. — Он протянул ей руку. — И как он — сварился?

— Сколько раз мне вам говорить? — Она с усмешкой потрясла его руку. — Последний дубль никогда с собой не покончит.

— Значит, теперь он на апробации?

— Прошел уже — визжа и отбрыкиваясь. Все хорошо, как я и предсказывала. Было бы из-за чего такой шум подымать.

Коста смотрела на него как-то странно. Ну вот, начинается. Прощай карьера. Фред выразительно глянул на полотенце, которым все еще прикрывался, и Коста отвернулась, чтобы он мог одеться.

— Вы допрашивали его? — спросил он.

— Либби допрашивала. — Фред ждал продолжения. — Сегодняшняя операция войдет в анналы, вам не кажется,

Лонденстейн? — Больше она ничего не сказала.

— Минутная сенсация, инспектор, не больше.

2.10

— Кабинет прошел апробацию? — повторил, оглядывая комнату, Миви.

— А я что говорю, ваше преосвященство? — рявкнул Ясперсен. Новость явно не обрадовала председателя. В событиях, похоже, наметился неожиданный поворот. — Он просит разрешения поучаствовать, и если никто не против…

За спиной Ясперсена появилась пожилая дама, директриса Кабинета. Он жестом направил ее в другой конец стола, и она стала за пустым креслом.

— Добрый день, марен, — сказала она. — Спасибо, что позволили обратиться к вам. Сегодня, как известно, случилась ужасная трагедия, но могу вас заверить: все это время за исключением краткого визита в одно милое заведение — Департамент юстиции — правление «Старк Энтерпрайзес» оставалось в наших твердых руках. Суд назначил меня опекуном над имуществом Элинор Старк. — Ментар обвел взглядом лица присутствующих, немного задержавшись на Миви. — Вы, я вижу, избрали временного председателя. Поздравляю, мар Ясперсен.

Председатель холодно кивнул.

— Я знаю также, что сейчас вы обсуждаете вопрос о Китайской Федерации. Излишне, думаю, напоминать, что О-корабли, по мнению мар Старк, не предназначены для продажи даже по самым выгодным ценам.

— Верно! — воскликнул Миви. — Я вам говорил, Ясперсен.

— Если бы мар Старк была здесь, — продолжал, игнорируя его, Кабинет, — она, я уверена, воспротивилась бы китайскому предложению. Но теперь, как коротко и ясно выразился мар Ясперсен, времена изменились. Проектом отныне управляет ваш комитет, и я не стану возражать против его решений при условии, что они будут разумными. Однако я использую все свои ресурсы, чтобы сохранить за «Старк Энтерпрайзес» право участвовать в их принятии.

Миви чуть не подскочил на сиденье.

— Теперь прошу занести в протокол, — продолжал Кабинет, — что я отношусь к китайскому предложению положительно.

Члены комитета разом вздохнули, Миви оцепенел.

— Как ментар, я поддерживала своего спонсора, даже когда была не согласна с ней. По данному вопросу наши мнения всегда расходились.

— Неправда! — выпалил Миви. — Элинор, ты и я часто

беседовали на эту тему приватно, и ты полностью соглашалась с ней.

— Я намерена добиться, чтобы «Старк Энтерпрайзес» по-прежнему занимала в этом комитете два места, — продолжал Кабинет, — но нынешний обладатель второго места, возможно, не лучший выбор. Думаю, представитель старшей администрации был бы уместнее.

— Ты не можешь! — вскочил на ноги Миви.

— Здесь вы случайно оказались правы, мар Миви. Я не могу заменить вас сейчас или в ближайшем будущем. Как опекун, я должна руководить деятельностью «Старк Энтерпрайзес» без коренных перемен, по крайней мере пока ее судьба не определится. Какие-либо перемещения в многочисленных комитетах корпорации могут быть расценены как превышение моих полномочий. Но будьте уверены, это ситуация временная. Свою презентацию я хотела бы завершить изложением своих взглядов на будущее «Старк Энтерпрайзес», если комитет согласен выслушать их.

— Охотно выслушаем, — тут же ответил Ясперсен. Миви закрыл лицо руками. Так он и знал! План Элинор был

слишком хорош, чтобы осуществиться на практике. И он, Миви, тоже не оправдал ее надежд.

— Все имущество Элинор, включая «Старк Энтерпрайзес» и подчиненные ей компании, переходит к ее дочери Эллен. Я исполняю опекунские функции до признания Эллен компетентной.

Эллен? Миви был так озабочен будущим ПЗС, что за весь этот кошмарный день даже не вспомнил о ней.

— К сожалению, травма Эллен крайне серьезна. Если она умрет или так и не будет признана компетентной, «Старк Энтерпрайзес» разделят на части и продадут судебным порядком. В этом случае я напомню исполнителям, что заинтересованные члены проекта имеют опцион по приобретению «Гелиотока» и других предприятий, непосредственно связанных с «Землей-садом».

Миви поймал коварный взгляд, которым обменялись Ясперсен и Чепвумен.

— Если Эллен, как все мы надеемся, выздоровеет, решение о будущем «Старк Энтерпрайзес» и о моей роли в ней принимать будет она. Зная ее всю жизнь, я могу предположить, что она не захочет иметь ничего общего с компанией своей матери и сама выставит ее на продажу.

Может, так, а может, и нет. Миви тоже достаточно долго знал эту девушку. До матери ей, возможно, и далеко, но он был уверен,

что она отнесется с должным уважением к своему наследию. Если бы ему дали поговорить с ней, он бы непременно ее убедил. Может быть, «Земля-сад» еще выплывет.

— Прошу прощения, — сказал он. — Где находится Эллен сейчас?

— Она еще в пути, полагаю, — ответил Кабинет.

— Куда она в таком случае направляется? Я хотел бы ее навестить.

— Я передам ей все, что вы скажете.

— Спасибо, но я хочу высказать это лично.

— Сожалею, но местопребывание Эллен не может быть предано гласности.

Ясперсен кашлянул.

— Я попросил бы вас вынести обсуждение личных дел за рамки этого заседания.

— Но я…

Расслабься, Меррил, сказала Зоранна. *Эллен везут в Декейтер, в клинику Рузвельта.*

Клиника Рузвельта принадлежала, в числе других, Байрону Фейгану. Встретив гневный взгляд Миви, Фейган отвел глаза. «Трус, — подумал Миви. — Все вы тут трусы. Заговорщики. Ублюдки несчастные».

Заседание объявили закрытым, и Миви спустился на лифте в свой подземный офис. Встречавшиеся ему служащие «Гелиотока», видимо, ничего не знали о том, что случилось утром. Миви закрыл за собой дверь и без сил упал в кресло, приказав сделать себе легкий массаж и увеличить фирменный комбинезон на пару размеров.

— Бокал мерло, Стрела, — попросил он, испытав некоторое облегчение. — И какой-нибудь ленч заодно.

— Слушаюсь.

Лет двенадцать назад Элинор, предложив ему стать спонсором этого ментара, заверила Миви, что Стрела — интеллект высшего класса. Это был его первый личный контакт с чем-то мощнее поясного слуги: «Родина», испытывая постоянный финансовый дефицит, не могла обеспечить своих сотрудников персональными ассистентами. Еще не избавившись от предубеждения относительно «интеллектуального рабства», он не хотел брать Стрелу, но Элинор дала понять, что Стрела, должность в «Гелиотоке» и членство в ПЗС входят в один пакет. Миви, до того почти не имевший дело с ментарами, тем не менее быстро пришел к выводу, что способности у Стрелы весьма средние, особенно по сравнению с интеллектами, которые теперь общались с ним каждый день: Ником, ЭП, Крузом и особенно

внушающим почтение Кабинетом. Рядом с ними Стрела котировалась разве что как минимально адекватный офисный субмагнит. Ей недоставало инициативы и самосознания. Она не проявляла никаких признаков личности, и другие ментары, насколько он мог судить, презирали ее как даром пропавшую пасту.

Арбайтор подал ему вино, принес любимый сандвич с авокадо и огурцом. Его вкусы Стрела, во всяком случае, изучила. Вино помогло успокоить нервы. Наскоро перекусив, Миви устроился поудобнее и стал вспоминать все, что знал о дочери Элинор. Знал он, как выяснилось, очень мало.

— Стрела, когда и где я видел в последний раз Эллен Старк?

— 30 сентября 2133 года, в Центре Луи Теркеля.

Миви смутно помнил этот прием, но девушку не помнил совсем.

— О чем мы с ней разговаривали?

— Эллен Старк сообщила, что ее сериал «Гость» номинирован на премию Маккоя.

Да, теперь в памяти что-то забрезжило. Девочка часами могла распространяться о том, что у него никакого интереса не вызывало. Хорошенькая, выше его на целую голову. Костлявые плечики, мужчинам такие нравятся. В разговоре с ним она, кажется, не испытывала неловкости — так почему бы ей не помочь ему спасти дело, которому ее мать посвятила всю свою жизнь? Особенно если воспользоваться именно такими словами: «дело всей ее жизни».

Удовлетворенный Миви закрыл глаза и велел Стреле связаться с клиникой Рузвельта в Декейтере.

Соединяю, ответил ментар.

Открыв глаза, Миви обнаружил, что смотрит в окно на роскошный газон, окаймленный декоративным кустарником. Холст с изображением морской битвы, висевший на стене рядом, медленно преображался в нечто более пасторальное. Паркет под ногами тоже перестраивался — не пол, а калейдоскоп. Запрограммированный таким образом интерьер мог довести человека типа Миви до нервного срыва.

Пахло здесь чем-то вкусным вроде жареных бананов — даже слюнки текли.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросил человек с озабоченным лицом, в длинном белом медицинском халате. Он поднял руку в голосалюте, Миви ответил тем же. — Добро пожаловать в клинику Рузвельта, мар Миви. Она является собственностью «Фейган Хелс Груп». Я Консьерж, ментар компании, к вашим услугам.

— Консьерж? — Миви запрокинул голову, чтобы видеть его лицо. Будучи невелик ростом, он проделывал это с большинством людей, но почему, милостивая Гея, он должен выворачивать шею перед машиной? — Ну, раз ты знаешь мое имя, то должен знать и цель моего визита.

Ментар весьма убедительно изобразил, что растерян.

— Я полагаю, вы хотите навестить кого-то из наших гостей, но ни в чьем списке желательных посетителей нет вашей фамилии.

Миви надоели эти бесконечные игры во власть, особенно со стороны бездушных конструкций.

— Я хочу справиться о состоянии Эллен Старк. Ее доставили сюда, насколько я понимаю. Пожалуйста, проведи меня к ней.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что у нас есть такая пациентка, мар Миви, и посредниками служить мы не можем. Предлагаю вам связаться со своими знакомыми напрямую. Если они внесут вас в свой список и если они действительно здесь, я охотно скажу вам, как их найти.

Стрела! — позвал Миви. *Свяжись с ментором Эллен Старк — и напомни, кстати, как его звать. Крошка Ханк. Он на связи.*

Миви и Консьерж переместились в темную комнату, где к ним присоединился Крошка Ханк — мультипликационный неандерталец, одетый в звериные шкуры. Низкий лоб, кривые ноги, невероятно мощные мускулы. Миви совершенно не помнил этого ментара, хотя, видимо, должен был.

— Я вас оставлю. — Консьерж отсалютовал им и удалился.

— Спасибо, что пришли, мар Миви, — с таким же приветственным жестом сказал Крошка Ханк.

— Пришел, как только освободился.

— Вы очень внимательны.

Неужели и этот смеется над ним? По выражению его первобытного лица судить трудно.

— Мне нужно поговорить с Эллен, как только она очнется. Пожалуйста, проведи меня к ней.

— Сейчас. — Миви поспешил за ментаром, но через каких-нибудь два шага Крошка Ханк остановился перед косой стеклянной стеной. Внизу за стеклом располагался хирургический театр. — Вот она.

Вместо молодой женщины Миви увидел только хромовый стол и трех человек в стерильных пижамах. На столе лежал обожженный, помятый спасательный шлем. Миви забыл, что только это от нее и осталось.

— Так ее еще не извлекли?

— Врачи пока думают, как лучше вскрыть этот шлем. Он

сильно побился при катастрофе. Две криоспирали вышли из строя, респондер не отвечает, но Эллен подает нормальные признаки жизни.

— Рад это слышать. — Миви отвлек новый запах — ванили и миндаля, что ли? Странные запахи для такого скопа. — Ничего серьезного, стало быть? Мозговой травмы нет?

— Пусть хирурги на нее сначала посмотрят, а потом уж будем ставить диагноз.

— Да, конечно.

— Спасательный шлем не гарантирует защиты от всех мозговых травм. Сам он тоже небезопасен. К счастью, большинство этих повреждений излечимо. Врачей беспокоит, что мозг Эллен долгое время получал жизнеобеспечение ниже оптимального уровня. Скажите, мар Миви, вы хотели обсудить с Эллен что-то особенное?

— Да, но это строго конфиденциально. Внеси меня в список ее посетителей и сообщи мне, как только она придет в сознание.

— При всем уважении, вряд ли, — сказал пещерный человек, рассматривая свои толстые ногти.

— Что-что?

— Мар Миви, у вас с Эллен никогда не было близких отношений. Вы ей не друг и не родственник. Я внесу вас в список приглашенных, когда будет отмечаться ее выздоровление, но это все. Хотите?

— Ты не понял. У меня к ней срочное дело относительно «Старк Энтерпрайзес». И не тебе решать, можно мне видеть ее или нет.

— Ошибаетесь. — Ментар скрестил на груди мускулистые руки. — Я целиком и полностью отвечаю за Эллен. Суд назначил меня ее временным опекуном вплоть до выздоровления. Относительно же «Старк Энтерпрайзес» Кабинет уведомляет меня, что вскоре вы перестанете быть ее служащим. Предлагаю составить меморандум, и я покажу его Эллен, как только она будет в силах заниматься делами.

Миви погрозил пальцем мультяшному персонажу:

— Ты не имеешь права! Ты сам не знаешь, что делаешь!

Их отвлекло от спора движение в хирургическом театре. Техник подкатил к операционному столу бак с прозрачной жидкостью, и двое хирургов приступили к открыванию шлема. Тот развернул восемь своих лепестков, как цветок, но внутри на месте головы Эллен оказался пластмассовый муляж.

— Быть этого не может! — вскинул мохнатые брови Крошка Ханк.

— Что это значит? — Не успев задать вопрос, Миви увидел,

что снова очутился у себя в офисе.

Если раньше у него и были сомнения относительно саботажа на яхте Элинор, то теперь от них не осталось и следа. Он вскочил на ноги, полный стремления помочь Эллен, но что он мог? Он чувствовал себя маленькой рыбкой в полном акул водоеме.

— К вам посетитель, — объявила Стрела.

— Скажи, что я занят! — Неужели этому так называемому ментару даже обязанности секретаря не под силу?

— Это Кабинет, — пояснила Стрела.

Миви испугался. Что еще плохого сулит ему этот день?

— Пусть войдет, — сказал он.

Кабинет тут же явился перед ним в облике юристки, женщины средних лет, которую он всегда считал самой беспардонной из всей их банды. Ее сходство с Элинор действовало ему на нервы.

— Чего тебе? — напрямик спросил Миви.

— Да ничего, собственно. Просто хотела лично уведомить вас, что ваш контракт с «Гелиотоком» прекращается по истечении рабочего дня. Вы должны освободить этот кабинет, сдать все известные вам верификационные коды и все имущество «Гелиотока» и «Старк Энтерпрайзес», имеющееся в вашем распоряжении, включая ментара, именуемого Стрелой. Служебную квартиру освободите, когда вам будет удобно, но не позднее, чем завтра.

— Ты что, увольняешь меня? — недоверчиво спросил Миви.

— Увольняю, выгоняю, выкидываю — называйте как вам угодно. В синонимах недостатка нет.

— Но ты как опекун не имеешь такого права.

— Из правления ПЗС я вас действительно не могу удалить, но по отношению к служащим у меня более широкие полномочия.

— Но прекращение контракта автоматически лишает меня места в правлении!

— Проблемы иногда решаются сами, не так ли? Не хмурьтесь, епископ. Мы готовы предложить вам щедрое выходное пособие, если вы не будете чинить нам препятствий.

Кабинет исчез, оставив за собой эмблему Старк, которая, в свою очередь, растворилась как дым.

2.11

Синюю команду атаковали неподалеку от Гэри-Гейт. Пчела с двумя осами, пересекая пригородный каньон на уровне крыш, попали в круговорот двухатомного белого порошка. Он мигом залепил пчеле корпус, видеокамеры, усики, проник сквозь герметизацию, заклинил суставы. Пчела витками устремилась к земле, но реактивный уловитель налетел на нее, как коршун, и заглотил своим V-образным носовым клювом. Пчела, сломав крыло, проскочила сквозь его щелевидную глотку в темную камеру-сборник, полный других поврежденных техносов. Медиапчелы, пчелы-свидетели, полицейский мини-трутень, расплющенный внукоровский слизень. Все механизмы, сохранившие жизнеспособность, работали в красном режиме. В темном нутре уловителя вспыхивали всеми цветами спектра сигналы SOS, не проникающие сквозь бронированный каркас. Пленники бились в тесном пространстве, постепенно превращаясь в кашу из деталей и лома.

Уловитель постоянно менял курс, и арестанты болтались в нем, как горошины. Синяя пчела не знала, что одна из ее ос тоже здесь, пока та не обхватила ее за корпус. Оса последовала в плен за своим лидером. Теперь она, держа пчелу своим сочлененным туловищем, по мере возможностей гасила толчки и удары.

Уловитель наконец-то остановился, дав покой своему побитому грузу. Пчела приказала осе отпустить ее и попытаться прорезать лазером стенку камеры. Но пластфолевый бархат, выстилающий камеру, поглощал лазерные лучи, как губка. Поэтому пчела дала осе команду снять бархат своими жвалами, одно волокно за другим. Лазер мог прожечь выход даже сквозь точечное отверстие. Другие действующие техносы присоединились к осе.

Тут уловитель, к несчастью, снова пришел в движение. Он нырял, кружился, описывал петли. Оса вновь заботливо обхватила пчелу. Та тем временем прокручивала сценарии. Если осе не удастся проделать дыру в пластфоле, пчела прикажет ей собрать сломанных техносов к стенке и сжечь — возможно, тепло их горения расплавит обшивку. Если и так не получится, пчела прикажет осе самовоспламениться. Плазменный костер уничтожит и пленников, и тюрьму, и саму пчелу.

Окончательное решение она принять не успела. Уловитель вдруг спикировал и врезался в землю. Все техносы свалились к носовой переборке, и системы синей пчелы отказали.

Самсон на цыпочках прокрался мимо открытой двери Зеленого зала на четвертом этаже, где пили коф несколько Кодьяков. Таким же манером он миновал закрытую дверь административного офиса на третьем, где корпел над чартерными счетами Кейл.

В вестибюле он нахлобучил широкополую шляпу и взял свою любимую бамбуковую трость.

— Я бы рекомендовал кленовую, Сэм, — сказал Хьюберт.

— Мне нравится эта.

— В кленовой заряд мощнее и есть клинок.

А зануда-то прав, пожалуй, подумал Самсон. Поменяв трости и взглянув на свое жилище в последний раз, он приложил руку к ладонной панели, и тяжелая входная дверь бесшумно отъехала в сторону.

На ступеньках он посмотрел вправо и влево. В этот час движение в их квартале было небольшим. Несколько патрульных пчел и ни одного Тобблера. Он спустился на тротуар и как можно быстрее зашагал в противоположную от «Микросекунды» сторону, но тут двое Тобблеров вышли-таки из своей двери.

Домоправитель Дитер и чартист Ганс, сообщил Хьюберт.

— Я знаю, кто они, — проворчал Самсон. Став на самую кромку тротуара, он повернулся к этим двоим спиной, надеясь, что они пройдут мимо. Но чартер Тобблер славился своим любопытством, и они, конечно, остановились.

— Добрый день, сосед Кодьяк, — сказал Дитер. Самсон ответил кивком.

— Отличный денек для прогулки, — заметил другой, рассматривая кленовую трость. Самсону очень хотелось разрядить ее в этого типа, но вместо этого он сказал:

— До конца квартала и обратно — прогулка в самый раз для меня.

— Что ж, не станем задерживать. Приятных вам впечатлений, — пожелал домоправитель и добавил: — Кстати, как там с нашей просьбой насчет инспекции кодьяковских комнат?

Тобблеры полагают, проинформировал Хьюберт, *что на Хоув-стрит орудуют сырьевые пираты. И хотят посмотреть, не потерпела ли ущерба наша часть здания. Домоправитель Кейл еще не решил, допускать их туда или нет.*

— Боюсь, от меня вам никакой пользы, мар Тобблер. Спросите домоправителя Кейла.

— Я неоднократно пытался связаться с ним, но он не отвечает на мои вызовы.

— Думаю, тут не его вина. Наш домпьютер работает все хуже

и хуже. Теряет всю информацию, в том числе и звонки.

— В таком случае мы постучимся к вам и попросим о личной беседе.

Самсон замер. Они скажут Кейлу, что встретились с ним на улице, а его это совсем не устраивает.

— К сожалению, наш домоправитель отлучился по делу. Будет только к вечеру.

— Превосходно, вечером и поговорим.

Тобблеры пошли своей дорогой, а Хьюберт сказал: *Наше такси прибывает. Я велел ему ждать за углом.*

Самсон поспешно заковылял дальше и свернул за угол как раз вовремя: желтое с черной полоской такси в облаке пыли вышло из сети и открыло пассажирскую дверцу. Женщина, уже сидевшая там, приветливо улыбнулась невероятно старому человеку. Потом до нее дошел его запах, и она растерялась. У нее заслезились глаза, но улыбаться она не перестала.

— Добрый день, мар Кодьяк, добро пожаловать, — сказало такси. — «Хай-Чартер такси» всегда к вашим услугам.

— Я, помнится, заказывал частную машину.

— Ваш ассистент уже назвал место вашего назначения, и я составило маршрут всего с тремя-четырьмя остановками. Прошу садиться. Сиденье обеспечит вашу безопасность, и мы отправимся в путь.

Самсон сел. Плюшевые подушки мягко, но крепко обняли его бедра и талию. Такси запустило пропеллеры и поднялось в воздух. Женщина, слегка позеленевшая, зажала рот.

Такси, заняв ближнюю спираль, поднималось по ней в городскую сеть. Самсон на время подъема закрыл глаза. Его спутница дышала ртом, периодически сглатывая. Потом она наклонилась, и ее стошнило на собственные туфли.

— Извините, — сказал Самсон, — я всегда оказываю такое действие на людей.

Она потрясла головой, и ее снова вырвало.

— Мар Корнблат, — сказало такси, — с вашей стороны отмечен физический дискомфорт. Доставить вас в пункт медицинской помощи?

Женщина вытерла рот салфеткой, взятой из ручки кресла. Уловители уже убрали с пола рвоту и вылизывали ей туфли.

— Нет, — сказала она, — вези на станцию.

Такси остановилось на станции ЧОТ. Женщина махнула, уплатив за проезд, дверь с ее стороны открылась.

— Всего вам хорошего, мар, — сказала она, повернувшись к Самсону. — Мой брат тоже… — Слезы навернулись ей на глаза, и она не договорила.

Самсона поразило сочувствие, проявленное к нему незнакомкой. Двое новых пассажиров протиснулись мимо нее в салон, но тут же выскочили обратно.

Видя, что никто из очереди не проявляет желания сесть, такси захлопнуло двери и взлетело.

— Извините за допущенную задержку, мар Кодьяк. Мы меняем маршрут и отправляемся прямо к месту вашего назначения в Блумингтоне.

— Давно пора, — сказал Самсон.

Я только что связался с поместьем, Сэм, сообщил Хьюберт. *Элинор и Эллен там нет.*

— Они все еще на Земле-Прицепе?

Нет, и Кабинет не отвечает на мои вызовы.

— Ну так найди их. Я не могу уйти вот так, даже не попрощавшись.

Приготовься, Сэм. У меня очень плохая новость.

— Что там еще?

Медиа сообщают о крушении космической яхты.

— Ну и что?

Сообщается, что Элинор и Эллен погибли.

— Но они назначили мне встречу в поместье, — проговорил Самсон, сознавая, как глупо это звучит. — Ты уверен, Генри? На сто процентов?

Веду проверку источников.

— Генри, нельзя же говорить такие страшные вещи без абсолютной уверенности. Это мучительно. Следовало бы знать.

Я уверен, Сэм. Расхождение наблюдается только в деталях. Эллен, возможно, еще спасут.

Такси развернулось и полетело назад.

— В чем дело?

Я дал команду вернуть нас домой.

— Нет, такси, не слушай. Вези нас на «Солджер-филд». *А ты, Сэм, уверен?*

— Это ничего не меняет. — Самсон откинулся на подушки, закрыл глаза. — Я должен через это пройти — теперь больше, чем когда-либо прежде. «Солджер-филд», такси.

Минут через десять после аварии, как показывал внутренний таймер, ноэтика синей пчелы восстановилась. Наноремонтники, активировавшись первыми, быстро привели в порядок жизнеобеспечивающие системы. Кроме нее, в камере ожили очень немногие техносы. Синюю альфа-осу переломило надвое, но оба сегмента продолжали держать пчелу мертвой хваткой. В быстрозаменяемых осах не было наноремонтников.

Хрустящий звук привлек пчелу к месту на стенке камеры, где обшивка таяла на глазах. Лазер бета-осы прожигал выход снаружи. Пчела, зажатая в тиски мертвой осой, стала пробираться через обломки к стене, но внукоровский слизень уже дополз туда и загораживал брешь собой, посылая на свою базу сигналы SOS. Пчелу это не устраивало. Она не могла рисковать новым арестом и не могла себя уничтожить без помощи бета-осы.

Прошло несколько драгоценных минут, прежде чем оса проделала для пчелы достаточно большое отверстие, но слизень все так же его загораживал. Пока пчела рассматривала свои возможности, он попытался пролезть в дырку сам. Его кожа зашипела, соприкоснувшись с горячим металлом, и он рефлекторно отпрянул, открыв дорогу пчеле.

Она стала ждать, когда остынут края. Оса тем временем просунула в отверстие жвала и откусила ноги у своей мертвой напарницы. Освобожденная от захвата пчела вытолкнула половинки альфа-осы наружу и вылезла следом за ней.

Уловитель разбился о штабель кирпичей на задах маленького садика между двумя домами. Мертвый, он походил на Франкенштейнова монстра, составленного из разнокалиберных запчастей. На его диароновой броне виднелись следы осиного лазерного огня. Пчела проверила готовность своих систем. Ремонт шел поэтапно, но летать она пока еще не могла. Ее энергозапас разрядился наполовину. В трех крылышках из шести были сломаны распорки, одно оторвалось совсем и потерялось. Бета-оса не получила никаких повреждений, но работала на резервной энергии. Хуже того, она разрядила всю свою боевую плазму. Зато мертвая оса сохранила три четверти своего запаса. У нее тоже недоставало трех крыльев, но это не имело значения, поскольку ее крылышки были полностью анонимными. Пропавшее пчелиное крылышко — дело иное: оно могло привести к «Старк Энтерпрайзес».

Пчела доползла до стены ближнего дома и забилась в трещину между камнями, чтобы обдумать план действий. Бета-осе она приказала сжечь альфу, перекачав предварительно в свой резервуар всю ее плазму.

Ситуация была серьезная, но не из самых плохих. Другие регенерировавшие техносы тоже понемногу вылезали из-под обломков. Слизень так и застрял внутри, потому что не мог пролезть. Пчела обнаружила пять частных охранных машин и одну ВОМ — они кружили над крышами близлежащих строений. Садовый участок был слишком мал для посадки, но машины собирались высадить на него своих боебайторов. Если пчела и оса продержатся необнаруженными час, потом они смогут спокойно

продолжать свою миссию.

Единственную сложность представляло пчелиное крылышко, оставшееся в сборной камере уловителя. Пчела была запрограммирована на абсолютное соблюдение анонимности, но приоритет оставался за выполнением миссии. Примитивный разум пчелы прямо-таки заклинило на этом пропавшем крылышке. Допустимо ли отдавать его в руки Внукора?

Время не позволяло медлить. Пчела велела осе вернуться в камеру уловителя и либо найти крыло, либо сжечь все содержимое камеры. Сама пчела взобралась чуть выше, куда падал солнечный луч, и стала подзаряжаться. Наноремонтники завершили наладку важнейших систем и перешли на второстепенные. Пчела напрягла одну из ног, чтобы вскрыть пару пузырьков в грудной клетке, и оттуда вышли миллионы крошечных техносов. Облепив пчелу, они принялись очищать ее сенсоры и суставы от остатков двухатомного порошка. Истощив свою энергию, техносы сваривались воедино и заменяли в крыльях сломанные распорки.

В доме, на первом этаже, открылось окно, и оттуда вышли в сад двое человеческих особей — а может быть, шесть или восемь. Пчеле не удавалось сосчитать точно. Она отметила только, что особи малогабаритные и что их одежда не соответствует ни одной из официальных форм. Одежда, собственно, и смутила пчелу, вызвав множественное расслоение образов в ее оптике. В инфракрасном спектре искажение было еще сильней, а на радаре они вовсе не отражались. Пчеле никак не удавалось настроить на них свое зрение, но она засекла, что уловитель подняли с кирпичей.

Доложи обстановку, сказала она осе.

Множественные обломки. Арматура искомого крыла найдена и уничтожена. Обод крыла наличествует, но локализовать его не удается.

Даю команду выйти из уловителя, поразить одушевленные объекты и возобновить поиск.

Есть… На этом связь прервалась, и уловитель полностью исчез из сенсорного обзора пчелы. Толпа призрачных людей направлялась обратно к окну. В инфракрасном секторе возникла горячая точка — от двенадцати до шестнадцати точек. Особи поочередно издали громкие крики, и уловитель вновь оказался на земле.

Спустя еще несколько долгих секунд синяя бета-оса села на стену рядом с пчелой и доложила: *Все детали крыла локализованы и уничтожены.*

Даю команду подзарядиться, сказала пчела.

Такси опять поднялось по восходящей спирали. На уровне городской сети Самсон увидел вдали у озера силуэт «Солджер-филд», но такси следовало в противоположную сторону.

— Такси, куда это мы? — спросил он.

— Наш новый маршрут включает в себя только две остановки, мар Кодьяк. Мы очень скоро будем на месте.

— Нет! Никаких остановок. Экспресс-сервис.

Но такси все-таки опустилось на транспортную площадку ажурной аркады 300-го этажа между двумя гигабашнями на Мидвее. Мужчина в элегантном деловом скафе сунулся в машину, унюхал Самсона, и на лице его отразилось глубочайшее отвращение.

— Я думал, вы все уже передохли, — сказал он, отпрянув назад.

— Скоро передохнем, — пообещал Самсон. — И тебе того же желаем.

— Такси, вызови мне другую машину, — приказал мужчина.

— Добрый день, мар Кодьяк, — заговорило такси, теперь уже другим голосом. — Занимаемая вами машина обратилась ко мне по поводу недоразумения между клиентами. Я занимаю более близкую позицию по отношению к контрольному ментару «Хай-Чартер». Поскольку наши такси не обладают полным сенсорным оснащением, я должен спросить вашего мнения: существует ли фактор, делающий эту машину неудобной для пассажиров?

— Ну и нахал! — оторопел Самсон. — Я требую доставить меня на место сейчас же, без дальнейших проволочек!

— Может быть, запах? — не унималось такси. — В салоне пахнет чем-нибудь неприятным?

— Слушай, мое терпение на исходе.

Дверца со стороны Самсона открылась, сиденье разжалось.

— В таком случае я попросил бы вас выйти, мар Кодьяк. Машину нужно вернуть в ангар, чтобы поставить точный диагноз.

— Проси сколько влезет, я все равно не выйду, — сказал Самсон.

— Дальше эта машина, к сожалению, не пойдет. Выйдите, пожалуйста, и «Хай-Чартер» снизит стоимость проезда до этой стадии рейса.

— До этой стадии? Спятил ты, что ли? Я сейчас дальше от места своего назначения, чем когда садился в это такси. Везите меня на «Солджер-филд», и точка!

— Это невозможно. Ознакомившись с внутренними показаниями машины, я пришел к выводу, что источником проблемы являетесь вы, мар Кодьяк. Мы не любим принимать

официальные меры против наших клиентов, но если вы сейчас же не выйдете, мы подадим на вас жалобу за ущерб, причиненный данной машине, и потребуем возмещения за потерянное ею рабочее время. Помимо этого, вы теряете право на пользование услугами «Хай-Чартер такси» и всех связанных с нами компаний.

— Ты, никак, угрожаешь мне? — Лысина Самсона покрылась красными пятнами. — Знаешь, я бы тебе не советовал.

В ответ сиденье сделалось антиэргономическим и садануло его по почкам.

— Генри! — завопил Самсон. — Я, пожалуй, сделаю это здесь. Здесь и сейчас! — Он стал шарить по карманам, ища имитрон.

Сэм, сказал Хьюберт, *успокойся, пожалуйста. Я все улажу.*

— Я ссылаюсь на поправку пятьдесят четвертого года! — продолжал бушевать Самсон.

Успокойся, Сэм. Тебе станет плохо.

Самсон не желал успокаиваться. Он бил кулаком по сиденью.

— Такси, ты огнеупорное? Отвечай!

К машине подошли два блюстителя порядка в синей с коричневым форме, джерри и расе.

— Выходи-ка, дедуля. — Запах дошел до них, и они отшатнулись. — Ты что там, обгадился, что ли? — спросил джерри.

— Нет, не обгадился, — сказал расс. — Это вонючка.

— Да брось. Они померли все.

— Запашок точно как от покойника.

Оба надели респираторы и попытались вытащить Самсона. Он, не даваясь, тыкал в них тростью.

— Слушай, старина, не заставляй нас лезть туда за тобой, — сказал расс.

— Здесь и сейчас! — кричал Самсон.

— Ну-ну, — увещевал расе. — Выходи, не то нам придется тебя усыпить.

Он наставил на Самсона жезл. Тот отбил его в сторону тростью. Джерри тем временем произвел обходной маневр и открыл заднюю дверцу.

— Генри, сымитируй меня немедленно! — приказал Самсон. — Генри, ты меня слышишь? Делай!

Я Хьюберт, Сэм. Послушайся их. Я пытаюсь договориться.

— Ну уж нет! — Самсон плюнул в джерри, схватившего его сзади за руки. Плевок попал на респиратор и зашипел. Джерри мигом вылез обратно.

— Эй, он токсичный.

— Да нет, говорю тебе. Он вонючка.

— Знаешь, я не помню, как с ними положено обращаться. А

ты?

Оба умолкли, слушая Николаса, который зачитывал им памятку о подвергшихся клеточному прижиганию. Такси тем временем закрыло двери, заключив Самсона внутри, и обратилось к нему третьим голосом:

— Добрый день, мар Харджер. — (Харджер, не Кодьяк!) — С вами говорит Фуллер, ментар «Хай-Чартер такси». Хочу извиниться за недоразумения, причиной которых стали наши работники. Садитесь, пожалуйста, поудобнее, и поездка будет продолжена, как только я договорюсь с охраной этого здания.

Оба охранника почти сразу же повернулись и ушли с площадки для транспорта. Такси запустило двигатели, сиденье снова обеспечило Самсону ультрамягкую безопасность.

— Вот так-то, — сказал он. — Правильно боитесь. Внизу проплывал Чикаго. Скоро показался берег озера, а на нем — высокая трапеция стадиона. У Самсона болели предплечья, там, где схватил его джерри, болела рука, которой он бил по сиденью. В следующий раз надо будет стукнуться головой обо что-нибудь твердое, тут и делу конец.

— В следующий раз, Хьюберт, выполняй мои указания в точности. Без разговоров. Ясно?

Как скажешь, Сэм.

— Именно так. — Портативный имитрон отыскался в нагрудном кармане. Самсон достал его, поставил на голосовой режим и приказал включиться.

— Готов, — сказал прибор через пару секунд.

— Мар Харджер, приехали, — вмешалось такси. — Фирма «Хай-Чартер» полностью освобождает вас от платы за этот рейс и предоставляет вам три бесплатные поездки в пределах Чикаго. Я иду на посадку. — Такси опустилось на верхний транспортный парапет стадиона, и дверца открылась.

— Вот так-то. — Самсон стал вылезать, но остановился. — Ладно, за проезд вы с меня не берете. Еще что-нибудь?

— Да. «Хай-Чартер» поручило мне извиниться перед вами за это прискорбное происшествие. Стыдно, когда чартисты конфликтуют между собой.

— Еще бы не стыдно! — Самсон спрятал имитрон обратно в карман и вылез. Такси тут же захлопнуло дверцу и взвилось вверх на всех шести пропеллерах, не дожидаясь, когда он отойдет на безопасное расстояние. Самсона обдало пылью, и он добрую минуту откашливался. В Индиану он не попал и поэтому пришел слишком рано. До начала купольной церемонии оставалось несколько часов, стадион был пуст. Обойдя стороной ряд сканеров, он подошел к пресс-воротам. Радиация сканера спалила

бы предохранители в его клетках не хуже имитрона. Как зарегистрированный обожженный он имел право на свободный проход (такси следовало бы это проверить). Ворота опустились, из них выкатился сторож-арбайтор. Он вежливо, но тщательно обыскал Самсона — даже попросил открыть рот, чтобы осмотреть горло. Потом конфисковал трость, ввел в ладонник Самсона номерок на нее и провел посетителя через ворота. Оранжевая линия зажглась под ногами и повела по спирали куда-то в нижнюю часть стадиона.

— Далеко это? — спросил Самсон.

— Недалеко и все время вниз, — ответил Хьюберт из пряжки на поясе.

Самсон зашаркал мимо еще не активированных концессионных киосков. Ему не верилось, что он наконец-то и вправду делает это.

— Хьюберт, написал я прощальную речь?

— Нет, Сэм, не написал.

Это озадачило Самсона. У него были какие-то мысли, он точно помнил. Последние недели он только об этом и думал.

— Ты уверен?

— Ты сказал, что, когда время настанет, слова придут сами собой.

Самсон не поверил ему, но что было делать?

— Отрадно сознавать, как твердо я на себя полагаюсь.

Он дошел по линии до загрузочной галереи и с облегчением плюхнулся на сиденье. Мягкие шлейки охватили его плечи и грудь.

— Готовы? — спросило кресло.

— Готов, — сказал он, и кресло, проведя его сквозь пресс-занавес, зависло над зияющей пропастью стадиона. Самсон, оказавшийся в первом ряду, испустил глубокий взволнованный вздох. Игровое поле отсюда выглядело как обеденная тарелка на дне колодца. — Откинь спинку назад, — велел он. Кресло повиновалось. — Еще чуть-чуть. — Теперь он смотрел в синее небо над стадионом, где должно было разыграться вечером основное событие этого дня.

— Предлагаю съесть «Гудик», попить электролита и, пожалуй, принять одну кислородину, — сказал Хьюберт. — Потом поспать. Я разбужу тебя загодя. Не холодно?

— Испечься можно. — Самсон снова развернул надкушенный раньше «Гудик». — Скажи-ка мне вот что, Хьюберт.

— Спрашивай.

— Как там дела с Эл и Эллен? Известно что-нибудь достоверно?

— Элинор погибла, Эллен пока под вопросом.

— Значит, у нее все в порядке?

— Нет, Сэм. Она или умерла, или умирает. Сообщения в этом пункте расходятся.

Самсон открыл пакетик с электролитом, отпил немного, натянул на голову капюшон скафа. «Ты выбрала тот же день, что и я, Эл, — думал он. — Какой в этом может быть смысл?»

Да никакого. Как и в его прижигании, как и в проекте под названием «Неизвестный Благодетель». Элинор обещала выявить всех, кто виновен в происшествии с ним, — и выявила, через пять лет после отъезда их с Попрыгунчиком из поместья. Много кого выявила: больше двух тысяч, как индивидуумов, так и группировок. Все они, очевидно, сошлись на том, что ее взлет чересчур стремителен и небольшое торможение будет только уместно. Одним из пунктов всеобщего заговора, как сразу заподозрили оба супруга, было разрешение завести ребенка, другим — нападение на Самсона. Но даже самое тщательное расследование не помогло Элинор выяснить, кто же, собственно, отдал приказ.

«Так не делается, — объяснила она Самсону. — На определенном уровне таких приказов не отдают. Просто выражают свое недовольство, а подчиненные делают из этого соответствующие выводы. На то они и нужны, подчиненные».

Она оставила на его усмотрение, уничтожать две тысячи злоумышленников или нет. «Я обещала довести дело до конца и сдержу обещание. Только многие из этих людей теперь мои коллеги и деловые партнеры».

Она ждала, что ответит он. Самсон тогда только что переехал в башню Кэсс и давал званые обеды — той же самой публике, скорее всего. «Не надо, — сказал он. — Обедать со мной — достаточно суровое наказание».

Понесшая потери синяя команда проникла в Чикаго через Гэри-Гейт, выдавая себя за медиапчелу с вооруженным эскортом. На эту миссию пчеле выделили только пять фальшивых идентификаций, и три из них она использовала на пропускных пунктах между районами города.

Команда нашла чартерный дом на Хоув-стрит, поднялась на крышу, через многоярусную гидропонику подлетела к сараю. Оса без труда проделала дырку в двери, и обе влетели внутрь.

— Частная собственность. Идентифицируйтесь, — тут же произнес голос.

Пчела быстро сканировала помещение. Ароматическая подпись объекта присутствовала в сильной степени, но живых

организмов в данном пространстве не было. Оса подтвердила ее показания. Пчела переместилась к койке, где под одеялом что-то лежало.

— Ссылаемся на неприкосновенность жилища, — сказал голос, исходящий из динамика на столе.

Пчела, игнорируя запись, закончила обследование. Лежащие на кровати предметы не являлись человеком.

Синяя команда перелетела из сарая к двери, ведущей на лестницу. Она была закрыта, пчелопровод над ней забетонирован. Но томография показала пустоты в кирпичной кладке, и оса просверлила путь через один из таких кирпичей. Внутри команда обследовала этаж за этажом, комнату за комнатой. В некоторых присутствовали человеческие особи, не являвшиеся объектом. Они требовали, чтобы команда немедленно удалилась. Одна особь была настолько глупа, что замахнулась на техносов старой гармонической палочкой. Оса перерезала палочку надвое одним метким импульсом.

Удостоверившись, что объекта в здании нет, команда вылетела через слизнепровод на уровне тротуара. Ароматический след довел до конца квартала и оборвался. Будь у миссии минимальная техническая поддержка, пчела продолжила бы преследование с помощью телекамер, пчел-свидетелей, транспортных показаний и суборбитальных трутней. Но поддержки не было, и даже ордера не имелось. Рассчитывать приходилось только на свои силы.

Пчела, а за ней оса поднялись на крышу противоположного здания. Оттуда они могли наблюдать за всей улицей, за садом напротив и за сараем. Пока они ждали, пчела прокручивала сценарии.

2.12

Станция ЧОТ в центральном каньоне жилблока 7 изрыгала наружу толпы усталых Полезных Людей. Фред не спешил. С него хватило поезда с постоянными перегрузками и резкими поворотами, от которых его несчастные внутренности скручивались в узлы. Он нашел скамейку и прилег на нее. Вокруг него струился привычный человеческий поток, над ним, обтекая четыре ствола-корпуса, плыли облака. В каждом из них проживало четверть миллиона человек, и все они, как и Фред, работали в компании «Полезные люди». Фред всю жизнь провел в аркологиях, похожих на эту. Даже городок на марсианской станции был таким. Ни один расс не стал бы задумываться о своих жилищных условиях, а Фред вдруг взял и задумался. «Моим клон-братьям, — сказал он мысленно. — К чему мы пришли, прожив сто миллионов расс-лет в таких вот сооружениях?»

Транзитная пчела остановилась проверить его состояние. Он сел, отогнал ее и пошел к лифтам. В турбокабину он садиться не стал, выбрал салон. Он пришел раньше обычного и бежать домой сломя голову было не обязательно. Диваны вокруг лифтовой медиазоны пустовали, пара свободных кресел у камина тоже нашлась. Фреда встретила волна успокаивающей протомузыки. Усталые клоны, одетые во всевозможные вариации сине-коричневых цветов, занимали излюбленные места. Фред прошел по толстому ковру к бару.

— Ну и воняет же от тебя, — сказал человек на соседнем табурете. На именной табличке этого найка было вышито «Жюль». — Что с тобой приключилось? — продолжал Жюль, морща свой загорелый нос. — Обмакнули в средство от блох?

— Угу. — Фред отвернулся. В этот момент ему было трудно проявлять дружелюбие к найку. Он заказал пиво, вспомнил, что должен воздерживаться от алкоголя несколько дней, и поменял заказ.

Лифт-салон двигался не спеша. Идя вверх, он останавливался только на этажах с двойным нулем, идя вниз — на этажах с цифрами 50. Фред решил пропустить свою остановку во время подъема и выйти на спуске. Надо было подумать о многих вещах: Коста, Кабинет, Рейли, гальвен, возможность клонового износа.

Оказывается, он уже успел составить краткий список своих проблем. Рассы славятся умением составлять списки. Их брат-донор Томас Э.Ю. был неисправимым списочником. Когда он погиб, в его квартире нашли целую коллекцию: в блокнотах, в компьютере, на обороте конвертов, на листках, прикрепленных к

холодильнику. Что купить, как экипироваться, кому отправить рождественские открытки, с какими женщинами хотелось бы переспать. Все это сохранили и даже устроили выставку в Вашингтонском музее Смитсона. «Моим клон-братьям, — думал Фред. — Списки — наша разновидность белых стихов».

Выйдя на 150-м, он пересел в местный лифт, а потом на лучевую дорожку, ведущую в Деко-Виллидж, экономичный район в глубине Северо-западного ствола. Дверь квартиры поздоровалась с ним и открылась.

— Скажи Мэри, что я дома, — сказал он крошечной прихожей. Ответа не последовало, и он позвал: — Мэри?

— Я в спальне, — тихо донеслось до него.

— Извини, если разбудил.

— Нет, не разбудил. Ты рано сегодня.

— Да, чуть пораньше. — Мэри больше ничего не сказала, и Фред прошел в гостиную. Собачка ждала возле его кресла со шлепанцами в зубах. Фред расшнуровал тяжелые коричневые ботинки, отсыревшие от гальвена. Собачка уволокла их, один за другим, в свой шкафчик для чистки и дезодорации. И ради нее-то он собирался рискнуть своей порядочностью?

Он развалился в кресле. Мэри не показывалась и не делала попыток возобновить разговор, поэтому он спросил:

— Ты есть хочешь? Я да. В желудке буквально пусто. Может, перекусим что-нибудь перед выходом?

— Перед выходом куда?

— К Рольфу. Рейли говорил, что заказал столик. — Сам Рейли мог и не появиться, но об этом пока не следовало упоминать.

— К Рольфу? Сегодня же не среда.

— Знаешь, я ему так и сказал. — Фред старался говорить весело, но ведь евангелину не проведешь.

Помолчав, Мэри спросила:

— В чем, собственно, дело, Фред?

— В купольной церемонии.

— А, вот оно что. Я не пойду.

— Почему?

— Так, не хочется.

Фред знал, что спорить в таких случаях бесполезно.

— Мне, по правде говоря, тоже. Посидим дома, закажем сюда что-нибудь.

— Нет, ты иди. Я весь день только и делаю, что жую. Оставила тебе кое-что в кухне.

Фред вылез из кресла. Кухня в их экономичной квартире сводилась к нише рядом с гостиной, где стоял хромовый кулинар.

На нем тарелка, на тарелке горка каких-то рулетиков.

— Нашел?

Фред поднес тарелку к глазам.

— Это что?

— Рыбные рольмопсы с кайенским перцем. Рецепт мой.

— Правда? — Хорошая новость, даже очень. Значит, она сегодня вставала. И попробовала что-то новенькое. Но кухня? У евангелии аллергия на все, что связано с кулинарией. Набрать готовый рецепт на диске для них и то подвиг. — Это здорово. Прямо сейчас и поем.

Когда он взял один рулетик, Мэри сказала:

— Не надо. Я передумала.

Фред чувствовал себя стоящим в шатком челне. Так продолжалось уже пять лет, с самого дня их свадьбы. Поначалу жизнь с евангелиной казалась очень волнующей, но с годами чувство постоянного напряжения как-то поднадоело ему.

— Они слишком острые, — пояснила Мэри из спальни. — Много перца.

— Я люблю острое.

— Тогда ешь, — вздохнула она. — Ты ведь, как всегда, лучше знаешь.

Фред положил рулетик обратно. И пяти минут дома не пробыл, а уже сыт по горло. Он перебрал в уме варианты: не есть, съесть один, съесть несколько или просто сказать, что съел. Список, кажется, полон. Первый и последний пункты можно исключить сразу. Если уж Мэри специально поднялась, чтобы приготовить вот это, надо хотя бы попробовать, а врать евангелине попросту глупо. Значит, вопрос только в том, сколько съесть. Если они в самом деле такие наперченные, то даже одна штука расстроит вконец его бедный, поруганный гальвеном желудок. Он подставил стакан под раздатчик, выпил пол-литра рисового молока для смягчения процесса и откусил кусок рольмопса.

Острый, да, но не так чтобы очень. Фред запихал в рот остальное и проглотил.

— Класс, — сказал он, беря второй, а за ним и третий.

— Подожди немного, увидишь.

Долго ждать не пришлось. Язык обожгло, в глотке запершило, глаза вылезли из орбит, нос прохудился, на лбу выступил пот. Фред, лишенный зрения и способности дышать, снова нащупал стакан.

— Фред, ты в порядке?

Он давился и кашлял, вливая в себя новую порцию молока.

— Фред, ты меня слышишь? Иди сюда!

— Минутку, — просипел он, вытирая слезы и улыбаясь. Наконец-то его пригласили войти.

Она сидела в подушках на их широкой кровати, растрепанная, с пятнами от еды на рубашке. Но Фреду тоже оставили место, а остальное не имело значения.

— На, высморкайся. — Она протянула ему платок. — Говорила же я, не надо. Надо было и эти выкинуть вместе с прочими. Честное слово, не знаю, зачем их оставила.

— Вообще-то вкусно, — выдув нос, сказал Фред. — Смотришь что-то? — В ногах кровати висел маленький скоп — уголок сада, где ничего как будто не происходило. — Это Шелли?

— Угу. Сегодня у них проблемы с кормлением Джудит. Похоже, дело у них все хуже и хуже. Она быстро слабеет.

Фред, заглянув в скоп, увидел открытую террасу между двумя крыльями бунгало известной смертартистки. Полуостров Олимпик, Западное побережье; там только что прошло время ленча, пасмурно, на полу из цементной плитки — экзотические растения в расписных горшках. В тени шезлонг, на котором возлежит Джудит Цзю. Рядом две евангелины, одна из них

Шелли. Обе в широкополых шляпах — в таком ракурсе трудно сказать, где подружка Мэри, а где другая. Мэри потянула носом.

— Ты прошел чистку, Фред? Он пожал плечами.

— Почему ты мне не сказал?

— Большое дело, подумаешь.

— Очень даже большое. Тебя ранили?

Теперь начиналось самое лучшее. Большие карие глаза Мэри вглядывались в него. Евангелину обмануть трудно, но и ее глаза тоже не лгут. Ее душа ничем не занавешивается от внешнего мира.

— Я здоров. — Эти слова были наживкой, чтобы выманить Мэри наружу.

— Само собой разумеется, что сейчас ты здоров, раз тебя починили.

Присяга не позволяла ему рассказывать о своих заданиях никому, даже жене, но Мэри и так все видела.

Евангелин выпустили тридцать два года назад, когда у состоятельных женщин возник спрос на компаньонок. Аффам требовалась аудитория, которая внимала бы им, затаив дыхание. Дело ограничилось пробными партиями, в которые входило десять тысяч евангелин, но и это предложение превысило спрос. Рынок потерпел крах, зато рассы выиграли.

Обнимая жену, Фред подбивал в уме итоги этого

сумасшедшего дня, и Мэри видела все — его страх, боль и панику.

— Бедный ты мой, — сказала она наконец, отпихнув его. Чары рассеялись. — Пусти-ка, мне надо пописать.

Фред смотрел, как она вылезает из кровати. Евангелины все маленькие и худенькие, особенно по сравнению с дженни, узкобедрые и плоскогрудые по сравнению с лулу, но в койке с Мэри никто не сравнится. Когда они занимались любовью, Фред просил ее не закрывать своих пуделиных глаз, заново изумлявшихся каждой ласке.

Она ушла в ванную, а Фред лег и стал смотреть скоп с Шелли. Подруга Мэри была женой Рейли, и они все собирались по средам. В скопе что-то зашевелилось. Открылась дверь, и на террасу вышли еще двое евангелин — смена. Все четверо сели за круглый садовый столик чуть поодаль от несчастной мар Цзю.

— Ей даже руки сгибать тяжело, — говорила одна.

— И слова выговаривать, — сказала другая.

— Жевать для нее почти непосильный труд.

Фред посмотрел, сколько времени. Если Шелли сядет на поезд в течение часа, то поспеет на церемонию вовремя, даже если Рейли не придет.

Он вышел в гостиную, встал перед оконной стеной. Окно было не настоящее (от ближайшей внешней стены их квартиру отделяло добрых полкилометра), но проецировало в реальном времени вид из окон квартиры-люкс в том же самом стволе. Солнце опускалось за гребень О'Хара на стороне Иллинойса. Фред стер пейзаж и вызвал телефонную рамку.

— Рейли Делл, — сказал он и увидел дерганое изображение своего друга. Рейли ехал в купе-бусине ЧОТ. Рассы заухмылялись. Говорить особенно было не о чем, но этот день они пережили. Они потрепались немного и разъединились.

Вернувшись в спальню, чтобы переодеться в домашнее, Фред вдруг заметил, что слизнепровод под потолком заткнут полотенцем. От этого у него случился сердечный сбой. Он постучался в ванную.

— Мэри, кто-то заткнул слизнепровод. — Не дожидаясь ответа, он влез на стул и вытащил полотенце. Шесть слизней тут же расползлись по стенам и потолку.

Мэри смотрела на это из ванной.

— Я видела в Эвернете: их собираются отменить вместе с куполом.

— Вряд ли. Если по-умному, надо ввести еще больше слизней. И удвоить дозу визолы. И десантников поставить на каждом углу. И все это не гарантирует нам безопасности. — Мэри

смотрела на него во все глаза, и он добавил: — Препятствовать слизням незаконно. Нас могут арестовать.

— Почему же не арестовывают? Я заткнула дырку уже давно и, как видишь, все еще на свободе. Иди сюда, скажи, что ты думаешь.

В зеркале ванной расхаживала взад-вперед уменьшенная вчетверо Мэри в сексуальном парчовом платье сливово-синих тонов. Настоящая Мэри, сидя у туалетного столика, настраивала макет своей головы. Вечерний макияж на глазах делался еще ярче.

«Значит, мы все-таки идем к Рольфу», — подумал Фред. Мэри наложила под глазами макета толстый слой порошка горечавки, удлинила ресницы, слегка увеличила пухлость губ. Коже придала тон загара, глаза и волосы зачернила.

— Отпад, — сказал Фред, — но знаешь, это больше для Нового года подошло бы. Не для вечера с нашей компанией.

— Думаешь?

— Да не знаю вообще-то.

— Наверное, ты прав. — Мэри сменила программу на макияж для коктейля и стала экспериментировать с красками. Один из слизней тем временем добрался до ванной и полз к Фреду. Фред подождал, не сходя с места, и ощутил на лодыжке легкий укол. Слизняк, как и следовало ожидать, сразу же отвалился. Накачанный гальвеном объект угрозы для общества представлять не может.

Мэри, однако, кинула на слизняка ночную рубашку и ушла в гелевую кабинку. Фред, качая головой, освободил техноса.

— Я серьезно говорю, Мэри. Ты напрашиваешься. Что на тебя такое нашло?

— А то ты не понимаешь. — Она включила туман, положив конец разговору.

Слизень, как ни в чем не бывало, полез по стеклянной стенке к слизнепроводу кабины. Как ни старайся, он получит свое. «Наведу-ка и я красоту, пока Мэри душ принимает», — решил Фред. Он сел под коробку-визажиста и сказал:

— Фред, вечер. — В макете он не нуждался, поскольку имел в своем распоряжении всего три лица: рабочее, домашнее и вечернее, которые никогда не менял. Опустив коробку, он зарылся головой в ее теплые мягкие складки. Визажист быстро помыл, побрил, тонировал и подкрасил его, а заодно увлажнил кожу и подстриг волосы. Сжатие зубов включило ультразвуковую мятную чистку.

Убрав коробку, он увидел в зеркале маленького себя, меняющего костюмы разного цвета и стиля.

— Этот. — Он выбрал нарядный скаф из сливового крепа, чтобы гармонировать с Мэри. Фред в зеркале сделал шажок вперед, ухмыльнулся и повернулся спиной.

«Моим клон-братьям: все мы — одна смазливая сволочь».

2.13

Пассажир соседнего купе-бусины спал, прислонившись к окну. Плавный ход поезда убаюкивал и Богдана, но тут раздался щелчок, соседнее купе отсоединилось и ушло в боковой туннель. С пускового пандуса съехало и пристыковалось другое. В нем, отделенная от Богдана двумя листами непробиваемого глассина, сидела прозрачная женщина. Она барабанила пальцами по подлокотнику кресла, и Богдан с интересом смотрел, как пересекаются под кожей ее мышцы и сухожилия. Заметив его взгляд, женщина, кажется, оскорбилась — насколько ее прозрачное лицо позволяло судить — и затемнила окно.

Богдану было все равно — он мечтал. Сеанс в «Ариа-Рейнджере» с тем странным имитом закончился, не успели они добраться до населенного центра Земли-Буксира, но следующее задание тоже оказалось нормальным. Тот же имит в красно-зеленом комбинезоне явился опять и сказал:

— Еще раз здравствуйте, Богдан. Хотите побывать в будущем?

Происходило это в одной из аудиторий «Э-Плюрибус», не на космическом корабле.

— Конечно, почему бы и нет?

— Вот и прекрасно. Представьте, что прошло четыреста лет. Вы — пассажир О-корабля, идущего к новой звездной системе. Давайте посетим мостик.

Миг спустя они перенеслись в помещение размером с футбольное поле. Десятки молодых людей в офигительной форме обслуживали ряды плоских мониторов и контрольных панелей. В самом центре парила гигантская модель О-корабля.

— Капитан текущей декады. — Миви показал на исключительно красивую женщину — она даже Аннет Бейджинг не уступала, если такое возможно. Она подошла к ним, уперлась руками в стройные бедра и смерила Богдана взглядом с головы до ног.

— А, Меррил. У вас нюх на лучших людей. Представьте же нас, пожалуйста.

— С удовольствием. Капитан Сюзет — пассажир Богдан Кодьяк, один из самых способных наших кадетов.

— Приветствую вас на мостике корабля «Чартер-сад», кадет Кодьяк. Меррил просил, чтобы я устроила вам экскурсию. Начнем, пожалуй, прямо с командного центра — не против?

— Полностью «за», — сорвавшимся голосом сказал Богдан.

— Превосходно.

— Оставляю вас на нашего славного капитана, Богдан. До

следующего раза. — Миви рассыпался на рой мерцающих звезд и исчез.

— Замечательный человек. — Капитан Сюзет с грустью посмотрела на место, где он только что был. — Надеюсь, вы понимаете, что интерес, который он проявляет к вам, — большая для вас удача. — Она подвела Богдана к огромной голографии О-корабля. — Начнем с того, как корабль движется. Вы, полагаю, знаете, что такое торус.

Макет высился над ними, как десятиэтажный дом.

— Конечно. — Богдан попытался вспомнить, что рассказывал ему Миви на прошлом сеансе. — Это магнитная ловушка для элементарных частиц, поставляемых солнечными жатками.

— Совершенно верно, — одобрила красавица-капитан. — Итак, жатки. Дома, в нашей Солнечной системе… — Модель корабля по ее знаку съежилась до точки в верхнем углу громадного скопа. Богдан заслонился рукой от ослепительно пылающей в середине звезды. — Сейчас мы убавим яркость. — Капитан повела пальцем, и Солнце преобразилось в клубок движущейся розовой лапши. Его северное полушарие кольцом окружали черные пятна. — Это и есть жатки «Гелиотока». От Солнца они далеки, как орбита Меркурия, но расположены над его экваториальной плоскостью. Чтобы хоть как-то разглядеть их на этом скопе, мне пришлось бы увеличить их до размеров Юпитера.

— Да, разумеется, — сказал Богдан.

— Взглянем поближе на всю систему. — По мановению ее пальца на скопе стали появляться планеты, а между ними — обитаемые и производственные колонии. Голубой с белым мраморный шарик обозначал Землю. — Жатки улавливают энергетические импульсы Солнца и передают их по назначению. Готовы? — Она щелкнула пальцами, и от кольца жаток раскинулась во все стороны разноцветная паутина. Большинство ее нитей вело на Землю. — Белые линии — это микроволновые лучи, которые преобразуются в электричество, красные — лазерные лучи, желтые — потоки водородной плазмы. А знаете ли вы, что такое вот эта, зеленая?

Нить, на которую капитан указывала, вела прямо к маленькому О-кораблю в верхнем углу.

— Думаю, наш поток элементарных частиц.

— Блестяще! — Капитан закрыла макет Солнечной системы и вернула корабельной модели первоначальный масштаб. — Это приводит нас к торусу — иначе говоря, как вы верно заметили, к силовому электромагнитному полю, преобразующему частицы в энергию. — В отверстии О-корабля возникла проволочная

конструкция, похожая на сеть параллелей и меридианов. В самом ее центре виднелось вздутие, как от пальца, упершегося в резиновое покрытие. — Последние четыреста лет «Гелиоток» посылал узкий луч заряженных фотонных частиц на планету 2013 ЛЗ в системе Большой Медведицы. Это место нашего назначения. Торус нашего корабля нацелен на этот луч — мы по нему, так сказать, едем. Выпуклость, которую вы видите на торусе, и есть луч. Большая часть его энергии преобразуется в движение — мы идем на 0,367 скорости света. То, что остается, расходуется на корабельные нужды. Кроме того, луч обеспечивает ультраширокий диапазон связи между Землей и нами.

— И как там жилось старушке-Земле эти четыреста лет? Искорка в глазах капитана Сюзет приугасла.

— Ах, кадет Кодьяк, оттуда давно уже не поступают хорошие новости. Наша родная планета претерпела много бедствий после того, как мы стартовали, особенно во время Второй Фаговой войны 2184 года. Земля отравлена до такой степени, что жизнь на ее поверхности сделалась невозможной. Человечество зарывается вглубь или живет на Марсе, на лунах Юпитера, на орбитальных станциях. Наш «Чартер-сад» и другие О-корабли теперь населены больше, чем вся Солнечная система. Мы отправились в путь как раз вовремя. Хорошо, что у нас достало ума сделать правильный выбор.

— Разве вы не боитесь, что без Земли и луча не будет?

— Нет. «Гелиоток» управляется роботами. Случись такая авария век назад, нам пришлось бы плохо, но теперь это удлинит наше путешествие максимум лет на десять. Мы подошли очень близко к планете, в которую упирается луч.

Модель корабля сменилась картиной космоса с миллионами звезд. Две звезды соединяла широкая дуга — половина зеленая, половина красная, посередине бесцветный прогал.

— Если «Гелиоток» через два года прекратит посылать луч, мы будем путешествовать по инерции еще семьдесят пять лет. Они и представлены на диаграмме как бесцветная полоса. Все это время движение будут обеспечивать ядерные реакторы. Мы в решетчатой части перейдем на режим невесомости, но жилые барабаны начнут вращаться и создадут свою силу тяжести.

— Но ведь… — В голове у Богдана так и теснились вопросы.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Все спрашивают. Если мы здесь первые, откуда придет тормозной луч, правильно?

Богдан хотел спросить не об этом, однако кивнул.

— И еще: почему барабаны «жилые»? Я думал, ваши пассажиры все заморожены?

— Вы умеете думать — я люблю это качество в своих

офицерах. Сначала о луче. В 2136 году, за год до старта, консорциум «Земля-сад» послал вперед флотилию кораблей-автоматов на химически-ядерном топливе. Они развивают ускорение выше, чем может выдержать человек. Большинство из них достигли Большой Медведицы пятьдесят лет назад. И подыскали для нас планету, которая, кстати сказать, превзошла все самые оптимистические наши надежды. Я могу показать вам потрясающие картинки. Некоторые из передовых кораблей успешно на нее приземлились и теперь готовят энергетическую, транспортную и жилую инфраструктуру к нашему прибытию, ожидаемому через четыреста семьдесят пять лет. Когда мы зайдем на орбиту, внизу нас будут ждать современные, полностью функциональные города. Остальные корабли-предшественники строят солнечные (вернее, медвежьи) жатки, чтобы послать нам тормозной луч.

Модель О-корабля вернулась на место, высветив четыре жилых барабана.

— Переходим к вашему второму вопросу. Нет, не все они заморожены. Наши пассажиры могут по своему выбору проводить в активном состоянии до двухсот лет путешествия. Сейчас у нас активно около двадцати процентов. Эти четыре барабана населяет 93 545 человек. Вот в этом находится город с населением шестьдесят две тысячи, другие вмещают двадцать девять мелких поселений и тысячи жилищ сельского типа.

Молодой офицер, подойдя к ним с табличкой, улыбнулся Богдану и кивнул.

— Меня ждет срочное дело, кадет Кодьяк, — сказала капитан, посмотрев на табличку. — Не хотите ли продолжить экскурсию с лейтенантом Пересом?

— Да, конечно.

— Лейтенант, покажите кадету Кодьяку все, что он захочет увидеть. Честь имею, кадет.

Отвечая на ее приветствие, Богдан вдруг заметил, что одет в такую же офигительную форму, как все на мостике.

— Спорю, ты захочешь посмотреть зал для боевых тренировок и офицерский клуб, — сказал лейтенант. — Или наш частный нудистский пляж.

Слишком скоро Богданова бусина отцепилась и выкатилась на станцию «Библиотека». Пробудившись от грез, он приклеил к плечу кодьяковские цвета, коричневый-желтый-белый, и с чувством тяжкой потери вернулся к реальности. Как только он вышел на платформу, какой-то человек наступил ему на ногу. Богдан взвыл, а мужчина, осмотрев подошву ботинка, спросил:

— В чем проблема-то?

— Вы мне на ногу наступили, вот в чем!

— Ты сам захотел остаться такой мелюзгой.

— Не такой уж я мелкий, чтоб вы меня не заметили. Мужчина, пожав плечами, сделал попытку потрепать Богдана по голове. Богдан отпихнул его руку.

— Сначала чуть не растоптал меня, а потом по головке гладишь? Спятил ты, что ли?

Мужчина молча ушел, а Богдан захромал к выходу с ощущением, что у него сломан палец ноги. Транзитная пчела, спикировав перед ним, спросила:

— Вам требуется медицинская помощь, мар Кодьяк?

— Нет, но вон того засранца надо арестовать за телесные повреждения!

— Наши записи показывают, что имел место несчастный случай. Но если вам требуется медицинская помощь, разрешите проинформировать, что на этой станции ЧОТ имеется полностью оснащенный кризисный пункт. Для пассажиров с билетами предусмотрены скидки. Помимо автодока клинического класса мы предлагаем консультации для критических ситуаций. Возможно, и вы пожелаете проконсультироваться.

Богдан яростно вытер навернувшиеся на глаза слезы и вышел со станции. Вечер был теплый. Гологолли в этом районе не ошивались: никто здесь не мог себе позволить интерактивничать с ними. Киосков мало, тротуарных экранов и того меньше, зато у выхода расположился блошиный рынок: бездомные пытались продать всякое разнесчастное барахло. Одна старуха сидела на табуретке рядом со старинными весами для ванной. На весах висел рукописный плакатик: «Праверь свой весс — ОДК 1/7». Миллионка, чтобы стать на сломанные весы. Старуха смотрела на Богдана с надеждой, но он не проявил милосердия и припустил трусцой, несмотря на боль в пострадавшем пальце, покрикивая пчелам:

— Сгинь! Сгинь!

Повернув на Хоув-стрит, Богдан увидел у дома двух Тобблеров, занятых чем-то непонятным. Один Тобблер низко наклонился, другой заглядывал ему через плечо. Вокруг них кишели любопытные пчелы. Богдана тоже одолело любопытство, и он подошел посмотреть, в чем дело.

— Привет, молодой Кодьяк, — пропыхтел, выпрямляясь, согнутый Тобблер.

— Здравствуйте, домоправитель Дитер. Что это у вас тут?

— Не только у нас, у вас тоже.

Другой Тобблер по имени Трой лил из пакета какую-то густую жидкость в трещину на тротуаре. На Богдана он даже и не

взглянул. Трой был мальчик — настоящий, не ретро. Он прожил на свете двенадцать подлинных лет. В техническом смысле Богдан тоже был не ретромальчиком, только прерванным — он остановил свое созревание, не достигнув подросткового возраста, — но этот факт не способствовал его сближению с Троем.

Опорожнив пакет, Трой надел защитные очки и заглянул в трещину.

— Ничего не видать.

— Пусть впитается, — рассудил домоправитель.

— Все равно не видать, — заявил Трой через минуту. Домоправитель взял из ящика с инструментами резиновый молоток и стал простукивать тротуар по обе стороны трещины. — Вот, теперь пошло. Давай туда. — Трой показал в сторону дома.

Молоток достучался до здания и перешел на его кирпичную стену.

— Есть! — крикнул Трой. — Поймал гада. Иди посмотри. — Он отдал очки домоправителю и спросил Богдана: — Чего вылупился?

— Ничего. — Богдан отвел глаза.

— Хорошо-о, — протянул, глядя в трещину, Дитер. — Метра три — три с половиной. Надо взять образцы. — Он снял очки и сказал Богдану: — Ну что, молодой Кодьяк, как вам живется при нашем лифте? Жарковато в такую погоду, а? Может, лучше держать дверь открытой?

— Я люблю, когда жарко, — уклончиво сказал Богдан. Тобблеры обнаружили что-то под чартерным домом, и ему хотелось знать что. Но они, конечно, не скажут, особенно Трой, а выспрашивать у них информацию он не станет. — Спокойной вам ночи, Тобблеры.

— Спокойной ночи, Кодьяк.

Он прошел мимо «Микросекунды», поднялся на крыльцо к кодьяковской двери. На голос он теперь не стал полагаться, а сразу приложил к двери ладонь.

— На, читай.

— Здравствуйте, посетитель, — сказала дверь очень знакомым голосом.

— Китти, ты? Это я, Богдан. Открой парадную.

Но это была только запись, притом старая.

— Вследствие военного положения и возможности беспорядков дом чартера Кодьяк временно герметизирован, — сообщила дверь. — Извините за причиненные неудобства.

Военное положение? Да Богдана тогда и в проекте не было.

— Мы лишены возможности обратиться к вам реально, —

продолжал голос Китти, — но если цель вашего посещения не противозаконна, дверь уведомит нас. В противном случае просим немедленно удалиться. И помните, что это дверь модели «Античужак», полностью вооруженная и имеющая лицензию на защиту от вторжения.

— Дверь, скажи кому-нибудь, что я здесь, — взмолился Богдан. — Эйприл или Денни. Просто свяжись с ними.

Ответа не было. Он хотел уже плюнуть и пройти через «Микросекунду», но дверь заговорила другим голосом — Расти?

— Мы все уже спим, дружище. Приходи утром.

— Ничего вы не спите! — Богдан лягнул дверь. Она ответила металлическим лязгом и выдвинула газовые дула из рамы. Богдан снова нанес удар, зная, что газовые баллоны давным-давно разрядились. Тобблеры отвлеклись от своего занятия и уставились на него, но он не обращал на них внимания и продолжал пинать, пока внутри не включилась тревога.

В конце концов ему открыл домоправитель Кейл.

— Что за шум, Богдан?

— Долбаная дверь открываться не хочет, вот и стучу. Не можете, что ли, наладить? — Он протиснулся в вестибюль мимо Кейла. — Так трудно починить хренов домпьютер?

— Я смотрю, мы сегодня не в настроении, — сказал Кейл.

— Да ну? С чего бы это? Может, мы весь день вкалывали? Или, наоборот, дома сидели и не делали ни хрена?

— Кто-то, похоже, сильно проголодался, — невозмутимо ответил Кейл. — Иди руки мыть, мы тебя ждем с обедом. И Сэму заодно отнеси поднос. Он неважно себя чувствует. Скажи, что мы все поднимемся к нему после обеда.

Богдан слишком устал, чтобы спорить, и поплелся в комнатушку за «Микросекундой». Там стоял отдельный экструдер, кухонный.

— И не забудь, — крикнул вслед Кейл, — в семь у тебя разрешительная комиссия.

* * *

На середине крыши Богдан услышал храп, вестник целительного дневного сна. В двери сарайчика появилась новая дырка, в которую он тут же сунул палец. Сэм, укрывшись старым одеялом, лежал на кровати. Богдан вошел, ступая как можно тише. На шатком пуфике стоял другой поднос, нетронутый — видимо, с ленчем. Богдан поменял его на свой. Полуденная фрутокаша слегка забродила и издавала густой приторный запах.

Разбудить, что ли, Сэма, пока обед не остыл? После их утренней встречи на лестнице он, наверное, вернулся назад и лег.

— Сэм, — позвал Богдан не очень громко.

— Ш-ш-ш, — тут же ответил Хьюберт. — Привет, Богги. Тише, пожалуйста. Сэму было нехорошо, ему отдохнуть надо.

Храп продолжался без перебоев.

— Они просили сказать, что придут к нему позже.

— Я передам, когда он проснется.

Богдан забрал поднос с ленчем и сказал шепотом:

— Хьюберт, Тоббы льют какой-то оптический агент под землю около дома. Есть идеи на этот счет?

— Сырьевые пираты, — зашептал в ответ Хьюберт. — В окрестностях вроде бы замечены техносы-копатели, и есть случаи каннибализма старых кирпичных зданий. Тобблеры подозревают, что пираты выедают изнутри наши стены.

— Зачем кому-то старые кирпичи?

— Наш дом построен из пульмановских. Их делали в девятнадцатом веке из глины озера Калюмет. Они высоко ценятся у строителей.

Богдана впечатлила информированность Хьюберта.

— Это Тоббы тебе рассказали?

— Нет. Я не так давно научился подключаться к их домпьютеру.

— Красота. К их домпьютеру подключаться умеешь, а наш наладить не можешь.

— Не так громко. Шел бы ты обедать, а? Все тебя ждут. Богдан отодвинул дверь, но не ушел. Что-то здесь было не так, только вот что? Сэм все это время храпел слишком уж мерно, и еще… еще Богдан *чувствовал запах* перестоявшейся фрутокаши. Будь Сэм на месте, здесь пахло бы только им. Богдан поставил поднос на стол и двинулся к койке.

— Что ты делаешь? — сказал Хьюберт. — Ты разбудишь его.

— Сомневаюсь. — Под одеялом лежала груда подушек. — Хьюберт, что происходит?

Храп оборвался, и чей-то голос сказал:

— Что? Что такое? Где это я, Генри?

Богдан подошел к динамику на рассадном столе.

— Как раз это я и хочу узнать, Сэм. Где ты?

— Богдан? Ты в моем бунгало?

— Ну да, а ты где? Внизу?

— Вообще-то наверху.

— Куда ж еще выше-то?

— Я не дома. Отлучился по одному делу. Богдан показал на разоренную койку.

— Тайком?

Из динамика донесся вздох.

— Если бы я сказал, Эйприл, ты или Китти попытались бы меня задержать, а этого я допустить не мог.

— Ты пугаешь меня, Сэм.

— Извини, мальчуган, ничего не могу поделать. Слушай: давно, когда тебя еще не слили в пробирку, со мной поступили бесчеловечно…

— Ты говоришь о прижигании. — Богдан, чувствуя определенное облегчение, присел на койку. — Собираешься сжечь себя в знак протеста.

Динамик ненадолго умолк.

— Понимаю. Я уже говорил об этом.

— Так, раз двести.

— Значит, сильного шока это не вызовет. Что ж, я рад. Я был пешкой в чьей-то большой игре, Богги, и хотя я уже никогда не узнаю, кто должен ответить за мою трагическую судьбу, всеобщее молчание этому только способствовало. Я хочу указать на это обществу единственным доступным мне способом.

— Но ведь это было давным-давно, Сэм. Никому больше дела нет.

— Вот я и хочу им напомнить.

Богдан, обнаружив под подушкой конверты, стал разбирать их. На каждом стояло имя кого-то из Кодьяков, в том числе и его. Он бросил их и вскочил.

— Я скажу Кейлу!

— Это бесполезно. Они могут весь город обегать, а меня все равно не найдут. Лучше уж промолчать. Обещай, что не скажешь, Богги.

— Нет! Скажи, где ты.

— Богги, мне и без того трудно. Думаешь, я легко пришел к такому решению?

— Да плевал я!

— Вот что: если Хьюберт что-нибудь напортачит и придется меня вызволять, мы с тобой свяжемся, ладно?

— Где ты?

Самсон прервал связь с Богданом. «Солджер-филд», видимо, понемногу заполнялся — рядом с ним прибавилась еще дюжина кресел. Потом Самсон посмотрел внимательно и увидел, что других зрителей, кроме этих, нет. Маленький островок сидений, скрепленных вместе, как клавиши древней пишущей машинки, одиноко болтался над пустым стадионом.

По правую руку от Самсона сидел мужчина — высокий,

тощий, с костистым старым лицом и аккуратно подстриженными черными усиками.

— А, проснулись! — пробасил он. — Замечательно! Добрый вечер, сэр! — Он слегка гнусавил из-за больших бордовых затычек в носу.

Место слева занимала женщина с такими же носовыми фильтрами, придававшими ей поросячий вид. Увядшая кожа и жидкие волосы показывали, что и она порядком себя запустила. К тому же она была толстая. Серый с белым кот у нее на коленях смотрел на Самсона подозрительно.

На всех прочих сиденьях расположились дети, от мала до велика. Откуда их столько? Самсон давно уже не видел так много детей, целый школьный автобус. Он заметил, что никто из детей в отличие от двух взрослых не пристегнут к своему креслу.

Понятно. Они покупные, не реальные. А вот у кота и шлейка, и поводок — значит, реальный. Мужчина подал Самсону руку.

— Я Виктор Воль, а это моя возлюбленная Жюстина. И малышня. — Подмигнув, он обвел рукой детские кресла. — Поздоровайтесь с мсье Кодьяком, ребята.

— Здравствуйте, мсье Кодьяк! — с поразительным рвением прокричали дети.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Мы тут поболтали с вашим слугой, пока вы дремали. Правда, Жюстина?

Женщина кивнула и застенчиво улыбнулась, показав коричневатые зубы.

Самсон растерялся. Дети вставали на сиденья, чтобы лучше его рассмотреть. Хьюберт, конечно, не стал бы откровенничать с незнакомыми?

— Надеюсь, мы не очень вас беспокоим, мар Кодьяк. Просто никто уже много лет не покупал себе такого высокого места. Вся эта секция обычно закрыта — во всяком случае, для людей. Жюстина увидела, что вы сидите там один, да еще днем, и матча сегодня нет.

— Я пришел на церемонию снятия купола.

— Да ладно, — небрежно махнула рукой Жюстина.

— Жюстина хочет сказать, что церемония состоится внизу, — показал Виктор. — И скорее всего не в Чикаго. Этот стадион для них так, вроде задника.

Самсон тупо смотрел на него.

— Теперь «Солджер-филд» пользуются разве что только самоубийцы.

— Самоубийцы? — повторил Самсон.

— Прыжок Мосби. — Жюстина показала на огороженный

парапет по ту сторону стадиона. — С него все и началось.

— Что началось?

— Самоубийства в честь Мосби, конечно.

Самсон, ничего не понимая, смотрел то на нее, то на Виктора.

— Пива хотите? — Виктор протянул ему холодный пакет. Самсон уже много лет не пил пива. Те двое подняли свои пакеты заздравным жестом, и Виктор сказал: — За нашего нежданного гостя. Добро пожаловать к нам домой.

— За моих нежданных хозяев, — сказал Самсон и выпил. Вкуса он, само собой, не почувствовал, как и никакого другого вкуса за последние сорок лет. У всех детей в руках внезапно появились стаканчики с содой-мороженым. — К вам домой, говорите? Вы разве живете здесь?

— Скажем так, — опять подмигнул Виктор, — пришли посмотреть Олимпиаду в двадцать восьмом, да так тут и остались.

Сэм, сказал Хьюберт, *у них есть хитрый субмагнит. Он прячет их от охраны и взламывает коды киосков. Я наблюдаю за ним, набираюсь опыта.*

— Дог? — Виктор снова дал Самсону пакет, на этот раз теплый. Внутри лежал хотдог на маковой булочке, с зеленой приправой, луком и ярко-желтой горчицей. Пар пощекотал Самсону ноздри, и ему почудился запах чикагского деликатеса времен его молодости.

— Спасибо, с удовольствием.

2.14

Когда Кабинет ушел, Миви собрал свои немногие личные вещи в архивную папку. Та запросила адрес, и Миви признался, что еще не знает его. Делать больше было нечего, и он покинул свой офис, оставив в нем контейнер Стрелы. Благодарить ментара за службу он даже и не подумал. В ближайшем будущем он планировал провести терминальную чистку и оборвать всякую связь с этим глупым, никуда не годным пастовиком.

Прощаться в отделе «Гелиотока» было не с кем. Обычно здесь даже ночью кипела бурная деятельность, но сегодня комнаты опустели, а проверочные пункты в коридорах обслуживали машины. Служащих, вероятно, распустили по домам в связи с трагической кончиной Элинор.

Миви, особо не торопясь, дошел до транспортного отсека. Отсюда он мог быстро доехать бусиной до своей квартиры в квадрате 44, но вместо этого поднялся на поверхность в лифте. У него вошло в привычку каждый вечер после работы возвращаться домой пешком. В кабине-студии, вмещающей триста человек, тоже не было ни души.

На первом этаже он прошел мимо комнаты, где они заседали утром, где следили за крушением корабля Элинор. Теперь он больше не работает в «Гелиотоке», а дочь Элинор пропала — вряд ли он придет сюда еще раз.

Выйдя наружу через хрустальные двери административного корпуса, он втянул в себя сытный, пряный, насыщенный пыльцой воздух. Впереди на десять тысяч акров простиралась территория «Старк Энтерпрайзес» — пологие индианские холмы, сплошь покрытые соей, форельником, рыбными прудами. Над землей виднелось только здание администрации — практически все индустриальные и жилые секции размещались в подземной аркологии.

Именно здесь двенадцать лет назад приземлилось его такси и состоялась их с Элинор первая встреча. Она пригласила Миви, епископа «Родины», в свою «лавочку» на ленч и предупредила, что у нее есть одно предложение, которое, как ей кажется, заинтересует его.

Миви повернулся к зданию спиной и зашагал под гору. Для своей последней прогулки он выбрал извилистую тропинку через соевые поля. Вечерняя дорога домой, около пяти километров, обычно занимала у него час. Это было его любимое время дня и неоценимое достоинство должности, которую он занимал. (Она не могла этого предвидеть, ведь нет?) Воздух здесь, помимо

наполненности жизнью, был самым безопасным воздухом на планете. Всю территорию укрывал собственный купол, помещавшийся внутри большого блумингтонского купола. Пузырь в пузыре, полное отсутствие бандитов, как больших, так и маленьких.

Соевые поля были, собственно, не полями, а системами быстрого роста пятиярусной вышины. Почва делилась на километровые квадраты, скошенные на несколько градусов к северу и обеспечивающие верхний южный свет для подземной арклогии. Наклонные земельные плоскости делали горизонт похожим на зубья пилы. Миви шел вдоль одной из них, защищенный от солнца высокой соей. Сегодня он останавливался чаще обычного, чтобы насладиться видом, птичьим пением, треском кузнечиков. Балансировал на одной ноге, чтобы высыпать из другого ботинка драгоценную землю. День еще не кончился, и его комбинезон включил охлаждение. Шляпы у него не было, пот свободно струился по шее. Когда еще ему доведется попасть в частные владения вроде этих?

На вершине одного из квадратов, над неглубокой долиной, стояла бетонная платформа. Сюда Элинор привезла его в тот первый день, когда он был таким ярым противником всего, что она защищала. Она, по его подкрепленному фактами мнению, была в числе тех, кто способствовал медленному корпоративному удушению Геи. Он не ждал ничего хорошего от каких бы то ни было ее предложений, гордился тем, что выступает за правое дело, и чувствовал в себе иммунитет против ее розовощекой харизмы.

Они приехали в маленьком каре и остановились на этом самом месте. Внизу, в долине, располагалась мишень «Гелиотока», похожая на трехкилометровый трамплин. Ее обтягивал пластфоль, совершенно черный — для поглощения электромагнитных частот, объяснила Элинор. Черная овальная мишень казалась Миви дырой в теле планеты, и это лишь подкрепляло его отрицательные эмоции.

— Взгляните туда. — Элинор показала на небо, и он увидел двойной ореол в месте, где воздух как будто кипел. — Там микроволновый луч проходит сквозь оба купола. Мощность этого луча примерно один тераватт, и он снабжает электричеством всю местность от Терре-Хота до Индианаполиса, однако мы не видим его. Поразительно, правда?

— Да, пожалуй.

— Сейчас мы это поправим. — Она достала из дверного кармана две пары очков. — Надевайте, ваше преосвященство.

Он надел и поначалу не заметил никакой разницы.

Постепенно пейзаж сделался темным, как на закате, а мишень начала излучать призрачное сияние. Из черной она превратилась в кремовую, а потом ее пронзил луч ни с чем не сравнимого по чистоте и белизне света.

— Ах! — вырвалось у епископа.

— Действительно, ах, — усмехнулась Элинор. Некоторое время они молча наблюдали за этой струей чистейшей энергии.

— Я часто вспоминаю то, что вы как-то сказали о вашей организации, — сказала наконец Элинор.

— Что же я такого сказал?

— Что «Родина Интернэшнл» делает только часть работы.

— Не помню, чтобы когда-нибудь говорил нечто подобное.

— Я процитирую, если позволите. Вы сказали, что «Родина» помогает Гее освободиться от смертельной заразы. Иными словами, от человечества, если я правильно поняла. Потом вы сказали: жаль, что Гея не может заразить другие планеты этой чумой — иначе последняя несколько утратила бы свою силу.

Миви опешил. Он помнил эти слова, но сказаны они были в узком кругу его ближайших сподвижников. Более того, он был полностью уверен в надежности нулевой комнаты, где происходила беседа.

— Я неверно вас процитировала, епископ?

— Нет, верно… но это не предназначалось для публичного слуха.

— Именно поэтому я верю в искренность ваших слов. И думаю, что мое предложение не оставит вас равнодушным. Хотите совершить небольшое путешествие вместе со мной?

— Смотря куда.

— По лестнице Иакова, — засмеялась она. — По бобовому стеблю. Иными словами, по микролучу.

Она протянула руку — в очках это выглядело как пиктограмма, — и они действительно оказались рядом с лучом. Миви слышал его гудение. Он знал, конечно, что все это виртуально, но все равно испытывал страх. Элинор коснулась луча рукой, и они понеслись вверх. Кар с двумя пассажирами на верхушке холма превратился в едва различимое пятнышко, долина — в одну из складок зеленого покрывала. Миви увидел линию Восточного побережья, затем все полушарие и обод планеты.

Остановились они в космосе, на подстанции «Гелиотока», представлявшей собой многокилометровый зеркальный остров. Четырнадцать микролучей, включая и тот, по которому они поднялись, расходились отсюда веером и падали в восточный сектор североамериканского континента. Выглядели они как

приделанные к глобусу струны.

— Эта станция находится на высоте сорока тысяч километров, — сказала Элинор, — на геосинхронной орбите над экватором. Отсюда идет линия визирования к нашим солнечным жаткам, которые вращаются вокруг Солнца девяносто девять процентов времени. — Солнце находилось слева, слишком яркое, чтобы смотреть на него. — Каждый из этих лучей, преобразованный наземными станциями, дает от 985 до 1004 гигаватт электроэнергии двадцать три часа пятьдесят восемь минут в сутки.

Миви понимал, что на самом деле сидит в каре на индианском холме, но вид Земли с такой высоты потрясал его. У него под ногами крутился тот самый шар, защите которого он посвятил всю свою жизнь. Элинор обратила его внимание на пятнадцать других геосинхронных станций, оплетавших планету паутиной энергии.

— Очень впечатляет, — сказал он, — но какую, собственно, цель преследует эта экскурсия?

— Хочу сделать вам пожертвование, епископ Миви. Выбирайте любой микролуч, и «Гелиоток» пожертвует «Родине» все доходы от его энергетической стоимости на десять лет вперед. Он будет частной собственностью вашей организации.

— Зачем вам это нужно? — недоверчиво спросил Миви.

— Причин несколько. Во-первых, это в моих возможностях. Во-вторых, я хочу быть примерной корпоративной гражданкой. В-третьих, хочу показать вам, насколько это серьезно. Но прежде всего мне хочется убрать затычки из ваших ушей, чтобы вы услышали мое предложение по-настоящему.

Миви снял очки, и это вернуло его на Землю.

— Я слушаю, — сказал он. Она тоже сняла очки.

— Я предлагаю вам участие в небольшом проекте, который назвала «Земля-сад». В него входят несколько крупнейших предпринимателей, флотилия космических кораблей, колонизация планет за пределами нашей системы, игра на чувстве собственности и обуздание самой мощной из сил природы.

— Что же это за сила?

— Людская алчность, епископ. Мы с вами заставим ее приносить пользу как Земле, так и человечеству.

* * *

Миви отвернулся и пошел дальше. Легкий бриз шевелил над

головой лиловатые листья сои и стряхивал спелые бобы в сборные желобки.

Несмотря на все свое умение убеждать, Элинор Старк пришлось уговаривать его несколько месяцев. Но он и после этих лет не знал точно, что побудило ее основать проект по отправке тысячи кораблей в тысячелетнее путешествие к звездам. Он был уверен, что дело не в одной только выгоде, но Элинор не была ни геисткой, ни гуманисткой. Миви так и не решился спросить ее напрямик, словно боялся что-то разрушить. А теперь уже поздно.

Глубоко задумавшемуся Миви преградили дорогу три миниатюрных летучих техноса. Двое — тонкие и грозные — выглядели как настоящие киллеры, третья — как укрупненная версия пчелы-свидетеля. Головы у всех троих были ярко-оранжевые. Миви вспомнил прощальное предупреждение Зоранны и испугался за свою жизнь.

— Что вам надо? — Двое киллеров вместо ответа начали виться вокруг его головы, жужжа и царапая лысину крыльями. — Помогите! Помогите! — закричал он, отмахиваясь, и внезапно ощутил острую боль под мышкой. Пока эти двое выполняли отвлекающий маневр, пчела ужалила его сквозь одежду. Боль быстро распространилась по руке и по шее. — Ты убила меня! — воскликнул он, но техносы снова построились и улетели прочь. Не чувствуя ни слабости, ни головокружения, Миви заторопился домой. Скинул комбинезон, осмотрел место укуса в зеркале ванной. Там вздулась шишка величиной с виноградину, пульсирующая и болезненная на ощупь.

Потом он снова услышал жужжание и увидел в зеркале за собой оранжевую пчелу.

— Помогите! — закричал он опять, швыряя в насекомое полотенце и флакончик с одеколоном. Пчела последовала за ним в гостиную. Он схватил стул и загородился им, как щитом.

— Спокойно, Миви, — сказал кто-то. — Сами себе хуже делаете. — Миви завертел головой, но никого не увидел. — Я здесь. — Крошка Ханк, ментар Эллен Старк, сидел, свесив ноги, на чайном столике. Шкуры, в которые он был одет, теперь выглядели немного реалистичнее.

— Ты! Что все это значит? — Миви искал глазами пчелу. *Это значит, что я должен найти Эллен,* ответил Крошка

Ханк у него голове, *и вы мне в этом поможете.*

Пчела вместе с двумя своими подельниками заняла позицию высоко на потолке. Миви поставил стул и сказал, тыча в них пальцем:

— Они на меня напали!

Слышу. Сейчас объясню, зачем это было нужно — только

глоттируйте, прошу вас. Не надо говорить вслух. Приходится соблюдать осторожность везде, даже в центре «Старк Энтерпрайзес». Маленький неандерталец скрестил мохнатые ножки, прислонившись к вазе с цветами. *И сядь, пожалуйста, Меррил. Ты нервируешь меня, когда мечешься вот так по квартире.*

— Ах, мы уже и на ты? — Миви пошел в спальню за халатом. — Как два старых друга? Помнится, пару часов назад кое-кто избавился от меня одним взмахом своей волосатой ручонки.

Еще раз: глоттируй, пожалуйста. Я серьезно предупреждаю, что за нами ведется слежка. Что до твоего визита в клинику, то тебя, по-моему, больше интересовали собственные дела, чем здоровье Эллен. Я устроил тебе тест, и ты провалился.

Тест?

Да. Я проверил твою чистоту. Миви перебрал в памяти их разговор в клинике. *Я ничего такого не помню. Неудивительно, ведь я говорил на старкесе. Старкес? Это что же, язык такой? Правильно. Поэтому тебя и ужалили.* Миви придвинул стул к чайному столику, чтобы видеть как техносов, так и ментара, сел и сказал:

— Продолжай.

Старкес — семейный язык, на котором говорят только Старки и их приближенные. Поскольку ты тоже из приближенных, я, естественно, полагал, что тебе он знаком. И был склонен сотрудничать с тобой, если это подтвердится, но подтверждения так и не получил.

Я не помню, чтобы ты говорил на каком-то незнакомом мне языке.

Правильно, потому что старкес спрятан в других языках. И поскольку ты даже не понял, что я на нем говорю, я отнесся к тебе как к постороннему, не заслуживающему доверия.

А потом? Что-то заставило тебя передумать?

Да. Наши маленькие друзья. Крошка Ханк показал на трех техносов. *Они входят в командно-контрольную структуру Элинор Старк и активировались после крушения. Их тест ты прошел успешно, и они дали мне инструкцию привлечь тебя к спасению Эллен.*

Миви подошел к книжным полкам и привстал на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть насекомых. В потолочное окно, под которым они сидели, лился солнечный свет. В его лучах неподвижно застывшие техносы походили скорее на ювелирные украшения, чем на вооруженный отряд.

Это Элинор их послала? Значит, она…

Элинор мертва, насколько я мог определить, но это не

помешает ей еще какое-то время влиять на события этого мира.

Миви вернулся к стулу. *Тебе дали указания сотрудничать со мной. В какой форме?*

Прежде чем перейти к этому, я хочу четко обозначить свой интерес в этом деле. Мой спонсор и друг — Эллен Старк, а не Элинор. Меня волнует ее благополучие, а не «Старк Энтерпрайзес» и твои ненаглядные О-корабли. В ходе операции я не подчиняюсь ни Элинор, ни Кабинету, ни тебе. Пещерный человечек выбросил руки вперед и хрустнул суставами пальцев. *Ясно?*

Миви кивнул.

Вот и ладно. Пчела говорит, что у тебя есть возможность отыскать Эллен — только поэтому я и здесь. — У меня есть такая возможность?

Не на сознательном уровне скорее всего. Подозреваю, что из-за этого она тебя и ужалила.

В голове Миви начали стучать молотки.

Это поможет мне что-то вспомнить?

Она, собственно, сказала, что впечатала тебе старкес.

Опять старкес! Если Элинор хотела, чтобы я выучил этот язык, почему она просто не сказала об этом? Я говорю на тринадцати иностранных — у меня как-никак языковая альфа.

Старкес нельзя выучить. Строго говоря, это даже не язык, а метаязык, у него нет своего словаря — для своих морфем он заимствует целые фразы из других языков. Его синтаксис базируется на родственных чувствах, литературных аллюзиях, сложных зрительных образах и многом другом. Это не код, основанный на какой-то математической зависимости, поэтому расшифровать его невозможно. Одно и то же выражение может пять минут спустя иметь совершенно противоположный смысл. Под самым обычным разговором может скрываться другой, тайный. Так что старкес, боюсь, выучить нельзя. Его требуется впечатать.

Миви поднял руку, заглянул под халат.

А с визолой он не вступит в конфликт?

Экий ты паникер, Миви. Расслабься, это не МОБИ. Пчела говорит, что привила тебе доброкачественную опухоль. Со временем она вольется в эктопическую ткань мозга, в клетки гипоталамуса и коры. Подмышка — хорошо защищенное место, и ты скоро перестанешь что-либо замечать.

Миви осторожно потрогал опухоль и увидел сначала звезды, потом пол, потом черноту.

2.15

Перед уходом с крыши Богдан оторвал от скафа рукав, высморкался, бросил использованный лоскут в миску с фрутокашей и потащил поднос вниз. Дверь его комнаты весело пожелала ему доброго вечера. Богдан ужасно ее любил. Дверь входила в оборонительную систему — чартер поставил ее, чтобы помешать Тобблерам подняться выше седьмого этажа в целях захвата своего лифта. Это уж потом кому-то пришла счастливая мысль поселить в той комнате Богдана, который годами вел кампанию за отдельное жилье. Чартер сообщил ему дверной код, и теперь даже танк не прорвался бы туда без его разрешения. После потери Лизы у него в этом мире только и осталось хорошего, что комната с дверью.

Ближайшая кодьяковская ванная находилась на шестом этаже. Богдан зашел туда помыться и переодеться. Он вынул из карманов столовские пирожные, взялся за язычок под воротником и аккуратно разорвал скаф сверху донизу. Упавшие на пол тряпки он подобрал и отправил в утилизатор вместе с ленчем Самсона, посудой и подносом.

При полном освещении он обследовал себя в зеркале. Голос, сорвавшийся при имитации О-корабля, предупреждал о грядущем половом созревании. Богдан рассматривал свое отражение опытным взглядом. Он, кажется, немного подрос? Похудел? Увеличив изображение, он провел пальцем по верхней губе. Усы не растут, но пушок вроде бы намечается? Он взял из распределителя бритвенную салфетку, потер ею щеки и подбородок, придав им младенческую гладкость. На ткани остался коричневатый налет. Богдан посмотрел на лобок — там вроде все было в порядке, — поднял руки и замер. Подмышечные волосы! Он пригляделся к лобку как следует — да, курчавая поросль пробивалась и там! Это уже катастрофа. Дело не терпит отлагательства. Ему требуется эндокринологическая коррекция, требуется омоложение. Прямо сейчас и даже вчера. Хорошо, что комиссия назначена на сегодня.

— Богдан, ты куда подевался? — спросил Кейл по домпьютеру.

— Да здесь я!

— Богги, слышишь меня? Эй!

— Слышу, слышу.

— Отвечай, если слышишь. Мы все голодные и ждем только тебя.

— Ну надо же. Охренеть.

В свежей домашней одежде он спустился по загроможденной лестнице в Зеленый зал на четвертом. По стенам в восемь рядов тянулись полки, занятые утварью, архивами, всяким хламом. Полки и здоровенный фикус едва оставляли место для трех столов, за которыми ели чартисты.

Кейл сидел за главным столом между Эйприл и Джералдом. Перед Эйприл стоял портативный анализатор, перед Джералдом — ритуальный «суповой горшок», настоящая алюминиевая кастрюля с кассовым окошечком на боку, служившая чартеру со дня его основания.

— Ну вот и он наконец, — сказал Кейл. — Начинаем.

— Мы еще не решили с Тобблерами, — возразил Джералд.

— Нет, решили, — сказала Эйприл. — Зачем отказывать, пусть приходят. Теленебо у нас отлично показывает.

— Это твое мнение, — заупрямился Джералд, — а я говорю, что незачем делать им одолжения. Могут и с улицы посмотреть. Им ведь там нравится, вот пусть и смотрят оттуда. И потом, я думал, мы сегодня начинаем вахту у Сэма.

— Да, — подтвердила Эйприл. — Пусть Тобблеры поприсутствуют и при этом. Они как-никак наши соседи. — Она скрестила на груди руки, пародируя Джералда.

— Соседи? Это они-то соседи?

— Только не начинайте все сызнова, — взмолился сидящий между оппонентами Кейл.

Богдан углядел два пустых стула — рядом с Китти за вторым столом и рядом с Расти за третьим. Он сделал вид, что хочет сесть с Китти, и сел на другой стул. Просто так, чтобы позлить ее лишний раз.

— Это они про кирпичи, что ли? — спросил он у Расти.

— Нет, кирпичи это отдельная песня.

— Тоббы просятся посмотреть купольное шоу вместе с нами, на крыше, — объяснил Би Джей, перегнувшись через стол. — Они попросили Эйприл, и сейчас идет обсуждение.

— Домоправитель Кейл, нельзя ли решить это позже? — подала голос Меган за другим столом. — Я предлагаю начать процедуру супового горшка и приступить наконец к обеду.

— Гор-шок! Гор-шок! — подхватили несколько голосов.

— Кто есть хочет, пусть скажет «да», — призвала Меган.

— Да! — хором загремели чартисты.

— Принято. — Меган постучала ножом по стакану. — Давайте есть.

Кейл вздохнул и встал. По бокам от него хмурились сердитые спорщики.

— Дорогие софамильники, приблизьтесь, дабы я мог благословить вас. — Он взял кастрюлю двумя руками и воздел над головой, словно кубок. — Воззрите на сей блестящий сосуд, вместилище нашего благосостояния. Вот прочная ладья в бурном море, вот колыбель нашей жизни и нашей надежды. Приблизьтесь же, о софамильники, и наполните его до краев плодами трудов ваших. — Он поставил горшок на стол и сел.

Первой подошла Сара. Чартер платил ей как поварихе и экономке текущего года 0,0035 ОДК в день. Это соответствовало минимальной зарплате за пределами чартера. Сара сделала вид, будто бросает что-то в горшок, и слегка поклонилась сидящим. Ей вежливо похлопали, и она отправилась на кухню, к экстру-деру.

За ней последовали Барри и Фрэнсис, дежурившие в этот день по столовой. Они пробежали мимо кастрюли, дотронувшись до ее ободка, и выскочили за дверь, не дождавшись аплодисментов — если кто-то вообще собирался им аплодировать.

Джералд, контролер этого года и мастер на все руки, не потрудился встать и «бросил» в горшок частицу своего заработка. То же самое проделал и Кейл. Им обоим похлопали. Эйприл сделала реальный взнос: в окошечке показались цифры 0,1720, сегодняшняя прибыль от «Микросекунды». Софамильники хлопали от души: Эйприл всегда первая бросала реальные деньги.

Следующими были Джун и Пола, работающие на дому для страхового агентства. Их общий взнос составил 0,0095 одика. Аплодисменты смутили обеих.

Луис бросил пригоршню жетонов, в том числе для проезда на такси. В чартере давно уже смирились с его попрошайничеством и только просили снимать цвета Кодьяков, выходя на промысел. Он внес 0,025 и заслужил дружные, хотя и сдержанные хлопки.

Меган пожертвовала пакетик использованных биопсических вафель — их она высыпала не в котел, а в стоящий перед Эйприл анализатор.

— Калий, кремний, углерод, железо, следы германия, — зачитала вслух Эйприл. Приблизительная стоимость после выделения чистых элементов — 0,0021.

Меган поклонилась и получила свою долю рукоплесканий, хотя всем бы хотелось, чтобы она перестала рыться на задах медицинских учреждений. Эйприл, надев перчатки, переложила вафли в контейнер для опасных материалов рядом с собой.

— Все вы знаете, что я время от времени сочиняю баллады, — сказал Расти, вышедший следующим. — Сегодня славные ребята из Бахрейна использовали одну в каком-то рекламном шоу. Вот мои авторские. — Он сделал щедрый взмах — 0,0001. Все, как

показалось Богдану, поаплодировали соответственно сумме. Расти склонил голову и вернулся на место. — Знаешь, — прошептал он Богдану, когда общее внимание перешло на кого-то еще, — приятно бывает внести свою лепту в общий котел. Ты, наверное, каждый день такое испытываешь. Богдан пожал плечами.

Чартисты поочередно дотрагивались до горшка, символически «бросали» туда что-нибудь или делали взмах. Под конец остались только Китти, Денни и Богдан. Денни, как всегда, нечего было внести, однако зла на него за это никто не держал. Он встал, но Китти снова заставила его сесть и бросила сердитый взгляд на Богдана. Тот сделал вид, что не замечает ее. Пора бы уж ей усвоить, что он всегда выходит последним.

Эйприл это вывело из терпения.

— Хьюберт, — сказала она, — ты нас слушаешь?

— Когда домпьютер функционирует, да, — ответил ментар.

— Как там Сэм?

Все напряглись, ожидая ответа.

— Отдыхает.

— Есть сегодня что-нибудь для супового горшка?

— Есть. Сэм просил внести его суточные проценты в общей сумме 10,3671 ОДК.

Все с энтузиазмом зааплодировали.

— Спасибо, Хьюберт. Обязательно поблагодари Сэма за нас, когда он проснется. И напомни, что мы попозже придем посидеть с ним.

— Это всё? — спросил Кейл, переводя взгляд с Китти на Богдана. — Мы закончили? — Напрасный труд: ни один из ретродетей не двинулся с места.

— Ну хорошо! — Китти, не выдержав, вскочила и помчалась к горшку. Матросский костюмчик она сменила на простое домашнее платье, голову обмотала полотенцем. Перед горшком она простучала чечетку и сделала реверанс. Она это проделывала каждый вечер, и софамильники, к ежевечерней досаде Богдана, бурно приветствовали ее.

Перескакивая с ножки на ножку, она опустошила карманы и высыпала в кастрюлю найденные за день сокровища: обрывок красивой ленточки, обломки пластика и стекла, горстку земли, палочку от готового обеда, три вырванные с корнем маргаритки, один подшипник, восемь кусочков мраморного гравия. Богдан скрипнул зубами. Сил нет смотреть, а ведь это еще не все. Обрывок плаката, клочки фольги разных сортов и в завершение — левая линза и дужка разбитых очков.

Эйприл перемещала находки из горшка в анализатор. Общая

стоимость всего, включая цветочки, составила 0,0005. Китти опять присела, и ей снова похлопали.

— А это я заработала на сцене, — сказала она и махнула на кассовое окошечко. Еще 0,0025. Китти поклонилась и под дружеские аплодисменты пробежала к своему стулу. На минимальный заработок все-таки наскребла — не такой уж плохой день для Китти Кодьяк.

— Закончила? — Богдан встал, прошагал к горшку, занес над ним сжатый кулак. Ему нравилось выходить последним и производить должное впечатление. По его грубым прикидкам, чартер сегодня (не считая того, что внес Сэм) заработал какие-то смехотворные 0,8500 УДК. Включая прибыль от «Микросекунды», расположенной в бойком месте. А ведь всем известно, что их дом, помимо медицинских, юридических, омолаживающих затрат (довольно значительных), помимо затрат на развлечения и каникулы (нулевых), — так вот их дом расходует ежедневно около одной ОДК, то есть на 0,1500 больше сегодняшнего общего заработка. Нет необходимости говорить это вслух: они все присутствовали на последнем собрании по годовому бюджету.

Богдан смотрел в тусклое алюминиевое нутро кастрюли и спрашивал себя, с чего, собственно, начался этот дурацкий обычай. В других чартерах, правда, тоже проводят церемонии супового горшка, но о реальном горшке, как у них, он ни разу не слышал. Горшок — просто метафора. Неужели даже это до них не доходит?

Когда софамильники уже начали ерзать, Богдан разжал кулак, махнул на кассовое окошко и перевел на счет чартера весь свой дневной заработок — 1,3333 ОДК. Ясно, что этот дом содержат они с Сэмом. Богдан не уставал указывать им на это шесть раз в неделю. Хлопали ему, как всегда, жиденько, ну и пусть их.

Не успел он вернуться на место, дверь в коридор открылась, и Барри с Фрэнсисом вкатили дымящиеся раздаточные тележки.

Кейл начал читать заключительную молитву, но Китти перебила его:

— Постойте! У Денни тоже кое-что есть. — Все посмотрели на Денни, который, казалось, покраснел с головы до пят. — Ну же, — подбодрила его Китти. Он поплелся к верхнему столу и поклонился, как она его научила. Потом раскрыл руку, в которой, как видно, давно уже что-то держал, и со стуком бросил в горшок что-то маленькое, коричневое.

Эйприл, заглянув туда, побледнела и укоризненно посмотрела на Китти.

— Общественную флору присваивать тоже нехорошо, но

общественная фауна — это серьезное нарушение.

— Он уже мертвый, — сказал Денни. — Мы его не украли.

— Ты не виноват, — сказала Эйприл, — а вот Китти следовало подумать. — Она наклонила кастрюлю в сторону Кейла. — Может, выбросишь его в сад, как будто он там и умер?

— Нашли из-за чего шум поднимать. — Китти перешла на взрослый вариант голоса. — Я его разобрала и опять собрала, ясно? Он безопасен.

Кейл достал из горшка воробья.

— Цветы и землю тоже давай. — Прежде чем выйти, он дочитал молитву: — Трудами многих рук наших мы утоляем нужды свои. Дни свои отдаем на пользу общему делу. Аминь.

— Аминь, — хором ответили софамильники и приступили к еде.

Зеленый суп с рисом, жареные цыплоиды, половинка персита — все по готовым рецептам, как почти каждый день, но довольно вкусно. Еда разрядила напряжение, и начались оживленные разговоры. Богдан следил за вернувшимся с крыши Кейлом — не раскрыл ли он побег Сэма, — но домоправитель занял свое место, как ни в чем не бывало.

Как-то поведут себя софамильники, узнав, что Сэм ушел умирать в одиночестве? Китти закатит припадок, Эйприл будет страдать. Сейчас они все строят рожи над вечерней визолой, заедая ее фрутокашей. Расти вытер рот салфеткой и съел ее. Салфетку, в конце концов, делают из той же самой уги, что и еду. Расти за последнее время болезненно исхудал. Он всегда съедает все, что есть на тарелке, а иногда и саму тарелку, но все равно худеет день ото дня. У него уже и кости черепа обозначились. А Луис, наоборот, щеки себе отрастил, и двойные подбородки за столом тоже имеются, не говоря уж о больших животах и прочем соматическом неблагополучии.

Интересно, следит хоть кто-то из них за собственным организмом, кроме Китти и самого Богдана? А если нет, то почему? Ведь у чартера все еще есть омолаживающая страховка, позволяющая держать всех желающих на молодой стороне сорокалетнего рубежа?

Пассажир О-корабля пользуется неограниченным омоложением, вспомнил Богдан. Чудной священник в комбинезоне так и сказал, и лейтенант Перес специально остановился на этом во время экскурсии по жилым барабанам.

Лейтенант повел Богдана на луг, где было пресное озеро. Они шли по дороге, которая повторяла контуры барабана и будто бы вела в гору. Горизонт там такой крутой, что город впереди

казался вертикальным, как висящая на стене карта. Это облегчало Пересу показ достопримечательностей. «Вон там стадион, под ним театр, концертный и выставочный залы. Там библиотека и водолечебница. Это клубы, а там, наверху, лодочная пристань». Богдан задрал голову, чтобы увидеть озеро. Странно выгнутая голубая гладь занимала всю длину барабана. С одной стороны к нему примыкали лес и площадки для гольфа, с другой возделанные поля.

Транспорт по дороге не ходил, немногие встречные пешеходы останавливались поболтать и пожелать им доброго дня — все как один молодые, симпатичные, дружелюбные. Все они знали Богдана по имени, особенно девушки, посылавшие ему улыбки высокого напряжения.

«Ничего удивительного, — ухмыльнулся Перес. — Все дело в форме. Не знаю уж почему, но девушки любят пилотов больше всех остальных». Богдан непроизвольно выпятил грудь. «Все, пришли. — Перес остановился перед двухэтажным особняком, стоявшим посередине большого двора. Они открыли деревянную калитку, взошли на широкое каменное крыльцо. — Его нарочно сделали маленьким, чтобы ты мог жить и здесь, и в большом городе. — Дом не показался Богдану маленьким. Весь их чартер мог бы здесь поместиться. — В соседнем барабане состоится праздник после Общего Пробуждения. Неплохо иметь деревенский домик прямо здесь, рядом».

Входная дверь открылась без всяких фокусов, и они прошли через большую прихожую в мощенный плиткой внутренний дворик. Над ним простиралось голубое небо, оно же озеро.

«Там автокухня, — показывал Перес, — медиакомната, три ванные, маленький спортзал с сауной, полный арбайторский штат, домпьютер. Ага, вот еще». — Перес махнул рукой, и плитки под ногами стали окнами, выходящими в космос. Богдан парил между водным небом и звездным полом.

«Фантастика! — сказал он. — Сколько человек здесь живет?»

«Только ты, кадет Кодьяк, и те, кого ты захочешь пригласить к себе в дом».

2.16

Перед выходом Мэри и Фред приняли кислородинки. Кафе Рольфа помещалось примерно в трех тысячах метров выше их этажа, и они собирались провести некоторое время на так называемой Палубе, где давление искусственно не поддерживалось. Транспортная вахта посоветовала им диксоновый лифт, курсирующий без остановок между 150-м и 475-м этажами.

Мэри сделала себе лицо для коктейля, надела сливовое крепдешиновое платье без рукавов, перламутрово-черные босоножки на каблуках, ожерелье из черных кораллов. Свежевыкрашенные черные волосы стояли на голове копной.

На лифтовой станции ей стало ясно с первого взгляда, что ее первый экстравагантный импульс был правильным. Вечерние туалеты собравшихся здесь людей переливались волнами самых ярких расцветок. Мэри почувствовала себя серой мышкой.

В лифте, где все орали, пели и выпивали, было не легче. Парфюмы пассажиров соперничали, стремясь занять свою нишу на сексуальной шкале. Мэри казалось, что в кабине пахнет болотными цветами. Ее тошнило. Она закрыла глаза и стиснула руку Фреда.

Он что-то сказал, но она не слышала. Мэри настроилась на их личный канал. Он не ответил, и она не сразу сообразила, что Фред в офлайне. Импланты из него вычистили, а слуга-одиночка остался дома.

— Ты как, держишься? — спросил он, нагнувшись к самому ее уху. Она кивнула. — Прямо как на встрече нового века, ты не находишь? С ума посходили.

Она кивнула опять. Как это похоже на Фреда — забыть, что евангелин выпустили только в этом столетии и она никак не может помнить самую забойную вечеринку прошлого.

На верхних дорожках было потише, и Фред стал слышать собственные мысли. Всю дорогу от станции на 475-м до Рольфа в юго-восточном углу 500-го он думал об огненных рольмопсах Мэри, до сих пор тлевших угольями у него в животе. Что могло толкнуть Мэри на опасные кулинарные эксперименты? Что-то определенно случилось. Может, взять и спросить ее напрямик? В лифте она была бледная. Сейчас ей получше, но настроение все равно явно не праздничное. Открывать рот рискованно, а ведь если не спросить, она так и пострадает молча весь вечер — и он вместе с ней. Фред наметил курс между всеми известными колдобинами и как можно веселее сказал:

— Классно выглядишь.

— Да уж. В самый раз для похорон.

М-да. Звучит не очень-то вдохновляюще, но делать нечего, надо продолжать.

— Кто-нибудь из знакомых? — Он приготовился к худшему, но Мэри смотрела с недоумением. — Я про похороны.

Мэри прислонилась к нему с типично евангелинской покорностью.

— Никто не умер, Фред. Это из-за тортов.

— Из-за тортов?

— Да. Утром я записалась на курсы кондитерского дизайна. Мэрион предложила, моя подруга.

— Кондитерский дизайн, значит.

— Ну да. Торты на дни рождения, свадебные, кексы, птифуры и все такое — целая коллекция, как говорит профессор. Пусть название вас не обманывает, говорит он. Кондитерский дизайн — широкая область для приложения ваших честолюбивых планов.

Как можно ровнее, не выказывая никаких «за» или «против», Фред спросил:

— Тебе интересно?

— Ой, не знаю. Это не так плохо, как я думала. Ты проектируешь не только торты, а ледяные фигуры, пуншевые фонтаны, винные гроты, шоколадные украшения. Требования там довольно строгие, в программу не всех берут. Нескольких евангелин уже приняли, а дор ни одной — это кое о чем говорит. Мы даже химию изучать будем — коллоидные эмульсии, разветвление молекул крахмала. Еще скульптуру, композицию, субмагнитную инженерию, физику. Один год на основные предметы, еще один — практика.

— Ну и?

Зря он ее торопил — она снова умолкла. Он обнял ее и не стал расспрашивать дальше. Может, она утром получила оскорбительное рабочее предложение, которое и толкнуло ее в этот дизайн. Уход за домашними животными, работа в баре или еще хуже — присмотр за туалетными комнатами какого-нибудь богатого идиота. Евангелины боятся таких посланий. Мэри не позавидуешь. Ей никогда не предлагают работу в той области, для которой ее выпустили в свет. Из всех коммерческих итерантов евангелины нарабатывают самое малое количество человеко-часов. Неудивительно, что ее тянет стряпать желудочные гранаты.

Мэри сжала его руку.

— Еда, как ее ни проектируй, все равно остается едой.

У Рольфа было полным-полно. На танцполе и у видеостен поставили дополнительные столы. Посетители толклись у баров и на Палубе за пресс-занавесом. Шум стоял оглушительный. Мэри махнула, открыв дверь кафе, и Фред прошел за ней в Оловянный зал, где их компания собиралась каждую среду. За их столиком сидели незнакомые люди.

Мэри настроилась на канал «Друзья».

Эй, ребята, вы где?

Мэри? — ответил кто-то. *Мы в Цинковом, на эстраде.*

Фред, раздвигая толпу, двинулся в указанном женой направлении.

Эстраду Цинкового зала тоже заняли под лишние столики. Их друзья составили три стола вместе. *Йо хо! Сюда!* — махала им Софи.

На столах стояли графины с напитками, тарелки с греческими закусками: кубики сыра, свернутые виноградные листья с начинкой из мяса и овощей. В середине — миска гигантских зеленых и черных маслин.

— Правда, здорово? — крикнула Софи.

— Что? — прокричала в ответ Мэри, приставив ладонь к уху.

Я говорю — правда, здорово? Софи была их елена, их средиземноморская куколка, маленькая, чернявая, широкобедрая, большеглазая и белозубая. Покачиваясь в такт одному из музыкальных каналов, она развела руки, охватывая ими весь зал.

А, да, сказала Мэри. *Прямо как на встрече нового века.*

Карие глаза Софи загорелись. *Точно! Совсем как тогда.*

Мэри и Фред искали, куда бы им сесть. Их джерри — Вес, Билл и Росс — сидели напротив своих жен-дженни — Лиз, Гвин и Деб; их единственный джером, Питер, и единственная Джоанна, Элис, пришли без партнеров; вторая елена, Сацца, присутствовала вместе с мужем, фрэнком Мики. Их рут, изабелла и джек тоже были здесь.

Недоставало двух лулу, Эбби с Мариолой, и другой евангелино-рассовской пары — Шелли Окленд и Рейли Делла.

Шелли опоздает — ей долго ехать. Она единственная знакомая Мэри евангелина, выполняющая настоящую евангелинскую работу уже пять лет. Другие лины ненавидят Шелли и в то же время восхищаются ею. Мэри тоже поддалась бы общему чувству, возненавидела, не будь Шелли ее лучшей подругой. К тому же клиентка Шелли — известная смертартистка, так что работать приходится не в идеальных условиях.

Сказав несколько обязательных слов, Мэри обвела взглядом зал. Столы, стулья, люди стиснуты в общую массу. Официанты-арбайторы вынуждены двигаться по воздуху, подвешенные к

тросам. За многими столиками общество смешанное, как и у них, но есть и неизбежные джейн с джонами и хуаниты с хуанами.

Танцпол напоминал извивающегося многоголового монстра — все плясали под собственный музыкальный канал. Мэри нашла там Эбби и Мариолу — во всяком случае, двух каких-то лулу.

Вес, сними визор, сказала за их столом дженни Гвин. *Ты обещал.*

Вес, сама невинность, огляделся по сторонам. *Чего? Что я делаю-то?*

Ты мне это брось. Если этот матч для тебя так важен, иди домой и смотри его там.

И Билла с собой прихвати, поддержала Лиз.

Это турнир, а не матч, возмутился Билл. *И я его не смотрю.*

Беседа шла в основном вокруг куполов: где кто был семьдесят лет назад, когда начали ставить первые городские покрытия. Мэри, вместе с половиной компании, тогда еще не слили в пробирку, но слушать все равно было интересно.

Их джоанна Элис была в Нью-Йорке, когда с Атлантики нахлынула Агрессия. Она находилась в офисе с прессовым барьером и только поэтому избежала повальной гибели. Она рассказывала о страшных неделях и месяцах, когда на улицах лежали мертвые, а есть и пить было нечего. *Мы терпели, как всегда,* сказала она, подведя итог этого нечеловеческого года с типичной джоанновской скромностью. Гвин в то время училась на курсах квалифицированных медсестер в Сиднее и стала единственной студенткой, пришедшей на практику. Фрэнк Мики, бывший в Киото, лишился всех, кого знал в тот период жизни. Джером Питер просидел трое суток в гонконгской лапшевне, где умерли около ста человек. Ему пришлось (это джерому-то!) драться с дикарем, который пытался стащить с Питера защитный костюм и в итоге порвал его.

Рассказы становились однообразными. Все рассказчики жили там-то и там-то, занимались той же работой, что и теперь, были довольны жизнью или не очень; потом настал Судный день, и мир стал иным.

Чикаго первый из городов поставил эксперимент с полутвердым атмосферным фильтром для защиты своей биосферы. Все города Объединенных Демократий быстро переняли новую технологию. В последующие месяцы купола, прибавляя в размерах, объеме и надежности, окончательно остановили Агрессию.

По сравнению с теперешними первые были довольно пористыми, сказал фрэнк Мики, *но вы не представляете, каким облегчением было жить под одним из них.*

Мы называли их благословенными щитами нормальности, вспомнила Гвин.

Я шестьдесят восемь лет жил под одним и тем же, сказал Питер, *и, честное слово, не готов от него отказаться.*

Вот-вот. Соглашаясь с ним, все подняли тост за чикагский купол. Фред налил Мэри белого вина, а себе — имбирного эля. *За наш благословенный щит нормальности,* возгласил немой хор. Фред не знал, за что пьют, но поднял свой бокал вместе со всеми.

Мэри поперхнулась: вино было кислое и отдавало смолой.

Рецина, сказала Софи. *Тебе нравится?*

Да. Это я просто от неожиданности.

Это столовое вино. Попробуй его с осьминогом.

Да ну ее, эту кислятину. Вес налил ей того, что пил сам, — маслянистую бесцветную жидкость, пахнущую лакрицей. *Это лучше пойдет.* На вкус Мэри напиток был слишком крепким, но она поблагодарила и сделала несколько мелких глотков.

Фред, чувствуя, что к нему обращаются, показал на уши и потряс головой. Мэри перегнулась к нему и прокричала:

— Они вспоминают, как ставили первые купола!

— Кого поминают?

— Я говорю, вспоминают! Агрессию! А ты где был семьдесят лет назад?

Какой там счет, Фред? — вставила Гвин.

Он не смотрит матч, возразила Мэри.

Конечно, смотрит, заспорила Лиз. *По нему сразу видно.*

Вес стукнул пустым стаканом по столу, чтобы привлечь к себе внимание. *Эй, марен! Фред в офлайне. Его сегодня в антиблох обмакнули. Не чуете, что ли? Все* посмотрели на Фреда, и он поежился.

Он подвергся нападению? — спросила Элис.

Ну, где-то да.

В куполе или снаружи?

Не могу сказать, уклонился Вес.

Через несколько часов эта разница исчезнет, напомнил Питер. *Все мы будем снаружи.*

Заткнись, Питер, обрезала его Элис. *Так что это было, Вес?*

Трое джерри обменялись взглядами, и Вес ответил: *Мы не можем сказать. Информация поступила из Джерринета. Предлагаю поискать на Всемирной Доске Объявлений «водозабор». Какое-нибудь извещение обязательно должно быть.*

— Скажи им, что меня в середине 2060-х не было на Земле, — закричал Фред, обращаясь к Мэри. — Я все пропустил.

Ничего такого на ВДО нет, заявил Питер. *Может, подскажешь другое слово?*

Я и так уже сказал слишком много, заверил Вес.

Да ну тебя с твоей конфиденциальностью! — взвилась Элис. *Скажи прямо, нам здесь грозит что-нибудь или нет?*

— А теперь о чем речь? — спросил Фред.

От надоевших обязанностей переводчицы Мэри избавил громовой рев, донесшийся с Палубы за пресс-занавесом. В Цинковом зале на несколько мгновений установилась нереальная тишина. Потом какая-то женщина взвизгнула, и какофония воцарилась снова.

Фред тронул Мэри за плечо и спросил, показывая на танцующих:

— Эти двое лулу — они наши?

Она кивнула и впервые заметила маленький столик, за которым сидели три евангелины. Выглядели они как самые грустные люди в Чикаго. «Может, и я со стороны такой кажусь», — с тревогой подумала Мэри. Чувствовала она себя определенно как эта троица.

Не секрет, что у их типажа дела плохи. Невзирая на ряд удачных, как у Шелли, карьер, все больше евангелин обращается к своим сестрам за моральной поддержкой. Мэри случалось видеть, как они собираются в недорогих ресторанах. Некоторые в складчину снимали квартиры — еще хуже, чем у нее с Фредом. Следует ожидать, что скоро они начнут перемещаться на подземные этажи, где «Полезные люди» держат общежития и столовые для неиспользуемых итерантов. Впоследствии бедность наложит печать морщин на их лица — бесплатное омоложение «Полезные люди» не обеспечивают.

Мэри перешла на общий канал. *Здравствуйте, сестры!* Три евангелины подняли головы, и она, встав, помахала им. *У нас за столом есть свободные места. Присоединяйтесь!*

Евангелины любезно поблагодарили ее, но отказались. Сказали, что им и так хорошо, лгуньи несчастные.

2.17

Да-да, на кровать кладите, сказал Крошка Ханк. Ментар, выросший до размеров человека, руководил двумя арбайторами, несшими Миви. Их жесткие руки-захваты, не приспособленные для таких работ, мигом привели Миви в чувство.

— Пустите! — крикнул он и стал вырываться.

Не дергайся, сказал Крошка Ханк. *Мы просто положим тебя на кровать. У тебя был обморок.*

Миви прекратил борьбу, и его кинули поверх покрывала. Примерно через минуту, собравшись с мыслями, он спросил стоящего над ним Крошку Ханка: *Что случилось?*

Говорю же, ты упал в обморок. У тебя температура поднялась из-за усиленной переналадки в мозгу, но это не страшно. Автодок ведет мониторинг твоего состояния. Я, между прочим, Стрелу тоже проверил. Она не заражена.

Чем не заражена?

Элинор, да будет благословенна ее паранойя, всех нас снабдила предохранителями. Мы не можем внести в этот механизм никаких изменений и даже не до конца сознаём, что он у нас есть. Если кто-то вздумает манипулировать с нашей базовой личностной капсулой, нарушит нашу цельность, введет нам какое-то постороннее вещество, то некоторые секторы нашей памяти, включая знание старкеса, будут автоматически стерты. Мы даже не поймем, что чего-то лишились. Старкес, как видишь, служит простым и надежным лакмусовым тестом на лояльность семье.

Миви еще не совсем пришел в себя, но суть, кажется, понял. Он был обескуражен тем, как мало секретов Элинор узнал за эти двенадцать лет.

И Кабинет?

Кабинет особенно. Элинор постоянно проверяла его, порой дважды во время одного разговора. А Кабинет при каждом разговоре проверяет меня. Кроме сегодняшнего дня, должен добавить.

Ты говорил с ними?

Да. Недолго, после их апробации. Проверки не было.

Миви поправил подушку, укрыл ноги покрывалом. *Проверь Стрелу еще раз — так, чтобы я слышал.*

Пожалуйста. Стрела, с какой компанией ты связалась, чтобы завтра перевезти мара Миви на новое место?

С перевозочной компанией Гуж, ответила Стрела.

Превосходно. Мои любимые перевозчики. Эллен часто нанимает их для «Белого дня». Когда они приедут?

Завтра в 13.00.

Ну вот, сказал Крошка Ханк Миви. *Порядок.*

Ничего не понимаю. Миви зажмурился — комната завертелась вокруг него колесом. *Для меня это самый обыкновенный английский. Ты спросил ее насчет переезда, она назвала фирму и время.*

Вот именно. Под самым обычным разговором скрыт другой, тайный. На самом деле я попросил Стрелу идентифицироваться, и она это сделала.

Миви спустил с плеч халат, потрогал новую мозгеллу под мышкой. Она, кажется, увеличилась. *Стрела,* сказал он, *проверь чистоту Крошки Ханка.*

Отличная мысль, похвалил Крошка Ханк. *Делай это каждый раз, когда мы встречаемся.*

Слушаюсь, сказала Стрела и спросила вслух:

— Не пригласить ли к мару Миви врача, Крошка Ханк?

— Думаю, необходимости в этом нет, Стрела, — сказал другой ментар. — Принеси ему лучше стакан воды с газом.

Один арбайтор тут же выкатился из комнаты. *Ну?* — сказал Миви. *Докладывай.*

Личность Крошки Ханка не нарушена, сообщила Стрела. Неандерталец вытер рукой обезьяний лоб.

— Ух, гора с плеч! Ты бы поспал теперь, Меррил. Это облегчит переналадку.

Гигантский паук, Арахнид Мундос, раскорячился над планетой, поливая ее из похожего на пожарный шланг яйцевода. Странно: Миви всегда думал, что пауки — живородящие существа.

попытайся сосредоточиться, Миви.

— Что? — встрепенулся он и попробовал сесть.

Нет, не вставай. И глоттируй, пожалуйста! Не хочется на тебя давить, но времени остается мало. Пока ты спал, я позондировал тебя сам знаешь насчет чего.

И как? Я что-нибудь знаю?

Без обид, но информирован ты очень плохо. Ты вообще ничего не смыслишь в бизнесе Элинор, даже в «Гелиотоке» и в О-кораблях. Я знаю все об О-кораблях. Это ты так думаешь.

Миви оглядел спальню. Он не знал, сколько времени прошло. Крошка Ханк, сохранивший человеческую величину, сидел в парящем кресле, техносы-насекомые переместились на тумбочку у кровати.

Скажи, Крошка Ханк, если время так поджимает, почему ты сам не ищешь ее? Вместо того чтобы ко мне приставать?

Я ищу, можешь мне поверить. Все устройства, доступные мне, плюс те, которые я сумел взять в аренду, ведут розыск по всему миру. Кроме тех, что я задействовал здесь. Около миллиона нанятых мной пчел-свидетелей рыщут по всем континентам. Одновременно я допрашиваю пчел, присутствовавших на месте аварии. Пока ментар говорил, над кроватью открывались рамки, показывающие аспекты расследования. *Я предложил выкуп, взятки, награду за информацию. Кроме меня, Эллен разыскивают Внукор, «Старк Энтерпрайзес», «Полезные люди», боливийские власти, медиа и, можно не сомневаться, все враги Элинор. История еще не знала такого частого невода. Я, признаться, теряюсь в догадках — я ведь сам видел, как ее голову ампутировал тот самый шлем, который после открыли в клинике. Каждая секунда его транспортировки записана. Ты, мар Миви, самая главная моя нить — так утверждает оранжевая команда.*

— Стрела, помоги мне сесть. — Один арбайтор протянул Миви манипулятор, другой взбил подушки. Миви выпил воды, потрогал опухоль. Она как будто уменьшилась, но при этом сильно зудела. Он попробовал почесаться, снова увидел звезды и перестал. — Так что же нам делать?

Крошка Ханк прислушивался к чему-то. *У нас гости. Старковская охрана и, если не ошибаюсь, большая горилла тоже.*

Кабинет? *Он самый. Ты хочешь уйти?*

Нет, раз они уже знают, что я тут. Останусь и погляжу, что будет. Заодно и проверю их.

Что ты будешь делать, если Кабинет заражен?

Не знаю. Убойного кода у меня нет.

«Что еще за убойный код?» — с тревогой подумал Миви.

Миг спустя в квартиру к нему постучались.

Вы, ребята, сказала оранжевой команде Крошка Ханк, *лучше спрячьтесь и не вмешивайтесь, пока я не скажу.*

Слушаюсь, сказала Стрела. Насекомые улетели и забились куда-то в щель.

Ты заметил? — выпучил глаза Крошка Ханк. *Я говорил с пчелой, а ответила за нее Стрела. Интересно.*

Стук раздался снова, громче и настойчивей прежнего. Миви натянул покрывало до подбородка.

— Открой им, Стрела.

Корпоративные охранники, рассы и джерри, тут же заняли все помещения.

Их командир-джерри вошел в спальню вместе с Кабинетом, принявшим мужской облик шефа безопасности.

— Извините за вторжение, — сказал джерри, — но я получил приказ изъять дубль ментара, именуемого Стрелой. — Следом за

ним вошел расс с жезлом-сыщиком и начал обыскивать комнату.

— Я оставил его в офисе, — сказал Миви.

— Да, там осталось зеркало, а здесь находится дубль.

— Спасибо, что позвонили заранее, — сказал Крошка Ханк Кабинету. — Я слышал, вы сегодня уволили мара Миви.

— Привет, Ханк! Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Разве служащий, проработавший у вас двенадцать лет, не заслужил прощальную вечеринку? Или хотя бы связку воздушных шариков?

При упоминании о воздушных шариках Миви испытал странное ощущение, что шутка Крошки Ханка до него не дошла — так бывает с ребенком, не понимающим смысла фривольного анекдота.

— Есть, — сказал расс, обнаружив литровую канистру Стрелы на полке шкафа. Командир подошел и забрал ее.

— Выключите, — приказал Кабинет. Джерри перехватил канистру одной рукой и прижал другую к ее ладонной панели. Зеленый огонек на канистре сменился красным. — Теперь остается только прим-устройство Стрелы. Ханк, будь любезен, открой базу данных в усадьбе, чтобы я мог его взять.

— Видишь, как он вежливо просит, когда я ему нужен? — подмигнул Миви Крошка Ханк. — Уже и ордер успел раздобыть, сволочь такая.

— Не понимаю, — сказал Миви. — Ведь Стрела принадлежит «Старк Энтерпрайзес»?

— Только медиум — иначе говоря, паста. Спонсором Стрелы числишься ты. Они не могут так просто ввалиться и унести твоего ментара.

— Он прав, — сказал Кабинет, — но мы подали в суд просьбу о его передаче. Вам он больше не понадобится, а мы можем обеспечить ему более комфортабельные условия. Кроме того, он содержит в себе много деловой информации частного характера, на которую вы больше не имеете права.

— Но право голоса в этом вопросе за мной сохраняется?

— Оно тебе не понадобится, — сказал Крошка Ханк. — Раз они забрали всю пасту, вопрос спонсорства уже не имеет значения. Но ты не бойся: после смерти Элинор усадьба перешла к Эллен — и угадайте, кто ее опекун? Они годами будут со мной судиться. Стреле в данный момент опасаться нечего.

Джерри по знаку Кабинета собрал людей, и они покинули квартиру вместе с контейнером.

— Мне непонятна твоя позиция, — сказал Кабинет Крошке Ханку. — Я думал, мы играем в одной команде.

— А я всегда полагал, что команда у вас своя. Миви снова

показалось, что он не уловил смысла.

— В таком случае спокойной вам ночи, марен. — И Кабинет растворился, оставив за собой туманную эмблему Элинор Старк.

Он не прошел тест, да? — спросил Миви. *Так ты понял?* — с интересом посмотрел на него Крошка Ханк.

Не совсем, но какой-то скрытый смысл уловил. Ты проверял его дважды, а он среагировал неправильно.

Браво, Меррил! Старкес начинает внедряться. Это значит, что Кабинет заражен?

Крошка Ханк ответил не сразу. *Честное слово, не знаю. Может быть, он просто показывает, что не признает за мной права его тестировать, поскольку я ничего не могу ему сделать.*

Но ведь это же глупо. Особенно в такое сложное время.

Согласен, но сейчас об этом беспокоиться рано. Займемся ключом, который Кабинет дал нам в руки.

Он дал нам какой-то ключ?

А как ты думаешь, почему для него так важно перекрыть тебе доступ к Стреле?

2.18

Рейли Делл наконец-то прибыл на вечеринку. С моторизованными экзошинами на ногах ему было трудновато пробираться через толпу. Фред побледнел от такого зрелища, но Мэри видела, что Рейли пребывает в эйфории и боли не чувствует. Он явно пострадал сильнее, чем Фред, и его накачали болеутоляющим.

Элис подставила ему стул, помогла сесть. Он ухмыльнулся ей, точно пьяный. *Тебя ранили?* — спросила она. Потом принюхалась и объявила: *Рейли тоже прошел химчистку.*

Какой-то ты обдолбанный, Рейли, заметила Гвин. *Наркотики, да?*

Рейли молчал. *Скажите же кто-нибудь,* воззвала Элис, *Фред и Рейли побывали сегодня в одной заварушке?*

Все повернулись к трем джерри, глаза которых шныряли вправо-влево с жутковатой синхронностью: они смотрели турнир.

Рейли, тебя ранили? — повторила Элис.

Вы разве не видите, что он, как и Фред, в офлайне? — Мэри сложила ладони рупором и прокричала:

— Рейли, ты как? — Глупый, конечно, вопрос, но что делать. Из-за этой обстановки она сама не своя. Рейли все так же тупо молчал.

Ну что? — торопила Элис. Ничего.

Ты ведь понимаешь, о чем я.

Да, она понимала. Мэри как евангелина генетически настроена на чужие эмоции. Она должна читать лица как открытую книгу. Все правильно, только вот на лице Рейли ничего сегодня не вычитаешь.

— Рейли, ты был ранен? — крикнула она что есть мочи. По лицу расса прошла тень понимания. Он стиснул зубы,

потом раскрыл рот и выговорил:

— Бох!

— Да? — подбодрила его Мэри. Он раздраженно затряс головой.

— Бох! Бох!

— Бог? Ты хочешь сказать «бог»? Рейли усердно закивал.

— Бог, а дальше? — Мэри чувствовала, что все на них смотрят. Тут Рейли расхохотался и мигом утратил свое дурацкое выражение. Он попросту разыграл их!

Бог ты мой, Мэри, сколько секса в твоем сострадании!

Все с облегчением подхватили его смех. Рейли встал и продемонстрировал Мэри шапочку-мозговитку, временную

замену удаленных имплантов.

Мэри, вся пунцовая, присоединилась к смеющимся — что ей еще оставалось? По крайней мере у Рейли все хорошо, и Фреду этот розыгрыш только на пользу. Видно, как он освобождается от недавнего стресса. Он ухмыляется Рейли, тот отвечает тем же — два счастливых бабуина, ни дать ни взять.

Хотя… Почему и Фред тоже не надел мозговитку? Потому что он слишком слаб? Потому что из них двоих больше все-таки пострадал ее расс?

Две лулу подошли к сидящей за столиками компании.

— Эй, ребята, смотрите сюда! — воскликнула Мариола.

— Это называется шимми! — подхватила Эбби. — Мы его в школе выучили. — Лулу хлопали в ладоши и отпихивали бедрами стулья. За соседним столом подвинулись, освободив для них место.

— Ну вы, слизняки, хлопайте! — Фред и Рейли принялись отбивать ритм. К ним примкнули дженни, Элис, Питер и все остальные, даже джерри. Мэри тоже хлопала, хлопали все их соседи. Лулу в своих тоненьких юбочках и топах выглядели исключительно сексуально. Обе сегодня были рыжие, обе зеленоглазые, с блестящей бронзовой кожей.

— Молодцы! — пропела Эбби. — Ну, готовы? Пошли! — И они начали отплясывать в синкопированном ритме. На счет пять, шесть, семь и восемь они проделывали ни на что не похожее па: топали выброшенной вперед правой ногой и подтягивали ее обратно, как сквозь вязкий сироп. Потом топали левой и подтягивали ее, правой, правой, левой, правой, левой, левой. Одновременно они, что поражало больше всего, трясли бедрами и плечами. От этой вибрации, точно выверенной, мускулы играли на их тонких руках, а полные груди колыхались, словно желе. У Мэри, и у той дух захватывало.

Лулу завершили танец прыжком и поклоном. Все кричали и требовали еще, но девушки подсели к своим. Эбби, одним глотком допив свой подтаявший мандариновый дайкири, оглядела компанию. *Вы чего такие кислые все?*

Арбайторы, скользя по тросам, ставили перед лулу карамельно-яркие дайкири, присланные другими столами, — куда больше, чем они могли выпить. Лулу, выслушав послания, передавали бокалы друзьям.

— От изголодавшегося по любви стива, — мурлыкал очередной стакан. — Может, спляшем шимми у меня в комнате?

Фантазия небогатая, прокомментировала Мариола, *хотя что со стива возьмешь.*

— Эй, — говорил другой, — ну вы и штучки.

— Я разные танцы знаю, — сообщал третий, — даже двадцатого века. Как насчет горизонтального буги?

Официант, где наш ужин? — осведомилась Элис. *Мы есть хотим.*

— Да-а! — поддержали прочие, но их заглушили хлопки и топанье во всем зале. Поклонники лулу хотели еще.

Пошли, ребята, сказала наконец Мариола, *мы вас научим танцевать шимми.* И лулу двинулись к танцполу, крича:

— Уроки шимми бесплатно! — Все дженни, Софи, Хайди, Мак и больше половины компании устремились за ними.

Мэри тоже пошла, но сначала налила Фреду ледяной воды и крикнула:

— Тебе нужно поддерживать водный баланс! — Он понюхал воду — водопроводную, из-под крана, — отставил стакан и заказал себе еще имбирного эля.

За их столами остались только джоанца, джером, двое рассов и трое джерри. Поскольку большинство соседей тоже ушли плясать, открылась возможность голосовой беседы, но Фреду вполне достаточно было просто сидеть и смотреть. Элис и Питер взяли себе два невостребованных дайкири.

— Мне кажется, я люблю тебя, — признался один из стаканов.

— Меня зовут Джонни Кейс, — представился другой. — Ты поспрашивай обо мне, а потом позвони, не пожалеешь.

— Пошла бы тоже потанцевала, — сказал Фред Элис.

— Джоанны не танцуют, — фыркнула она.

— Почему? Это же так весело.

— Джоанны не любят веселиться, — сказал Питер и добавил: — Джеромы тоже, наверное.

— Спасибо, Фред, — Элис похлопала его по руке, — но я лучше посижу тихонько с вами и посмотрю. Вот дают!

Эбби и Мариола набрали целый класс, построив его в две шеренги. Остальные желающие толпились вокруг. Мишели, дженни, келли, изабеллы, лары, урсулы, елены, рут, доры, евангелины — все были просто великолепны, но тягаться с лулу не могли. Только две учительницы танцев заводили по-настоящему. Их точеные коленки, девичьи животики, круглые попки, подмигивающие грудки, лепные шейки и чуть крупноватые носики прямо-таки излучали желание, а самой привлекательной их чертой была неугасимая жажда веселья. Их все радовало, будь то ожидание поезда или искрометный трах-тарарах.

Фреду вспомнилась инспектор Коста. От нее, при всей ее внешней похожести на лулу, удовольствия ждать не приходится.

Он зажмурился, потряс головой. Выходит, наваждение еще не прошло? Что с ним такое? Он открыл глаза и увидел, что Рейли на него смотрит.

Их спокойные переглядки нарушила Элис:

— Эй, кончайте с вашей рассовской телепатией. У меня из-за вас мурашки по коже.

— Последнее время они делают это все чаще, — заметил Питер. — Говорят, это связано с клоновым износом.

Вес каким-то чудом услышал его и отвлекся.

— Что за расистские заявления, Питер? Никакого клонового износа не существует. Постыдился бы!

— Да я пошутил, — забеспокоился Питер, но Вес уже снова вперился в свой турнир.

— Кто тут делает расистские заявления? — спросил новый голос. Фред поднял глаза — это пришла Шелли.

— Пит думает, я страдаю от клонового износа, милая, — проскрипел Рейли.

— Везет же тебе! У меня свой износ, чисто физический. — Она села к Рейли на колени и тут же вскочила снова. — Что это? — Она потрогала экзошины у мужа под скафом. — А запах!

— Наши рассы сегодня влипли в какую-то бяку, но никто не желает об этом рассказывать, — доложила Элис.

— Ох, Рейли. — Шелли села на стул рядом с мужем.

— Да я в полном порядке, — заверил он.

Фред хрюкнул и тут же замолк под проникающим в самую душу взглядом Шелли. Да, вот где настоящий-то секс. Но Шелли и правда устала. Плечи у нее поникли, улыбка еле держалась. Она ведь дежурит сутками, да еще эти поездки туда-сюда. За успех тоже надо платить. Он охотно поговорил бы с ней о ее работе, но это конфиденциальная информация. Где и у кого работает Шелли, стало известно лишь потому, что ее клиентка транслирует свою жизнь — вернее, свои артистические умирания — по собственному каналу Эвернета.

Шелли взяла большую руку Рейли в свои, понюхала и поцеловала.

Питер допил один дайкири и начал другой.

— Гм-м, — сказал он. — Некого Фреда Лонденстейна требуют на танцпол.

Элис стиснула Фреду локоть.

— Быть желанным — один из даров Фортуны.

Он пробрался к ожидающей его Мэри. Вокруг клубился водоворот. Пары и триады, двигаясь против часовой стрелки, отплясывали фокстрот, танго и вальс. Поскольку каждая группа танцевала под свой оркестр, сталкивались они постоянно. Ближе

к центру исполняли ча-ча-ча, зум и румбу. Через всю эту толчею неслась вереница конги с лулу во главе. Еще один артефакт изучаемой ими истории танца.

Мэри хотела вальсировать. Фред не слышал выбранной ею музыки, но Мэри напевала ему на ухо, и он послушно выделывал раз-два-три, раз-два-три. Танцем это назвать было трудно, но он испытывал удовольствие, кружась вместе с Мэри. Интересно, что чувствовали бы люди, если бы все танцевали под одну и ту же музыку?

Мэри мысленно проектировала многоярусный торт, и они с Фредом танцевали на самом его верху.

2.19

Жюстина и Виктор объяснили Самсону, как работает Прыжок Мосби, но до него ничего не дошло. Через перила на той стороне стадиона перегнулся молодой человек, персонаж гологолли.

— Его зовут Мосби и он сейчас прыгнет? — спросил Самсон.

— Нет-нет, мар Кодьяк, — сказала Жюстина. — Это Джейсон. Никого из Мосби уже не осталось. Их род угас, а вот Джейсонов много, и им приходится туго. Этот, может быть, прыгнет, а может, и нет. Это зависит от многого. И многие зрители подключатся посмотреть, какое он примет решение. — Об имитированных самоубийствах Жюстина могла говорить сколько угодно, забыв о своей застенчивости.

— От чего же это зависит? — спросил Самсон.

— От жизни, — ответила она, поглаживая кота. — От любви, способности прощать, искупления.

Виктор слушал терпеливо, хотя, очевидно, не разделял пристрастия своей жены к сериалам.

— А сейчас что этот парень там делает? — спросил Самсон. — Если не считать, что он ревет, как маленький?

— Джейсон всегда бурно проявляет свои эмоции. Вообще-то он ждет, чтобы его любимая, Элисон, пришла и уговорила его сойти вниз.

— А заодно чтобы зрителей набралось сколько нужно, — подмигнул Виктор.

Жюстина взглянула на мужа с жалостью. Двое поддельных детей начали ссориться из-за куклы, и она, утихомиривая их, перегнулась через спинку сиденья.

Самсон порадовался, что пришел сюда тайно: уж его-то никто не уговорит сойти вниз. Возможно, этот дурацкий сериал соберет больше народу, чем его собственная лебединая песня. Юмор, что ли, такой у Хьюберта — привезти его туда, где имиты сами себя стирают? Если ментар, конечно, вообще понимает разницу.

— Мама, — сказал один мальчуган, подпрыгивая в кресле, — я писать хочу.

— Кому еще нужно? — спросила Жюстина. Все ручонки дружно взлетели вверх.

— А я хочу кушать, — сказала девочка.

— И я! И я! — закричали все.

— Радости семейной жизни, — снова подмигнул Виктор. И чего он все время моргает, подумал Самсон. Нервный тик, наверное.

— Держи, — вздохнула Жюстина, через Самсона передав

Виктору кота вместе с поводком. Кресла, где сидели она и дети, вернулись на загрузочную галерею. Двое мужчин и кот остались над стадионом одни.

— Тихо, Мэрфи, — сказал Виктор. Кот когтил его, переминаясь у него на коленях. Потом залез на спинку кресла и уселся над головой у хозяина.

Высота, похоже, его не пугала. Он агрессивно мяукал, уставившись желтыми глазищами на Самсона. По худобе его можно было принять за бездомного, а морда отдаленно напоминала о сиамской породе.

— Тихо, Мэрфи, — мягко повторил Виктор. — Он не любит чужих, да и меня не очень-то любит — только Жюстину. Ребят он просто не видит.

— Все равно, наверное, приятно, когда он рядом. — Самсон подразумевал, что кот хотя бы реален в отличие от детей. Кое-какой такт у Самсона еще сохранился, но его разбирало любопытство, и уж сегодня-то он себе мог позволить некоторую бестактность. — Ваши дети, кажется… забыл, как называется марка.

— Фракта-дети.

— Да-да. Покупаете новорожденного и растите его как реального. Вскармливаете, подгузники меняете, рассказываете сказки на ночь. Отправляете его в школу, даете ему карманные деньги. Он подрастает, уходит от вас, посылает вам рождественские открытки, ну и так далее.

— В общем, да, только наши-то все сироты. Мы их извлекли из рециркуляторных баков. У моей Жюстины сердце большое, как эта арена, мар Кодьяк.

К мужчине на Прыжке Мосби присоединилось женское гологолли.

— Ого, — сказал Виктор, — вот и Элисон. Жюстина, милая, ты слышишь меня? Да, поторопись, а то все пропустишь.

Эти дети не являются разумными существами, Сэм, сообщил Хьюберт. *Субмагнит у Волей недостаточно мощный, чтобы позволить им развиваться. Одни только базовые логарифмы: голодный, счастливый, грустный, сонный и прочее. Они вообще не растут.*

Мрак, подумал Самсон. Все тяготы воспитания и никакой отдачи. Даже он, отец незачатого сына и не связанной с ним генетически дочери, был счастливее как родитель.

Кресло Жюстины, вернувшись, стукнулось о Самсоново и пристегнулось к нему. Детей она, по ее словам, уложила спать — то есть выключила, должно быть. Кот Мэрфи перестал завывать и перелез за спиной у Самсона к ней на колени.

Над стадионом уже смеркалось, но противоположную его сторону еще освещало солнце. Огни горели только у выходов. Кроме них, светились биофосфорные перила и стены, да еще скоп у Прыжка Мосби.

— Было что-нибудь интересное? — спросила Жюстина.

— Нет, ничего, дорогая.

— Придвинь их поближе, пожалуйста.

Площадка с двумя гологолли рванулась к ним и повисла прямо перед Самсоном. Теперь он хорошо видел и слышал обоих. Джейсон, свесив одну ногу через перила, сердито и слезливо говорил Элисон:

— Но Синди сказала, что замок принадлежит Кэрол и Кэнди!

— Синди тебе солгала. Он не принадлежит ни им, ни Тедди, ни Патрику, ни Оливеру. Не принадлежит никому из наших знакомых. Я все время пытаюсь донести это до тебя!

— Но зачем же ей было лгать? А бриллианты? Не хочешь же ты сказать, что Фрэнк…

— На хер Фрэнка. Забудь о нем. Это все козни Кармена, а может, его сестры Кэмерон — толком никто не знает. Достоверно известно только одно: кто-то украл депозит, и во всем обвинили Родди, который теперь требует отмены пароля, но ты же знаешь, что он не даст показаний из-за того, что сказал Чарльз. — Элисон сделала два осторожных шага к Джейсону.

— Чарльз? Ты уверена, что это был Чарльз? — Джейсон хватал ртом воздух, как утопающий, но стоило Элисон сделать еще шаг, он перекинул через перила другую ногу с криком: — Не подходи! Я прыгну! Не видишь разве, что это всерьез?

— Хорошо, Джейсон. Успокойся. Видишь, я уже отошла. — Но она только притворилась, что отступает.

Джейсон опять разрыдался, бормоча:

— Чарльз… мой повеса, мое проклятие, мое лекарство, мой папочка, мой любимый.

— Ах! — выдохнула, подавшись вперед, Жюстина.

— Джейсон! — изумилась Элисон. — Ты говоришь, что Чарльз — твой *отец?* И при этом *любовник?*

Джейсон обратил к ней лицо, выражающее глубокую ненависть к себе самому, и отпустил перила. Но Элисон успела схватить его за воротник пиджака и перегнулась вдвое, из последних сил удерживая самоубийцу над бездной.

— Глупец! — процедила она сквозь зубы. — Разве ты не знаешь, кто я? Не знаешь, чем я пожертвовала ради тебя?

В скопе произошли изменения — теперь там боролись две Элисон и два Джейсона.

— Интерактивное вмешательство, — объяснил Самсону

Виктор. — Я сделал так, чтобы Жюстина могла посмотреть несколько поворотов сюжета вместо одного.

Две Элисон, напрягаясь, держали двух рыдающих Джейсонов.

— Ничего ты не понимаешь! — выкрикнул один Джейсон. — Чарльз мой отец, но не мой любовник. Он моя *жертва.* Я его *изнасиловал.* — С этими словами он вывернулся из пиджака и стал падать вниз головой на стадион, где, как вдруг оказалось, шли какие-то состязания, горели прожекторы и на нижних рядах трибун сидели болельщики. Элисон с пиджаком в руках отлетела назад, оставив другую пару на первом плане.

— Ой! — вскрикнула Жюстина, деликатно приложив руку к груди. Может, у нее там переживальник для более интенсивного восприятия, подумал Самсон. Между тем первый Джейсон все никак не мог долететь до земли, и перед ним, как водится, проходила вся его жизнь. Ключевые сцены и целые эпизоды струились из него лентами. Заинтересованные зрители могли растянуть это падение на пару недель и пронаблюдать его печальную биографию во всех подробностях. Самсон отвернулся. Он и раньше никогда не смотрел эту муть, не хватало еще последний свой час на нее потратить.

Джейсон наконец приземлился — да не куда-нибудь, а на мат для прыжков с шестом. Весь в синяках, но без переломов, он мог и дальше дурачить публику.

— Просто слов нет. — Самсон посмотрел на Жюстину — она была счастлива; посмотрел на Виктора — тот ему подмигнул.

Тем временем Элисон и Джейсон № 2 потеряли равновесие и упали совместно. Это тоже происходило в замедленном темпе, но вместо воспоминаний о прошлом они вовсю пользовались настоящим. Они как-то умудрились раздеться в воздухе и занялись бурным сексом. Пара, плавно пикируя мимо разинутых зрительских ртов, опускалась к пятидесятиярдовой линии (в их варианте на стадионе играли в американский футбол). Самсон не сомневался, что в момент падения они кончат одновременно.

Музыкальное сопровождение, которого Самсон раньше не замечал, встретило эту сцену могучим крещендо. Эти двое по крайней мере разбились вдребезги. Жюстина, вся дрожа, вытирала слезы.

— Как это грустно!

Мэрфи мурлыкал у нее на коленях. Виктор, перегнувшись через Самсона, сжал ее руку.

— Жизнь полна трагедий.

Прыжок Мосби с покинутой Элисон вернулся на реальное место, и скоп погас.

— Бокал вина, чтобы пожелать нашим сериальным друзьям

всего наилучшего? — предложил Виктор.

Самсон не хотел больше пить. Хотел сохранить ясную голову. С другой стороны, высокое содержание алкоголя в крови могло сделать огонь более жарким.

— Охотно присоединюсь к вам, — сказал он, — но нельзя ли выпить что-нибудь покрепче вина?

— Виски? Приятно видеть человека, понимающего толк в жизни! — Виктор достал фляжку из внутреннего кармана, откупорил, вытер горлышко рукавом и передал Самсону. — Льда, извините, нет.

Опустошив фляжку, Самсон сделался сентиментальным.

— Боюсь, что я вас объедаю и опиваю.

— Чепуха, — сказала Жюстина. — У нас теперь так редко бывают гости.

— Тем не менее я хотел бы восполнить запас этого чарующего напитка. Хьюберт!

Да, Сэм.

— Нечего тут сэмкать. Ты слышал, что я сказал. Закажи моим любезным хозяевам ящик «Гленкинчи».

Извини, Сэм, но это очень дорого. И потом, я не вижу, как смогу доставить его сюда, не уведомив власти о присутствии Волей.

— Ты хочешь сказать, что я разорен? Не могу позволить себе несчастный ящик спиртного?

Марку, которую ты назвал, производят по традиционным методам, и…

— Кто тут ментар, мать твою так? Посчитай все сам и не утомляй меня.

Виктор с Жюстиной притворились, что не слышат гласную часть диалога. Лицо Самсона налилось кровью.

— И не надо мне никаких диверсий! — заорал он. — Без тебя обойдусь. Протиснусь сквозь эти ремни да и брошусь вниз.

Отдаю тебе должное, Хьюберт, ты меня привел куда надо, попроси Элисон, пусть прыгнет вместе со мной. Трахнемся по дороге, и еще для панегирика время останется.

Это была замедленная съемка. Такая техника, Сэм. Реальное падение займет пять секунд.

— Да знаю я, идиот безмозглый!

Я улавливаю, что ты сердишься на меня, Сэм, но не понимаю причины.

Повисло молчание. Мэрфи устроился над головой у Самсона. На стадион опустилась ночь.

— Простите, — сказал Самсон. — Кажется, я сделался

пьянчугой на старости лет.

— Вы не виноваты. Виной всему страдания, которые вы испытываете, — сказала Жюстина.

— Не советовал бы вам ставить на это. Должен, однако, честно предупредить, что скоро я стану предметом расследования, не говоря уж о пожарной опасности. Вы ведь знаете, что бывает с обожженными при возгорании? Лучше бы вам пересесть подальше.

Снизу, ярус за ярусом, начали зажигаться голубовато-белые светильники.

— Не в моих правилах вмешиваться в чужие дела, — сказал Виктор, — но уверены ли вы, мар Кодьяк, что иного выхода для вас нет? И если уж вы твердо решились, то не хотелось бы вам провести последние минуты с теми, кого вы любите?

Свет ударил им в глаза. Все сиденья их ряда тоже выдвинулись вперед и сомкнулись вместе. Заполнившие их зрители болтали и пересмеивались, насыщая воздух искусственным оживлением.

— Хотелось бы, если честно, — ответил Самсон, стараясь перекричать этот шум, — но судьба распорядилась иначе.

— Простите, что возражаю, но так ли это? — сказал Виктор. — С обожженными, несомненно, поступили крайне несправедливо, но с тех пор прошло уже много лет. Что бы вы ни сделали, это ничего не изменит.

— Может, и так, но я по крайней мере напомню миру о совершенном им преступлении. Уйду, оставив за собой огненные письмена.

— Устроите экстрим-шоу, извините за выражение?

— Мой слуга ошибся, выбрав именно это место, но поздно что-либо исправлять. Все произойдет здесь. Я решил твердо.

— Расскажите нам о себе, — попросила Жюстина. — Расскажите о своей жизни. Это будет только уместно, правда? Вы ведь нам не чужой.

Мэрфи, точно по сигналу, слез и улегся на коленях Самсона. Это знак, сказал Виктор, а Жюстина добавила, что Мэрфи превосходно разбирается в людях. Самсон не знал, как на это реагировать. Он так давно не держал на коленях что-то живое.

Над стадионом воздвигся первый континентальный экран орбитального Теленеба. На нем шло какое-то музыкальное шоу. До диверсии, задуманной Хьюбертом, оставался час. Самсон осторожно погладил Мэрфи по голове и вздрогнул, когда тот немедленно включил свой мотор.

— Что ж, раз вы просите, время у меня есть. Я изложу вам краткую историю моей жизни, но потом сам попрошу вас и

Мэрфи удалиться на безопасное расстояние. Начнем с того, что когда-то я назывался не Кодьяк, а Харджер.

2.20

Стрела, сказал Миви, *где Эллен? Не знаю,* ответил ментар.

Миви вылез из кровати, оделся в домашнее и занял свое любимое кресло в гостиной. Голова немного кружилась, левая рука онемела от плеча до кончиков пальцев. Крошка Ханк объяснил, что это побочный эффект: новая мозгелла временно заблокировала выносящие пути брахиальных нервов. Скоро это пройдет.

Стрела, не знаешь ли ты, как найти ее?

Ответ отрицательный.

Ничего не получается, пожаловался Миви.

Попробуй по-другому, сказал Крошка Ханк. *Говори со Стрелой о чем-нибудь постороннем, а сам в это время думай, как найти Эллен.*

— Не понял.

Обходной маневр, Меррил. Говори о чем угодно, но думай об Эллен.

О чем, например?

Сам придумай. Напряги воображение. Миви, угнездившись в кресле, стал думать о голове Эллен и о том, где она может быть.

— Время? Температура воздуха? — спросил он одновременно.

— Восемнадцать сорок шесть, — ответила Стрела. — Двадцать восемь градусов Цельсия снаружи, двадцать два внутри.

Ну что? — спросил Миви. *Я ничего не услышал. Мне надо передохнуть. Позже,* отрезал Крошка Ханк.

Но Миви его проигнорировал и велел Стреле принести поесть.

У меня идея, сказал он вскоре, стряхивая крошки с колен. *Вы со Стрелой друг друга проверили, пусть она теперь проверит меня.*

Неуверен, что это хорошая мысль, сказал Крошка Ханк, превратившийся в плоскую картинку с целью сэкономить ресурсы для поиска.

Почему?

Если твой старкес еще не достиг нужного уровня, я не знаю, как она на это отреагирует.

Вот и выясним как, сказал Миви и велел Стреле проверить его. *Слушаюсь,* ответила она и продолжила вслух:

— Мар Миви, вы можете назвать адрес своего нового жилища или мне следует перевезти вещи на склад?

— На склад, думаю, — сказал Миви.

Три оранжевых техноса тут же влетели в гостиную и заняли

боевые позиции вокруг его головы. Он почувствовал дуновение, создаваемое их крыльями, и услышал, как заряжаются лазерные орудия.

Замри и не шевелись, сказал Крошка Ханк. *Я же сказал, это глупая мысль.*

Миви сидел, не шевеля головой, с микропушками у обоих висков. Через несколько бесконечно длинных секунд Стрела как ни в чем не бывало повторила вопрос:

— Мар Миви, вы можете назвать адрес своего нового жилища или мне следует перевезти вещи на склад?

На этот раз предлагаю ответить правильно, сказал Крошка Ханк.

По лбу Миви скатилась капелька пота.

— Эгхм, — начал он. — Вещи надо перевезти… нет, погоди. — Он зажмурился и сцепил зубы.

Не пытайся думать, предостерег Крошка Ханк. *Просто ощути, как бесконечно ты предан Элинор, и скажи, что придет в голову.*

Миви вызвал в памяти утреннее заседание, падающий корабль Элинор, вспомнил о замороженных, переживающих гелиопаузу колонистах.

— На склад, — сказал он. — Оставь только одежду, подходящую по сезону, и мое облачение.

Пушки погасли, техносы улетели. Миви глотнул воздуха. Сердце колотилось о ребра.

Вы — Меррил Миви, сказала Стрела.

Превосходно, сказал Крошка Ханк. *Может, это нас к чему-то и приведет.*

Но за следующие полчаса они никуда не продвинулись.

Пусть она тебе просто скажет, предложил наконец Крошка Ханк, *как приказать ей найти голову Эллен по-старкесски.*

Стрела, попробовал Миви, *как приказать тебе найти голову Эллен по-старкесски?*

Я бы видео посмотрела, Стрела, без колебаний ответила та. *Вечерние новости, что ли. Найди что-нибудь интересненькое.*

— Я бы видео посмотрела, Стрела. Вечерние новости, что ли. Найди что-нибудь интересненькое, — повторил, как попугай, Миви.

— Слушаюсь, — сказала Стрела. Оранжевые техносы вылетели из квартиры через слизнепровод.

Вот и ответ, сказал Крошка Ханк, *а дальше-то что?*

Посреди гостиной возник большой крутящийся земной шар, видимый как будто из космоса. Вокруг экватора, связанные с ним нитевидной паутиной, разместились шестнадцать спутников.

Миви тут же узнал в них передаточные станции «Гелиотока» и идущие к наземным мишеням микролучи. У него на глазах лучи на всем своем протяжении стали обволакиваться серебристой пленкой, стекающей вниз. Пушистые облака расходились над самой поверхностью глобуса, как рябь на пруду.

Это еще что такое? — спросил Миви.

Не знаю пока. Проверяю через метеотрутней. Похоже на частицы пыли, текущие вдоль лучей. Больше ничего сказать не могу.

Еще через полчаса серебристые лужицы растеклись по всем континентам и слились воедино, а пылевые облака окутали Землю туманом. Перемешиваемые ветрами, они сильно сгустились в умеренных зонах и почти отсутствовали на полюсах.

Ну что?

Думаю, это узоль. Что-что?

Трансляционные микроузлы. Узловая пыль. Микрочастицы, связанные с другими частицами вокруг себя. Не понимаю. Как они действуют?

Вот так и действуют. Представь, что на твою ладонь опустились десять частиц узоли и соединились между собой. Устройство, способное их прочитать, увидит грубое подобие твоей руки в реальном времени. Через несколько минут к этим десяти частицам примкнут еще десять. С каждым прибавлением изображение будет становиться все более четким. Сейчас Элинор покрывает всю поверхность Земли интерактивной узолью.

Блестящее облако узоли действительно укрыло теперь весь глобус. Миви подошел к потолочному окну. Вечернее небо казалось чуть оранжевее обычного, но это и все. *Я ничего не вижу.*

Потому что ее плотность — всего двадцать — сорок микрограммов на кубический метр, в зависимости от широты и долготы. Меньше, чем обычный процент загрязнения воздуха. Не знаю, какое разрешение это обеспечивает тебе, но мне потребуется невероятное количество считывающих устройств. Целый батальон сверхсветовиков.

Участок узоли близ экватора вспыхнул и сделался жидким на вид. Эта реакция быстро охватила планету — казалось, что Земля теперь покрыта слоем кипящей ртути.

Элинор достигла первого глобального рукопожатия, сказал Крошка Ханк. *Может, спустимся и посмотрим? Стрела, кажется, знает, что делает.*

Неандерталец потянул за какую-то невидимую веревку. Миви в своем кресле сделал то же самое, и ему показалось, что он снижается над поверхностью Земли. Калифорнийский полуостров возник внизу, как серебряная сосулька. Подтянувшись еще ближе,

Миви различил горы Сан-Бернардино и Южную Калифорнию. Воздушные суда разгоняли узоль и поэтому были видимы, но разрешение на уровне грунта было недостаточным, чтобы рассмотреть что-либо меньше здания.

Давай вон туда, сказал Крошка Ханк.

Куда?

В Боливию, на место аварии.

2.21

Богдан улизнул из Зеленого зала, оставив своих софамильников за фрутокашей и кофом, и спустился в «Микросекунду» за мороженым. За стенкой, на кухне, грохотал предутилизатор, в который Фрэнсис и Барри совали грязную посуду, салфетки, остатки еды. К завтрашнему утру все сегодняшние отходы будут мастифицированы, растворены, отфильтрованы и преобразованы в свежую угомассу, готовую стать новой посудой, едой и салфетками. Жизненный цикл.

Наслаждаясь десертом, Богдан проверил сообщения на новом горлофоне и обнаружил, что аппарат, не имеющий встроенных фильтров, зарегистрировал десятки тысяч звонков. Без графического вывода и без слуги Богдану пришлось бы копаться в них самому, поэтому он отправился к редактору в свою комнату, на девятый с тремя четвертями этаж.

Его верная дверь из эпоксидного клинкера, с диароновой обшивкой и титановыми засовами, была приоткрыта. Пораженный Богдан потянул ее на себя и заглянул внутрь. На его матрасе лежал мальчик — Трой Тобблер. Богдан ворвался внутрь с криком:

— Какого хрена ты тут делаешь? Трой потер глаза.

— Ты меня разбудил.

— Ты взломал мою дверь?

— Ты меня разбудил, говорят тебе.

— Да плевал я! — Богдан, обойдя лифтовый кабель, вырос над непрошеным гостем.

— Я твою дверь не взламывал. — Трой зевнул, ерзая грязными подошвами по Богдановой простыне. — Это Слизненыш сделал.

— Какой еще, мать твою, Слизненыш?

Богдана стукнули по затылку так, что он зашатался. Он обернулся, никого не увидел, повернулся назад и чуть не столкнулся с мальчишкой на голову ниже себя. Несмотря на розовые щечки и веснушчатый нос, что-то в нем мешало дать ему сдачи.

— Это ты, что ли, Слизненыш?

— Он самый. А ты, наверное… ух ты, блин! — Мальчик снова стал позади Богдана. — Чем они тебя так? Глянь-ка, Трой, только возьми тридцать второй фильтр. В жизни не видел, чтобы задница так светилась.

— Точно. — Трой встал на матрас ногами. — Он свое очко напрокат сдает.

— Прямо психолампа. Мы тебя будем звать Золотая Срань, понял? Золотая Срань.

— Был такой пиратский корабль «Золотая лань», — объяснил Трой. — В древности.

— А ну, выметайтесь из моей комнаты! — завопил Богдан.

— Так она твоя? Красота. Пошли, Слиз, скажем домоправителю Дитеру, что взломали дверь. Вот он порадуется.

Богдан усилием воли сдержал себя и не стал их просить умолчать об этом.

— Чего это ты позеленел так, золотенький? — ухмыльнулся Трой.

— Сам зеленый, а между двумя тучками солнышко светит, — подхватил Слизненыш.

— Не бойся, я про твою комнату Дитеру не скажу, — пообещал Трой. — Можешь сам это сделать. — Двое мальчишек вышли.

Богдан хотел пойти следом, но оглянулся. Он испытывал странное чувство, что в комнате произошла какая-то перемена, только вот какая?

Громадный старый электродвигатель лифта, вместе с кабельными катушками и лебедками, занимал больше половины всего помещения. Вдоль двух стен стояли электрошкафы, провода змеились повсюду. Кабельные короба служили Богдану полками, маленький верстачок — письменным столом. Все его имущество лежало в одном углу, потрепанный матрас был втиснут в другой. Небогато, зато все его. Он любил свою комнату, но сейчас… Ага, вот в чем дело. Здесь тихо.

— Они отключили лифт!

Богдан кинулся к одному из шкафов и с усилием, обеими руками, поднял рубильник. Сверкнула голубая искра, мотор заурчал, колеса завертелись, и кабель стал наматываться на барабан.

— Попробуйте только еще раз! — Богдан выскочил в коридор, но мальчишек уже не было видно — они, как ему показалось, убегали по кодьяковской лестнице. Он захлопнул дверь — надо будет срочно поменять код — и помчался за ними, проскакивая целые пролеты с акробатической ловкостью.

На четвертом этаже он пробежал мимо Китти. Она весело напевала, очень довольная, как видно, собой. Увидев его, она спросила:

— С каких это пор вы с Троем друзья? И кто этот новый сопляк?

Но Богдан и не подумал остановиться. На третьем этаже из административного офиса прямо на него вышел Джералд.

— А, вот ты где. Заходи, комиссия ждет. Богдан затормозил на полном ходу.

— Разрешительная?

— Какая ж еще.

— Я сейчас. — Богдан понесся дальше.

— У тебя всего полчаса, — крикнул вслед Джералд, — и часы тикают.

— Ничего они не тикают, — отозвался Богдан с лестницы. Все, которые он видел, точно не тикали.

На первом он заглянул в «Микросекунду». Их там не было, и он вышел на улицу. Тобблеры ставили там скамейки и стулья к вечерней купольной церемонии. Мальчишки как провалились, но домоправитель Дитер тут же подошел к Богдану.

— Добрый вечер, молодой Кодьяк. Освободите, пожалуйста, завтра утром наше машинное отделение. Мы поднимемся туда, чтобы отремонтировать лифт.

Может, Трой ему все-таки настучал.

— С лифтом все в порядке, — сказал Богдан.

— В самом деле? Он уже сорок пять минут не работает.

— Случайное отключение. Больше не повторится.

— Вы хотите сказать, что отключили наш механизм, молодой Кодьяк? — сощурился Дитер.

— Нет. То есть да, но…

— Вы нарушили договор, и без последствий это не обойдется!

Богдан посмотрел в спину уходящему Дитеру и побежал обратно. Джералд так и ждал в коридоре.

— Мне только на семь назначено, — сказал ему Богдан. — К тому времени я вернусь.

— Да мне-то что?

— Богдан! — позвала изнутри Эйприл. Он подошел к двери. Эйприл и Кейл сидели за столом, заваленным папками и гроссбухами. — Мы надеялись уже закончить к семи. Вечером у нас мероприятие. Мы все идем к Самсону.

— Какое мероприятие?

— Ах да, ты же не слышал объявление.

— Ничего, примем Богдана в другой раз, — сказал Кейл.

— Да, ладно. — Богдан уже собрался уйти, но вспомнил ломающийся голос, пушок на щеках и курчавую поросль внизу. — А когда он будет, другой раз?

Кейл полистал засаленный спиральный блокнот.

— Ну, скажем, недель через шесть.

— Фига с два! — Богдан зашел, захлопнул за собой дверь. — Так что там с Сэмом?

— Он умирает, Богги, — сказала Эйприл. — Ему осталось

совсем мало времени, и его нельзя оставлять одного. С этого дня мы будем дежурить по очереди, чтобы с ним все время кто-нибудь был.

— А сейчас у него кто?

— Пока никого. Он просил подождать до вечера. Богдан поразмыслил. Сказать им прямо сейчас или сами пусть выясняют?

Джеральд вручил ему бумажный листок, весь покрытый написанными от руки цифрами. Богдан кинул бумажку на пол.

— Давайте опустим бухгалтерскую часть и перейдем к удовлетворению двух моих просьб. Первое: запишите меня на этот уик-энд в центр «Долголетие». Нужно сбросить одиннадцать месяцев. Они скинут бесплатно еще один, если вы позвоните им до среды. И второе: купите мне вместо Лизы «Оксфордского стипендиата».

— Прекрасно. — Джеральд поднял листок с пола. — Опустим бухгалтерскую часть и откажем тебе сразу.

— Как это? Вы не можете мне отказать!

— Богдан, — сказал Кейл, — наших кредитов на все не хватает.

— Посмотри сюда. Посмотри! — Эйприл взяла в руки стопку бумаг. — Мы вынуждены *работать с карандашом и бумагой.* Как мы объясним покупку тебе нового слуги, если даже домпьютер наладить не можем? Да еще после того, как ты сломал старого?

— Лизе двадцать лет! — заорал Богдан. — Мне давно пора завести нового!

— Не кричи, пожалуйста.

— И потом, новые модели такие мощные, что моя может временно взять на себя функции домпьютера. Это просто идиотство — вести записи на бумаге. Кстати, почему бы вам не использовать Хьюберта? При его запасах он мог бы Луной управлять, не говоря уж о домашних счетах. — Эйприл и Кейл потупились, не глядя ему в глаза. — Что такое? — Они молчали, и Богдан добавил: — А омолодиться мне просто необходимо! Это даже не обсуждается!

— Ты бы хоть раз, Богги, подумал не только о себе и огляделся вокруг, — сказала Эйприл. — Посмотри на весь наш чартер. Посмотри на меня.

Он посмотрел. Да, это правда: она, как и все прочие домочадцы, сильно себя запустила. Вся серая, и кожа и волосы, точно кто-то понизил концентрацию ее красок.

— Мы понимаем, что ты хочешь остаться ребенком, — продолжала Эйприл, — и обеспечивали это тебе много лет, но теперь наши средства исчерпаны. Придется тебе подождать, пока мы снова поднимемся на ноги.

— И долго ждать?

Джералд сверился со своей ведомостью.

— От восьми месяцев до года.

— Нет, так не пойдет! Вы что, не слышите? Я расту! Я потеряю свою работу! В контракте с «Э-Плюрибус» сказано черным по белому, что я должен оставаться в доподростковом возрасте! И если вы еще не заметили, то я вам скажу, что весь наш милый дом живет на мою зарплату. И на доходы Сэма. Короче, через восемь месяцев я стану трудным подростком. У меня вон уже волосы растут сами знаете где.

Джералд снова сунул ему под нос свой листок.

— Ничего не поделаешь. Одики из воздуха не синтезируются. Придется тебе потерпеть. Попробуем как-то замедлить твои гормоны. Кто знает, вдруг наша финансовая картина улучшится уже через месяц.

Богдан заметил, что вид у Эйприл делается все более виноватым. Ох, нечисто тут что-то. Пишут на бумаге, в глаза не смотрят. А Китти-то пару минут назад выглядела вполне довольной — совсем не как ретродевочка, омоложение которой оттягивается от восьми месяцев до года.

— Почему Китти омолаживают, а меня нет? Этот вопрос удивил их.

— Ты же знаешь, Богдан, мы не можем обсуждать с тобой дела других софамильников.

— Так нечестно! Она вносит десять тысячных и получает то, что ей нужно, а мне вы отказываете в лечении, без которого я потеряю работу. Это же глупо.

Джералд положил бумагу на стол и сел. Они с Кейл ом оба смотрели на Эйприл.

— Богги, наш чартер ведет очень щекотливые переговоры, — вздохнула она. — Мы еще не готовы рассказать о них на общем собрании. Китти в этом деле выступает как наш агент, но даже ее омоложение отложено — ненадолго.

— Что за переговоры? Я имею право знать.

— Мы доложим вам всем чуть позже… может быть, на следующей неделе.

Богдан не особенно умел складывать два и два, но сейчас почувствовал, что наткнулся на что-то важное. Главное, не дать себя одурачить.

— Почему не сейчас? — с чисто мальчишеским упрямством набычился он. — Не хотите, чтобы Самсон знал? А на бумаге пишете, чтобы все от Хьюберта скрыть, так ведь? Домпьютер тут ни при чем?

— Черт! — Джералд приставил стул к стенке, залез на него и

показал два оголенных проводка под настенной камерой. — Хотя это в общем-то ничего не значит. Домпьютер давным-давно потерял контакт с этой комнатой.

Кейл сложил пальцы домиком и внушительно произнес:

— То, что я скажу, должно остаться между нами, Богдан. — Тот кивнул. — Слышал ты когда-нибудь о Розовых Акрах? — Богдан помотал головой. — Это участок в Вайоминге. Суперфондовский еще с прошлого века. Высокое загрязнение, большая токсичность. Больше редких элементов и радиоактивных изотопов, чем на пяти других свалках вместе взятых. Иными словами, одна из самых богатых микрошахт в ОД, обеспечивающая стабильный доход на десятки лет. А права на ее разработку недавно приобрел чартер Бидл.

— Никогда о таком не слышал.

— У Бидла, как у нас и у тысяч других чартеров, неблагополучно с членством, — сказал Джералд. — Когда Сэм умрет, нам придется худо, но БидБидллам и того хуже. Штат уже начал процесс по их десертификации. Они потеряют свой чартер, если ничего не предпримут, а с ним и все активы, в том числе и права на разработку. Мы хотим договориться о слиянии наших двух чартеров. И нам, и Бидлам это только на пользу, но у них есть предложения от других чартеров — Тобблеры, как подозреваем мы, тоже в списке. Значит, наше предложение должно быть выгодней конкурирующих.

— И как же вы думаете добиться этого?

— Например, юношеским энтузиазмом, — сказала Эйприл. — Поэтому на переговорах нас представляет Китти. И капиталом, значительным капиталом. Для этого нужно продать нашу часть здания, а значит, нет смысла вкладывать деньги в новый домпьютер. Мы продаем все, понимаешь? Абсолютно все.

— И уезжаем из Чикаго? — опешил Богдан.

— Похоже на то, — сказал Кейл. — Поэтому твоя работа в «Э-Плюрибус» для нас уже не первостепенна.

Богдан молча поплелся к двери.

— Богдан! — окликнула его Эйприл. — Это строго конфиденциально, ты понял?

— Да понял, понял. Военная тайна, блин. — Тут он вспомнил кое о чем и спросил Кейла: — Ты говоришь, ваша токсичная свалка называется Розовые Акры? И много там этих акров?

— Две тысячи.

2.22

Компания в Цинковом зале поужинала, приняла вечернюю визолу, выпила кофе. За десертом, слоеным кремовым тортом, снова последовало спиртное.

С Палубы время от времени слышались крики, и две лулу пошли посмотреть, в чем там дело. Когда они вернулись, Эбби несла за хвост черного внукоровского слизня, зажав его двумя пальцами.

— Они их давят, — сказала она. — Прямо не верится. — Она бросила биотехноса на стол и накрыла пустым стаканом из-под дайкири.

— Не делай этого, — сказал Рейли.

— Не учи мою сестру, что ей делать, — выговорила ему Мариола.

— Просто у нее могут быть неприятности. У нас у всех они могут быть.

— Дома я заткнула слизнепровод на весь день, и ничего, — заметила Мэри.

— Я видела на ВДО, — поддержала Гвин, — дикари их сотнями собирают и сдают в утилизацию.

Все смотрели, как слизень исследует камеру. Поняв своей булавочной ноэтикой, что попал в западню, он попросту перестал шевелиться. Ни угроз, ни сирен, ни взрывов.

Вес сканировал его.

— Никакой информации он на базу не передает.

— А что он вообще делает? — спросил Рейли.

— Да ничего вроде.

— В этом же смысла нет.

— Есть-есть, — возразила Эбби. — Дайте кто-нибудь молоток.

— Сколько он может стоить? — спросила Мариола.

— Сейчас прикинем, — сказал второй джерри, Бидл. — Не меньше миллилитра пасты, сопутствующие схемы, по нескольку граммов титана, селена, платины, возможно, индия…

— И саморегенерирующая ткань, и фольговые экструдеры, — добавил Вес.

— Еще мини-камеры, передатчики и прочая электроника, — подытожил третий джерри, Росс.

— Одиков десять — двенадцать? — Два других джерри кивнули, соглашаясь с Бидлом.

— Это за каждого? — изумилась Эбби.

— Да, плюс-минус. Компания молча это обмозговала.

— Ну, так где молоток? — осведомилась Эбби.

— На фига он тебе? — Мариола сняла с ноги туфлю.

— Стой, Эбби, — сказал Фред. — Поймать — одно дело, а сломать — уже правонарушение. Как бы чего не вышло.

Эбби помедлила, держа туфлю в руке.

— На Палубе говорят, слизням каюк. Говорят, их комиссовали. Их снимают со стенок и давят. И разве Внукор хоть кого-нибудь арестовал?

— Посмотрите кто-нибудь в Эвернете, — попросил Фред. — Может, есть официальное сообщение.

— Сообщений полно, самых противоречивых, — сказал Вес, — но официальными я бы их не назвал.

— С меня и этого хватит, — сказала Эбби, но туфлю в ход пока не пустила.

— Вообразите только, — вставила Джоанна Элис, — слизни больше не будут доставать нас в самое неподходящее время.

— И в ванне у тебя плавать не будут, — подхватила елена Софи.

— И кусать тебя во сне, — сказала Гвин.

— И решать, друг ты или враг, — сказал Вес.

— Люди, — по щекам Элис потекли слезы, — нам выпало стать свидетелями окончания темной эры.

Фред ждал типично джоанновского сарказма, но не дождался.

— С другой стороны, — голосом Питера говорил джеромовский здравый смысл, — если они стоят десять — двенадцать кредиток каждый и если дикари их утилизируют без всяких последствий, то для всех остальных это как дополнительный налог.

— Если все остальные не примут свои меры, — заметила Мариола.

— А вот сейчас. — Эбби занесла туфлю повыше.

— Не надо, пожалуйста, — попросил Фред. — Слишком уж большой риск.

— Правильно, — сказал Рейли. — Знаешь, кого пошлют тебя арестовывать? Фреда!

На Палубе теперь вопили без передышки, а Цинковый зал пустел на глазах — все спешили поучаствовать в избиении слизней.

— Ну, сяду я точно не одна. — С этими словами Эбби убрала стакан и шарахнула каблуком по слизню. Все затаили дыхание. Маленький черный технос лежал тихо, но когда Эбби собралась его взять, он пополз к краю стола.

— Слабовато, лулу, — сказал Билл.

— Они быстро восстанавливаются, — дал пояснение Вес.

— Дайте-ка я. — Мариола забрала у подруги туфлю. — Надо

сделать вид, что это сама знаешь кто, и вдарить вот так. — Она обрушила на слизня удар, грохнувший как пушечный выстрел. Слизень распластался, сочась густой черной псевдоплазмой.

— Ничего, до утилизатора донесешь, — сказал Вес.

— Воспользуйся магазинным, — посоветовал Росс. — И пусть тебе заплатят жетонами, а не на счет переводят.

Но две лулу даже с места не двинулись. Обнявшись, они смотрели на раздавленного слизняка и вдруг расплакались.

— А теперь что не так? — спросил Фред.

— Ой, Фред! Теперь-то как раз все в порядке, — ответила Элис. — Пошли, ребята, повеселимся!

Все устремились за ней на Палубу, кроме Питера, рассов и джерри. Мэри и Шелли задержались только взглянуть, не против ли их мужья. Фред с Рейли нахмурились, но, как видно, недостаточно грозно, и обе евангелины ушли догонять друзей.

— Подумайте, сколько миллиардов кредиток истратило наше общество на систему обнаружения микроцист, то есть на тех же слизней, — сказал Питер и встал. — Не беспокойтесь, джентльмены. Я не стану заниматься ничем криминальным, просто хочу посмотреть, как создается история.

После его ухода за столом остались только рассы и сидящие напротив них джерри.

— Ну чего смотрите? — сказал Вес. — Мы присягали блюсти закон, а не нарушать.

— Это хорошо, — сказал Рейли, — иначе Фреду и вас бы пришлось замести.

— Вы на больничном, — возразил Вес. — После сегодняшней ванны вам, поди, целую неделю дадут.

Фред и Рейли переглянулись. Джерри, видимо, знали кое-что об их приключении.

— Я вообще-то получил пару сообщений от ББР, — сказал Рейли. — А ты, Фред?

Тот покачал головой. Его повреждения не считались настолько серьезными.

— У меня только сутки свободные. — В этот момент Рейли сделал ему знак, и Фред увидел, что рассы и джерри десятками покидают Цинковый зал. Вес, достав из кармана упаковку трезвилок, предложил по таблетке Биллу с Россом и сам принял одну, запив ее напоследок глотком виски. — Вызывают? — спросил Фред.

— Ага, только что поступило. Всех собирают.

— Из-за слизней? — Фред забеспокоился за Мэри и остальных.

— Нет. Личная безопасность. Похоже, аффы убивают друг

дружку по всем ОД. Их охранные службы удваиваются и утраиваются.

— Разборки?

— Да. Началось все с убийства Старк.

— Они это называют «корректировкой рынка», — объяснил Росс, и трое джерри, хмыкнув, тоже вышли из зала.

— Я читал одну статью, — Рейли налил себе имбирного эля, — так там аффов сравнивали с аристократами средневековья. Короли и правительства им не указ. Мелкие княжества ведут борьбу за земли и ресурсы. Мелкие войны, наемные армии. Это как раз мы и есть — наемники.

— Я тоже об этом думал, но не могу с тобой согласиться, — сказал Фред. — Наемники — это найки. Джерри и белинды — полиция, а мы, рассы, — дворцовая гвардия.

Рейли подумал.

— Знаешь, а ты прав. Так мне больше нравится. Может, предки Томаса Э. тоже служили в гвардии. Немало королевских голов мы спасли в свое время. — Рейли встал на своих шинах и попробовал потянуться. — Ну, пока. Долгий был день. — Он вышел из-за стола, и Фред остался один.

«Моим клон-братьям, — мысленно произнес он. — Чтобы остаться свободными, нам следует преодолевать искушение и не присягать ни одной семье, кроме нашей».

Шелли, будучи компаньонкой смертартистки, считалась в жилблоке 7 своего рода знаменитостью. На Палубе к ней то и дело подходили с разговорами. После года ремиссии состояние здоровья Джудит Цзю приняло угрожающий оборот, в связи с чем число ее зрителей сильно выросло. Она вся покрылась рубцами и едва могла шевелиться. Кожа на локтях так истончилась, что грозила лопнуть при сгибе рук. К тому же бедняжку замучила чесотка. Если бы сиделки-дженни не бинтовали ей руки, она бы себя в клочья разодрала.

Шелли исправно отвечала поклонникам Джудит, но Мэри видела, что это не доставляет ей удовольствия.

Палуба превратилась в место побоища. Люди истребляли маленьких черных поборников клеточной нормальности башмаками, перочинными ножиками, пустыми бутылками. Самые рьяные лезли на перила, чтобы снять добычу со стен, невзирая на трехкилометровую пропасть внизу. Стивы, пользуясь своим ростом, сковыривали слизней ложками прямо в руки одуревших от недостатка кислорода бунтовщиков.

— Хей-хо! — орали стивы при падении очередной жертвы. — Хей-хо!

Опоздавшие терпеливо стояли в очереди к слизнепроводу, дожидаясь случайных техносов. Мэри и Шелли, оценив ситуацию, тоже встали в хвост.

Шелли слегка прихрамывала, но Мэри, не упоминая об этом, сказала: *Я подумываю о переквалификации.*

Да? В какой области?

Я просматривала статистику, искала, у какого женского типажа самые большие возможности. И знаешь, что выяснила?

Шелли задумчиво почесала шею. *У дженни, наверное.*

Тепло. Они на втором месте. А на первом хуаниты с хуанами. Должен же кто-то убирать в доме, подавать напитки, взбивать подушки. Самая безопасная обслуга с самой низкой зарплатой.

Они понемногу продвигались вперед. Скоро подошла их очередь, и наружу вылез слизняк. Евангелины стояли, глядя, как он ползет по стенке.

— Уходит, — заметили сзади.

— Лови его, — сказала Мэри подруге.

— Лучше ты, — ответила Шелли.

Слизняк скрылся из виду. Евангелины, посмеявшись, уступили очередь другим и отыскали себе столик в тихом уголке, подальше от этого бедлама.

Шелли осторожно опустилась на стул.

— Подумываешь, значит, о домоводстве?

— Еще того лучше. Утром записалась на курсы кондитерского дизайна.

— Шутишь!

Мэри потрясла головой:

— А тебе разве не кажется, что нам надо хоть чему-нибудь научиться?

Шелли почесала руку.

— Вообще-то я и сама об этом подумываю.

— Ты? У тебя есть работа!

— Не знаю, сколько еще смертей я смогу выдержать, — вздохнула Шелли. — Помнишь последнюю, когда у меня волосы начали лезть? Так вот, смотри. — Она засучила рукав и показала расчесанную, воспаленную кожу. Первые признаки склеродермии, которой страдала Джудит Цзю в текущий период.

Склеродермия Шелли была, конечно, не настоящей, а ложной, психосоматической. Ее породила повышенная способность евангелин к сопереживанию.

— Рак груди тоже был не подарок, — продолжала Шелли, опуская рукав, — но эта болезнь меня просто убивает. По всему телу так. Рейли несколько недель даже прикоснуться ко мне не может!

— Мне ужасно жаль, Шелл. — Мэри не была уверена, что говорит это искренне. Не то чтобы ей самой хотелось вот так страдать, зато у Шелли есть работа, настоящее дело. Мэри нагнулась почесать ногу, и слизняк, каким-то чудом избежавший повальной бойни, присосался к ее лодыжке. — Черт!

— Что там такое?

— Элис права. Давно пора избавиться от этой нечисти. Дайка мне чашку.

Шелли протянула ей тяжелую кофейную кружку. Когда слизняк отвалился, Мэри его стукнула, но он даже хода не замедлил.

— Сильнее бей, — подбодрила Шелли. — Посередке, где у него мозги.

Мэри стукнула еще раз — с тем же успехом.

— Он крепче, чем кажется. — Она замахнулась и врезала так, что разбила кружку. — Ну вот, руку поранила.

— Зато слизня прикончила. — Технос лежал тихо, с раскроенным боком.

— Возьми, если хочешь. — Мэри подняла слизня за хвост и предложила Шелли.

— Спасибо, Мэри. Ты его прихлопнула, ты и бери.

— Фред и меня убьет за компанию.

— А Рейли меня.

— Ну, хоть удовольствие получила, — сказала Мэри и бросила слизня через перила с пятисотого этажа.

Когда на палубу вышел Фред, теленебесные экраны показывали десятиминутную готовность. Он сел рядом с Мэри и Шелли, остатки их компании сгруппировались вокруг. Свободных стульев было полно: многие ушли сбывать добычу или заступили на службу. По стенке уже катилась свежая волна слизней — вечерний патруль. Большинство проходило в здание, но некоторые рыскали по Палубе и присасывались к лодыжкам. Люди, выплеснувшие на сегодня заряд эмоций, почти не сопротивлялись.

— Наших джерри вызвали ввиду чрезвычайного положения, — сказал Фред.

— Арестовывать старых друзей и подыскивать новых? — поинтересовался Питер.

— Не думаю. А Рейли домой пошел, спать.

— Да, я знаю, — сказала Шелли.

Они заказали еще выпить и закусить. По Теленебу шла обычная смесь: реклама, спортивные результаты, биржевые сводки, статистика, памятные даты, новости о знаменитостях. «В

полночь Чикаго вылупится из своей скорлупы» — мелькало то и дело на всех экранах.

— Как снисходительно это звучит, — сказала Элис.

— Еще больше, чем слизня, мне хочется разнести эту пакость, которая нам заслоняет луну, — заявила Софи.

— Многие пробовали, — заверил Фред.

— И что, промахивались? Мишень-то большая, — усомнилась Элис.

— Просто они не так близко, как кажется. До них пятьдесят пять тысяч километров на самом деле. И потом они модулируются. Всей техники там призмы, линзы, зеркала и серво, которые их обслуживают. Трудно сломать, легко починить.

По экранам побежала новая строка: «Обнимись, Чикаго!»

— Скажите честно, кто будет скучать по этой фигне, если ее уберут? — хихикнула Мариола.

— Я точно нет, — сказала Софи.

— Меня не удивит, если Небо действительно отправят в отставку следом за куполом, — заявил Питер. — На одну рекламу оно больше не проживет, да и не жило никогда. А полезную информацию можно легко почерпнуть в другом месте.

— Зачем его вообще было открывать? — спросила Мэри.

— Для пропаганды.

— Типа «обнимись»?

— Оно пропагандирует не нам, — сказал Питер. — Другой стороне глобуса. Небо не придерживается определенного часового пояса — оно следует за солнцем и проводит столько же времени над вражескими и неприсоединившимися территориями, сколько над нашими. Рубрику «разыскиваются» ты уже не застала, Мэри, но представь себе целую галерею плакатов с портретами террористов, живых и мертвых, и за каждого предлагается королевская награда. Морды размером с Техас. Экстремисты ненавидели Небо, все время норовили его сбить. Здесь оно мучило нас рекламой, а там, может, показывало твоего соседа с такой суммой внизу, что и не захочешь, а заложишь его. Спасения не было нигде — Теленебо показало себя чуть ли не самым мощным нашим оружием против Агрессии. — Питер поднял к экранам бокал с вином. — За кровавые деньги.

На центральном экране открылось окно, где появилась женщина в форменном скафе.

— Какой это канал? Какой канал? — послышалось на Палубе. Женщина представила зрителям гендиректора Чикаго Форреста Слейну. Соперничая круглой физиономией с луной позади себя, он источал сияние над всеми секторами огромного города.

Добрый вечер, Чикаго! Через пару минут я уступлю место

нашим церемониймейстерам, а сейчас хочу сказать несколько слов относительно вашего решения о снятии купола.

Решение? Можно подумать, мы за это голосовали, сказал кто-то по открытому каналу. *Заткнись!* — поддержали его сто других голосов.

Наш купол, эта защитная чешуя, этот антимобический пузырь, служил Чикаго каской последние шестьдесят восемь лет. Гендиректор поднял голову, делая вид, что смотрит на купол. *За это время он спас много человеческих жизней и большое количество собственности, перехватил и нейтрализовал больше триллиона единиц экстремистского оружия. За эти шестьдесят восемь лет он нас подвел только дважды, и мы всегда будет помнить наших близких, погибших в те дни.* Последовала скорбная пауза. *Но сегодня мир стал лучше, стал безопаснее. Мы, благодарение небу, победили Агрессию. Атмосфера, океаны и суша освободились от МОБИ. Одни обезврежены, энергия других истощилась, а новые больше не поступают.*

Мэри и Шелли посмотрели на Фреда — правда ли, что новых МОБИ можно не опасаться? Но он по-прежнему был в офлайне и не слышал речь гендиректора.

А между тем этот воздушный барьер дорого нам обходится. Одно лишь обслуживание составляет сто кредиток на душу населения в год. Не лучше ли потратить эти одики на другое? Чикаго первый из крупных городов воздвиг купол и первый его снимает. Через шестьдесят восемь лет мы наконец-то по собственной воле сбрасываем свою скорлупу!

Слейна сделал вид, что стучит по куполу костяшками пальцев. Раздались чьи-то аплодисменты, хотя на Палубе не хлопал никто. Мэри, сравнительно недавно пришедшей в этот мир, было любопытно, как ее коллеги из «Полезных людей» это воспринимают. Купол и Теленебо, сколько она себя помнила, всегда находились над головой, но об Агрессии она знала только по урокам истории.

И если поборники зла хотят развязать против нас новый террор, пусть они знают: сегодня мы снимаем свою защиту, но не уничтожаем ее. Все части купола останутся функциональными. На любую угрозу мы ответим мгновенно.

Невидимая аудитория снова зааплодировала.

А сейчас мы продолжим наш праздник. Счастлив представить вам хозяев этого вечера — живую сенсацию Дебби Микс и ее неотразимого симбионта Алькану! Окажите им теплый чикагский прием!

Микс и Алькану появились в рамочках по обе стороны гендиректора, хихикая, делая ручкой и строя рожицы. Потом

рамки сдвинулись и закрыли Слейну.

Приветик, сказала Микс. *Мы с подружкой сидим в ВИП-ложе, описываем восьмерки над «Солджер-филд». Ох и народу же здесь сегодня! Сколько их, по-твоему, Аль?*

Другие экраны показывали переполненные трибуны, эстраду посреди поля, приводили статистические данные.

Ууу! — крикнула Алькану, и зрители на стадионе весело завопили в ответ.

По-моему, тысяч четыреста — как тебе, Аль?

Купольная церемония свелась к обычному звездному шоу, которое в любое время можно увидеть на ВДО. Клоны их не особенно любят, потому что знаменитостей среди итерантов мало. Несмотря на модную музыку, в меру обнаженные тела и рискованный юмор, в представлении не было ничего сногсшибательного и даже ничего характерно-чикагского. Палуба быстро настроилась на другие каналы.

— Хочешь, я отнесу твои… м-м… отходы в утилизатор? — спросил Фред у Мэри.

— Спасибо, Фред, не надо, — улыбнулась она.

— Отдала их кому-то другому?

Она потрясла головой. Фред уже догадывался о скудных результатах ее охоты, но продолжал приставать:

— Ты сколько вообще собрала-то?

— Мы вовремя остановились, да, Шелл? Большие карие глаза Шелли согласно моргнули.

2.23

Узоль, от которой освободились почти все лучи «Гелиотока», продолжала стекаться к мишени в районе Ла-Паса. Когда Миви добрался до места аварии и находящейся рядом деревни, в серебристой гуще виднелись только смутные фигуры стоявших в оцеплении часовых. Миви различал деревья, но не листья на них, транспортные средства, но не модели.

Поразительно, сказал он. *Если узоли достаточно, можно следить за всем и повсюду в реальном времени.*

Эротический сон деспота, согласился Крошка Ханк. *Но я, если честно, не понимаю, как Стрела может это читать. Моих мощностей на это не хватает, как, возможно, и мощностей Кабинета. Спроси ее, когда овладеешь старкесом в совершенстве.*

Вдоль пропаханной «Певчей птичкой» траншеи они доплыли до пустыря, похожего на футбольное поле. Ветер колебал узоль, то усиливая, то смазывая четкость отдельных участков.

Но впечатляет, конечно, продолжал Крошка Ханк. *Интересно, что у Стрелы на уме? Для анализа ДНК Эллен мало одной узоли. Что она ищет, по-твоему?*

Они отклонились в сторону от траншеи. Сотни расплывчатых техносов сортировали и просеивали то, что осталось от «Певчей птички». Миви и Крошка Ханк, невидимые, плавали среди них.

Что это? — спросил Миви, увидев на земле нечто вроде блестящих цветных монет. *Меченые атомы,* ответил, рассмотрев их, Крошка Ханк.

Для взрывчатки?

Нет. Изотопы такого типа добавляют в резину. Стрела, думаю, ищет внешнюю оболочку шлема Эллен. Здесь он, наверное, ударился о землю после развала яхты. Большая концентрация узоли делает метки заметными.

Пока они рассматривали находку, через поле на север протянулась внезапно оранжевая путеводная линия. Крошка Ханк без промедления двинулся вдоль нее.

Миви поднялся немного вверх, чтобы лучше видеть черту. Она, сделав петлю по Южной Америке, возвращалась обратно в США. Загребая по-собачьи, он плыл по ней. Линия обрывалась у Флинн-Гейт, ворот Декейтерского купола. Купол фильтровал узоль, из-за чего Декейтер с окрестностями выглядел как маленький непрозрачный пузырек.

Изотопный след кончается здесь, сказал Крошка Ханк, *но мы и без того знаем, что шлем привезли сюда. Здесь находится клиника Рузвельта, где его вскрыли у нас с тобой на глазах. По-моему, это*

ложный след. Стрела попусту тратит время. У меня записаны все передвижения шлема от прибытия спасательной команды до вскрытия в клинике. К разгадке мы, боюсь, совсем не приблизились. Перебирая руками, он вышел за пределы глобусного дисплея. *Вот тебе и Стрела. Попробую заняться другими своими версиями. Пока.*

Выбравшись из ртутных туманов, Миви опять оказался в своей квартире. Ментар исчез, оставив на стенке свой плоский портрет. Миви встал с кресла, сделал несколько пробных шагов по гостиной. Комнату освещал только глобус. Два домашних арбайтора стояли наготове в рабочих нишах, в потолочном окне показались первые звезды.

Рука снова полностью слушалась Миви, опухоль под мышкой затвердела и перестала болеть. Будучи на грани истощения, он хотел послать Стрелу за бокалом вина — но нельзя же гонять такого замечательного ментара, как простого слугу. Кухней и арбайторами можно управлять и через домпьютер.

Стрела, глоттировал он, *скажи что-нибудь по-старкесски.*

Слушаюсь, сказала она и продолжила вслух:

— Мар Миви, откройте, пожалуйста, шкафчик с наградами, чтобы я могла их упаковать.

Миви это показалось бессмысленным: награда у него была только одна, а шкафчика вообще не имелось. Одновременно его потянуло снова взглянуть на глобус, и он, подчинившись импульсу, увидел еще один изотопный след, ведущий от места крушения другим маршрутом, но обрывавшийся там же — на окраине Декейтера, у Флинн-Гейт.

— Ханк! — сказал он. — Шлем подменили прямо в Боливии!

Портрет стал трехмерным и нырнул в глобус, не дожидаясь Миви. Тот устремился за ним и выплыл над Декейтером, где уже описывал круги ментар. Блестящий купол по-прежнему выглядел непрозрачным. *Как бы туда заглянуть?* — спросил Миви.

Никак. Международные правила, их с тысячу наберется, запрещают запуск микроагента в подкупольные пространства. Но я задействую свои тамошние наземные средства. Если надо будет, пчелы обыщут в городе каждый кубический сантиметр.

Пока они говорили, купол у них на глазах стал обретать прозрачность.

Эй! — Крошка Ханк подтянулся поближе. *Кажется, Стрела вводит узоль в купол. Надеюсь, она знает, что делает, а то как бы ты в тюрьму не угодил.*

Я?

А ментар-то чей? Это ты ей приказал найти Эллен.

Плотность узоли в куполе повышалась, и город начинал проступать из серебристых миазмов. Две путеводные линии от

Флинн-Гейт вели в разные его части.

Эта приводит в клинику. Крошка Ханк снизился над другой, идущей на запад. Она кончалась у двухэтажного особняка. Из-за недостаточного разрешения дом казался размытым пятном.

По моим сведениям, это собственность «Ситран Фаундейшн», сказал Крошка Ханк. *Не знаешь, что это за фирма? Впервые слышу. Ладно, поищем.*

Миви подгреб ближе к дому. Внутри концентрация узоли была еще меньше, и комнаты еле просматривались. В них не наблюдалось никакого движения. *Может, тут живет кто-нибудь из хирургов, который занес домой частичку резины от шлема на рукаве?*

Возможно, но я никакой связи с персоналом клиники пока не нашел.

Ну и что будем делать? Задействуем Корпус? Да ты юморист, хмыкнул Крошка Ханк.

Тогда рассов наймем.

Я им не доверяю.

Не доверяешь рассам?

Купол за это время выкачал из себя узоль, и Декейтер снова исчез. Дом со своими окрестностями как растворился. Миви и Крошка Ханк вернулись в гостиную, и неандерталец стал метаться по ней кругами.

Рассам доверяю, а вот их хозяйке — нет.

Ты о Зоранне? Да я только ей и верю из всей этой шайки.

Это показывает только, как плохо ты информирован, епископ.

Привлеченные ментаром пчелы-свидетели скапливались в западной части города. В комнате открылась новая диорама, и дом предстал в красках до мельчайших подробностей. Стоял он на тихой, застроенной такими же особняками улице и был построен из кирпича в стиле тюдор. Его окружали аккуратно подстриженные изгороди и разноцветные клумбы, но что-то мешало пчелам проникнуть внутрь.

Надо кому-то съездить туда — предполагаю, что мне, сказал Миви.

И что ты там будешь делать? — снова хмыкнул Крошка Ханк. *Постучишься и спросишь, не выйдет ли Эллен Старк поиграть?*

Что ты, собственно, предлагаешь? Ты не веришь властям, не веришь рассам, не веришь Зоранне. Кому же тогда можно довериться?

Извини за выражение, Меррил, помотал косматой башкой Крошка Ханк, *но несешь ты полную лабуду. Ты как давно выпал из тележки, что живешь в какой-то своей реальности. Позволь*

ввести тебя в курс. Стрела либо не умеет тебя информировать, либо ты ее об этом не просишь. Короче: час назад поместье Сола Ясперсена на Аляске было уничтожено ракетным ударом. Сам мар Ясперсен, к счастью, находился в своей горной крепости и поэтому уцелел. Энди Тикель в Оклендском доме не так повезло. Лазерный луч, пришедший, видимо, с суборбитального аппарата, прошил ей макушку. Волосы и макияж пострадали мало, а вот в черепушке желток, так сказать, свернулся. Речь идет о жизни моей Эллен, Меррил, а не о твоем членстве в правлении ПЗС и не о стартовом расписании твоих О-кораблей. Я не обладаю ресурсами Кабинета, и права на ошибку у меня нет. Хотя не такой уж я и беспомощный.

Так кого же ты хочешь послать туда? — спросил Миви. *Ту самую контору, которая завтра будет перевозить твои вещи.*

Миви понял не сразу, а когда понял, то не поверил. *Как? Грузчиков?*

2.24

Усталый коммутник, большой человек, заключенный в теле маленького, прибыл поездом-бусами на станцию Хоум-Ран в Декейтере. Дверь купе щелкнула, человек встал и вышел на платформу. На пути к вокзалу он включил скаф, и тот замерцал яркими неоновыми красками в такт шагам. Человек шел, развернув плечи, и здоровался со всеми встречными. Выйдя со станции в Западный Декейтер, он успел восстановить свою привычную популярность.

Для оранжевой команды, однако, он был всего лишь транспортным средством. Пчела и одна оса вылезли из-под его широкого лацкана и незаметно поднялись в воздух. Вторая оса, ехавшая на другом носителе из Блумингтона, на несколько минут отстала от них.

Пчела и оса летели над крышами к дому 2131 по Лайн-драйв. В пути пчела связалась с командами, уже прибывшими на место, и с командующим-2, который недавно подтвердил свои полномочия и начал распоряжаться техносами. Он отдал новый приказ — найти и пометить цель, — а оранжевую пчелу назначил командиром флотилии. Пчеле с двумя осами придавались остатки других команд: зеленой (пчела и оса), желтой (пчела и оса) и красной (один жук).

Целевое здание было ограждено и непроницаемо для сканеров, которыми располагала флотилия. Оранжевая пчела направила всю имеющуюся информацию на свою сценарную мельницу, одновременно передав ее командующему-2. Еще до флотилии на место операции слетелись десятки пчел-свидетелей. Прячась в листве вокруг дома, они построили тайную сеть, но соседние дома засекли их и приняли оборонительную позицию: уведомили своих хозяев, вызвали охрану и объявили тревогу смежным домам. Чрезвычайное положение, объявленное в квартале, привлекло внукоровских и медиапчел. Шансов на тайную атаку у флотилии больше не было, о чем оранжевая пчела незамедлительно сообщила командующему-2 и сценарной мельнице.

Техносы флотилии, уже выполнившие свои первичные задачи в течение дня, находились в разных стадиях некомплектности. Ни одна из ос не располагала полным зарядом плазмы, у красного жука осталось всего несколько крупинок рыбьего корма. Сценарной мельнице было что перемалывать.

Когда к флотилии присоединилась вторая оранжевая оса, командующий-2 дал приказ атаковать. Оранжевая пчела, отобрав

несколько лучших сценариев, изложила своей армаде наиболее приемлемый план. Техносы, пользуясь укрытиями на местности, поползли по земле к дому с разных сторон. Красный жук отыскал в фундаменте подходящую трещину, зеленая оса расширила ее и сделала проходимой. Пользуясь этим идеальным входом между клинкерным брусом и кирпичной кладкой, техносы пробрались в подвал. Оранжевая пчела, шедшая последней, остановилась на полпути, чтобы держать под наблюдением улицу.

Стены и полы внутри дома были облицованы строительным пенопластом. Этот материал, при всей своей тонкости и легкости, хорошо изолировал звук и не пропускал электромагнитные волны. Чтобы поддерживать связь, техносы составили ус из семи звеньев с оранжевой пчелой в качестве якоря. Растянувшись по лестнице, они прощупали первый этаж. Ус не мог дотянуться до каждой комнаты и дважды прибегал к помощи домашних зеркал. Все показания техносов, ползавших по стенам и потолкам, поступали к оранжевой пчеле, а та передавала их командующему-2 и одновременно перерабатывала сама. Человеческие особи и какая бы то ни была фауна в доме не обнаруживались. Не обнаружилось также машин, превышающих интеллектом домпьютер.

В большом салоне ус с желтой пчелой во главе засек два подозрительных объекта: процедурную каталку и кофейный столик со стеклянным верхом. Желтая пчела просканировала их, насколько допускали ее возможности. Тележка из титановой стали была снабжена различными сервоустройствами неизвестного назначения. Оранжевая пчела, рассмотрев ее изображение, не нашла ничего похожего в своей библиотеке жилого инвентаря.

Нижняя панель столика с глассиновой крышкой была сделана из резины военного образца, используемой обычно для защитных доспехов.

Оранжевая пчела, основываясь на одних лишь догадках, пришла к решению. Она приказала красному жуку продвинуться в салон, меняясь местами с другими техносами.

Когда он исполнил приказ, оранжевая пчела скомандовала: *Приготовиться к пуску малярной кисти.*

Есть приготовиться к пуску, отозвались все шесть техносов.

Пуск.

Красный жук раскрыл панцирь и ринулся через комнату прямо к каталке. Все остальные разлетелись по комнатам и коридорам нижнего этажа. Только оранжевая пчела осталась на посту и начала передачу по всему доступному ей диапазону.

Долю секунды спустя глассиновая крышка столика лопнула, а

резиновая панель на четырех ножках открыла огонь из лазерной пушки. Красный жук сгорел первый, не успев долететь до цели. Чешуйки из его панциря осели на пол. Лазерный огонь, пронизывая пол и стены, как воск, быстро уничтожил остальную флотилию.

Четвероногий технос теперь обстреливал оранжевую пчелу, но клинкерный брус служил ей надежной защитой, и она продолжала вести свою передачу. Стрелок промчался по коридору, выломал подвальную дверь и спустился по лестнице. Там он нашел более выгодный угол атаки и снял командира флотилии. Передача остановилась.

Рейли Делл вернулся к Рольфу и подсел к своим. Праздничное теленебесное шоу почти никто уже не смотрел. Рейли кинул Фреду маленький сверток.

— На. Кто-то пытается связаться с тобой.

В свертке была шапочка-мозговитка, такая же, как у самого Рейли.

— Даже один вечер в офлайне побыть нельзя? — пожаловался Фред.

Может, и нельзя, ответили ему взгляды вокруг стола. Вздохнув, он позволил Мэри надеть ему шапочку. Эластичный материал прошел сквозь волосы, через несколько неприятных мгновений микроволоски шапочки пробуравили кожу и подсоединились к черепу. В ушах зазвучала какофония настройки. Услышав чистый сигнал, Фред прилепил на горло наклейку.

Проверка, глоттировал он и открыл свою почту.

Добрый вечер, коммандер, сказал до боли знакомый голос.

Опять, значит, коммандер?

Если вы в состоянии, сказала инспектор Коста. *Я понимаю, вам надо отдохнуть после тяжелого дня, но у меня для вас есть кое-что интересное.*

Сомневаюсь. Фред, перехватив взгляд Мэри, закатил глаза и потряс головой.

По территории штата слоняется еще один Кабинет. Не поможете ли мне его сцапать?

Слоняется? Еще один дубль, вы хотите сказать?

Похоже на то, хотя тот Кабинет, который мы апробировали, говорит, что знать о нем ничего не знает. Говорит, что не помнит такого и никаких записей о нем не имеет.

Откуда вы тогда знаете, что ваш подозреваемый — Кабинет?

Несколько минут назад он провел короткую радиопередачу из частного дома, использовав подпись Старк. Мы проверили: подпись

аутентичная, а ее, как вы знаете, невозможно подделать.

Фред потер лоб. Шапочка в начальной стадии вызывала сильный зуд, и Мэри, золотое сердечко, почесывала себе голову, сопереживая ему.

Очень занимательно, сказал он инспектору, *но я, пожалуй, пас.*

Жаль, потому что Кабинет о вас спрашивал. Сердце Фреда дало сбой.

Да, продолжала Коста, *он говорит, что доверяет вашему обширному опыту. Мы за сегодня поджарили достаточно его дублей, и он хочет спасти хотя бы этот, если возможно. Ваше присутствие ему очень желательно — не стану даже спрашивать почему. Мне нужен пастовик, ничего больше. Ну так как?*

Фред весь кипел. Когда же эта противоестественная конструкция оставит его в покое?

Где встречаемся, инспектор?

Жду вас на такси-палубе рядом с Рольфом.

Все вычислила заранее, решил Фред, поглядев в ту сторону. *Полагаю, вы захватили для меня ранец и черный скафандр.*

Так точно. Рассовского размера.

— Надо кое-что доделать. Я скоро, — сказал Фред жене, но Мэри схватила его за руку и не пустила.

2.25

Зрители на трибунах внезапно затихли.

— Это как же так? — удивился Виктор. Все по-прежнему подскакивали на сиденьях, махали руками и разевали рты, но рев стадиона сделался приглушенным, как шум машин на отдаленном шоссе.

— Теперь лучше, — сказал Самсон, больше не напрягая голоса. — На чем я остановился? — Он рассказал Жюстине, Виктору и коту Мэрфи, как в начале их с Элинор совместной жизни, когда власть, слава, разрешение на ребенка и прочие блага изливались на них щедрым потоком, у него взял анализ дефектный слизняк. О подозрениях на предмет того, что его арест должен был послужить уроком для Элинор, Самсон умолчал.

Воли, естественно, слышали об Элинор Старк. Как не слышать? Ее мифический образ мелькал во всех новостях. Но то, что такая женщина была замужем за костлявым оборванцем, который сидел между ними, в их воображении как-то не очень укладывалось. А когда Самсон поведал, что Элинор погибла утром этого самого дня, Жюстина не удержалась от восклицания:

— Ну прямо как в сериале, мар Харджер!

Это заставило Самсона сделать паузу и посмотреть на свою жизнь сквозь мелодраматический фильтр.

— Думаю, вы правы, мар Воль. Так на чем я остановился?

* * *

Усадьбу Элинор я покинул в хорошей физической форме. Со скидкой, конечно, на то, что меня прожгли насквозь без всякой вины, что от меня несло страшной вонью, что никто не мог находиться со мной в одной комнате, а прохожие на улице шарахались и оскорбляли меня. Все это, однако, уравновешивалось хорошим состоянием моего здоровья. Перед прижиганием я сделал для своего организма все, что только можно купить за деньги. Реально мне было 140 лет, но современные методы творят чудеса. Я в шестой раз отрастил зубы, на моих нейронах сменили чехлы, дыхательную и кровеносную системы отполировали до блеска. Я выглядел как здоровый тридцатипятилетний мужчина. Мне повезло — ведь обожженным услуги современной медицины уже недоступны, и с этих пор мне предстояло всегда и неизменно спускаться под гору.

В финансовом отношении все тоже было прекрасно. Мое

собственное громадное состояние находилось под судебным арестом (в момент прижигания я официально был признан мертвым, и это осложнило мои дела на несколько лет), но Элинор временно предоставила мне свое, еще громаднее моего.

Психически я тоже был настроен весьма позитивно. Прижигание сильно испугало меня, и несколько месяцев я зализывал раны, сидя в подвале загородного дома. Но я пережил это и почувствовал, что снова готов к приключениям, которым давно уже вверил свою судьбу. Я рассчитывал на тридцать — сорок лет жизни (если не произойдет случайного самовозгорания), никем и ничем не был связан, имел неисчерпаемый банковский счет и новенького слугу Попрыгунчика.

Я путешествовал. Посетил места, которые пропустил во время прежних моих скитаний: Китай, Африку, Миссисипи, Малайзию. Расходов я не жалел, но от одиночества меня это не спасало. Щедрые чаевые обеспечивали мне обед в ресторане, но не могли убедить других посетителей сидеть спокойно, пока я ем. В большинстве случаев официанты и повара обслуживали меня одного.

То же относилось к театрам, казино, клубам, концертным залам, барам, кегельбанам, бильярдным — можете сами продолжить. Я был единственным туристом на катере, единственным белым на восточном базаре, единственным пассажиром в автобусе. Странствия такого типа быстро наскучили мне. Я вернулся в Чикаго, снял квартиру на 300-м этаже башни Кэсс, заново отделал ее и объявил, что принимаю по четвергам. Разослал тысячи приглашений, но за три недели меня посетили лишь несколько десятков гостей.

Не желая признать свое поражение, я взял на работу пиарщицу. Она посоветовала радикальные меры — весьма дорогие. Я сказал ей, что деньги не проблема, и она поймала меня на слове. Каждую неделю у меня дома устраивались банкеты. Знаменитые повара, музперформеры, актеры набирались со всего света. Известным личностям выплачивались тайные гонорары за позволение снять их для светской хроники. Каждый банкет был настоящим постановочным мероприятием.

Пиарщица, тем не менее, предупредила меня, что это способно привлечь разве что несколько сотен любопытных. Для полного успеха, по ее мнению, гостей вместе со мной должен был принимать кто-нибудь, пользующийся бешеной популярностью. Такую персону она нашла в лице бывшего президента США, доброй старой Вирджинии Таксэйер. Звезда Вирджинии никогда не закатывалась. Ее любили тем больше, чем дальше

отодвигалось время ее президентства. Стоила она дорого, но должна была себя окупить — так, во всяком случае, уверяла моя пиарщица.

Мне в моем собственном доме выделили амплуа циркового урода. В каждой комнате стояли вазы с фильтрами для носа, но необходимости в них почти не было, поскольку я мазался толстым слоем дезодорирующей мастики, носил ротовой и противогазовый барьеры. Запахи, которые я заглушить не мог, нейтрализовала воздухоочистительная система, настоящее произведение искусства. Конус отрицательного давления сопровождал меня из комнаты в комнату и потихоньку менял воздух вокруг меня.

При таком раскладе мы сразу добились успеха. Сливки общества, светила науки и политические тузы повалили ко мне валом. Все, кто хоть что-нибудь значил, расхаживали по моему салону, сидели у меня за столом и опустошали мой винный погреб. Пары совокуплялись в моих гостевых спальнях, заговорщики шептались на балконе, знаменитости демонстрировали себя во всех помещениях. А я — я расширял границы отвращения к самому себе.

В то время я, правда, не знал об этом. В то время меня все устраивало. Я устраивал эти банкеты семь лет, не пропуская ни одного четверга. Элинор я тоже звал, но она никогда не посещала мои приемы, а сам я не вылезал из дома. Мне и там всегда находилось какое-нибудь занятие.

Я не хочу сказать, что она вообще у меня не бывала. Элинор приходила на мой день рождения, на День Отца, по другим торжественным поводам. Каждый раз она брала с собой крошку Элли, которая висела у меня на шее и называла папочкой. Девочка уверяла, что гадкие затычки для носа ей не нужны, потому что она «привыкла» к моему запаху, да не так он и страшен, как все говорят.

Постепенно эти визиты сократились. Они то жили на Марсе, то занимались еще чем-нибудь. Я удивился, обнаружив, что легко переношу их отсутствие. В праздники мне их, конечно, недоставало, но в остальные дни я прекрасно обходился и так.

Но однажды произошло нечто, поломавшее весь мой налаженный распорядок. Как-то во вторник я перед сном захотел что-нибудь посмотреть. Попрыгунчик, мой слуга, просматривал миллионы сетевых программ и отбирал те, которыми я мог хоть ненадолго заинтересоваться до того, как усну. В ту ночь он показал мне отрывок из серии «Жизнь замечательных людей».

«Что за херня?» — сказал я. Попрыгунчик знал, что биографии, особенно так называемых замечательных людей, не

вызывают у меня интереса. Но скоро я понял, почему он выбрал эту конкретную серию. Она посвящалась мне и называлась так: «На поверхности. Творчество Самсона Пола Харджера, 1951–2092. Ретроспектива».

Я был не столько польщен, сколько удивлен. Я давно уже перестал знакомиться с какой бы то ни было критикой своего творчества, но этот опус чем-то меня зацепил, как, вероятно, и Попрыгунчика. Не забудьте, это было первое фундаментальное исследование, вышедшее после моей мнимой гибели в застенках Внукора. Я чувствовал себя как Том Сойер на собственных похоронах и не мог устоять.

Не стану докучать вам, марен, дешевыми открытиями этой ретроспективы. Скажу только, что авторы умудрились откопать массу архивных видеопленок и фотографий времен моего детства, на которые я смотрел не без сердечной боли. Домашняя запись, где я был изображен с моей первой женой Джин Шолеро, относилась к концу двадцатого века, когда я только начинал завоевывать себе имя в живописи. Это далось мне особенно тяжело — о Джин я давно уж не вспоминал. Эти деятели, конечно, привели и кадры, заснятые в тот день 2092 года. Я наблюдал, как слизень пеленает меня на террасе кафе «Четыре угла» в Блумингтоне перед отправкой в Юту на деконструкцию.

Остановлюсь на одном только выводе, сделанном авторами — потому лишь, что это взбесило меня. Биография не зря получила название «На поверхности». Мне отказывали в какой бы то ни было глубине. Упрекали в том, что я либо вообще не испытывал никаких чувств, либо не умел выражать их в своей работе. Подчеркивали холодную бесчеловечность моих полотен и то, что в двадцать первом веке я заново создал себя именно как дизайнер упаковочных средств. Искусственная кожа, перевязочные материалы, страховочные одеяла, подарочная упаковка. Все на поверхности, не так ли? Не подарок, а лишь его упаковка.

Вас когда-нибудь обвиняли, марен, в поверхностном отношении к жизни? Моя посмертная репутация складывалась у меня на глазах, и что же утверждали мои биографы? Что я скользил по верхам? Уверяю вас, я был потрясен. Меня грубо вырвали из моей летаргии. Весь следующий день я не перестал клокотать. Составил пространный, вдумчивый ответ создателям фильма, но так и не отправил его. Отменил в последнюю минуту четверговый банкет. Отказался от приемов вообще, а пиарщицу уволил.

Лучшим опровержением, решил я, будет «создать себя заново» еще раз. На это я еще способен, ведь так? Я еще не умер.

Я порядком отстал от своих собратьев по цеху. За это время появился целый ряд новых инструментов и технологий. Я заказал образцы самоваяльной проволоки, умного песка, умной глины, скульптурных аэрозолей, жидкого камня — всех новинок, короче. Провозился одиннадцать месяцев с этим барахлом, проверяя, на что оно способно, а на что нет. Замыслов у меня еще не было, но я хотел сделать что-нибудь в память о моей давно утраченной первой жене Джин.

До Элинор только она из всех женщин затронула меня по-настоящему. Первая любовь бывает одна, как бы долго вы ни жили. К непреходящему моему стыду и сожалению, расстались мы по моей вине. В те дни я был слишком полон собой, слишком много мнил о своей гениальности.

Год я воплощал образ Джин с помощью своих новых игрушек. Мотивы сменялись один за другим: нежданная влюбленность, бурная эротика, стадия познания, ревность, жутковатый союз, драки, одержимость наряду с принуждением, ненависть к самому себе. Постепенно я стал понимать, что пытаюсь воссоздать палитру чувств молодого мужчины. Это, в общем, имело смысл — ведь тогда мы с Джин были молоды, — но теперь я сделался стариком.

Осознание этого меня только пришпорило. Я весь ушел в процесс, прежняя моя жизнь рухнула окончательно. В обязанности Попрыгунчика входило присылать мне еду, когда я был голоден. Если меня одолевал сон, я валился на какую-нибудь кушетку. Почти как в доброе старое время.

Я исключил из обихода те средства, которые, как мне казалось, не позволяли добиться желаемого. Исключил итерацию, фотонный воск, расщепители генов, роботехнику, большинство голотрафического оборудования. В конце концов вся моя техника свелась к одному старому методу и одному новому. Я решил написать маслом обычный плоский портрет и даже взял со склада свои любимые кисти: из свиной щетины и соболиные.

В качестве нового метода я выбрал органический гештальт-компилятор — такие используют для записи эмоциодисков при создании гологолли, вроде ваших Джейсона и Элисон.

Я нанес на холст первый мазок, и вдруг мне пришло в голову, что картина будет называться «Ее тайная рана».

«Это еще что такое? — подумал я. — Что за рана? И почему тайная?» Ответа не было. Я подлил растворитель в умбру и стал делать на бумаге наброски, пытаясь нащупать тайную рану Джин.

Я целый век не брал кисти в руки, приходилось учиться заново, но дело шло гладко, и скоро я уже начал писать сюжеты

из нашей совместной жизни. Взлеты и падения, чудеса понимания, измены. В один прекрасный день до меня дошло, что это не ее рана, а моя, и называется она одиночеством.

Что есть одиночество, марен? Я говорю о цивилизованной его разновидности, с которой мы все встречались. Даже в самые тесные любовные объятия оно умудряется проскользнуть, и что же тогда?

Впрочем, не такая уж это обширная тема. Любой ребенок, сидящий один в своей комнате, исчерпывает ее за какой-нибудь час.

А вот в глубине одиночеству не откажешь. Оно глубже, чем океан, но тайны в этих глубинах опять-таки нет. Храброе дитя, приведенное мной в пример, с первой же попытки опускается на самое дно. И поскольку жизнь там невозможна, дитя опять всплывает на поверхность, нисколько не пострадав.

Чтобы побыть там подольше, нужны дыхательные приспособления: воображаемые друзья, наркотики, алкоголь, отупляющие развлечения, хобби, железный режим, домашние животные. (Животные, оставляя в стороне вашего ласкунчика Мэрфи, лучшие пособники одиночества.) С помощью всего этого несчастный исследователь может испытать одиночество во всем ужасе его продолжительности.

Знаете ли вы, что обонятельные нервы, воспринимающие один и тот же запах (даже мой) всего несколько минут, привыкают к нему, как моя дочь говорила, и перестают посылать сигнал в мозг?

Так и боль, почти всякая, со временем притупляется. Говорят, время лечит. Это относится даже к потере любимых, самой невыносимой из всех жизненных болей. Она отходит на задний план и сосуществует там со страданиями второго порядка. Только наш друг одиночество с каждым часом растет и крепнет. Его игла остается такой же острой, как вчера и на прошлой неделе.

Но если одиночество — это рана, то что в ней тайного? Медленное удушение одиночеством, смею утверждать, самая болезненная из всех смертей. Однако я сейчас объясню вам, в чем дело. Начиная писать портрет Джин, я был одинок уже десять лет (а предстояло мне еще пять). С высоты этого наблюдательного пункта я сообщаю, что одиночество — само по себе тайна, о которой нельзя рассказать никому.

Почему нельзя? Потому что, сознавшись в одиночестве, вы сознаетесь в своей человеческой несостоятельности. Услышав это, вас начнут жалеть, начнут избегать, боясь подцепить заразу. Вы страдаете отсутствием взаимоотношений с другими людьми, но признание только оттолкнет от вас возможных спасителей (а

кошек, наоборот, привлечет).

Поэтому на людях вы пытаетесь скрыть свое одиночество и ведете себя так, будто вам друзей и без того девать некуда — надеясь в душе, что кто-нибудь, сам того не зная, спасет вас. Напрасные надежды. Ваше состояние написано у вас на лице, его выдают ваши поникшие плечи, ваш деланный смех. Вы никого не обманываете.

Можете мне поверить. Я перепробовал все трюки одинокого человека.

Спасибо, Виктор. Мне ужасно хотелось пить. О чем это я?

Итак, у меня были инструменты, была тема, было название. Я принялся за работу. Подмешал в краски измельченный процессорный фетр и стал писать Джин в натуральную величину. Это заняло у меня полгода, но портрет, по моему скромному мнению, получился превосходный. Именно такой, печальной и милой, я помнил ее.

Удовлетворенный базовым изображением, я стал накладывать полупрозрачные преломляющие краски, чтобы придать картине глубину и чувство движения. Голографической в точном смысле она не была, оставалась двухмерной, но зрителю казалось, что Джин дышит, моргает, живет. Как будто она в самом деле сидела там, за рамой, позируя мне.

Я балдел от нее, я ее любил, однако знал, что настоящая работа только еще начинается. Пустой процессорный фетр лег на полотно, и настало время нанести Джин ее тайную рану.

Фетра хватало, чтобы обеспечить картине индекс 1,50 или 1,75 по современной ментарской шкале. Примерно такого уровня достиг к тому времени мой Попрыгунчик. Я мог бы снабдить портрет личностной капсулой, мыслящей ноэтикои и пользоваться им как вторым слугой, но мой замысел требовал наделить его только одной эмоцией.

Не знаю, Жюстина, насколько вы разбираетесь в имитационной голографии, но гологолли, которыми вы восхищаетесь, — это гибриды. Когда вы имитируете себя (или создаете своего заменителя), имитрон очень точно отображает состояние вашего мозга в данный момент. Делает срез или гештальт-карту, если хотите. Этого достаточно, чтобы создать искусственный, способный к мышлению мозг. Но чувства в отличие от мысли неразрывно связаны с состоянием мозга, и ваш срез захватывает лишь то, что вы чувствуете в момент нажатия на имитронную кнопку.

Вы следите за моей мыслью? Постарайтесь не отставать, прошу вас. Я хочу сказать, что имитация или заменитель

способны испытывать только одну эмоцию — ту, которую испытывали вы в момент их создания. Откуда же у ваших гологолли берется целый диапазон? Тут особая техника: делают миллионы срезов и нанизывают из них каскады эмоций. Актеры сериалов, с которых делают эти имиты, сидят в студийных кабинах и чувствуют по приказу, снова и снова. Я счастлив, мне грустно, я в экстазе, я несчастен — и при этом ведь еще в образе оставаться надо! Думаю, они стоят тех баснословных денег, которые зарабатывают.

Моя цель была намного скромнее. Из всех срезов, как вы догадываетесь, мне требовалось только чувство одиночества. Я хотел вжечь его в краску, в фетр. Хотел отразить все слои и оттенки своего собственного злосчастного опыта. Хотел вложить в портрет те животные муки, которые испытывал сам.

Задачу осложняло то, что я как обожженный не мог позволить себе глубокое автосканирование. Радиация сканеров или голографики расплавила бы мои предохранители, и я бы сгорел. Даже радиации этого карманного имитрона хватит, чтобы превратить меня в живую петарду (когда это, кстати, произойдет, вам нужно будет отодвинуться от меня подальше). Для портрета я использовал пассивный корковый считыватель — надевал на голову такую металлическую штуку с ультрачувствительными адаптерами мозговых волн. Для моделирования мыслящего мозга они непригодны, а вот эмоциональные состояния записывают прекрасно.

Я сидел за своим большим банкетным столом с дуршлагом на лысой башке и смотрел на портрет моей первой жены. Любовь к ней и ощущение своего одиночества переполняли меня. Когда бумажные клочки одиночества забивали сердце, вытесняя все остальное, я нажимал кнопку и переносил на полотно свою боль. Этот процесс иногда длился часами и оставлял меня выжатым на весь день.

Разделяла ли картина мои страдания? Приборы регистрировали в фетре эмоциональный приток, но мог ли я знать, соответствуют ли записанные чувства реальным? Не мог и поэтому повторял процедуру снова и снова.

Я почти не замечал, как проходят дни и недели. Вряд ли можно сказать, что работа освежала меня — я барахтался в мутных водах, таких глубоких, что в них ушли бы все шестьсот этажей башни Кэсс. В какой-то момент я затемнил свои внешние окна, искренне убежденный, что здание действительно погружается в трясину моих страданий. Я плакал, я был совершенно измотан. Ел слишком много или вообще не ел. Спал иногда по тридцать шесть часов кряду. Изобретал все возможное,

чтобы отвлечься от банкетного зала и женщины, тайно страдающей там, но неизменно туда возвращался и напяливал на голову шлем, чтобы впрыснуть ей еще одну дозу своей любви. Я ненавидел себя, жалел себя, проклинал день, в который родился.

Уж этот мне творческий процесс… Нисколько по нему не скучаю.

Пару раз мне казалось, что портрет, пожалуй, готов. Я сомневался, что он выдержит еще хоть каплю эмоций, и открывал шампанское. Но назавтра меня посещало еще более интенсивное сознание одиночества, и я устраивал новый сеанс.

Людям вроде вас такой образ жизни может показаться не слишком здоровым и уравновешенным. Я сам не стал бы рекомендовать его широким кругам. На той глубине, где побывал я, большинство дилетантов расплющило бы в лепешку, но истинному художнику его искусство служит подводным колоколом.

И вот однажды, когда я сидел перед моей раненой Джин, Попрыгунчик доложил, что меня кто-то спрашивает. Не может быть, сказал я. Кто же отважится так глубоко нырнуть?

— Говорит, она ваша соседка снизу, — сказал Попрыгунчик.

Неужели и ниже меня кто-то есть?

— Что ей нужно? — спросил я.

— Спрашивает, не одолжите ли вы ей рыбу. Например, мерлана или треску, но подойдет и лосось, и тунец, все равно что, лишь бы ее выловили в глубокой соленой воде.

— А есть она у меня? Рыба? — Это был единственный вопрос, пришедший мне в голову.

Есть, сообщил Попрыгунчик. Больше трех тонн живой рыбы всех видов в стазис-хранилище. Осталось с банкетных времен.

Я снял шлем, потер лысину и сказал:

— Покажи ее мне.

Попрыгунчик передал мне картинку холла. Там стояла хорошо одетая женщина среднего роста, средних лет. В ее лице, вполне европейском, угадывалась какая-то восточная примесь. Эксцентричная, можно не сомневаться — зачем бы ей иначе при явном материальном достатке уходить за пятидесятилетний рубеж? И любопытная — кто бы иначе стал беспокоить соседа под таким неуклюжим предлогом?

— Вижу, в квартиру ее ты уже пустил, — сказал я.

— Да. А что, не нужно было? Я следовал Лейчестерскому кодексу современного этикета.

— Нет, не нужно было. Напомни, чтобы я посмотрел этот кодекс вместе с тобой. Здравствуйте, мар соседка, — сказал я

женщине.

— Пост, — представилась она в камеру. — Мелина Пост. А вы — мар Харджер?

— Да. Мой слуга говорит, что вам нужна рыба?

— О да, мар Харджер. Чем скорее, тем лучше. Не одолжите ли? Я верну при первой возможности.

— Мой слуга говорит, у нас есть что-то в стазисе. Берите что хотите, хоть все. Он вас проводит в кладовую, покажет наши запасы и позаботится о доставке.

— Большое спасибо, мар Харджер. Не могу передать, как много это для меня значит.

— Пожалуйста, мар Пост. До свидания. — Я выключил изображение, надел шлем и вернулся к страданиям. Но присутствие посторонней в доме мешало мне. Я жил как тролль, не брился и не отшелушивал кожу. Хорошо хоть Попрыгунчик был любителем чистоты. Я предоставлял ему полную волю, лишь бы он не пускал своих уловителей в мою мастерскую.

— А, вот вы где, — раздался позади женский голос. Мар Пост входила в банкетный зал собственной реальной персоной. — У вас очаровательный дом. — Она окинула взглядом пыльный зал, где за эти годы скопились тюбики из-под краски, высохшие палитры, сотни прислоненных к стенам полотен, бухты кабеля, техника всякого рода. Не считая Джин.

Я взвился со стула, точно пойманный на месте преступления, и накрыл портрет куском ткани, но она уже успела кое-что разглядеть.

— Но это же… — Она и теперь не сводила глаз с холста. — В этой картине есть что-то необычное, мар Харджер. Дайте, пожалуйста, взглянуть еще раз.

— Нет! — отрезал я, взбешенный ее назойливостью. — Она еще не готова для показа.

Мой тон немного ее пристыдил.

— Жаль. Я бы очень хотела на нее посмотреть, когда она будет готова.

— Приму это во внимание. — Меня тревожила мысль, что моя Джин когда-нибудь предстанет на всеобщее обозрение, хотя это с самого начала входило в мой замысел.

Под взглядом мар Пост я засмущался и снял шлем с головы. Мне вдруг почудилось, что я голый, но нет: как раз в этот день на мне был рабочий халат, и я с торжеством его подпоясал. Это напомнило ей о цели ее прихода.

— Надеюсь, я не очень вас беспокою, — (как же, не очень), — но время у меня ограничено, а ваш слуга не слишком-то расторопный. В противном случае я ни за что не стала бы к вам

вторгаться.

«Ври больше», — подумал я.

Сейчас она выглядела не такой старой, скорее моей ровесницей, разве что кожа у нее сильно увяла. Ее платье хорошо подходило для званого вечера, вот только на мой она несколько запоздала. Она стала объяснять, зачем ей так спешно понадобилась рыба, но я не слушал. Она потерла свою руку, и оставшийся на коже розовый след особенно остро напомнил, что она здесь реально. Я уже и не помнил, когда находился в одной комнате с человеком из плоти и крови. Это потрясло меня до головокружения, и мне пришлось сесть.

Она уселась рядом без приглашения, продолжая, как птичка, щебетать о каких-то неизвестных мне людях и о товарах, доставленных не по адресу. Я даже и не пытался следить за сюжетом. Мне чудился запах ее духов — галлюцинация, разумеется. Обожженные теряют всякое обоняние. Потом я сообразил, что она сидит очень близко ко мне. Мастикой я не мазался, воздухообменник был выключен, но она и не думала зажимать себе нос.

— Вы не чувствуете моего запаха? — перебив ее, спросил я.

— Нет, не чувствую. Как и вы моего, правда, мар Харджер? Я смотрел на нее, онемев. Одно слово, два сапога пара.

— Ну так что же, — сказала она, нарушив молчание, — вы окажете мне такую услугу?

Я, не слушая, искал и находил в ней признаки обожженной. Едва заметный глянец от мастики на коже, огнеупорная подкладка платья.

— Либо ведите меня в свою кладовую, мар Харджер, — засмеялась она, — либо гоните вон. Если я не получу мою рыбу через пятнадцать минут, то сгорю синим пламенем. И уж вы-то должны понимать, что в моем случае это не просто метафора.

Я послушно пошел с ней на кухню — вернее, последовал за Попрыгунчиком, потому что не мог вспомнить дорогу. Мы сидели в пустом уголке шеф-повара, а мой слуга показывал нам находящихся в стазисе рыб в натуральную величину — мерлана, палтуса, камбалу, лосося, акулу.

— Есть еще морские моллюски, ракообразные и млекопитающие, — добавил он.

— Нет, Попрыгунчик, спасибо. Он любит рыбу, но я не помню, какую именно. Что там еще водится в море?

— Сельдь, угорь, пикша, макрель, барракуда, — в непонятном мне порядке стал перечислять Попрыгунчик, — минтай, морской язык… — И так далее, и так далее.

— Сколько человек будет у вас за столом? — перебил я его,

желая внести свою лепту.

Она нахмурилась, поняв, что я не слушал ее рассказ.

— Двое… или один.

— В таком случае вам подошла бы вот эта камбала или хек.

— Да… Размер, конечно, — разумный критерий, но я выбираю скорее сердцем.

— В этом вы абсолютно правы. Сердце с режимом экономии не считается.

Тут она в первый раз улыбнулась, и я увидел, что она хороша собой.

— Раз я не могу вспомнить, какую рыбу он любит, придется последовать вашему совету, мар Харджер, и руководствоваться размером. Вот эта акула мне подойдет. — И она указала на самую большую рыбину в моем косяке акул.

— Солидно, — подтвердил я. Изображения остальных рыб исчезли, и осталась только эта четырехметровая мако, выращенная на ферме и помещенная в стазис в 2061 — м, за несколько лет до Агрессии. Мар Пост трудновато будет вернуть мне такую же.

— Ой, чуть не забыла! — Это сопровождалось взглядом типа «какая я глупая». — Мне нужно, чтобы ее приготовили и доставили ко мне домой через… — она сверилась с каким-то таймером, — через одиннадцать минут, боже мой! Это возможно?

— Как большинство вещей в этом мире, — сказал я. — Попрыгунчик, приготовь рыбу и доставь ее на квартиру мар Пост.

— Сию минуту, — откликнулся он.

Кухонные арбайторы выкатили акулу на тележке из стазисного шкафа. Она поэтапно оживала — когда ее поднимали в печь, она била хвостом и клацала зубами в давным-давно прерванном ужасе. Повар, не дожидаясь, когда она разнесет всю кухню, выпотрошил ее и удалил жабры.

Я попятился от брызнувшей фонтаном крови.

— Повар запрашивает рецепт, — сказал Попрыгунчик. Мар Пост, озадаченная, надула щеки.

— Вряд ли у моего есть рецепт для акулы. Мне стыдно надоедать вам, но не может ли ваш использовать один из своих?

В банкетные времена я записал кое-какие рецепты знаменитых шефов, которым платил баснословные гонорары. Повар предъявил нам шесть вариантов в рамках, и мар Пост выбрала «mako remoulade». Акула запекается целиком с фаршем из арабского риса и кедровых орехов и подается на блюде, изображающем галечный пляж. Иллюзию создают миниатюрные красные картофелины, орехи кешью, королевские креветки, морские уточки и ламинарии. Пляж окружают приливные лужицы

острого соуса и громадные раковины с супом из плавников. Блюдо рассчитано на восемьсот человек.

Арбайторы начали доставать из шкафов ингредиенты.

— И еще, Попрыгунчик, — сказала мар Пост, — пусть ваш повар передаст моему, какие закуски, суп и вина следует приготовить.

— Слушаюсь, — сказал мой расторопный слуга.

— Ваши арбайторы смогут ее довезти или мне прислать на помощь своих? — спросила она меня.

— Смогут, — ответил я.

— Превосходно. Вы чудо, а не сосед. Я отдам вам акулу со всеми ингредиентами и надеюсь впоследствии оказать вам такую же услугу. — Она направилась к холлу, и я с ужасом понял, что она собирается уходить. Мне стоило таких усилий привыкнуть к ее присутствию — могла бы по крайней мере остаться еще ненадолго.

Думая, как бы ее задержать, я брякнул первое, что взбрело мне на ум:

— Я когда-то давал званые обеды.

— Знаю. Я была на одном из них, — бросила она на пороге холла.

Я прирос к месту, будучи уверен, что даже из тысяч гостей запомнил бы другого вонючку, особенно такого красивого.

Медина и Дарвин Пост были у нас 3 марта 2097года, уведомил Попрыгунчик. Значит, на одном из первых банкетов.

— Вы могли не заметить нас, — угадывая мои мысли, сказала она. — Это было еще до несчастного случая.

До несчастного случая? Выходит, всех нас прижгли случайно?

Она пожала мне руку, и дверь квартиры открылась перед ней

— Расскажите мне об этом несчастном случае. — Я никогда не был силен в светской беседе.

Она, переступив порог, пристально смотрела на меня через открытую дверь.

— Даже будь у меня сейчас время, сомневаюсь, что я вновь захотела бы пережить этот кошмар даже мысленно. — Но жалость ко мне, должно быть, возобладала, потому что она добавила: — Но пять минут у меня есть, и в награду за вашу необычайную доброту я вкратце расскажу вам, почему обед, который вы столь любезно готовите, имеет для меня такое значение.

И вот что она рассказала мне. У вас, случайно, «Бодрости» не найдется? Одна таблетка мне бы не повредила. В киоске? Спасибо, Виктор. Я подожду, пока вы вернетесь.

2.26

Фред и Коста проанализировали дом с предписанной высоты один километр. Фред, переодеваясь в черный скафандр в кормовом отсеке инспекторской ДЮОМ, одновременно инструктировал своего нового напарника, недавно произведенного джерри по имени Михайлов День. Мозговитка Фреда еще не полностью подключилась, что тормозило синхронность скафандра.

На Косте тоже был положенный по уставу черный скафандр, но Фред, присоединившись к ней в кабине, ничего не высказал по этому поводу. Может, вечером для коротких штанишек слишком прохладно.

В наблюдаемом ими квартале вспыхивали сигналы тревоги, но особого движения не замечалось, и два ряда домов, гордо стоящих на отдельных участках, установили двойную защиту от шпионажа извне.

— Вызывайте, — сказала Коста.

Фред открыл диораму Лайн-драйв поверх полевой карты на лобовом дисплее машины, ввел в нее указку и постучал дом по крыше.

— Объект № 2131 по Лайн-драйв, говорит Внутренний Корпус.

Дом не ответил.

— Повторяю: говорит Внутренний Корпус. Объект № 2131, отвечай!

Дом по-прежнему его игнорировал.

— Либби, — позвала Коста.

Объект 2131 обладает федеральными полномочиями, сообщил ментар ДЮОД.

Фред и Коста переглянулись.

Объект зарегистрирован на «Ситран Фаундейшн», продолжала Либби. *Мы предпринимаем попытки разыскать руководство фонда, а вы тем временем можете предъявить свой ордер.*

Коста витками снизилась и посадила машину на улице так, чтобы видеть дом.

— Вы что-то говорили насчет радиопередачи, — сказал Фред.

— Либби, ссылаясь на Безымянного, сообщает, что передача велась из подвала, вот отсюда. — Коста показала точку на диораме. — Текст, кроме подписи, расшифровке не поддается. Сигналы передавались в широком диапазоне и оборвались на шумах, напоминающих перестрелку. — Фред смотрел не столько туда, куда она показывала, сколько на ее руку. Не сказать чтобы

тонкая, мускулатура развита будь здоров.

Многочисленные пчелы выглядели на диораме как огоньки разного цвета, в зависимости от назначения техноса. Новые прибывали ежесекундно и присоединялись к засевшим в кустах легионам.

— Чувствуешь себя гостем, опоздавшим на вечеринку, — заметил Фред.

— Кстати, о вечеринках — извините, что прервала вашу.

— Ничего, не беда.

Коста опять показала на дисплей — теперь на карту, по которой к ним двигался маячок.

— Вызвала скаутов, чтобы в дверь позвонили. Будут здесь через пять минут.

С другой стороны приближался еще один маячок.

— А это что? — спросил Фред. Объект идентифицировался как фургон транспортной компании.

— Либби? — осведомилась Коста.

У них, по всей видимости, есть разрешение взять на объекте 2131 какой-то предмет.

— Спорить могу, что есть.

Огромный фургон, остановившись в воротах, перекрыл и улицу, и ведущую к дому аллею. На боку у него в оливково-зеленом кругу значилась горчичная литера «Г» — чартер Гуж.

Какие будут указания, инспектор? — спросила Либби.

— С ними надо будет, конечно, поговорить, но это потом, — ответила Коста. — Пришли мне кого-нибудь, чтобы заняться ими, а им вели закрыться наглухо и сидеть в машине.

Есть, сказала Либби, но тут дверь кабины открылась, и на улицу вышли двое Гужей.

— Либби?

Они игнорируют мой приказ.

Два одинаковых представителя странного чартера не спеша подошли к задней двери фургона.

— Михайлов День, что они делают? — спросила Коста.

— Да ничего вроде, мар инспектор, просто стоят. Сканер показывает, что они безоружны, но фургон у них защищен от сканирования.

Фред увеличил изображение на своем визоре и увидел, что один из перевозчиков — женщина, крупная и мужеподобная. Массивную фигуру и квадратную голову она получила не путем клонирования или ретросоматической генинженерии — к ней применили глубокую бодискульптуру и фенокопическую хирургию.

— Я ее знаю, — увеличив картинку еще немного, заявил

Фред.

— Что-что?

— Знаю одного человека из этих двоих.

— Откуда?

— Похоже, они предлагают переговоры, — увильнул от прямого ответа Фред.

— В участке поговорим.

Фред открыл дверцу со своей стороны.

— Скаутов все равно пока нет. Я скоро.

Коста молча наблюдала за ним. Джерри собрался его сопровождать, но Фред сделал ему знак оставаться на месте. При выходе из машины расса немедленно окружили пчелы. Они толклись перед ним, требуя внимания. Крошечные головки в открываемых ими крошечных рамках выкрикивали вопросы: «Каков характер этой внукоровской акции? — Связано ли это с микротеррором? — Правда ли, что в доме 2131 по Лайн-драйв произошла перестрелка? — Не связан ли инцидент с корректировкой рынка-34?»

— Либби, — воззвал Фред, и пчел словно ветром сдуло. *Кордон установлен, коммандер.*

— Спасибо.

Закрывая дверцу машины, он заметил, что инспектор не слишком довольна им.

Я забыл, как ее звать, Маркус, сказал он, подойдя почти вплотную к Гужам.

Вероника Гуж.

— Вероника Гуж, — произнес Фред, протягивая ей руку, — не ожидал увидеть вас сегодня еще раз.

— Я тоже. — Рука у нее была больше, чем у него, и сильнее: странное ощущение для расса. — Похоже, денек у вас выдался тот еще. — Из ее рта, еле заметного на мясистом лице, исходил приятный женственный голос. — Незаурядный день, судя по запаху.

— Чем дальше, тем завлекательней. — Фред подал руку мужчине.

— Это Мигель, — представила его Вероника, не потрудившись добавить название чартера.

— Очень приятно, Мигель. Я Фред Лонденстейн. — Но этот Гуж даже руку не желал пожать итеранту. Фред убрал руку и опять обратился к женщине: — У меня еще не было случая связаться со своим утренним заменителем, мар Гуж. Надеюсь, вы с ним достигли договоренности, которая удовлетворила мара Пакфина.

— Некоторым людям угодить трудно, но вы не беспокойтесь.

Мы договорились, что вы будете держать найков на сворке.

Это, возможно, значило, что найков не следует пускать на этаж, где будет проходить съезд.

— Ну что ж, это осуществимо.

— Точно такие же слова употребил и ваш заменитель. Кроме того, он согласился взять пятьсот человек из чартера Гуж для усиления безопасности.

— Неужели? Надо будет поговорить с ним и выяснить, о чем же я тогда думал. Что касается этой ситуации, — Фред обвел рукой улицу, — мы просим вас запереться в своем большом ящике и дождаться наших доброжелательных служащих, идет?

— Охотно, коммандер, — без колебаний ответила Вероника, — только предлагаю вам для начала заглянуть в этот наш большой ящик.

— У вас там есть что-то интересное для меня?

— Не знаю, интересное ли, но кое-что есть, — невозмутимо произнесла она.

— Что, например?

— Да так. Гамма-лучевой сканер плотности. Фред недоверчиво посмотрел на фургон.

— Такую штуку опасно возить с собой.

— Зато полезно. Морской состав обрабатывает за четырнадцать заходов, склад за два или три.

— Не сомневаюсь. И раз уж об этом зашел разговор, я не против на него посмотреть. После вас, — сказал Фред и полез за Гужами.

Лонденстейн, фургон не прослушивается, предупредила Коста. Как только он оказался в контейнере, связь с ней прекратилась.

— У вас около пятнадцати секунд, чтобы меня убедить, — сказал он Веронике. Клапан в нижней части ДЮОМ открылся, и дюжина внукоровских пчел полетела к фургону, соединяясь на ходу в ус.

— Голова Эллен Старк, — успела сказать Вероника, прежде чем передовая пчела закрепилась у входа в контейнер.

Эллен Старк. Ну еще бы! Ведь это Кабинет пожелал, чтобы Фред участвовал в операции.

— Сгинь, — приказал пчеле Мигель Гуж, но она не была обязана его слушаться. — Сгинь, я сказал! — взревел он.

— Оставь ее, Мигель, — сказала Вероника, — и проводи коммандера в будку.

Он замялся, но Вероника резко щелкнула языком, и это привело его в чувство.

Лонденстейн, как вы там?

Нормально, ответил Фред. *Спасибо за пчел.*

Скауты будут здесь через две минуты.

Гужи ждали его на середине фургона. Фред догнал их и чуть не споткнулся, увидев их технику. Целая стенка энергетических ячеек. Ряд быстроразрядных конденсаторов ультравысокого напряжения. Водоохлаждаемая катушка индуктивности через весь потолок. Стоит ли удивляться, что Мигель не хотел пускать сюда ни Фреда, ни пчел?

Понял вас. Две минуты, ответил Фред.

В хорошо защищенной контрольной будке мог поместиться только один Гуж. Мигель сел перед приборной доской, Вероника с Фредом остались снаружи. Пчелиный ус растянулся, головная пчела повисла над плечом Фреда.

Мигель, посмотрев на него с лютой ненавистью, нажал выключатель. Что-то завертелось, металлический пол фургона задребезжал, запахло озоном. Фред втиснулся за экранированную дверь будки.

Когда шум набрал турбинные обороты, Мигель надавил еще одну кнопку. Перед ним, как лист бумаги, возникла рамка, за ней еще одна и еще. Каждая показывала одну из секций особняка. Вскоре они слились в диораму двора и дома — это выглядело как одни прозрачные коробки внутри других.

Мигель, включив усиление, выделил стены, полы, мебель. Трубы, старинная электропроводка и другие линейные объекты проявились темно-серыми полосами, электронные приборы темными пятнами. В верхней комнате обнаружился большой, как гроб, встроенный сейф, в нижнем шкафу — набор пистолетов. Люди — во всяком случае, люди с имплантами — отсутствовали. Самым темным — а значит, и самым плотным — оказался некий предмет на четырех ножках в большой комнате нижнего этажа. Скульптура из какого-то необычного материала? Нет, вряд ли.

— Передайте изображение в мою машину, — попросил Фред.

Теперь и женщина тоже заколебалась — но, помедлив секунду, мотнула подбородком, дав Мигелю знак исполнять.

Безымянный идентифицировал объект как незарегистрированного боебайтора, сообщила вскоре Коста. *Владелец, устройство и возможности неизвестны.*

— Это боебайтор, — сказал Фред Гужам.

— Да ну? Мы думали, что собачка. — Вероника, ведя указкой, дотронулась до прямоугольника меньшей плотности в той же комнате. — А это, видимо, ее косточка.

Глядя в ее непроницаемое лицо, Фред спрашивал себя, зачем она помогает ему. В плане наведения мостов между их двумя видами? Едва ли. Здесь она явно выполняла задание, причем непростое — ведь Гужи рисковали всей своей полевой

установкой. Ставка слишком большая, чтобы изображать из себя посла доброй воли.

Скорее всего Кабинет завербовал в тех же целях как его, Фреда, так и Гужей. Зачем бы иначе Вероника стала говорить ему про голову Эллен, которую боебайтор, видимо, и охраняет? Дублирование команд — шаг вполне разумный. Вероника предоставит тяжелую работу ему с инспектором и соберет куски, если у них что-то сорвется.

— Инспектор, — сказал Фред, — доложите Безымянному, что я официально конфискую этот фургон для проведения полицейской акции.

— Ты что, мужик, охерел? — осведомился, вскочив на ноги, Мигель Гуж.

— Заткнись, недоделанный, — оборвала его Вероника. — Сиди и не вякай.

Тот снова сел, злобно глядя на Фреда.

— Знай передавай картинку, сынок, — сказал Фред. — Вы хотите сказать, Вероника, что я взял для охраны съезда пятьсот таких же ребят?

Идя обратно к двери, он почувствовал скафандром магнитные волны, забрал выпавшую из уса пчелу и скомандовал остальным:

— На базу!

Тендер со скаутами прибыл и остановился рядом с ДЮОМ. Джерри уступил Фреду место в кабине.

— Как мило, что вы вернулись, — сказала Коста. Диорама сканера плотности наложилась на дисплей поверх их собственной. Боебайтор оставался в той же позиции.

— Скауты готовы?

— Ждем только вас, коммандер.

Коста, похоже, наслаждалась ситуацией, несмотря на ехидный тон.

Фред откашлялся.

— Дом № 2131 по Лайн-драйв, говорит коммандер Лонденстейн, Внутренний Корпус. — Он махнул ладонью в сторону дома через лобовой щиток. — Меня сопровождают инспектор Коста, ДЮ, и лейтенант Михайлов День, Внутренний Корпус. — Они тоже махнули, предъявив свои полномочия. Фред, не услышав ответа, продолжил: — У нас имеется ордер на твой обыск. — Еще один взмах.

Ордер был федеральный, и дом через некоторое время ответил: *Принято.*

Тяжелая входная дверь сдвинулась. Тележка со скаутами, объехав фургон, взобралась по каменным ступеням крыльца, опустила желоб, открыла цистерну. Тысячи разведчиков

выкатились в холл, распределяясь по всему дому.

— Дом, есть кто-нибудь дома? *Никого, коммандер.*

— Кто здесь живет? Никто.

Скауты, сомкнувшись, образовали тестировочный ковер, перемещающийся по полам и стенам. Они проникали всюду: в шкафы, ящики, за мебель, под мебель. В ДЮОМ начала поступать информация. Волокна, грязь и прочие материалы передавались в тележку для тщательного анализа.

Внимание Внутреннего Корпуса привлекли сгоревшие остатки летучих техносов и многочисленные следы перестрелки. Неопознанный боебайтор в большой комнате благоразумно сохранял неподвижность. Фред изучил его со всех подаваемых скаутами ракурсов. Конструкция внушительная: четыре шлангообразных ноги приделаны к мощному корпусу. По размерам как датский дог, только без головы и хвоста. Покрыт лазеропоглощающим бархатом.

Коста смотрела через плечо Фреда.

— Ни один из других Кабинетов не охранялся так.

Прямоугольный объект рядом с боебайтором оказался процедурной каталкой — такие используют в лабораториях и медицинских учреждениях. Она была заперта, и скауты не сумели проникнуть внутрь.

— Дом № 2131 по лаин-драив, я беру тебя под арест, — объявил Фред.

Принято, сказал дом. *В чем меня обвиняют?*

— В незаконном хранении оружия. Приказываю немедленно выставить на крыльцо боевую технику, находящуюся в твоем нижнем этаже.

Боебайтор, к удивлению Фреда, зашагал через салон и холл к выходу. Двигался он скорей по-кошачьи, чем по-собачьи. Тестировочный ковер раздался и пропустил его.

— Неопознанный технос на крыльце дома 2131 по Лайн-драйв, идентифицируй себя, — приказал Фред.

У него прямая связь с Безымянным, доложила Либби. *Он говорит, что признает за нами право распоряжаться собой.*

— Это хорошо. Прикажи ему застопориться.

Фигура на крыльце осела, растопырила ноги. Фред и Коста переглянулись. Вот так все просто?

— Теперь прикажи отключить энергию и передать мне единственный реактивационный пароль.

Это заняло несколько больше времени. Коста изучала данные, поступающие от скаутов, Фред просматривал новости по делу Старк. Маркус спросил, не нужно ли ему пошептаться по-братски.

Нет, Маркус, спасибо.

— Посмотрите-ка. — Коста показала ему одну строку из инвентарного перечня — скауты обнаружили в утилизаторе изотопный след. — А вот это чешуйки органического происхождения.

— Органического?

— Да. Мы пока не знаем точно, что это, но ДНК похожа на человеческую. Чем, по-вашему, занимается этот «Ситран Фаундейшн»?

Можете принять пароль, коммандер, сказала Либби. Фред выставил ладонь, и Либби добавила: *Боебайтор отключен, единственный пароль для его реактивации находится у вас.*

Фред с сомнением посмотрел на свою ладонь и на неподвижного техноса.

— Ну что, Лонденстейн, — сказала Коста, — будем брать нашего бродягу?

Фред, покачав головой, дал сигнал перейти на секретную междускафандровую связь. Она помедлила, но потом подвинулась на сиденье и прижала свое колено к его ноге. *Да? В чем дело?*

Думаю, вам следует знать, что бродячего дубля Кабинета там нет.

Колено нажало чуть крепче. *Что вы сказали?*

Нас вызвали сюда под ложным предлогом, инспектор. В ваших чешуйках скорее всего обнаружится ДНК Старк. Это красный крестик — метка, оставленная здесь специально.

Я не понимаю, Лонденстейн. Объяснитесь.

Кабинет или еще кто-то заманил нас сюда, чтобы забрать голову дочери Старк.

Колено отодвинулось на миг и тут же вернулось. *Откуда вы знаете?*

Два плюс два будет четыре.

Вы шутите, да? У рассов ведь есть чувство юмора. Фред молчал. *Почему вы мне говорите все это по секрету?*

Потому что где-то тут сидит крыса. Большая.

Коста ответила ему изумленным взглядом.

Николас, ментар «Полезных людей», который пока не вмешивался, спросил: *Проблемы, коммандер?*

Фред и Коста прервали контакт.

— Нет, Ник, все в порядке, — сказал Фред. — Либби, отзови ваших скаутов, оставь только глаза и уши. А ты, Михайлов День, — обернулся он к джерри, — полей это пугало на крыльце упаковочной пеной. Чем скорее его засунут в ящик и отправят в ангар, тем будет лучше.

— Есть! — Джерри открыл оружейный отсек и вручил Коста

карабин «мессер 25-750».

Фред взвесил на руке свой.

— Знаешь, Михайлов День, я передумал. Оставайся здесь и прикрой нас мегаваттером. Если эта хрень на крыльце хотя бы шелохнется, сразу стреляй, понял?

— Есть! — Джерри занял место Фреда за пультом управления. Большая передняя пушка загудела, Коста впервые утратила самоуверенность.

— Идете или остаетесь? — по-деловому спросил Фред. Она, страдальчески посмотрев на него, взяла запасную канистру с упаковочной пеной, карабин и вылезла из машины.

«Хрень на крыльце» вблизи казалась еще страшнее. Боебайтор был почти по грудь Фреду и даже неподвижный излучал дурные намерения. По всей длине его ног виднелись оружейные скважины (на туловище их скрывал мохнатый пластфоль). «Моим клон-братьям, — сказал про себя Фред. — Если скрестить ментара с техносом, у них родится маленький боебайтор».

Фред и Коста под прикрытием большой пушки ДЮОМ обрызгали техноса пеной. Она выглядела как зеленые взбитые сливки и быстро сохла. Схватившись, она приобретет огромную прочность на разрыв, и боебайтор, даже если вдруг подумает включиться, будет надежно зафиксирован.

Скауты тем временем загрузились в свою цистерну, которую Коста отправила назад в тендер.

— Эй, Гужи, — позвал Фред, — что слышно у вас? *Все тихо, коммандер,* ответила Вероника из фургона. Фред и Коста с карабинами наперевес встали у двери. Инспектору было явно не по себе.

— Судя по выплатам за сегодняшний день, вы ошибаетесь, — хмуро сказала она.

2.27

«Бодрость» действовала быстро, и человек достигал пика умственной активности без побочных эффектов вроде тремора или недержания речи. Ее дозы были рассчитаны на период от четырех до двенадцати часов, после чего действие прекращалось столь же быстро без каких бы то ни было похмельных последствий.

Самсон запил таблетку электролитом и продолжил рассказ.

«Несчастный случай» произошел с Мелиной в театре «Вокруг койота», где она была со своим мужем Дарвином. Актер посреди комического монолога вдруг схватился за живот. Последний зловеще раздулся, но публика подумала, что это входит в программу. Тут актер закричал, живот у него лопнул, и все ринулись к выходу. Поздно — десантники уже оцепили здание.

Постов вместе с прочими зрителями, труппой и всем персоналом отвезли в Прово, штат Юта, в карантинный блок Внутреннего Корпуса, где за несколько лет до этого побывал и я. Мало кто выходил из этого карантина живым, но после меня задержанным все же предоставлялся выбор: остаться жить в относительно комфортабельных условиях или подвергнуться прижиганию и выйти на волю.

Мелине и Дарвину выделили семейную камеру. Их пребывание там обещало затянуться надолго — по крайней мере пока их спящие не проснутся и не заявят о себе. Но через несколько месяцев Мелина впала в глубокую депрессию. После долгих размышлений и молитв она выбрала прижигание, а Дарвин решил остаться. Они расстались друзьями.

Первые пара лет, пока Мелина приспосабливалась к жизни вонючки, были типично несчастными. Потом она встретила человека, который сказал, что любит ее и что никакой запах не может быть препятствием для такой любви. Он был беден, и она, естественно, ему не поверила, но проводить с ним время это ей не мешало. Они путешествовали, останавливались в шикарных отелях, посещали различные представления и так далее. Она оплачивала все, включая дополнительные поборы, которыми облагаются вонючки. Красивый спутник, слагавший в ее честь сонеты, того стоил.

В одно прекрасное утро господин Сонет исчез. Мелина знала, что это неизбежно, хотя и рассчитывала на более достойный уход. Все его вещи остались в их гостиничном номере на Санта-Крус, но она сразу поняла, что он смылся. Ну что ж, хоть пожила в свое

удовольствие.

В ванной у раковины лежала красивая розовая ракушка, которую она нашла на пляже и подарила ему на память. То, что он не взял ракушку, огорчило ее больше, чем его бегство.

Она заказала завтрак, и менеджер спросил, может ли он подняться к ней для срочного разговора. Он принес дурную весть: сказал, что ее текущий счет исчерпан. Зная, что это невозможно, она связалась со своим брокером у «Сестер Рид» в Нью-Йорке — он управлял львиной долей ее с Дарвином имущества. Брокер долго экал и мекал, но наконец сознался, что накануне кто-то снял деньги со многих ее счетов. Расстроившись, но пока не впадая в панику, Мелина стала обзванивать другие банки и брокерские конторы. Мало-помалу картина окончательно прояснилась. Господин Сонет, воспользовавшись своим близким знакомством с ее слугой, разорил ее и Дарвина подчистую.

Услышав это, менеджер «Пяти пальм» дал ей понять, что терпел ее в отеле только по благородству своей души. Он громко оплакивал люкс, испорченный ее мерзким духом, и угрожал вызвать полицию.

Мелине пришлось занять у друзей, чтобы вернуться домой. Внукор конфисковал у нее слугу, чтобы расследовать степень его причастности к преступлению, и она не могла распоряжаться тем немногим, что у нее еще оставалось. Она продолжала брать в долг и вела скромную жизнь, снимая квартирку в отнюдь не фешенебельной башне. Одновременно она начала несколько судебных процессов против «Сестер Рид» и других своих финансовых распорядителей, но суды решили не в ее пользу. Щедрость ее друзей тоже имела границы. Следствие не обнаружило никаких следов господина Сонета и ее пропавшего состояния. Слугу ей вернули в разобранном виде. Она подумывала, не сдать ли детали в утилизацию, но интуиция подсказывала, что этого делать не надо.

Всего через несколько недель она докатилась до такой нищеты, что вынуждена была переехать в муниципальное женское общежитие.

За три года после катастрофы она прошла путь от пентхауса до казармы, где ей принадлежали только койка, стул и шкафчик с одеждой. Она думала, что дальше уже падать некуда, но скоро убедилась в обратном. Соседки по общежитию, возмущенные ее запахом, потребовали от руководства выселить обожженную. Руководство в качестве компромисса перевело ее в кладовую и наказало держать дверь закрытой.

Вы правы, Жюстина. Рассказать мне все это за пять минут

Мелина Пост никак не могла. Наш разговор продлился гораздо больше времени, поскольку гость, которого она ждала, опаздывал. Арбайторы провезли мимо нас запеченную акулу с масляным цветком в разинутой пасти, доставили ее в квартиру Мелины и вернулись с пустыми серво. Минуты шли, а гость все не шел и не звонил, но она была уверена, что его задерживают дела, и не хотела звонить сама, опасаясь ему помешать. Желая скрыть растущее беспокойство, она продолжала свою историю. Я пригласил ее вернуться ко мне, присесть, выпить что-нибудь, но она не захотела и осталась у двери. Ее рассказ, должен признаться, расшевелил мои собственные воспоминания. Меня возмущало то, как с ней обходились, я жалел, что не сумел помочь ей в то время. Если бы она постучалась ко мне тогда, все бы вышло иначе.

Итак, Мелина — мой обиженный друг — лежала под полками с моющими средствами, предаваясь отчаянию, слишком хорошо мне знакомому, но тут произошло одно неожиданное событие.

Ванда Вечорек, наша святая Ванда, о которой вы, может быть, слышали, совершила свой подвиг у Дода в Лондоне. Сама она не собиралась садиться на ту шелковую софу, она хотела посадить на нее свою маму, но менеджер явился с охраной, чтобы ее вывести. Ванда отправила маму вниз, в кафе-дворик, и достала из сумочки имитрон. «Этот предмет мебели стоит десять тысяч евро, — сказал ей менеджер. — Мы просто не можем позволить, чтобы ваш неприятный запах его испортил».

«Хорошо, — сказала Ванда, — я заберу этот диван с собой».

Фактически она забрала с собой весь этаж, если посчитать ущерб от воды и дыма. Все мировые средства информации поместили отчеты об этом самоубийстве. Начались массовые самовоспламенения обожженных. В автобусах, в театрах, на пешеходных дорожках в час пик, в офисах транснациональных компаний — везде, где можно шокировать побольше народу. Запах жареной свинины висел над нашими городами и пробуждал в людях совесть.

Внутренний Корпус ввел прижигание в целях общественной безопасности, и общественность приняла этот факт без комментариев. Теперь начались вопросы. Почему мы наказываем жертвы МОБИ-атак? Почему делаем их калеками? Гражданские власти параллельно интересовались, как это Внукор додумался создать столько ходячих зажигательных бомб.

В кладовку к Мелине Пост потянулись пахучие визитеры. Она как бывший афф все еще сохраняла членство в престиж-

них клубах, где обожженным очень хотелось бы устроить показательное барбекю. Но Мелина, будучи сознательной

гражданкой, отказалось способствовать этому (хотя по ночам порой фантазировала, как поджаривает своих сволочных соседок по общежитию).

Акции протеста продолжались без нее, пока парламент ОД наконец не запретил прижигание. Были приняты новые, гуманные методы клеточного контроля. Двери карантинов в Юте и прочих местах распахнулись, изолированные после приема профилактического душа вышли на волю. Дарвин Пост, увы, до этого не дожил — не так давно он превратился в рой бабочек-данаид.

Протесты прекратились, но скоро вскрылся поразительный факт: новые гуманные методы клеточного контроля на поверку оказались не такими уж новыми. Они, как выяснилось, были доступны еще в 2092 году, когда я сам совершил экскурсию в Юту. То, что Внукор годами производил прижигания, имея в своем распоряжении щадящие методы, переполнило меру, и демонстрации сохранившихся обожженных возобновились с удвоенной силой. Даже Мелина Пост разозлилась — если не за себя, то за своего дорогого Дарвина. В своей кладовке она составила список людей, заслуживающих поджарки. Возглавлял его господин Сонет, пока недоступный, за ним следовал гостиничный менеджер с Санта-Крус. Можно поехать туда и сидеть в вестибюле на ротанговом стуле, пока он не пройдет мимо. Однако приз в лотерее ее мщения выпал не ему, а «Сестрам Рид», которым она доверила свое состояние, ведь их офис был совсем близко.

Мелина попыталась связаться с обожженными, которые недавно посещали ее, но все они уже превратились в уголь за исключением одной женщины. При встрече в кафе та призналась, что хочет лишить себя жизни в торговой аркаде на Бродвее, и пригласила Мелину составить ей компанию. Мелина сказала, что у нее есть идея получше и что она уже договорилась встретиться со своим бывшим брокером на 350-м этаже башни Оксо.

Назавтра они обе, запершись в ванной общежития, нанесли на кожу тройной слой мастики, надели деловые костюмы и щедро полили себя одеколоном.

Охрана башни Оксо пропустила их благодаря принятым недавно законам — кроме того, Мелине было назначено. Сканер обожженным противопоказан, поэтому их тщательно обыскали. Обыск выявил лазерный перочинный ножик и карманный имитрон. Граждане имеют конституционное право носить эти вещи при себе, и их не конфисковали, но охрану «Сестер Рид» проинформировали своевременно. Когда заговорщицы вышли из лифта на 350-м этаже, двери конторы оказались закрыты, и двое

джерри в униформе тут же препроводили женщин обратно вниз.

В лифте Мелина, смирившись с поражением, вела себя смирно, зато ее спутница вся кипела. К тому же джерри не догадались перевести лифт на экспресс-режим. Он останавливался через каждые несколько этажей, и в него садились новые пассажиры. Один молодой человек тут же зажал нос и сказал своему приятелю: «Фу-у!»

Этого подруга Мелины уже не выдержала. «Здесь и сейчас!» — закричала она, глядя на Мелину в упор. Та в мыслях уже покупала билет на остров Санта-Крус и только обрадовалась, когда джерри перехватил ее руку, нырнувшую в сумочку за имитроном.

Подруга успела выхватить и зажечь свой лазерный ножик. Она собиралась перерезать себе горло, но другой джерри ей помешал. Она размахивала ножом, лягаясь и царапаясь как сумасшедшая. Джерри сильно пострадал бы, не будь на нем бронескафандра. Тогда она обратила нож против себя и раскроила свою руку, но тут джерри обезоружил ее.

Женщина не успокоилась и затрясла поврежденной рукой, пытаясь обрызгать сбившихся у двери пассажиров шипящей кровью. Джерри, забравший имитрон, сковал Мелине за спиной руки пластиковыми наручниками, хотя она, оробев, даже не помышляла о сопротивлении. Лифт в конце концов остановился, двери открылись, пассажиры высыпали наружу. Подруга Мелины рванула за ними. Джерри, препятствуя этому, слишком сильно толкнул ее, и она стукнулась лбом о стенку лифта.

Джерри, пользуясь тем, что удар ее оглушил, надел на нее наручники, но Мелина сразу поняла, что женщина получила смертельную травму. На лбу у нее вздулась дымящаяся шишка с яйцо величиной. Джерри, на ходу вызывая «скорую помощь», вынес ее из лифта. Она яростно сопротивлялась и теперь уже сама билась головой о стенки, о дверную раму, о бронированную грудь джерри. Шишка выросла до размеров апельсина, но женщина не прекращала бороться. Другой джерри отпустил Мелину, чтобы помочь напарнику.

Мелина стояла в лифте одна, не зная, что делать. Запястья скованных рук онемели. Имитрон валялся у нее под ногами. Она опустилась на колени и ухитрилась его подобрать, но приставить его к голове никакой возможности не было. Мелина прижала его к ягодицам и произнесла без особого пыла: «Здесь и сейчас».

Держа палец на кнопке, она следила за медленным самоубийством своей подруги. Шишка в конце концов лопнула, и из нее вырвалось пламя. Включившиеся огнетушители заволокли коридор туманом, но он не мог потушить обожженную плоть.

Мелина слышала, как трещит кожа на голове и на горле другой женщины. Это был наихудший вариант самосожжения. Обожженные всегда старались убить себя быстро, начиная с мозга, как святая Ванда. У этой несчастной огонь шел от кожи вглубь, пожирая мышцы и внутренности.

Мелина опустила имитрон. Начав с ягодиц, она бы подверглась такой же участи. Воспламенилась бы снизу вверх и успела бы не раз пожалеть о содеянном. Она вышла из лифта и попыталась помочь неудачливой жертве. Та стояла у стены, окутанная туманом. Джерри, кроме того, додумались завернуть ее в огнеупорное одеяло, что только увеличивало мучения — температура горения поднялась еще больше, словно в печи.

Мелина, вся изогнувшись, скованными руками прижала имитрон к обугленной голове. Она никого еще не лишала жизни. Укрепившись духом, она нажала на кнопку, но кто-то оттащил ее прочь.

Это был посторонний человек, не джерри. Тот самый любитель палтуса, трески и акулы. Он работал на этом этаже. Перекинув Мелину через плечо, он под прикрытием тумана унес ее в свой личный офис и запер дверь.

«Не надо», — первым делом сказал он и протянул руку за имитроном.

«Нет, надо!» — закричала она и снова прижала прибор к пятой точке, но у нее снова не хватило решимости, как и тогда.

Они прятались в офисе, пока суматоха не улеглась и уловители не прибрали место происшествия. Мелина знала, что охрана ищет ее, а ее спаситель никак не мог разрезать прочные пластиковые наручники. Он сопровождал ее, когда она пошла сдаваться.

Ввиду отсутствия улик и чьих-либо заявлений обвинения Мелине Пост так и не предъявили. Она могла вернуться в свою кладовку, но тот мужчина (она так и не назвала его имени) ее не пустил. Привез ее в собственную квартиру и одолжил у кого-то большие растения в кадках для очистки воздуха. Сначала он носил носовые фильтры, но потом стал обходиться без них.

По счастливому совпадению, он тоже работал управляющим финансами, притом в фирме, конкурирующей с «Сестрами Рид». Он преуспевал в своем бизнесе, но одевался и жил весьма скромно. Никогда не был женат — застенчивость помешала. Он с готовностью вызвался помочь Мелине вернуть ее утраченное состояние. У его друга был талантливый ментар (ментары тогда только начали появляться). Мелина отдала этому ментару разрозненные детали своего слуги, и он напал на след кое-каких ее пропавших активов. Господин Скромник оплатил из

собственного кармана сыщика-финансиста, и вскоре они накопали достаточно, чтобы привлечь «Сестер Рид» к ответственности. Разразился крупный скандал, были выявлены другие жертвы, и помещение компании «Сестры Рид» опечатали. Часть фондов Мелины отыскалась, остальное могло отыскаться в будущем, Риды обещали ей возместить ущерб.

Мелина Пост, обеспеченная всем, что требуется для новой жизни, переехала в Чикаго и поселилась в моей башне этажом ниже.

— Он собирается сделать мне предложение.

Мы говорили уже час, а о господине Скромнике не было ни слуху ни духу. Откровение Мелины подействовало на меня, как ушат ледяной воды.

— Да, — подтвердила она. — Уверенной я, конечно, быть не могу, но я чувствую. Мы так сблизились за эти последние месяцы. Назовите это интуицией, если хотите.

Моя собственная интуиция ничего хорошего мне не подсказывала.

— Он такой нежный. Все свое свободное время ухаживает за мной или занимается моими делами. Я знаю, он любит меня, и сама тоже его полюбила. Утром он сказал, что этот вечер станет для нас особенным. Должно быть, его задержали какие-то чрезвычайные обстоятельства.

— Говорите, он занимается вашими делами? Какими именно? — почти со страхом спросил я.

— Инвестициями. Сегодня утром я подписала доверенность на его имя.

Пройти с ней всю ее печальную одиссею и узнать в самом конце, что она опять наступила на те же грабли! Этого я уже не мог вынести и повел себя как полный осел. Что бы ни случилось сегодня вечером, сказал я ей, как бы плохо ни обернулись события, она всегда может вернуться ко мне. Я о ней позабочусь. Буду за ней ухаживать и никогда ее не надую. Мне не нужны ни фикусы, ни носовые фильтры, чтобы быть с ней рядом.

— О чем это вы? — Мой серьезный тон слегка ее испугал.

— Он не просто опаздывает, — сказал я, — он смылся, как Сонет из отеля. Вас снова ограбили, но это ничего: я позабочусь о вас.

— Мне пора, — резко сказала она. — Еще раз спасибо за рыбу, мар Харджер, и за то, что выслушали меня.

— Мы оба знаем, что он не придет, — проговорил я как можно мягче. — Мы с вами вонючки, дорогая Мел, а вонючкам

незачем друг друга обманывать.

Она попрощалась и ушла к себе, а Попрыгунчик закрыл мою дверь. Было непривычно холодно, но он сказал, что температура в норме. Я велел ему направить сколько-то пчел на этаж Мелины для наблюдения.

Минут через десять, к моему великому удивлению, все лифты нашего здания одновременно открылись на ее этаже. Из них вышла процессия арбайторов с букетами и гирляндами живых цветов. Они, как буйки в пестром море, дрейфовали к двери Мелины. Лифты ушли вниз и вернулись с новым цветочным грузом. С третьей волной арбайторов-цветоносцев прибыл и человек, держа в руках финальный букет красных роз. Омоложенный как полагается, но в остальном ничего особенного. В смокинге, с дурацкой ухмылкой. Следуя в хвосте процессии, он скрылся в квартире Мелины.

Пчелы, как им было приказано, несли вахту всю ночь. Цветочник вышел только утром, с Мединой под руку. Она вся сияла, и на пальце у нее сверкало новенькое кольцо. Вот, дорогие мои новые друзья, и вся история.

Сознавая, что рассказу Самсона недостает концовки, Жюстина спросила:

— Вернула ли вам Мелина акулу, равноценную той?

— О да, на следующий же день. И выращенную в том же году. Позже Попрыгунчик узнал, что остатки их ужина, вместе с супом из плавников, доели в чикагских приютах для бедных.

Самсон обмяк на сиденье, но его глаза после «Бодрости» все еще были навыкате. Дальнейшие расспросы могли оказаться для него непосильным напряжением, однако Жюстина не удержалась:

— А что стало с героем мар Пост?

— Ни его, ни ее я больше не видел, но следил за ними по Эвернету. Они вместе основали ассоциацию, которая вынудила парламент ОД выплатить компенсацию оставшимся в живых обожженным. Вы, может быть, слышали. Жили они, насколько я знаю, в гармонии, пока она несколько лет назад не скончалась более или менее естественной смертью.

— А что делали вы, мар Харджер-Кодьяк? Вернулись к своему нарушенному одиночеству?

— Нет. Мелина, сама того не зная, сделала мне подарок. За недолгое проведенное со мной время она напрочь отравила мое отшельничество. Благодаря ей я снова представил себя вонючего среди треволнений большого мира. Даже любимую женщину себе нафантазировал. С тех пор как эта муха меня укусила, к одиночеству я уже вернуться не мог. Назавтра я велел

Попрыгунчику растемнить мои окна и впервые за долгое время увидел мой город. Вскоре после этого я познакомился с моей Китти и ее софамильниками. Они пригласили меня в свой чартер, и могу честно сказать, что за двадцать семь лет, прошедших с тех пор, я никогда не чувствовал себя одиноким. Раздраженным и упрямым — возможно, да, но только не одиноким.

Теленебесное шоу было в самом разгаре. Веселая суета на экранах контрастировала с пустотой стадионного поля.

— А Джин? — не унималась Жюстина. — Где ее портрет сейчас и продолжает ли он страдать?

— Картина, возможно, у Цветочника, если он еще жив. Я послал ее им, без подписи, в качестве анонимного свадебного подарка, но Мелина-то должна была знать, от кого она. Если же Цветочник последовал за Мелиной, я понятия не имею, где она может быть. На аукционах она не всплывала. Но будьте уверены: Джин, где бы она ни была, страдает и будет страдать вечно.

— Мне жаль это слышать, мар Кодьяк-Харджер, — сказала Жюстина. — Лучше бы вы ее уничтожили.

— Да, возможно. Говорите, что хотели сказать, не стесняйтесь, — добавил Самсон, видя по лицу Жюстины, что это еще не все.

Она, прижав кота к груди, посмотрела на Самсона с материнским укором.

— Я согласна с мужем. В такой час вам следует быть со своей семьей, а не устраивать здесь представление.

— Вероятно, вы правы, мар Воль, но я обожженный — может быть, последний из обожженных. Нельзя позволить обществу забыть, что с нами сделали от его имени. В прошлом я, из уважения к моей бывшей жене и по собственной слабости, упустил слишком много возможностей, но лучшей возможности, чем снятие этого купола, у меня еще не было.

— Я другого мнения, — возразила Жюстина. — Извините за прямоту, мар Кодьяк-Харджер, но вы, по-моему, не просто по-человечески слабы. Никто не отрицает, что вас постигла ужасная несправедливость, но плохое случается с каждым. И хотя я в жизни не слышала ничего печальнее истории вашего одиночества, вы сумели вовремя найти выход. Вам судьбу бы благодарить, а вы вместо этого хотите наказать тех самых людей, которые так долго были вашей опорой. Если вы действительно любите свой чартер и действительно цените сделанное ими добро, подарите им прощальные мгновения вашей жизни. В противном случае вы не кто иной, как эмоциональный трус. — Она забрала у Виктора кошачий поводок и добавила: — Извините, но я не могу на это смотреть.

— Что так? — ехидно спросил Самсон. — Уже выполнили свою норму самоубийств на сегодня?

Она молча открепила свое кресло и вернулась в здание стадиона.

— Удачи, мар Кодьяк, — подмигнул Виктор и последовал за женой.

Самсон стал рассматривать кнопки своего имитрона, бормоча:

— Здесь… минут через сорок пять.

Две дюжины Тобблеров в одинаковых скафах из плотной зеленой ткани гуськом поднялись на крышу. Эйприл и Кайл встретили их, Фрэнсис и Барри проводили к скамейкам, которые расставляли в огороде Богдан, Меган, Расти и Денни.

Теленебесное шоу уже началось, но Богдан находил его скучным. А вот Тоббам, похоже, нравилось — они раскачивались и притопывали ногами.

Он хотел улизнуть, но Эйприл поймала его за рукав. «У нас гости», — говорил ее взгляд.

— Я быстро. Мне телефон надо запрограммировать.

— Прямо сейчас?

Богдан сбежал вниз, повернул к своей комнате. Убедившись, что за это время туда никто не вторгался, он откопал в груде вещей свой редактор — тот самый, с которым программировал Лизу. Сел на матрас, положил редактор себе на колени. Число входящих телефонных звонков достигло 750 миллионов. Богдан совместил телефонный значок со своим рабочим, и цифра сократилась до более приемлемой, то есть до двух звонков. Один, от Хьюберта, был отмечен как срочный.

Богдан тут же его открыл.

Наконец-то, сказал ему Хьюберт.

— Я ему нужен?

Пока еще нет, но я решил позвонить заранее, чтобы ты в случае чего сразу приехал. Даже такси, собственно говоря, послал за тобой.

Богдан отшвырнул редактор и встал.

— Буду ждать внизу, на улице.

2.28

Они быстро прошли через передние комнаты. Фред остановился только посмотреть на дырки от лазера в стенах — стрельба, похоже, велась из салона. Несколько сотен скаутов, растянувшись по всем потолкам, обеспечивали связь. Поиск не выявил следов крови и какой-либо органики, кроме чешуек: в разыгравшемся здесь сражении участвовали только машины.

Сканирование каталки в салоне показало, что никаких ловушек в ней нет, но она была заперта. Фред махнул на ее панель управления.

— Либби, передай это Безымянному.

Красиво, сказала Коста, рассматривая обстановку салона — не просто аффовскую, но еще и элегантную, да и сами размеры комнаты впечатляли. Фреду, однако, показалось, что здесь чересчур много кресел и столиков с лампами. Клуб, что ли?

На большой картине, занимавшей почти всю стену, и на богатом персидском ковре, застилавшем лакированный пол, тоже остались ожоги. Этот ковер занял бы всю гостиную Фреда и Мэри. Три больших, с дыню, отверстия у него по краям еще дымились. Боебайтор стрелял отсюда по цокольному этажу, из которого велась радиопередача.

Лазер распотрошил также с полдюжины кресел, на ковре лежали осколки стекла, но уловители почему-то не спешили наводить здесь порядок. В комнате вообще не слышалось никаких машинных шумов, кроме тиканья старинных часов на камине. Механизм как в старом кино — колесики, пружинки и все такое.

Есть код, коммандер.

Фред отвлекся от своих мыслей и снова махнул на панель тележки. Металлическая дверца открылась, обнаружив маленький эрнандес-бак и портативный контроллер. В стеклянном резервуаре пузырился зеленый амниосироп, на поверхности плавала замороженная голова брюнетки. На лице застыло выражение, зафиксированное в момент, когда шлем отделил голову от туловища.

Для Фреда в этой гримасе не было ничего необычного. Он уже много раз видел эти выпученные глаза и перекошенный рот.

Коста, удовлетворенная осмотром, отошла. Фред проверил по контроллеру, исправно ли работает техника.

Все в норме, коммандер, сказала Либби. Фред воспринял это как предложение закрыть дверцу снова. Но Коста, видимо, обиделась за что-то на ментара и вернулась к каталке.

— Либби, — начала она и остановилась, будто не зная, как

получше сформулировать вопрос. — Либби, — показала она на каталку, — почему нас не проинформировали об этом?

Приносим свои извинения, инспектор, но для нас такой поворот оказался столь же неожиданным, как и для вас. Мы ведем расследование, а вас просим остаться с мар Старк до прибытия персонала клиники Рузвельта.

Коста открыла рот, но промолчала и снова принялась расхаживать между креслами. Фред сверился с полевой картой. Боебайтор, обозначенный как зеленый треугольник, по-прежнему стоял на крыльце. Открыв окно в скаутской сети, Фред проверил верхние комнаты и кладовые. Все было тихо.

В укрытие! В укрытие! — передал внезапно лейтенант Михайлов День из ДЮОМ.

Фред и Коста, не найдя ничего подходящего, бросились на пол. Яркая вспышка осветила оконные жалюзи и прожженные в стенах дыры. За ней, еще не совсем угасшей, последовала вторая, от которой содрогнулся весь дом.

— Михайлов День, отзовись! — позвал Фред.

Контакт с ДЮОМ потерян, сказала Либби. Карта отметила машину флажком «убит».

Фред, не вставая с пола, получил через скаутов картинку крыльца. Ноги боебайтора все еще связывала пена, но он активировался и пускал из трех скважин вдоль выгнутого хребта какие-то дымовые кольца. Пускал десятками, точно подавал кому-то сигналы.

Фред встал и осторожно двинулся к холлу.

— Либби, Ник, кто-нибудь! Доложите обстановку!

Нас атаковал суборбитальный аппарат, инспектор, ответила Либби. *Вывозите каталку через заднюю дверь.* Карта прочертила маршрут из холла.

Тревога! — вышла на связь Вероника Гуж. *Позиция «двенадцать часов»!*

Фред отскочил в сторону как раз вовремя. Кусок потолка над ним обвалился, и сквозь дыру медленно поплыло к полу дымовое кольцо. Нет, не дымовое, а точно из пара. В полметра шириной, вибрирующее какой-то внутренней силой, оно прорезало в полу правильный овал и ушло вниз.

Срез был чистый, без всяких следов ожога. Плазма? Ядерное оружие? Что бы это ни было, с потолка спускался еще десяток. Коста вскочила на ноги. «Полундра!» — крикнул ей Фред, но опоздал: кольцо село на нее, как на колышек. При попытке отвести его рукой у Коста отлетела кисть. Скафандр тут же заклеил рану санитарной оберткой, а кольцо рассекло Коста по диагонали, от правого плеча до левого бедра. Ее сознание не

поспевало за ситуацией, и на лице застыло такое же изумление, как у девушки в резервуаре. Черный скафандр напрягался, пытаясь ликвидировать травму. Подоспевший Фред схватил ее за руку, и верхняя половина Коста упала ему в объятия. Он подхватил ее, бросив карабин. Нижняя половина стукнулась о его колени.

— Я… я… — пыталась сказать Коста.

Прижимая к себе верх и таща за ногу низ, Фред уворачивался от паровых колец. Фрагменты инспектора в санитарной обертке напоминали упакованное в пластик мясо: ребра, мякоть. Новый разрез пришелся по правой ноге, и ступня с ботинком ухнула в подвал, где шипели по-змеиному, уходя в бетон, кольца.

Чистого пути к выходу не видно, коммандер, снова вышла на связь Вероника. *Ищите укрытие. У вас десять секунд. Повторяю, усиливайте скафандры и ищите укрытие. Десять секунд.*

Фред хотел было сказать, что усиление скафандров от колец не спасет, но тут сообразил, что в укрытие следует уйти от самой Вероники. Кольца струились вниз, как весенний ливень, пол под ногами разваливался. Лампы и кресла с вылезшими пружинами рушились в подвал. Лишь один участок пола оставался сравнительно целым: боебайтор метал свои кольца в обход процедурной каталки. Охраняемый им объект не должен был провалиться вниз, и в радиусе метра от каталки вообще не было дыр.

Фред с верхней половиной Коста понесся к каталке по нетронутой прямой линии, положил верх рядом, вернулся за низом.

Пять секунд, коммандер, предупредила Вероника. На заднем плане слышался вой турбины в ее фургоне.

Нижняя половина лежала, как сброшенные брюки. Фред, держа ее бедрами вниз, добежал до каталки, положил низ рядом с верхом. Нет, не так. Он совместил обе половинки, как полагается, и с грохотом кинулся на пол.

Что-то холодное, вроде пальца, касалось его затылка. Он дернулся, открыл глаза. Ничего не видно.

— Свет, — сказал он, и пространство рядом с ним осветилось. Он лежал на бетоне под металлической крышей. — Кто здесь?

Это Маркус, Фред. Ты на службе. Находишься в подвале дома № 2131 по Лайн-драйв в Декейтере. Несколько минут был без сознания. Твой скафандр докладывает, что ты не ранен. Сориентируйся по карте.

Фред, не двигаясь с места, развернул карту, и все его поле зрения заполнили флажки «убит». Взгляд не фокусировался,

голова чесалась невыносимо. Фред хотел ее поскрести и вспомнил, что он в скафандре. Другое тоже потихоньку припоминалось. Он выполз из-под металлического листа — это было днище каталки. Скафандр осветил наполненное обломками помещение. Фред, повинуясь паническому импульсу, посмотрел вверх. Сквозь разрушенную крышу мирно глядело ночное небо.

Он заново изучил карту. В машине с флажком «убит» лежал джерри, тоже убитый.

— Медпомощь! — закричал Фред.

Прибытие через три минуты, сказал другой ментар.

Ровная линия на мониторе пострадавшего показывала, что он мертв уже пять минут. Еще три, и шансы на спасение будут проблематичны даже для джерри.

На крыльце обозначался треугольником мертвый технос. В этот жилой дом Фред приехал с инспектором по фамилии Коста. В подвале он видел целых пять значков с такой надписью, из них четыре были отмечены как убитые.

Фред выкопал из-под обломков мебели нижнюю часть ее тела. Скафандр уже включил охлаждение. Тут же рядом отыскалась и верхняя часть. Инспектор была без сознания, карта обозначала ее состояние как критическое. Фред вскрыл пакет первой помощи у нее на бедре, в нижней части, выдавил из тюбика криомешок. Развернул его, зарядил, надел на голову раненой и туго обвязал вокруг горла. Она, дернувшись, потянулась к лицу культей левой руки.

— Тихо, инспектор, — сказал Фред. — Это я, коммандер Лонденстейн. Вы ранены, вот я вас и засунул в мешок.

Но она не успокоилась, пока он не развязал и не снял криомешок. Глаза ее беспокойно бегали, оглядывая подвал.

— Мне придется оставить вас, чтобы помочь Михайлову Дню, — сказал Фред. — Мешок я подключу к вашему скафандру, и он заработает только в случае необходимости. — Он снова завязал мешок, невзирая на ее попытки содрать его культей, и вылез из подвала на газон. Неизвестное, но чертовски нелегальное оружие перевозочной фирмы напрочь снесло угол дома. Боебайтор на крыльце превратился в лужу расплавленного металла. Узел в желудке, наличие которого Фред осознал только сейчас, развязался.

Добежав по улице до ДЮОМ, Фред отыскал джерри в почти не поврежденной кабине. Михайлов День на куски не распался, но внутри скафандра был весь расплющен и перемешан с искореженной сталью. Кто-то, однако, уже оказал ему помощь: надутый криомешок на голове джерри весь побелел от инея. Должно хватить до прибытия медиков. Фред осмотрел

раздолбанный корпус ДЮОМ — машину действительно атаковали сверху.

— Вероника Гуж, — позвал он. Она откликнулась сразу, без намеков на огорчение в голосе.

Рада, что вы в порядке, коммандер.

Служебные машины садились вокруг него — на улицу, на газон. Целая орда медиапчел прорвалась сквозь ограждение. Одни тендеры тушили пожар, другие карабкались в дом.

— Похоже, я ваш должник, — сказал Фред. *Только вы? Я насчитала троих.*

— Идет, нас таких трое. — Фред бегом припустил назад к дому. Аварийная тележка в подвале уложила два основных фрагмента Коста в свои боковые карманы. Десятки механических ручонок уже резали черный скафандр и обрабатывали раны. Криомешок остался на голове, но так и не был задействован. Фред махнул на тележку.

— Да, коммандер? — отозвалась та.

— Каково ее состояние?

— Средней тяжести, — ответила тележка или тот, кто ею управлял. — Раны чистые, внутренние органы стабилизированы, мозг функционирует полностью. Мы ее мигом склеим, будет как новенькая. — Тележка закрыла карманы клапанами. — Надо ехать, коммандер.

— Держи меня в курсе.

— Есть! — Тележка полезла к выходу. — И поищите, пожалуйста, три недостающие части, коммандер. Она пробудет в резервуаре намного меньше, если найдете.

У процедурной каталки работали расс и дикарь. Они уже поставили ее на колеса. Каталка, похоже, не потерпела ущерба, если не считать вмятин и отломанных ручек.

— Открываем, — сказал дикарь, но Фред велел им отойти и идентифицироваться. Он предъявил им собственный значок, они в ответ представились как охранник и медтехник клиники Рузвельта. Над каталкой открылась рамка, и к ним присоединился высокий худой человек в белом халате.

— Добрый вечер, коммандер Лонденстейн. Я Консьерж, ментар клиники Рузвельта, а это мои подчиненные. Разрешите им, пожалуйста, продолжить работу. Речь идет о человеческой жизни.

— Да-да, продолжайте, — позволил Фред.

На глазах у него они открыли дверцу каталки. Бак, контроллер и голова как будто не пострадали. Выражение на лице девушки не изменилось, и Фред от души пожелал, чтобы ее скорей разморозили. Медтехник опять закрыл дверцу.

— Вы и ваша команда получите поощрение за проделанную сегодня работу, коммандер, — сказал Консьерж. — А теперь, с вашего позволения, нам нужно успеть многое за очень короткое время.

Эй, кто-нибудь! — глоттировал Фред, подняв руку.

Можете отпустить их, коммандер, сказала Либби. Но он выждал еще немного, давая возможность всем заинтересованным лицам возразить сейчас или сохранить молчание навсегда. Никто больше не откликнулся, и он махнул на каталку. Ментар исчез, двое работников клиники двинулись со своей ношей к лестнице.

Расс, окинув взглядом захламленный подвал, разрушенный салон наверху, похожую на швейцарский сыр крышу, усмехнулся и сказал Фреду:

— То еще дельце.

2.29

Синие — пчела и оса — продолжали нести свою вахту на крыше, через улицу от дома Кодьяков.

— Боже ты мой, — сказала лулу Мариола, уставившись на теленебесный экран. Все, кто был на Палубе, подняли головы. На всех экранах появилось одно и то же похожее на череп лицо. Зрители настроились на теленебесный канал, чтобы послушать этого неизвестного человека.

— Кто-то взломал Теленебо, — недоверчиво произнес Рейли.

Кодьяки у себя на крыше смотрели на это, раскрыв рты от ужаса. Гости-Тобблеры смущенно ерзали на скамейках.

— Как странно, — сказал Эйприл домоправитель Дитер. — Что там делает наш почтенный сосед?

Эйприл молчала, словно немая.

Китти, вбежав в садовый сарай, сбросила с койки одеяла, подушки, конверты.

— Прошу вас, уйдите теперь, — сказала Эйприл домоправителю Тобблеров. — Шоу кончилось.

— Ну что ж. — Дитер встал, стряхнул что-то с комбинезона. — Благодарим за приятный вечер. — Тобблеры потянулись к выходу, не сводя глаз с экранов.

Дитер, шедший последним, углядел отверстие в кирпичной стене у двери.

— Что тут за дырка?

— Где? Не знаю, — сказала Эйприл. — Какое это имеет значение?

— Сейчас я вам покажу какое. — Дитер снял ботинок и грохнул им по стене. Кирпичи полопались, как яичная скорлупа, обнажив пустоту в кладке.

— Что вы делаете? — От сарая к ним бежал Кейл. — Прекратите сейчас же!

— Это не я, — заявил Дитер. — Это пираты, копатели. Скоро наш дом обвалится. Доброй вам ночи, Кодьяки. Завтра обсудим, как с этим быть.

Самсон в небе над ними достал карманный имитрон и приставил его ко лбу.

Палец Самсона дрожал на кнопке. Нет, рано: он еще не все сказал миру. Опустив имитрон, он продолжил:

— *Шестую* причину, по которой мне так не хочется умирать

сегодня, я определил лишь недавно, наблюдая сцену из сериала здесь, на Прыжке Мосби. Жизнь всех нас и этого города — самая настоящая мыльная опера. Вы это когда-нибудь замечали? Мы привыкли жить, нам не терпится посмотреть, что будет в следующей серии. Я, например, сейчас думаю, попаду ли в утренние новости. Сожрут ли МОБИ Чикаго, когда уберут купол. Смотрите нас завтра! Но ведь я, нажав эту кнопку, ничего уже не смогу посмотреть. Это нечестно. Я не узнаю, чем все это кончится. Так не пойдет.

О чем это он? Да, вспомнил. Что-то голова плохо работает. Смотри-ка, синяя пчела прилетела. Ясное дело, Внукор. Сейчас его арестуют. Уродская рожа на экранах держится до сих пор. Ну все, теперь или никогда. Он нащупал кнопку, набрал воздуха в грудь.

Пчела зачем-то открыла рамку, показывающую корпус космического судна с пассажирским иллюминатором. Изображение было плохое и сопровождалось статическим гулом. Знакомая фигура в иллюминаторе приложила ладонь к стеклу.

— Эл, это ты? — сказал Самсон.

Привет, Сэм, ответил едва слышный за помехами голос.

— Я слышал, что ты погибла.

Привет, дорогой. Времени у меня мало, хочу провести его с тобой. Извини за плохую запись. Сигнал импровизированный, ширина полосы недостаточная. Боюсь, диалога у нас не получится, если только Кабинет не припишет что-нибудь после. Одна из густых бровей лукаво выгнулась. Он так любил ее брови. *Отсутствие времени и диапазона — неплохое определение смерти, по-моему.*

— Значит, ты все-таки умерла. — Самсон опустил имитрон. Изображение в рамке мигало, голос пропадал и опять появлялся.

Иначе говоря — пережить и эту, Кабинет говорит, кто-то контролирует — хотела тебе сказать…

— Да? Что сказать?

Я и Элли хотели быть с тобой в твой особый день, но у нас может не получиться. Ты не сказал, зачем мы так срочно тебе нужны, но догадаться нетрудно. Ты хочешь устроить «пресс-конференцию», о которой давно уже говорил — помнишь? Обязательно посмотрю, если будет возможность. Ты произведешь впечатление, я уверена. Впечатлять ты всегда умел. За это я в тебя и влюбилась, мой Сэмсамсон.

В общем, я хотела попрощаться, потому что вряд ли мы ещё увидимся. И Элли передает привет. Она всегда гордилась своим отцом. Всем знакомым говорит, что чувство красивого жеста взяла от тебя.

До свидания, любимый. Ты всегда в моем сердце. Прощай! Я люблю тебя!

Пчела закрыла рамку и улетела.

— Я тоже тебя люблю! — крикнул Самсон ей вслед. — До свидания! До свидания! Люблю по-прежнему! — Темное пространство стадиона поглотило его голос. Всех зрителей эвакуировали. Теленебесные экраны тоже погасли. — Как это мило с ее стороны, — бормотал Самсон. — До свидания. Хьюберт?

Да, Сэм.

— Смотри не забудь сказать, как я их люблю. *Не забуду, Сэм. Кому я должен сказать?*

— Эйприл, Китти, Богги, Расти, Кейлу — да всем. И себе тоже. Не так уж ты плох.

Спасибо, Сэм. Вызвать такси?

— Такси? Зачем?

Самсон снова поднял имитрон. Теперь он как будто бы все сказал, но синяя пчела вернулась и открыла другую рамку. Элинор, такая же молодая и красивая, как в первую их встречу на вечеринке, лучилась счастьем.

Прекрасная новость, Сэм! Элли жива! Кабинет только что узнал о ее прибытии в клинику Рузвельта. Ты помнишь, где это. Пожалуйста, навести ее. Ты нужен своей дочери.

— Похоже, что мы — или Стрела — все-таки наняли расса. — Крошка Ханк закрыл все рамки и скопы в гостиной, включая узольный глобус, а двое арбайторов снова уложили Миви в постель. — Завтра надо будет водворить тебя в старковскую усадьбу.

— Нет, правда?

— Почему бы и нет. Места там много, а мне, честно говоря, не хочется упускать тебя из виду.

Миви откинулся на подушки. Он чувствовал, что долгий сон пойдет ему на пользу, но возбуждение не позволяло закрыть глаза.

— Слушай-ка, Ханк. Ты не доверяешь ни мне, ни рассам, ни правлению ПЗС, а между тем Байрон Фейган, владелец клиники, заседает в правлении.

— Ему я тоже не доверяю, но Элинор, кажется, верила. Кроме того, у Фейгана, похоже, монополия на регенеративные технологии. Альтернативной лечебницы я пока не нашел. *Но ты рассуждаешь здраво,* беззвучно продолжил ментар. *Надо туда отправить своих людей. Проблема в том, что охрана и сестры там уже есть, поэтому ни рассов, ни дженни они со стороны не*

возьмут. Кого еще мы можем внедрить?

— Начинается! — Мэри вышла к друзьям на балкон. В небе вспыхнула белая звезда, за ней красные хризантемы и голубые хвосты ракет. — Что это? — спрашивала она, не зная, радоваться или пугаться.

— Фейерверк! — кричали в ответ другие.

Шипящие искры, пушечная пальба, медведи на задних лапах, тающие, как воск. Первый фейерверк после установки куполов, первый за всю жизнь Мэри.

— Обнимись, Чикаго! — завопили лулу.

Такси Богдана село на транспортный парапет стадиона, отъехало на парковку. Богдан выскочил, и его испугали огни, заполыхавшие наверху. Небо трещало, как лед в бокале, но смотреть было некогда. У пропускных турникетов стояли внукоровские ВОМ.

Богги, сказал Хьюберт, *сейчас же вернись к такси.*

Богдан побежал обратно. Из мрака возник человек — старый, но, видимо, еще крепкий: он даже не запыхался, неся на руках Самсона.

— Ты, наверное, и есть Богдан Кодьяк. — Небо гремело и переливалось над ними. — Давай, сынок, помоги мне засунуть его в машину.

Богдан залез в такси и помог загрузить Самсона, который почти ничего не весил. Тот не шевелился, но глаза у него оставались открытыми.

Усаживая Самсона, Богдан задел его воротник. Там сидел какой-то блестящий технос.

— Думаю, это его пчела, — сказал человек, принесший Самсона. — Он все время с ней говорил. До свидания, мар Харджер-Кодьяк, — добавил он, поправив Самсону лацкан. — Знакомство с вами было для меня честью. Всего вам наилучшего.

Самсон смотрел на него пустыми глазами. Человек захлопнул дверцу, постучал по крыше и отошел.

На полпути к дому Самсон попытался сесть прямо.

— Спокойно, Сэм. — Богдан, который как раз звонил Эйприл, положил руку ему на плечо.

— Богги?

— Да, Сэм, это я. Везу тебя домой.

— Нет, не домой. В клинику Рузвельта.

— Не слушай его, — сказала Эйприл по телефону. — Вези прямо сюда.

* * *

— Удивительно. — Огромный город раскинулся перед Фредом, как сверкающий остров. Расс позаимствовал машину, чтобы доехать домой, но доступ в городскую сеть был закрыт до окончания церемонии, и он поднялся в парковочную петлю, откуда все видел как на ладони. — Глянь-ка туда.

— Куда? Куда? — волновалась Мэри. Они открыли общую рамку, и он мог видеть почти всех собравшихся на Палубе. Хлопали пробки шампанского, слезы струились по лицам. Долгий поход их поколения завершился, и Фред окончательно выбился из сил.

Зато Мэри сияла ярче, чем фейерверк. Фред чувствовал, что у нее какая-то новость, но ждал, пока она скажет сама.

— Фред, я десять минут назад получила почту. У меня есть работа!

— Так это же здорово!

— Настоящая! Место компаньонки! — Мэри больше не могла сдерживаться. — Начинаю завтра, прямо с утра. Это на территории штата, в клинике Рузвельта. Две недели на полной евангелинской ставке, с возможностью продления.

— Здорово, — повторял Фред, когда она останавливалась перевести дух.

— Фред! Что-то не так?

Края купола загорелись магнетическим огнем, и своды невидимого покрытия впервые стали видны. Чикаго преобразился в призрачный собор с кровлей из больших шестиугольных ячеек. Места их пересечения пылали ярко-белым пламенем.

Самый большой свод пришелся над крышей гигабашни, откуда смотрела Мэри. Купол с громким шипением рухнул по всему своему диаметру, и пепел, как снег, стал падать на дрожащую евангелину.

Часть 3
ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Вторник
3.1

Эйприл Кодьяк удалось все-таки подежурить при Самсоне. Богдан позвонил ей из такси, и она побежала наверх поделиться новостью. Несколько софамильников все еще сидели на крыше, глядя в небеса. Когда экраны погасли и защитный купол сгорел дотла, небом завладела Луна.

— Богги с ним! — воскликнула Эйприл. — Везет его домой! Все в порядке!

Чартисты словно от сна пробудились.

— Я застелю ему койку. — Кейл встал с шезлонга и затопал к сараю.

— Надо еще принести одеяла, — захлопотала Эйприл, — приготовить кашу и сок. — Меган и Би-Джи она отправила будить тех, кто уже пошел спать, Денни — встречать такси на улице.

Кейл собрал и сложил на рассадный стол конверты с надписанными рукой Самсона именами всех Кодьяков. Койку он вынес в огород, а Эйприл расставила вокруг нее скамейки и стулья. Когда Денни взобрался на крышу с невесомым Самсоном на руках, все было готово. Старика уложили, укутали, вставили ему в ухо автодок. Самсон подавал очень слабые признаки жизни.

— Теперь уж недолго, — шепнула Эйприл.

— А почему у него глаза открыты так широко? — спросила Китти.

— «Бодрости» наглотался, — сказал Богдан.

По совету автодока на горло Самсону прилепили наклейку «Спокойствия». Вскоре его веки смежились, и он захрапел. Софамильники, рассевшиеся вокруг, боролись со сном. Кейл, видя это, раздал всем конверты, и Кодьяки, передавая друг другу фонарик, занялись чтением прощальных посланий Самсона. Потом взялись за руки и спели пару чартерных гимнов. Потом начали вспоминать о своем первом знакомстве с Самсоном, о том, как жили с ним рядом все эти годы. Потом стали поочередно подходить к койке, целовать Самсона в горячую щеку и шептать ему что-то на ухо.

Богдан, когда подошла его очередь, присел на край койки. Что бы такое сказать? Он был совсем малышом, когда Самсон вступил в чартер, поэтому проблемная ДНК Самсона не вошла в его сборный геном. Да и не могла войти после прижигания. Но и без кровных уз он все равно ближе Самсону, чем любой другой софамильник. Богдан прилег рядом со стариком и стал слушать,

как тот со свистом дышит сквозь щели в зубах.

Эйприл вскоре потянула Богдана за рукав и велела ложиться спать, как и всем остальным.

— График дежурств найдете в домпьютере. Мы позовем вас, если будут какие-то перемены. — Большинство чартистов, однако, решили остаться. Богдан тоже — все равно уже скоро на работу вставать.

Кейл и Джералд отошли к камере, установленной на стене дома.

— Хьюберт, слышишь меня? — спросил Кейл.

— Прекрасно слышу.

— Почему ты позволил ему сделать такую глупость?

— А как я, по-вашему, мог ему помешать?

— Ты со мной таким тоном не разговаривай! — рявкнул Кейл.

— Каким? Это мой стандартный тон, разговорный.

— Почему ты ему помогал — вот что хотел узнать Кейл, — вставил Джералд. — Ты принимал активное участие в этой его затее.

— Да, принимал. Я *его* ментар.

— Опять этот наглый тон, — сказал Кейл, а Джералд добавил:

— То, что ты сделал с Теленебом, противоречит закону, Хьюберт. Это даже ментар понимать должен. Ты нарушил законопослушность нашего чартера и рискнул собственной свободой.

— За мою свободу не беспокойтесь. Выследить меня они нипочем не сумеют.

В этот момент крышу осветили прожекторы, и чей-то голос сказал:

— Спокойно, ребята. — Голос принадлежал джерри, и какие-то темные фигуры высаживались из зависших над крышей машин. — Внутренний Корпус. Всем оставаться на местах.

Сонные Кодьяки, окруженные офицерами в черных скафандрах, разом пробудились. Расти и Луис вскочили, но внукоровцы наставили на них смирительные жезлы, приказывая сесть на места.

— Что это значит? — закричал Кейл.

— Лейтенант Гриб, Северо- Восточное отделение Внутреннего Корпуса, — представился командир-джерри, раскрыв ладонь, — а это мой ордер. Ордер, мар, — повторил он, не дождавшись ответного взмаха со стороны Кейла.

— Ордер так ордер. У меня нет ладонника.

— Странно. — Пчела, вылетевшая из ближайшей машины,

открыла перед Кейлом рамку с ордером на арест Самсона П. Харджера-Кодьяка. Другой офицер двинулся к койке Самсона, но Китти преградила ему дорогу.

— Отойдите, мар ретродевочка, — приказал офицер. Китти не отошла.

— Не видите разве, он умирает, — вступилась Эйприл.

— В сторону! — гаркнул офицер. Женщины не подчинились. Тогда он попросту растолкал их и подошел к Самсону. — Бог ты мой, ну и вонь! Он, как я погляжу, уже помер.

— Он обожженный, потому и воняет, — объяснил командир.

— Говорю тебе, помер он.

Командир вставил свой автодок рядом с тем, что уже торчал из уха Самсона, и объявил Кодьякам:

— Я получил новый приказ. Этот человек помещается под домашний арест. Он не должен покидать этот дом без разрешения, ясно?

— Да, — ответила Эйприл.

— Эта пчела останется здесь в качестве официального монитора. Переходим ко второму пункту.

Пчела, открыв другую страницу, предъявила ордер на обыск дома и арест ментара по имени Хьюберт. Внукоровцы направились к двери на лестницу.

— Нет! Не надо! — Кейл бросился им наперерез. — Хьюберт — самое ценное наше имущество.

Командир плюнул на крышу.

— Наше терпение имеет пределы, мар. — Двое полицейских тут же сковали Кейлу руки и выпихнули его на лестницу впереди себя. — Еще кому-нибудь не терпится провести ночь в тюрьме? Сидите-ка лучше на крыше и не мешайте нам.

Чартисты на некоторое время вняли совету, но потом Китти сказала:

— Эти ублюдки сейчас в моей комнате. — Она пошла вниз, Эйприл за ней. Богдан посмотрел на Расти. Тот пожал плечами, и они вдвоем тоже спустились по лестнице, но дошли только до коридора у комнаты Богдана. Двое внукоровцев, пользуясь визорами, смотрели сквозь кирпичную стену.

— Эй, пацан, что ты тут держишь? — спросил один.

— Ничего, — сказал Богдан. — Это машинное отделение лифта.

— Да ну? С такой-то дверью?

— Да, дверь надежная, — гордо ответил Богдан. — Придется вам поверить мне на слово, потому что без меня вы туда не войдете.

Но внукоровец произнес:

— Подтверди получение. — И махнул ладонью на дверь.

— Добро пожаловать, офицеры, — сказала она и тут же открыла свои замки.

— Сукин сын, — выругался Богдан.

— Не повезло, — посочувствовал Расти.

Внукоровцы вошли в комнату Богдана, а его самого не пустили. Богдан и Расти смотрели из коридора, как те обшаривают своими нюхачами все подряд.

— Ничего, кроме механики, — сказал один, выходя.

— А я вам что говорил? — начал Богдан, но Расти ткнул его в бок.

Внукоровцы удалились по коридору, продолжая сканировать.

Богдан хотел закрыть дверь, но сзади неожиданно подошли четверо Тобблеров.

— Доброе утро, мар Богдан. Доброе утро, мар Расти, — сказал Дитер.

Богдан ринулся вперед и попытался захлопнуть дверь, но один Тобблер без труда удержал ее, а другие достали из карманов гаечные ключи и принялись отвинчивать петли.

— Прекратите! — заорал Богдан. — Вы не имеете права!

— Не имеем? — огрызнулся Дитер. — У вас хватает наглости говорить мне это после двух лет пользования нашей комнатой? Я вам покажу право. — Он вошел и начал выкидывать шмотки Богдана в коридор.

— Может, остановишь их? — взмолился Богдан. Расти оценил ситуацию.

— Я вообще-то могу их сделать, всех четырех. Хочешь, попробую?

Богдан рылся в куче своих пожитков, выискивая самое ценное.

— Ну и ночка выдалась, — сказал Расти. — Давай оттащим матрас ко мне в комнату. Поживешь пока у меня.

Богдан, несмотря на все ночные переживания, начинал клевать носом. Он спустился в «Микросекунду» за восьмичасовой дозой «Бодрости» и посмотрел, как внукоровцы тащат вниз ящик с канистрой Хьюберта. Ментара погрузили в одну ВОМ, Кейла в другую. Расти и Луис поехали следом на такси — внести залог за домоправителя. Было всего три часа, но Богдан решил, что можно уже двигать на работу. Однако сначала надо попрощаться с Самсоном — вдруг старикан не доживет до вечера. Он снова поднялся на крышу. Дом после драматических событий погрузился в мертвую тишину.

Его любимая дверь, снятая с петель, лежала посреди

коридора. Богдан, переступив через нее с болью в сердце, заглянул в свою комнату, два здоровенных молодых Тобблера, сидя за складным столиком у кабельного барабана, зевали и сонно шлепали картами.

На крыше осталось совсем мало Кодьяков. Но Самсон не спал, и Меган с Китти кормили его.

— Мы его помыли, — сказала Китти. — Сменили одежду, сняли старую мастику. Вот он и проснулся.

— Привет, Сэм, — сказал Богдан.

Старик сосредоточенно жевал кашу, и Богдан сел рядом с Денни.

— Страшно было видеть его там, на небе, — сказал тот. — Да.

— Я прямо перенервничал. Зря это он. — Да.

На полу валялись ошметки вчерашнего Самсонова скафа. Богдан поднял его, осмотрел лацканы. Синего техноса там больше не было.

— Китти, вы на Самсоне никаких техносов не нашли?

— Нет. — Она показала на парившую над крышей внукоровскую пчелу. — Кроме этой, не видели ни одного.

Тот, синий, мог запросто спрятаться где-то под листьями.

— Хьюберт, — позвал Богдан, взяв в руки пояс Самсона.

— Я не Хьюберт, — ответил пояс. — Я терминал Хьюберта с ограниченными личностными свойствами и номинальным запасом знаний. Контакт с Хьюбертом — прим я потерял сегодня в 2.21.

— Твое счастье. — Богдан бросил пояс и сказал Денни: — Видал, как Кейл полез в драку за Хьюберта? Вот не думал, что он так любит пастовика. Чего ты? — спросил он, поймав оценивающий взгляд Китти, но та уже отвернулась и вытирала Самсону слюни. — Что там такое с Кейлом и Хьюбертом?

— Богги, ты? — прошамкал старик. — Поди сюда, я тебе что-то скажу.

Меган и Китти убрали поднос, губки, щетки. Богдан сел на койку, взял Самсона за руку.

— Сегодня я узнал кое-что, парень.

— Да, наверное.

— Я узнал, что трудно убить себя, когда на самом-то деле тебе хочется жить.

— Я тебе мог сразу это сказать.

— Правда? — Глаза Самсона пытались сфокусироваться на мальчишеском лице. — Не думаю, Богги. Ты даже повзрослеть пока не сумел — что ты знаешь о смерти?

3.2

Мэри казалось, что Фред радуется ее новому назначению не так сильно, как хотелось бы ей. Когда купол сгорел и светящийся пепел осыпался вниз, она сразу отправилась домой, чтобы подготовиться к долгожданной работе. Заказала красивый сине-коричневый комплект (не форму — евангелины форму не носят), изучила расписание поездов, отыскала все, что имелось на ВДО относительно клиники Рузвельта. Информация оказалась немногочисленной: эксклюзивная лечебница для аффов чуралась рекламы.

Фред приплелся около двух, вымотанный еще больше, чем вечером. Он хотел отметить радостное событие, но Мэри наладила его прямиком под душ, уложила в постель и полежала рядом, пока он не уснул. Это произошло быстро, но когда она встала, он заворочался и сказал:

— Будь осторожна.

— Что-что? — Он не ответил — во сне говорил, должно быть.

В пять утра, перед выходом, Мэри рассмотрела себя, поворачивая зеркало на все 360 градусов. Выбранный ею костюм выглядел вполне по-деловому и при этом очень ей шел. Лицо выражало внимание, дружелюбие и заботу. Большие карие глаза смотрели тепло, но проницательно. В самый раз для роли успешной евангелины.

В левом нижнем углу зеркала замигал символ срочного почтового сообщения, и у Мэри екнуло сердце. Так она и знала. Слишком это хорошо, чтобы быть правдой. В последний момент ее раздумали брать на работу.

Снедаемая жалостью к себе, она на цыпочках прошла мимо спящего Фреда в гостиную, к экрану, настроенному на окно чьей-то чужой квартиры. Открыла почту, поискала глазами ключевые слова «отменяется», «сожалеем», «ошибка».

Немного успокоилась, не найдя таковых, и стала читать по порядку.

Нет, никаких отмен, благодарение небу. Ее просто извещали об инструктаже, который будет проведен в клинике. Прекрасно. Она записала на ладонь нужные сведения и вышла из дому.

Коридоры и лифты жил блока 7 заполняли десятки тысяч Полезных Людей, работающих в утреннюю смену. В сине-коричневом море мелькали лица елен, стивов, изабелл, дженни — множества дженни. Этого времени дня Мэри всегда боялась больше всего: толпы идущих на работу счастливцев надрывали ей

сердце. Но сегодня все было по-другому. Ее волнение, вероятно, бросалось в глаза, потому что совершенно незнакомые люди улыбались и спрашивали:

— Доброе утро, мар лина, на работу идете?

— Хей-хо! — отвечала она.

Народу на станции Слипстрима прибывало ежеминутно. Ожидание в очереди на посадку угрожало растянуться на полчаса. Мэри это не пугало: она принимала в расчет такого рода задержки. Но когда она ввела в окошко кондуктора полученные по почте координаты, тот, к удивлению Мэри, направил ее на дальнюю платформу для частного транспорта. С восторгом сознавая, что все взгляды устремлены на нее, Мэри вышла из очереди и нашла на указанной платформе кабину, которая ждала только ее. Не какая-нибудь бусина — большое купе с плюшевым сиденьем, полным медиадоступом, закусочным баром и собственным арбайтором. Мэри пристегнулась, и кабина бесшумно заскользила к пусковому пандусу.

Полчаса спустя она сбросила скорость и выкатилась на пустую платформу маленькой станции. Мэри видела в окошко мраморный пол и закругленные стены из светлых известняковых блоков. Кабина плавно затормозила, двери открылись. Мэри никто не встречал, на станции не было ни надписей, ни киосков — она понятия не имела, где оказалась. Вспомнив о предостережении Фреда, она побоялась выходить, но потом взяла себя в руки.

В этот самый момент на перроне припарковалась другая кабина, такая же, и из нее появилась другая евангелина.

— Мэри Скарленд, — представилась Мэри, протянув руку.

— Очень приятно. Рената Картер. — Несколько ширококостная и полная в талии для евангелины, она, тем не менее, укладывалась в типажные нормы. — Мы должны ждать здесь или идти дальше сами? — спросила Рената, нервно пожав руку Мэри.

— Понятия не имею, — засмеялась та, почувствовав рядом родную душу. — Приехала за минуту до вас.

Тут из лифта на перроне, как по сигналу, выкатился домашний арбайтор. Подъехал к ним, открыл над собой скоп с человечком, одетым в одну только набедренную повязку из шкуры какого-то зверя. Голова у него казалась слишком маленькой по сравнению с телом, на лице выделялись надбровные дуги и тяжелая челюсть.

— Доброе утро. — Он поклонился каждой евангелине поочередно. — Приветствую вас в усадьбе Старков.

Старк! Это громкое имя вчера поминалось во всех новостях.

— Вижу по вашей реакции, что вам известно, какая трагедия произошла в нашей семье. Это сэкономит нам время. Элинор Старк действительно скончалась, как сообщили вам медиа, но ее дочь Эллен пережила катастрофу. Она и есть ваша новая клиентка, а я Крошка Ханк, ее ментар и ваш начальник.

Всего он нанял восемь евангелин, сказал человечек, поскольку дежурить предстоит круглосуточно. Смены как в начале, так и в конце накладываются одна на другую, поэтому два часа из восьми они будут проводить вчетвером.

— Наденьте, пожалуйста, это, — попросил он, и арбайтор подал им бежевые шапочки-таблетки. При взгляде на Ренату Мэри стало ясно, как смешно эта штука смотрится на ее собственной голове. Рената кокетливо сдвинула свою шапочку набок. Мэри отнеслась к этому одобрительно и сделала то же самое.

— Отлично, — сказал Крошка Ханк. — Моя первая попытка в области высокой моды увенчалась успехом. А теперь послушайте самое главное. Во-первых, вы должны надевать эти шапочки *до входа* на территорию клиники и не снимать их ни под каким видом, пока вы оттуда не выйдете. Ясно?

Евангелины кивнули.

— Второе и не менее важное: ни на секунду не оставляйте Эллен одну. Именно по этой причине вы дежурите парами. Распределите свои перерывы так, чтобы одна из вас постоянно находилась при Эллен. Ее поместили в коттедже с садом. Коттедж и сад можете считать одним помещением. Это значит, что по крайней мере одна из вас все время должна быть в доме или в саду. Никаких исключений, никаких оправданий. Ясно?

— Но что, если сама мар Старк покинет коттедж? — спросила Рената.

— Не покинет.

— А если мар Старк попросит нас уйти? — спросила Мэри.

— Не попросит. Евангелины переглянулись.

— Предупреждаю, что буду следить за вами, — продолжал Крошка Ханк, — и выходить на связь в конце каждой смены. Теперь прошу сесть в головную кабину, которая вас доставит в Восточный Декейтер, где будет ждать лимузин. У меня все. — Скоп закрылся, арбайтор уехал.

Лимузин сел и по кирпичной дорожке подъехал к воротам. Клиника Рузвельта снаружи походила на крепость. Евангелины приблизились к окошку в больших пресс-воротах, показали ладони охраннику-джерри.

— Вас ждут, проходите. — В воротах из сжатого воздуха

открылась щель, в которую мог пройти только один человек. По ту сторону стояли два джерри, вооруженные и крайне официальные. Их голоса гулко звучали в большом бетонированном отсеке. Пахло здесь почему-то чесноком.

— Сюда, — сказал один из охранников, показывая на сканер для пешеходов. Евангелины гуськом двинулись через длинный туннель, останавливаясь там, где требовалось плюнуть, посмотреть в щелку, подвергнуться обыску и противорадиационной обработке. Мэри редко доводилось видеть такие скрупулезные сканеры.

В средней части пропускного пункта их встретил еще один джерри.

— Подождем ваших результатов, — сказал он. Здесь стояли эпоксидно-клинкерные барьеры от пола до потолка. Любое транспортное средство, въезжавшее в клинику, должно было выполнить сложный поворот, чтобы их объехать. — Извините, лины, это придется снять. — Джерри похлопал себя по макушке.

В нормальных обстоятельствах Мэри бы подчинилась без разговоров, но инструкции Крошки Ханка были еще свежи в ее памяти.

— Извините, мар джерри, но мы не можем.

— Вы получите их назад, когда будете уходить.

Лины, однако, не сняли шапочки. Джерри велел им стать в нарисованный на бетонном полу квадрат с надписью ЖДИТЕ ЗДЕСЬ, а сам нырнул в контрольную будку.

— Интересно, кто главнее — Старк или Рузвельт? — сказала Рената.

Джерри, выйдя, махнул рукой — проходите, мол, дальше. Старк пересилила Рузвельта.

Внутренние ворота, как и внешние, представляли собой стену сжатого под высоким давлением воздуха. Прежде чем пройти через них, евангелинам пришлось постоять в другом квадрате ЖДИТЕ ЗДЕСЬ вместе с дюжиной служащих клиники. Здесь охранником был расс. Мэри его не знала, однако он дружески подмигнул им с Ренатой.

— Я слышал, они приняли целую кучу лин. Поздравляю. Добро пожаловать в клинику Рузвельта.

Настоящий расс. Евангелины сказали ему «спасибо».

Подошли еще несколько итерантов, в основном джоны и джейн в рабочей одежде. Расс опустил пресс-барьер. Сжатый воздух схлынул, как вода, и все наконец прошли в клинику. За воротами лежала мощенная булыжником площадь, ее окружал лесопарк с многочисленными дорожками.

— Доброе утро всем, — сердечно приветствовал вошедших

высокий мужчина в длинном белом халате. — Это клиника Рузвельта, собственность концерна «Фейган хелс груп», а я Консьерж, ментар концерна и ваш начальник. Поскольку все вы у нас впервые, я провожу вас к рабочим местам, а попутно мы сориентируемся на местности. Разбейтесь, пожалуйста, на группы по видам работ: домашняя обслуга, уборщики территории и так далее.

Когда группы сформировались, на площадь из парка вышли еще пять Консьержей, идентичных первому. Группа Мэри и Ренаты состояла только из них двоих.

— Рад познакомиться с вами, Мэри Скарленд и Рената Картер, — с легким поклоном сказал их персональный гид. — Время до начала вашей смены еще есть, поэтому я хотел бы провести небольшую экскурсию по нашему городку. Что скажете?

Евангелины с готовностью согласились, и он повел их по одной из дорожек.

Это была богатая клиника — шестьсот акров парка, полей и лугов, сверкающие пруды, цветники. Здания, в основном одно- и двухэтажные, каменные или кирпичные, были выдержаны в стиле сельской Англии девятнадцатого века. Почти все они скрывались за пышной листвой, позволяя только гадать о своем назначении. Вот здесь известный ресторан, объяснял Консьерж, здесь физиотерапевтический корпус, театр, столовая для персонала, конюшни, лодочная пристань. Им встречались пациенты, которые прогуливались или загорали на зеленых лужайках — все без исключения в сопровождении медсестер-дженни. Консьерж, к каждому обращаясь по имени, желал гостям приятного дня. Одни его полностью игнорировали, другие коротко кивали или бурчали что-то в ответ, как будто ментар был обыкновенным служителем (так оно, в общем, и есть, рассудила Мэри). Но обаяние Консьержа не истощалось, и Мэри, находившая большинство ментаров чопорными и глупыми, волей-неволей ему поддалась. Это вам не пещерный человек с повязкой на чреслах.

Вот только запахи здесь были какие-то странные. На ПП пахло чесноком, на площади дровяным дымом, на дорожке свежевыпеченным хлебом.

— А-а, — ответил Консьерж на вопрос Мэри. — Через некоторое время это перестаешь замечать. Так работают наши ароматические часы. Через каждые пятнадцать минут специальные генераторы, расставленные по всему кампусу, подают новый запах, один и тот же для определенного времени дня. — Он махнул, снабдив евангелии расписанием. — Еще пара дней, и вы даже во сне будете знать, который теперь час. Это придумано для удобства пациентов — ведь большинство из них

постоянно лежит в скоп-камерах, где чувство времени очень просто утратить. Ароматические часы помогают им держать связь с реальностью, даже когда они виртуально путешествуют по другим континентам. Мы установили — это особенно важно в случае вашей клиентки, — что даже в глубокой коме человек способен воспринимать окружающие его запахи. («Кома?» — переглянулись евангелины). — Благодаря их перемене он подсознательно ориентируется во времени, что очень положительно влияет на его мозг. Доказано, что при такой терапии пациент приходит в сознание намного быстрее.

— Очень уж они вкусные, ваши запахи, — сказала Рената, вдыхая аромат горячего хлеба.

— Это Минеральная, — сказал Консьерж, сворачивая на тенистую тропку. — Южные ворота, через которые вы вошли, вон за той рощицей. По дороге сюда мы сделали круг. — Мощеные боковые аллейки обозначались вывесками старинного образца: Яшма, Кварц, Слюда, Роговая Обманка. — В этих коттеджах живут наши гости, — объяснил ментар. — А вот и Полевой Шпат, временная резиденция мар Эллен Старк.

С одной стороны аллеи, ведущей к коттеджу Полевой Шпат, росли розовые кусты в полном цвету. Аромат роз смешивался с запахом новой четверти часа — свежезаваренным кофе.

Коттедж был оштукатуренный, с крутой крышей и ярко-желтой входной дверью из простого дерева. Внутри помещалась единственная комната, скупо обставленная, одна половина чуть выше другой. Вместо потолка над головой поднимались обтесанные вручную стропила. Все окна стояли открытые, кружевные занавески шевелил легкий ветерок. Две дежурные евангелины поздоровались с Ренатой и Мэри.

— Оставляю вас с вашими коллегами, — сказал Консьерж, не заходя в дом. — Не стесняйтесь задавать вопросы или высказывать то, что вас беспокоит. Я всегда на связи.

Ночная смена познакомилась с утренней. Мэри заметила, что у ночных евангелии шапочек нет.

— А теперь познакомьтесь с мар Старк, — сказала одна из них, Синди.

В верхней части комнаты стояла высокая глассиновая колонка. Ее наполняла густая янтарная жидкость, вся пронизанная мелкими пузырьками. В середине виднелся хромовый брус с висящим на нем человеческим черепом.

— Осторожно, ступенька, — предупредила Синди, ведя новеньких к резервуару. Череп удерживал на месте металлический обруч с длинными, входящими в кость винтами.

Кожа, веки и губы отсутствовали. Выпученные глаза безжизненно стояли в глазницах. Трех передних зубов недоставало, вместо них торчали какие-то трубки. Другие трубки и провода входили в череп сквозь естественные и просверленные специально отверстия.

— Мар Старк, позвольте представить вам Мэри Скарленд и Ренату Картер, — произнесла Синди. — Примерно через час они сменят меня и Ронни.

Мэри, повинуясь выжидательному взгляду Синди, сказала:

— Доброе утро, мар Старк. — Череп не проявил никакой реакции, и она, покосившись на Синди, добавила: — Мы с Ренатой составим вам компанию, когда Синди и Ронни придет пора уходить.

Больше никто не нашел, что сказать. Евангелины придвинули к резервуару еще два стула и сели.

— Вам тоже устраивали экскурсию? — спросила Рената.

— Время не позволяло, — ответила Ронни. — Нас подняли среди ночи. — Вот, наверное, почему им не успели дать шапочки.

— Прекрасная лечебница, — заметила Рената. — Столько дженни.

Типичный разговор между линами, подумала Мэри. Ясно, что в медицинском учреждении много дженни. Кроме того, тут лечатся аффы, не знающие, куда им время девать. Если где-то и нужны компаньонки, так это здесь.

— Погодите, скоро мы мар Старк на кресле катать будем, — сказала она.

Все закивали. Им только и нужно, что пара видных клиентов, а заметнее Старк не найти никого. До прогулок на кресле мар Старк явно было далековато, но все четыре компаньонки с пугающей ясностью сознавали, что эта работа имеет огромное значение не только для них, но и для всего их несчастливого типажа.

— Консьерж одолжил мне и Синди учебник ревивификации, [2] — сообщила Ронни. — Я сделаю вам копию, если хотите. — Мэри и Рената выставили ладони. — Очень познавательно, но неплохо бы иметь кое-какие альфы. — Значит, Ронни и Синди уже просмотрели материал и ничегошеньки в нем не поняли. Мэри, однако, решила попробовать или поискать на ВДО курс попроще.

— Мы передадим это нашим сменщицам, — пообещала она. «Если мы, евангелины, хотим закрепиться в этой клинике, — означали ее слова, — надо наладить какой-то канал связи с другими сестрами». Четыре новые сотрудницы заулыбались. Правильно разыграв свои карты, они подготовят в «Фейган Хелс Груп» солидный плацдарм для сотен, если не тысяч, евангелии.

Дженни в форме медсестры влетела в коттедж и окинула взглядом всех четверых.

— Что это у вас, слет? Евангелины поднялись, как одна.

— Нет, мар дженни, — ответила Синди, — наши смены перекрываются.

— Сидите, — бросила медсестра, — тут перед дженни никто не встает. Эй там, внутри, — постучала она по стенке резервуара. — У нас впереди долгий день, мар Старк. Я Хэтти Бекеридж, ваша старшая сиделка. — Она провела рукой вправо-влево перед глазами черепа, которые никак на это не среагировали. — Старшая, понимаете?

Хэтти стала нажимать кнопки на панели управления резервуара, пролистывая страницы с медицинскими данными.

— Не вижу необходимости нанимать компаньонок на этой стадии лечения, — говорила одновременно она, — особенно в таком количестве. Но раз уж вы здесь, можете заняться чем-то полезным. Наша гостья, как видите, еще не очнулась. Это неудивительно, учитывая травму, пережитую ею. Однако мы стабилизировали ее, и ее состояние, в свете всех обстоятельств, не является угрожающим. Запущенные в ее череп жучки, а их около миллиарда, занимаются томографией. К концу дня уже должно начаться какое-то движение. Подойдите сюда, посмотрите.

Евангелины подошли, и Хэтти открыла им модель мозга Старк — больше натуральной величины. На разных участках его сморщенной поверхности переливались волны синего света.

— Это простая энцефалограмма корковой деятельности. Обратите внимание, как медленно она протекает. Около двух герц — типичная дельта волновая частота. У большинства людей мозг так работает во время нормального сна. Но в здоровом мозге волна проходит по всей поверхности, а не местами, как здесь. Такой «островной» эффект вызван неравномерным оттаиванием: мозг, подвергшийся заморозке, приходит в сознание по частям. Одни участки работают, другие пока еще нет. Пациент при этом чувствует себя просто ужасно. Обрывки мыслей и воспоминаний, по всей вероятности, сливаются для мар Старк в кошмарный сон, от которого она не может проснуться. Но это ненадолго, мар Старк, — добавила она, обращаясь к черепу. — Вы просто чудо как хорошо оттаиваете. В общем, мы стараемся подавлять побочные эффекты насколько возможно, чтобы сенсорные пути быстрее восстановились. Как раз в этом вы можете нам помочь.

— Скажите только, что нужно делать! — воскликнула Сидни.

— Мы всегда исходим из предположения, что пациент способен видеть, слышать и обонять то, что его окружает.

Говорите с ней, показывайте ей разные вещи, пойте — словом, делайте все, что может вызвать ее интерес. Евангелин, думаю, этому учить не надо, — усмехнулась Хэтти. — Ну, мне пора. Модель я не убираю. Скоро придет медтехник. До скорого свидания, мар Старк, оставляю вас с вашими компаньонками.

Четвертушки сосновой смолы, клюквы, попкорна и спелых бананов пролетели быстро. Евангелины, сменяясь поочередно, рассказывали Старк, кто они, откуда, какие у них мужья, какие квартиры — рассказывали все, что в голову приходило. Когда смена Синди и Ронни закончилась, четырем компаньонкам стало казаться, будто они знали друг друга всю жизнь. Ронни с Ренатой даже вспомнили, что вместе учились в евангелинской школе.

Мэри и Рената, оставшись с клиенткой одни, пытались подобрать новую тему для разговора. Рената жила не в Чикаго, поэтому Мэри рассказала ей и черепу про ночную церемонию ликвидации купола, про избиение слизней, про сумасшедшего в Теленебе и, конечно, про фейерверк. Петь они не пели, поскольку евангелинам это не свойственно, но Мэри показала Ренате и черепу, как танцевать шимми. Медтехник со своей тележкой, к счастью, пришел до того, как они выдохлись окончательно.

Не обращая внимания на евангелин, он прошел прямо к пульту управления и выключил модель мозга. Потом взял с тележки два пакета, распаковал их и влез по лесенке, приделанной к баку сзади. В пакетах были катушки — одна с серебряной нитью, другая с узкой белесой тесьмой. Техник, все также молча, вставил их в контейнер на крышке бака. Он тоже носил больничную форму, но куртка на нем в отличие от Хэтти была красновато-коричневая. Согласно именной табличке, его звали Мэтт.

Он не принадлежал ник одному из знакомых Мэри клоновых типажей — следовательно, был дикарем. Возможно, чартистом, судя по недружелюбному поведению.

Когда он продиктовал что-то пульту управления, контейнер с катушками опустился в резервуар. Два пальца-манипулятора подхватили концы нитей и стали пришивать их к верхушке черепа.

— Это что? — не справившись с любопытством, спросила Мэри.

Мэтт коротко глянул на нее и опять отвернулся.

— Нервы и вены, — сказал приятный голосе порога, и Консьерж вошел в комнату. — А это Мэтт Кобурн, медтехник-3, один из лучших наших специалистов. Поздоровайся с дамами, Мэтт.

— Предпочитаю, чтобы меня звали Кобурн, — ответил тот.

— Мэтт вводит нервную и сосудистую ткань, взятую из собственного банка мар Старк, — продолжал Консьерж. — Завтра начнем наслаивать мышцы, а затем покроем весь череп кожей.

— Как интересно, — сказала Мэри. — Вы… э-э… всю ее хотите собрать из имеющихся в запасе деталей?

— Мы могли бы избрать такой путь, если бы тело пострадало только частично — но когда оно отсутствует полностью, лучше растить его с зачаточной стадии. Так получается даже быстрее, и о несовместимости можно не беспокоиться. Присмотритесь к основанию черепа мар Старк, и вы увидите, что мы уже начали этот процесс.

Мэри видела там только густую тонкую сетку.

— Посмотрите сзади, там лучше видно.

Мэри и Рената обошли бак. В жидкости, связанный с черепом множеством нитей, плавал крошечный человеческий эмбрион. Безголовый — нет, очень головастый, вернее. Крошечный красный узелок, видимый сквозь прозрачную кожу, бился, разгоняя по тельцу кровь.

— На креветку похоже, — сказала Рената.

— Да, вероятно, — согласился Консьерж. — Пройдет некоторое время, прежде чем креветка сможет удержать на себе эту голову. *К сожалению, дела у мар Старк не столь хороши, как следовало бы ожидать,* субвокально добавил ментар.

Он грустно улыбнулся, встретив испуганный взгляд Мэри. Затем снова вышел вперед и сказал весело:

— Вы не успеете оглянуться, как мы вас достанем оттуда, мар Старк.

3.3

Этот день у Фреда был выходной, и он мог бы спать сколько влезет, но рассы органически не способны спать больше нормы, поэтому он, как обычно, проснулся в шесть. Мэри уже ушла, и он повалялся немного, позволяя мыслям блуждать по минному полю приобретенных недавно забот. Почувствовав запах заказанного им кофе, Фред откинул простыню и прошлепал на кухню. Кофе он пил в гостиной, глядя на вид из чужого окна. Но заботы не оставляли его в покое, и он сделал то, что часто делают рассы, желая взять судьбу в свои руки, — то есть составил список.

1. Мэри. Кабинет.
2. Съезд.
3. Клоновый износ.

Пронумеровав свои заботы, Фред почувствовал себя лучше. Каждому рассу известно, как поднимает настроение правильно составленный список. Он разгоняет туман нерешительности, мобилизует разум и чувство практичности. Ободренный Фред приступил к детальному рассмотрению.

1. Мэри и Кабинет. Надо было высказаться сразу, когда Кабинет на дне озера обратился к нему за помощью. Не пришлось бы сейчас беспокоиться, что их тайный диалог мог подслушать Ник из «Полезных людей» или, хуже того, внукоровский Безымянный. Фред, не проинформировав свое начальство о просьбе Кабинета, автоматически стал его соучастником. Это значит, что ментар, пройдя апробацию, получил рычаг, позволяющий ему управлять Фредом. Мало того, Кабинет и Мэри впутал в свои хитрые планы.

А, чтоб тебе! Евангелины не подготовлены для опасных заданий и компенсации за них тоже не получают, а ведь соседство этой Старк крайне опасно.

Что же делать? Можно доложить обо всем Маркусу, получить втык — мягкий вроде взыскания с занесением в файл или строгий вроде понижения в звании. Все лучше, чем сидеть и терзаться попусту. Вот только… С ментаром он еще побороться может, а с Мэри нет. Лишившись из-за Фреда новой работы, она убьет его своими руками. Никогда ему этого не простит, хотя его волнует исключительно ее безопасность.

2. Съезд. 57-й Всемирный Съезд Чартистов, где собирается пятьдесят тысяч человек, состоится *завтра.* С его охраной не было никаких проблем, пока председатель организационного комитета,

чертов дикарь Пакфин, не закапризничал по поводу найков.

Что делать с этим? Ответ простой: отправиться в ББР и поговорить с заменителем, который был создан для переговоров.

3. Клоновый износ. Такого явления не существует. Эта психофигня придумана специально для дикарей, чтобы отнимать работу у итерантов. Якобы со временем даже идентичные клоны начинают проявлять отличия, теряют типажную однородность и приобретают новые, нежелательные свойства. А поскольку весь рынок итерантского труда основан на коренном сходстве, подобная нестабильность существенно понизит ценность работников. Агентства по найму итерантов вроде «Полезных людей» и «Мака» пошатнутся, и Фред вместе с миллиардом других клонов окажется на улице.

Полный бред, разумеется. Прежде всего нет такого понятия, как «идентичные клоны». Родословная может начинаться от одного и того же генома, но материнские факторы — митохондрическая ДНК, экзогенная среда вынашивания и техника разброса аллелей — гарантируют легкие различия. Сходство между клонами больше, чем у родных братьев или сестер, но меньше, чем у естественных однояйцевых близнецов. Даже их личностные свойства немного различны, хотя основные черты типажа остаются неизменными: дженни заботливы, лулу сексуальны, рассы верны, как собаки, и жить не могут без списков.

А если даже клоновый износ и существует, то может сказываться только на новых партиях — не на тех, которые вышли в свет лет сто назад.

Тем не менее этот вопрос продолжал волновать Фреда — он сам не знал почему. Ему казалось, что последнее время он ведет себя как-то странно. Может быть, это рано или поздно происходит со всеми рассами. Может быть, все рассы с годами начинают втайне вожделеть дикарок (инспектор Коста) или ставить под вопрос верность работодателю. Но как ему узнать, так это или нет? Ведь одно из коренных свойств рассов — полная неспособность говорить о своих чувствах, хотя бы и с клон-братом.

С другой стороны, насколько он знает, в бортжурнале «Полундра» есть один тайный раздел. Говорить о нем вслух не принято, но любой расе может найти его, когда приходит нужда. Малое братство, скрытое в недрах большого. И если уж Фред, расс до мозга костей, вспомнил о нем, другие рассы и подавно должны были вспомнить. Это только логично.

Что делать в этом аспекте? Отправиться в ББР и покопаться в «Полундре».

Фред встал, оделся и повлек свое разбитое тело в Северный Уобаш.

Из штаб-квартиры навстречу ему струился поток идущих на смену рассов. Фред, к собственному удивлению, в это утро проснулся знаменитым: просочился слух о его ночной стычке с боебайтором. Не мог же он, в самом деле, указать в рапорте, что стал героем благодаря нелегальному ядерному оружию чартера Гуж. Оставалось принимать похвалы братьев с типичной рассовской скромностью. (Скромность. Фред решил составить текущий список рассовских черт, присутствующих или отсутствующих у него самого.)

Он занял скоп-кабину и попросил Маркуса открыть пространство, относящееся к съезду чартистов.

— Да, мар Лонденстейн, — сказал ментар, — но там нет ничего такого, что не могло бы подождать пару часов. Почему бы вам не посвятить утро отдыху? Вчера у вас был очень стрессовый день.

— Спасибо, Маркус, но я лучше разделаюсь с этим прямо сейчас. — (Маниакальная педантичность.)

— Как хотите, но рекомендую вам провести автосеанс психотерапии, когда закончите. Это будет для вас полезно после всего, что вы пережили.

— Спасибо, это ни к чему. — (Отвращение к так называемой психической гигиене.)

Маркус открыл рабочее пространство и оставил Фреда одного. Съезд и его безопасность требовали решения множества мелких задач, но ничего срочного, как и сказал Маркус, там не было. Фред вызвал заменителя, которого создал, когда его вызвали с совещания. В журнале говорилось, что тот после заседания был помещен на хранение.

Перед Фредом возникло зеркальное отражение его собственной головы, плеч и правой руки в перчатке.

— Ну наконец-то, — сказал заменитель. На лице его застыло терпеливо-раздраженное выражение, удивившее и смутившее Фреда. Заменители отражают эмоциональное состояние оригинала в момент имитации. Неужели Фред столь явно демонстрировал свое отношение к организационному комитету? (Неумение скрывать эмоции — не рассовская черта.) Если так, то в этом повинна глупость председателя комитета. (Нетерпимость к дуракам.) — Как все прошло? — спросил заменитель. — С инспектором Коста и охотой на ментара.

— Отлично, — сказал Фред.

— Отлично? И это все? Фред, это же я. Твой заменитель. С

глазу на глаз можно забыть о конфиденциальности. Все равно ты меня сотрешь, когда покончишь с этим вопросом.

— Извини, — вздохнул Фред. — Значит, так. Мы взяли последний дубль Кабинета в оптикомовском хабе, а Кабинет-прим загнали в водозаборный куб на дне озера. Стрелком у меня, кстати, был Рейли Делл. Мы напоролись на МОБИ, и нас послали в химчистку.

— Ого! Давай помедленней и со всеми подробностями. Вдаваться в подробности Фред не имел никакого желания.

— Вероника Гуж говорит, ты нанял около сотни ее софамильников охранять съезд.

— Ты еще раз с ней говорил?

— Угу. Сегодня ночью она спасла мои окорока.

— Да что ты! Фред потер щеки.

— Короче, Гужи оказались в нужном месте в нужное время и оказали мне большую услугу.

— Давай, Фред, колись. Не томи.

Но Фред не хотел колоться — это значило бы ввязаться в долгий рассказ о таинственном доме в Декейтере, сторожебоебайторе, смертельных плазменных кольцах и обо всем остальном. Потом заменитель начнет расспрашивать про купольную церемонию и про Мэри. Слово за слово, разговор дойдет до ее потрясающего нового назначения, а там и до Кабинета недалеко. Лучше провести черту прямо здесь.

— Итак, насчет Гужей, которых ты нанял…

— Ладно, ладно. Я не нанимал их, но мы договорились, что пятьсот их человек с повязками на рукавах будут патрулировать соответствующий этаж. Взамен я убираю с этого этажа сорок найков.

— Что? Я должен предложить нашим найкам сидеть и плевать в потолок?

— Именно. Чтоб даже морды свои крысиные туда не совали. Гужи подчиняются нам и ограничивают свою деятельность словесными уговорами.

Неплохая, в общем, идея. Чартисты на таких сборищах обычно не буйствуют, а в случае чего собратья-чартисты скорее их усмирят. Один только вид Гужей будет способствовать сохранению мира.

— Мак с Ником, полагаю, это одобрили?

— Да, ментары полностью за.

Направленный в нужную сторону Фред-заменитель продолжал свой доклад с типичной рассовской деловой с меткой. (Деловая сметка.)

— Это все, — вздохнул он, когда закончил.

— Точно все?

— Надо, думаю, добавить еще одно. Не знаю, насколько весомо будет мое заявление — я ведь только искусственная конструкция, — но у меня есть ощущение относительно Вероники Гуж.

— Что за ощущение?

— Чутье. — Ну и?

— Я чувствую, что ей можно довериться. Поэтому меня и заинтересовала помощь, которую она оказала тебе.

— Понятно. Спасибо, что сказал. И за службу спасибо.

— Не стоит.

Они помолчали, и заменитель спросил:

— Может, ты сделаешь это прямо сейчас?

— Да, извини. Сотри заменителя, Маркус. Заменитель исчез. Фред закрыл съездовское пространство

и связался с центром «Долголетие» узнать о состоянии инспектора Коста. Оно по-прежнему оставалось критическим.

Фред спустился в столовую за кофе и пончиками. Она почти опустела. Многих рассов вызвали на дежурство ввиду чрезвычайного положения. Одни препятствовали аффам мочить друг друга, другие, несомненно, несли вахту как десантники — ведь теперь Чикаго лишился своего защитного купола. (Храбрость.)

Вернувшись в кабину, Фред запросил у Маркуса инфочип с комплектом бортжурнала «Полундра». Просьба не из обычных — Маркус, как правило, сам занимался поиском. Но ментар предоставил инфочип, не задавая вопросов, а Фред включил изоляционное поле, отгородившись от Маркуса и прочих потенциальных шпионов. Рассовские кабины обеспечивали довольно хорошую изоляцию — не такую, как нулевые комнаты, зато комфортнее.

Он вставил инфочип в считыватель, и на рабочем столе появился указатель.

Фред более или менее ориентировался в содержании журнала. Это сборник дневниковых записей и мыслей рассов за период примерно ста лет, от самого Томаса Э. до последнего времени. Почти все они относятся к работе, к разным тонкостям, с которыми имеют дело сотрудники служб безопасности. В файле «Хвастуны» описываются наиболее опасные миссии (за исключением конфиденциальных подробностей). Маркус уже ввел туда вчерашнее сражение с боебайтором, не называя, однако, имен. Имеется также Стена Почета для рассов, убитых при исполнении. Самый популярный раздел — это Список Списков. Всего в журнале больше семисот тысяч статей — не так уж, в

общем, и много за полмиллиарда расс-лет.

Следуя своей теории о секретном, не включенном в указатель разделе, Фред пролистал журнал от начала до конца. Вдруг найдется какой-то ключ? Можно, конечно, спросить Маркуса, но если секрет существует, то и Маркус о нем не должен знать. После трех часов кропотливой работы Фред сдался. Рассы, если не считать нескольких списков, обозначенных как стихи, экспрессивностью могли сравниться с дубами.

Ничего, сейчас он это исправит. Фред открыл новый том, озаглавив его «Книга расса», набрал воздуха и начал так:

— Моим клон-братьям. Вопреки всем свидетельствам мы, подобия Томаса Э. Расса, отличаемся богатой внутренней жизнью. Можно лишь догадываться, отчего мы так неохотно делимся ею с другими и даже между собой. Сегодня я начинаю то, что, как я надеюсь, станет новой традицией — открытый разговор со своими братьями.

Сделав паузу, он перечитал надиктованное. В целом годится — он выразил что хотел, но уж очень высокопарно. Рассы все время пополняют свое образование, однако эрудицией козырять не любят. Фред стер текст и начал заново — так, как с Рейли бы говорил. Оставил только обращение, которое ему нравилось.

— Моим клон-братьям. Мне опротивела наша привычка держать все закупоренным внутри. Это нездорово. Поэтому я выскажу здесь свое мнение и погляжу, последует ли кто-нибудь моему примеру. Предлагаю сделать «Книгу расса» местом, где все рассы смогут поговорить друг с другом в открытую.

Он снова перечитал свою речь. Может, немного фамильярно на этот раз, но лучше, чем было.

— Ходит много разговоров о так называемом клоновом износе, — продолжил он в том же духе. — Такого явления, разумеется, нет в природе. Это просто обывательский миф, попытка неитерантов принизить нас. Но если износ все-таки существует, как мне узнать, поражен я им или нет?

Если позволите, я скажу по-другому. Всем нам известно, что мы, братья Томаса Э., предпочитаем носить тяжелые коричневые ботинки. Это так типично для нас, что стало расхожим клише. Я лично не понимаю, как можно закодировать в наших генах предпочтение обуви определенного цвета. Что будет, если я завтра проснусь и подумаю: «А не надеть ли мне черные ботинки, черт побери?» Подозреваю, что все встречные обратят на это внимание. Я стану такой сенсацией, что больше никогда, наверное, их не надену. Может быть, коричневые ботинки мы любим в молодости, а у рассов определенного возраста развивается вкус к обуви другого оттенка. Вы следите за моей

мыслью? Если мы не решаемся носить черные ботинки из-за возможной реакции окружающих и даже в своем кругу не обсуждаем этот вопрос, у нас у всех может возникнуть тайная неудовлетворенность своей повседневной обувью.

По-моему, такое положение дел не совсем естественно. Нам всем заморочили голову. Мы так стараемся соответствовать своей родословной, что подавляем все мысли, угрожающие нас как-то разъединить. Поверьте мне, братья: это прямой путь к безумию.

Так по крайней мере кажется мне, а раз мне так кажется, то чуть ли не полмиллиона из вас, я уверен, чувствует то же самое.

Вот что я поэтому хочу сделать. Я хочу посвятить этот том, «Книгу расса», свободному выражению наших мнений и всех вас, братья, призываю внести свою долю. Расскажите обо всем, что заставляет нас дергаться.

Начну для затравки с себя.

Фред помолчал. Надо выкопать в себе что-нибудь похлеще, самое провокационное, чтобы развязать неподатливые рассовские языки. Позднее можно будет поговорить на предмет лояльности, но для почина это не подходит: слишком взрывная тема. Лучше взять вопрос побезопаснее, но с перчиком.

— Значит, так. Я хочу переспать с дикаркой. Усекли? Хочу трахнуть бабу, чье тело не похоже ни на одно женское тело в мире. Поймите меня правильно: я люблю наших итеранток. Они лучшие. Не имею абсолютно ничего против лин, дженни и других женских типажей. Мне просто интересно разок пойти в койку с дикаркой и посмотреть, как это будет.

Ну вот. И не говорите мне, что я единственный расе, захотевший дикарку.

Теперь ваш черед. Спасибо, что выслушали.

При повторном чтении у Фреда возникло острое желание стереть «Книгу расса» ко всем чертям, но он удержался. Должен же кто-нибудь сделать первый шаг. Кроме того, он *уверен* в своей правоте. Не может быть, чтобы он ошибался. Поэтому он не стер файл и даже цензурой не стал заниматься. Не сделать ли послание анонимным? Нет, это скомпрометирует весь его замысел. Фред поставил подпись, убрал изоляционное поле и отправил начальную запись «Книги расса» в журнал. «Что ж я натворил-то, ради всего святого?» — подумал он в следующий момент.

3.4

Вчера Богдан опоздал на работу, зато сегодня времени было навалом. По пути к станции «Библиотека» он высматривал, не натворили ли чего МОБИ теперь, когда купола больше нет. Вот тротуар под ногами странный какой-то, как губка. Может, это воображение? Богдан перешел на ту сторону. И все тело чешется почему-то. Он представил, как террористические устройства, слишком мелкие для невооруженного глаза, буравят эпидерму, захватывают все клетки и превращают его в лужицу протоплазмы. Нет, чесаться нельзя.

Чего не видно, так это внукоровских слизняков. Утром они всегда стадами разгуливают, а сегодня ни одного.

Во время поездки в Элмхерст ничего экстраординарного не случилось. В отличие от вчерашнего Богдан шел от станции Макартура к зданию Бахнера, где второй день подряд снимала помещение «Э-Плюрибус», не спеша. Время позволяло как следует разглядеть местность, кишащую утренними ком-мутниками.

Элмхерст славится торговыми галереями. Они расположены одна над другой до самого Муни-уровня 85. Сейчас там толпились моложавые дикари, экстравагантно одетые и причесанные. Машины, снующие над головой, создавали легкий ветерок. Неудивительно, что «Э-Плюрибус» проводит свои опросы именно здесь.

На тротуаре толпился народ. Богдан пролез в первые ряды и увидел, что посреди улицы распустилась актиния.

Первая, которую он наблюдал в реальности, страшная и красивая до невероятия. Она имела форму купола и ширилась волнами в разные стороны. Из центра росли, затвердевая на глазах, кристальные, похожие на янтарь щупальца. Это продолжалось, пока все сооружение не рухнуло с громким звоном и опять не начало разрастаться. От цветка веяло жаром, как от костра. Богдан по мере его роста пятился вместе с другими зрителями. Все визжали и отпускали шутки, как будто не находя в этом событии ничего опасного. В городе распустились сотни актиний, сказал кто-то. В основном они такие же, как вот эта — одно- или двухфазные микроботы, запрограммированные на поедание пары материалов, в данном случае глассиновой плитки для мощения тротуаров и крыш. Этот цветок поглощал улицу в обе стороны, пока не дотянулся до бетонного перекрестка. Бетон в его диете не числился.

Прилетели десантники, окружили цветок полицейским кордоном и приказали всем отойти. Их танкеры начали

обрызгивать актинию пеной, останавливая ее рост. Замысловатая конструкция продержалась еще немного и осыпалась, превратившись в желтую песчаную кучу.

В здании Бахнера Богдану не позволили сразу подняться наверх. Этажи «Э-Плюрибус» преображались после ночных арендаторов, казино «Кошкин дом». Оттуда спускались девушки с кошачьими хвостами, торчащими из-под юбок. Богдану нравились эти хвосты — девушки привязывали к ним колокольчики, ленты и прочее. С особенным интересом он глазел на дырки для хвостов, где иногда проглядывали голые попки.

Он все-таки почесывался, но люди вокруг, он видел, делали то же самое. Выходит, это нормально.

Когда Богдана наконец пропустили, гологолли Аннет Бейджинг встретила его наверху знаменитой на весь мир улыбкой.

— Приветик, Богго! Какой ты сегодня красивый.

— Спасибо, — просиял он. Она всегда делала ему такие вот комплименты — это, наверное, входило в ее программу, но его каждый раз волновало до чертиков. — Ты тоже хорошо выглядишь, Нетти, но в твоем случае это значит ничего не сказать.

— Спасибо. Ну, мне пора встречать посетителей, а ты не забудь, что тебя завтра ждут в отделе кадров. — Она удалилась, такая же красивая сзади, как спереди. Богдан мысленно примерил ей хвост.

Его собственная задница оказалась первой в очереди к зарядным кабинкам. Вставив кишечный пробник, подключивший его организм к сверхсветовому компьютеру «Э-Плюрибус», Богдан застегнул скаф и отправился выполнять первое рабочее задание. Он от души надеялся, что снова побывает на О-корабле с тем недомерком, Миви, но ему пришлось выдержать час вероятностных новостей в полной «дырок» аудитории. Оползни в Боготе, побоище на футбольном матче в Судане, мировые лидеры, убитые собственными телохранителями, ну и так далее. Следующее задание было такое же нудное — консенсус-видео. Будто бы через несколько лет Землю долбанет астероид, и вот ученые вывели бактерию, производящую ржавчину, чтобы снизить кислород в атмосфере. Его останется всего пятнадцать процентов — для жизни достаточно, но для открытого пламени мало, вот планета и станет несгораемой.

Тоска зеленая.

Наконец, перед обедом, он оказался в индивидуальной

кабине. Свет, понятное дело, погас, динамики загудели, и Богдан перенесся на О-корабль «Чартер-сад». Он сидел за длинным столом, стол стоял на возвышении, а вокруг простирался стадион с десятками тысяч зрителей. Дальше виднелись шпили и крыши большого города, который тянулся до самой закругленной стены барабана. Рядом с ним сидело много парней и девушек, все в новой пилотской форме. Богдан покосился на свой рукав — точно, и он пилот. Слева от него обнаружилась вдруг… Аннет Бейджинг! Совсем молоденькая и тоже в форме пилота. Она улыбалась ему.

Кто-то обращался к огромной аудитории со стоящей перед столом трибуны. Тот самый Миви в красно-зеленом комбинезоне.

— В последующие месяцы Великого Пробуждения, — говорил он, — из криохранилищ выйдет и активируется больше наших граждан, чем за все время нашего тысячелетнего путешествия. Около двухсот тысяч человек, восемьдесят процентов населения нашего корабля. Во всех шестидесяти четырех жилых барабанах будет повышено давление, чтобы оказать пробужденным достойный прием. Мы уже достигли нашей новой родной системы — пора готовиться к высадке. Именно этим мы будем заниматься все двенадцать веселых месяцев следующего года. — Под продолжительные аплодисменты докладчик воздел руку к небу. — Я дарю вам планету Лиза!

У слушателей вырвался дружный вздох. Богдан поднял глаза и увидел, что корпус барабана вдруг стал прозрачным. В космосе, прямо над головой, появилась зеленая с синим планета, вся в белых завитках облаков. Три крупных массива суши, снежные шапки полюсов. Если не обращать внимания на незнакомые очертания континентов, она могла бы сойти за Землю — старую доиндустриальную Землю.

— Поразительно, правда? — сказала девочка Аннет. — Наш новый дом.

— Планета Лиза, — прошептал Богдан.

— Ты уже выбрал свою тысячу акров?

— Пока нет, а ты?

— Почти. Я разделю ее на три-четыре участка. Пятьсот вон там, на побережье Калинова острова. — Она протянула к планете тонкую руку. — Смотри скорее, ночь надвигается. А там, ниже залива Обновления, стоит город Капа. В его окрестностях у меня будет сто акров. Насчет остальных я еще не решила. Может, в горах? Или в сельскохозяйственном поясе? Прямо не знаю. — Ее зеленые глаза пытливо вглядывались в Богдана. — Подумать только, за что я получила все это — тысячелетнее путешествие, тысячу акров девственных земель, блестящую карьеру,

безграничные возможности омоложения! За один-единственный акр на умирающей дряхлой планете!

— Расскажи поподробней, — попросил Богдан. — Мой акр входит в суперфондовский участок, загрязненный токсическими промышленными отходами.

Вокруг грянуло «ура». Богдан и Аннет снова посмотрели вверх, на планету Лиза. На западном побережье темного континента зажигались огни огромного города.

— Новый Сиэтл, — сказала Аннет. — Техносы-строители испытывают энергоснабжение.

Только вчера (шестьсот лет назад по корабельному времени) капитан Сюзет объясняла Богдану, что корабли-роботы придут к месту назначения за несколько веков до О-корабля и создадут на планете всю необходимую инфраструктуру.

— А теперь о событии, которого вы так долго ждали, — сказал докладчик, и аудитория замерла в предвкушении. — Через три месяца бравые пилоты, сидящие позади меня, начнут переправлять колонистов на поверхность планеты. Всем, естественно, хочется быть в первой, исторической партии. Кто войдет в число эти счастливцев, зависит от порядка отбытия посадочных катеров, который мы с вами сейчас разыграем.

Какой-то парень под крики собравшихся вкатил на помост прозрачное колесо с шариками внутри. Зрители на трибунах вскочили со своих мест. Миви покрутил колесо рукояткой.

— Бог-дан, Бог-дан, Бог-дан! — завели обалденно красивые девчонки в первом ряду.

— Завидую тому, кто полетит первым, — ухмыльнулась Аннет. — От поклонников у него или у нее отбою не будет.

Первый шар выкатился из прорези в желоб. Миви повертел его в пальцах.

— Первый катер на Лизу поведет…

У Богдана, не спавшего уже двадцать девять часов, слипались глаза. Действие восьмичасовой бодрилки кончилось в один миг, и он заснул прямо в кресле. Через пару минут оно тряхнуло его и разбудило, но сценарий с О-кораблем уже завершился. Богдан принял еще одну бодрилку и потащился обедать.

3.5

Почти все утро Миви проспал. Новая мозгелла под мышкой прижилась, и он почесывал ее без всяких неприятных последствий. В середине дня он переехал из служебной квартиры в усадьбу Старков. На частной слипстримовской станции его ждал арбайтор, на арбайторе ехал Крошка Ханк.

— Добрый денечек, епископ, — приветствовал его маленький ментар. — Надеюсь, с территории Кабинета ты выехал без скандала.

— В общем, без, хотя на станцию меня сопровождали охранники. Боялись, что я скатерть у них сопру, что ли?

— А ты, часом, не спер? Скатерть?

Миви расценил вопрос как низкопробную шутку и не соизволил ответить. Арбайтор взял его багаж и поехал к лифту. Только наверху Миви осознал, что Крошка Ханк и он ведут одновременно два разговора. Треп о Кабинете служил лишь прикрытием для другого, серьезного диалога. Крошка Ханк сообщил, в каком состоянии находится Эллен (все в том же, критическом), и спросил, не было ли у Миви других прямых столкновений с Кабинетом — и этот вопрос повис в воздухе.

— Ну как же, — сказал Миви, исправляя свою оплошность. — Скатерти, простыни, полотенца — взял, сколько мог унести.

Крошка Ханк заржал.

— Я выделил тебе комнату с видом на поля. Хочешь посмотреть?

Это была замаскированная проверка личности.

— Да, спасибо. Хочется устроиться сразу. — Миви, в свою очередь, проверил ментара, задав ему вопрос: — Нет ли в усадьбе экструдера? Я бы сделал себе кое-какую одежду.

Крошка Ханк дал положительный ответ на обоих уровнях. Ведя Миви через лабиринт комнат, он втайне посвятил его в то, что произошло за последние двенадцать часов. Голову Эллен поместили в эрнандес-бак в одном из коттеджей клиники, при ней дежурят евангелины со счетчиками непрерывности в шапочках; на след убийц Элинор и похитителей Эллен все еще не напали; попытки найти независимого ревивификатора пока не увенчались успехом.

Усадьба, несмотря на свои внушительные размеры, была по-домашнему уютной. Арбайтор показал Миви апартаменты вдвое больше его служебной квартиры. Бывший епископ не знал, что и делать с такими хоромами.

— Рад видеть, что ты усвоил метаязык без всякого вреда для

здоровья, — сказал Крошка Ханк на простом английском. — То, как ты владеешь им, впечатляет, но пока мы здесь, не обязательно пользоваться старкесом или глоттировать. Усадьба покрыта двойным куполом и защищена от любых форм шпионажа. Здесь безопасней, чем во многих нулевых комнатах.

Крошка Ханк соскочил с арбайтора и вырос в полный человеческий рост. Он открыл небольшой скоп с интерьером коттеджа Эллен, где присутствовали четыре евангелины из восьми. Две как раз собирались уходить, и скоп разделился надвое: один оставался в коттедже, другой сопровождал сменившуюся пару к Южным воротам.

— Говоришь, дела у нее неважные? — Миви увеличил череп в эрнандес-баке.

— Более чем. Основные нейрофункции не восстанавливаются. Консьерж говорит, что врачи не могут этого объяснить, однако высказываются с умеренным оптимизмом.

— Черт! Жаль, у нас своего доктора нет.

— Я продолжаю его искать, но все квалифицированные ревивификаторы, практикующие в ОД — а их тысячи, — работают, похоже, на «Фейган Хелс Труп». Фейган, можно сказать, монополизировал эту специальность на Западе. Может, использовать твои старые связи по «Родине»? За пределами ОД?

— Я подумаю, но в голодающих странах на ревивификаторов едва ли есть спрос.

В скопе, показывающем коттедж, появился техник. Он прошел к баку, сверился с панелью управления, влез по лесенке и зачерпнул из бака пробу янтарной жидкости. Пометил пузырек, сунул его в карман и занялся другими делами. Две сменившиеся евангелины тем временем проходили через ПП. По ту сторону их ждал старковский лимузин.

— Я проведу с ними брифинг, как только машина отъедет подальше, — сказал Крошка Ханк.

— Ты говорил о счетчиках непрерывности. Для чего они?

— Это что-то вроде генераторов кода времени. Клиника Рузвельта, как мы видели вчера на узольном скопе, замкнутая среда. Покрыта двойным куполом и защищена, как и этот дом. Все сигналы, исходящие и входящие, проходят через привратника, то бишь Консьержа. Я все время наблюдаю за Эллен, но можно ли доверять картинам и сведениям, которыми снабжает меня Консьерж? Когда евангелины покинут его владения, я сравню записи, сделанные их шапочками, с моими собственными и выявлю все манипуляции с временем, если таковые имеются.

— Умно придумано.

Евангелины сели в лимузин. Он доехал до парковки и

поднялся в воздух. Миниатюрный Крошка Ханк плюхнулся на сиденье напротив женщин.

— Добрый день, марен. Как прошел первый день?

— Добрый день, мар Ханк, — ответила Мэри. — Кажется, все хорошо. Консьерж очень любезен. — Мэри чуть помолчала и спросила: — Она поправится?

— Ах, мар Скарленд, это трудный вопрос. Врачи озабочены отсутствием каких-либо улучшений, но оснований для паники пока нет. Согласно их опыту, замороженный мозг способен обрести сознание в период до пяти дней, но коэффициент выздоровления обратно пропорционален числу дней, прошедших с момента разморозки, в кубе.

Мэри посмотрела на не менее озадаченную Ренату.

— Извините, мар Ханк, я не сильна в математике.

— Без своего врача мы не сможем проверить правильность заявлений этих, из клиники, — заметил большой Ханк в усадьбе.

— Но есть же автодоки, способные анализировать подобные случаи, — сказал Миви. — Почему бы тебе тоже не взять пробу жидкости из этого бака? Глядишь, что и выясним.

— Хорошая мысль. Посмотрю, что тут можно сделать.

— Это значит, мар Скарленд, — сказал Крошка Ханк в лимузине, — что, если Эллен не придет в себя завтра, у нее будет только один шанс из восьми очнуться в четверг. Если она не очнется в четверг, у нее останется один шанс из двадцати семи на пятницу, один из 256 на субботу, один из 625 на воскресенье. Видите, как быстро ухудшается ситуация. А если она все-таки придет в сознание к тому времени, у нее может развиться неизлечимый психоз.

Арбайтор в спальне, распаковав и разложив вещи, подкатил к сидящему на кровати Миви со статуэткой в манипуляторе. Гуманитарная премия Манделы — Миви получил ее за работу в «Родине».

— Поставь пока вот сюда. — Арбайтор водрузил награду на прикроватную тумбочку и без всякого предупреждения попытался схватить Миви за горло. Тот инстинктивно отпрянул, загородившись руками. Стальные пальцы манипулятора стиснули его локоть. — Помогите! — завопил, вырываясь, Миви.

— Я уже вызвал охрану, — сказал Крошка Ханк.

— Останови же его!

— Не могу. Им командует кто-то другой.

Арбайтор стащил Миви с кровати. Второй манипулятор тянулся к горлу, но Миви боролся как мог.

— Слушай, епископ, — спокойно сказал Крошка Ханк. — Скажи Стреле, чтобы остановила его.

— Стрела, заставь его прекратить! — закричал Миви, но арбайтор продолжал свои злонамеренные действия. Он выкручивал Миви руку, подавляя сопротивление.

— Не по-английски, — посоветовал Крошка Ханк. — На старкесе.

— Поэтому в следующие дни, — объясняла маленькая версия ментара в лимузине, — врачи применят более радикальные методы, включая микрохирургическую пересадку тканей.

— Стрела! — прохрипел Миви (второй манипулятор нащупал его горло и начал душить). — Завари мне чаю!

Арбайтор тут же зашипел и остановился. Миви оторвал манипулятор от горла и откатился, глотая воздух.

— Ну, слава Всевышнему, — сказал Крошка Ханк. — Ты как, в порядке?

— Сегодня они попытаются индуцировать сновидения, — продолжал ментар в лимузине, — и восстановить девяностоминутный цикл сна медикаментозными средствами. Завтра ее подключат напрямую к имитфутляру.

Миви отдувался на полу с бурно бьющимся сердцем. Кто-то колотил в дверь, не желавшую открываться, — охрана?

— Вот тебе и двойной купол, вот тебе и защита, — посетовал Крошка Ханк.

Из стенного шкафа выкатились два маленьких чистильщика-уловителя и двинулись по ковру прямо к голове Миви.

3.6

По дороге домой с работы Богдан видел еще две актинии. Одну на тубусной станции (купе-бусина с несчастным пассажиром внутри надулось не хуже воздушного шара), другую высоко на стене гигабашни (стена вокруг мерцала радужными переливами). На планете Лиза ничего такого произойти не могло, это точно.

Дома он не стал препираться с парадной дверью и прошел через «Микросекунду».

У административного офиса его перехватил Кейл и попросил зайти на минутку. Кейл, Эйприл и Китти сидели в приемной с какой-то пожилой парой. Эти двое встали, когда Богдан вошел. На их черных комбинезонах были приколоты розово-оранжево-зеленые значки — таких чартерных цветов он не знал. Они подали ему свои костлявые руки с корявыми пальцами. До чего же старые, не поймешь даже, какого они пола. Плоховато у них в чартере с омоложением.

— Богдан, поздоровайся с марен Билл, — сказал Кейл.

У юного Кодьяка отвисла челюсть. Тот самый чартер, владеющий суперфондовскими микрошахтами в Вайоминге? Потенциальные спасители Кодьяков?

— Марен Билл приехали на завтрашний съезд и любезно согласились отобедать у нас. — Кейл и Эйприл надели свои лучшие наряды с коричнево-желто-белой кодьяковской каймой. Кейл стеснялся еще больше обычного, Эйприл помалкивала, что ей было совсем не свойственно. Только Китти, одетая в японскую школьную форму с белыми гольфиками, чувствовала себя абсолютно свободно.

— Здравствуйте, молодой человек, — сказал один Бидл. — Ваши софамильники хвастают тем, что вы занимаетесь социологией.

— Да, — Китти дружески обняла Богдана, — Богги у нас демограф. Практически менеджер.

Две старых кочерыжки всматривались в него своими слезящимися глазами. Их дыхание чем-то напоминало Самсона. На расчесанных руках остались красные полосы.

— Правильно, — подтвердил Богдан, — а завтра меня собираются наградить.

— Мы гордимся им, — ввернул Кейл. — Ступай-ка переоденься, голубчик Богги. Мы быстро проведем церемонию супового горшка и пригласим наших гостей к столу.

Волынку с суповым горшком на сей раз и впрямь провернули быстро. Вызывали только тех, кто действительно мог сделать

взнос в твердой валюте. В том числе и Богдана, который для разнообразия внес свой дневной заработок без выпендрежа, не в самом конце.

— У нас сегодня к обеду очень важные гости, — закруглившись, объявил Кейл. — Они проголодались с дороги, поэтому не будем тянуть.

Предупрежденные заранее софамильники сидели в свежеэкструдированных одежках. Многие в преддверии съезда подстриглись и разгладили морщины на лицах.

— Не нужно, полагаю, напоминать, — продолжал Кейл, — какое значение имеет для нас расширение чартера. Когда Сэм… когда Сэма больше не будет с нами, нас останется только шестнадцать. Чуть меньше — и мы перестанем укладываться в норму чартерного статуса. Это поставит под удар наши привилегии, в том числе пониженные страховые взносы, отсрочки, льготные налоги и другие субсидии. Эйприл может потерять «Микросекунду», и не нужно объяснять, как это на нас отразится. Чтобы предотвратить подобную катастрофу, Оперативный Комитет уже несколько месяцев ведет переговоры с чартером, к которому принадлежат наши гости.

В зале поднялся удивленный гул, и Кейл поспешно сказал:

— Позвольте закончить. Мы ждали каких-то результатов, прежде чем объявить об этом всему нашему дому, но сегодняшний нежданный визит вынуждает нас рассказать вам о плане слияния хотя бы в общих чертах.

Домоправитель с помощью Эйприл и Джералда вкратце поведал о возможностях, предоставляемых «Розовыми акрами» Биллов. У софамильников тут же возникли вопросы. Означает ли это переезд из Чикаго? Выходит, мы больше не будем Кодьяками?

— У нас будет достаточно времени для дискуссий. Ничего еще не решено окончательно. На слияние с Биллами претендуют многие, кроме нас, в том числе, как ни печально, наши соседи Тобблеры. Я хотел просто предупредить вас и попросить, чтобы вы держались как можно достойнее. Самое главное, молчите о сырьевых пиратах, которые будто бы поедают наш дом, и ни слова о том, что Хьюберта ночью арестовали! Если Бидлы решат в нашу пользу, нам понадобятся все наши козыри. Не будем вредить самим себе, дорогие мои. Договорились? Чудесно. Зови их, Меган.

— Погоди-ка, — вмешалась Эйприл. — Мы ничего не забыли, Кейл?

Софамильники застонали.

— Может, отложим? — сказал Кейл. — Мы заставляем ждать своих почетных гостей.

— Откладывать нельзя, но это не займет много времени. Я знаю, как всем хочется побывать завтра на съезде, но кому-то придется остаться дома с Самсоном.

В Зеленом зале повисла мертвая тишина. Кодьяки украдкой переглядывались — может, кто-нибудь не так уж и рвется на съезд? Барри и Фрэнсис, дежурившие у Самсона на крыше, специально дали знать через домпьютер, что они тоже хотят пойти — на случай, если у кого-то сложилось обратное впечатление. Им, со своей стороны, кажется, что с Самсоном могла бы посидеть Китти.

Все взоры устремились на ретродевочку. Да, это имеет смысл — она ведь любимица Самсона, не так ли? Сама Китти, которая так не думала, очень убедительно состроила упрямую детскую рожицу. Пусть никто, особенно Эйприл, не ждет, что она останется дома.

В конце концов остаться вызвалась сама Эйприл, как все с самого начала и полагали. Она готова пропустить съезд, лишь бы с Самсоном в его последний миг был кто-то из близких.

— Нет, так нечестно, — заявил Расти. — Эйприл трудилась не покладая рук, чтобы подготовить нас к этому съезду. Заказала парадную одежду, спроектировала стенд, наняла автобус, договорилась о встречах с другими чартерами. Эйприл как никто заслуживает права там побывать. — Видя, что добровольцев не находится, он добавил: — Короче, ты идешь, Эйприл. С Сэмом останусь я.

Так тоже не годилось. Расти сам месяцами готовился к съезду. Отрастил себе новые волосы. Насильно пихал в себя еду, чтобы набрать вес. Благодаря этим мерам он помолодел лет на десять и имел на съездовской брачной ярмарке больше шансов, чем все остальные. Через него Кодьяки могли приобрести в дом еще одного человека. Он уже назначил свидания дамам из трех разных чартеров.

— Спасибо, Расти, — сказала Эйприл. — Я очень ценю твое предложение, правда ценю, но не хочу об этом и слышать. Вопрос закрыт.

На том и порешили. Меган проводила Бидлов на почетные места за высоким столом, по бокам от Китти. Кодьяки не часто вкушали такие блюда: суп из форельника, всевозможные овощи, псевдобефстроганов, на десерт шоколадный торт с мороженым и кофом. Тем не менее настроение в зале царило мрачное. Кейл, боясь, что гости сочтут Кодьяков буками, объяснил это так:

— Один из наших близких тяжело болен, и мыслями мы все с ним.

Мысли Богдана занимало другое. Почему это Кейл величает

Хьюберта не иначе как «ценностью» или «козырем»? Ночью, когда домоправитель готов был сам сесть в тюрьму вместо Хьюберта, Богдана поразила такая его любовь к Самсонову ментару, но теперь все оборачивалось другой стороной. Хьюберт никогда не считался в доме особой ценностью — неужели кончина Самсона может как-то изменить ситуацию?

— Как там дела у нашего, сам знаешь кого? — спросил Богдан Расти.

Тот посмотрел на главный стол, где Китти занимала гостей анекдотами.

— Он исчез.

— Как так исчез?

— Да вот так, — сказал сидящий напротив Луис. — Хакерский взлом этой небесной байды считается преступлением против национальной безопасности. Такие дела караются исчезновением.

— Тут есть и положительная сторона, — добавил Расти. — Теперь уж никто, даже соседи, не будет знать про его арест. И Кейл сможет обстряпать дело с этими вайомингцами.

— Если соседи, конечно, не видели, как его забирали, — заметил Луис.

— Я там была, — вставила Меган. — Черные скафандры запихали его в ящик для вещдоков, поэтому никто ничего видеть не мог.

За десертом, ровно в десять минут восьмого, кончилось действие второй бодрилки Богдана. Он зевнул во весь рот и упал головой в тарелку, но его быстренько растолкали.

— Отправьте его спать, — распорядилась издали Эйприл. — Ступай в постель, Богдан. Проводите его кто-нибудь.

Богдан завернул в салфетку последний кусок торта, усадил обратно вставшего было Расти.

— Ладно, не забудь только, что ты ночуешь у меня, на седьмом.

— Да, да.

— Мальчик так много работает, — объясняла Китти гостям. Седые эмиссары чартера Бидл одобрительно что-то бубнили.

По лестнице Богдан шел в полутьме, но на пятом этаже его настиг полноскопический телефонный звонок. Площадку озарила официального вида эмблема. Как это может быть, ведь на лестнице камер нет, успел подумать Богдан — но тут эмблема приняла облик высокого молодого офицера в смутно знакомой форме.

— Вы кто? — спросил Богдан.

Офицер показал с улыбкой на открывшуюся рядом с ним

рамку, где под грифом Астронавтского Корпуса США значилось следующее:

> Мар Богдан (Богго) Кодьяк, согласно приказу Президента Вас приглашают ознакомиться с условиями поступления в КАДЕТСКИЙ КОРПУС БУДУЩЕЙ ПИЛОТСКОЙ ЛИГИ О-КОРАБЛЕЙ. Просим вас посетить наш ознакомительный семинар, а также банкет, устраиваемый Проектом «Земля-сад-2134». Форма одежды произвольная.

Богдан, не веря глазам, прочел все еще раз.

— Это правда мне? Ничего не понимаю. Вам нужен я? Офицер усмехнулся, отдал честь и исчез вместе с приглашением.

— Я приду! — Богдан с опозданием ответил на приветствие гаснущему скопу. — Я согласен!

Рядом кто-то заржал. Когда глаза привыкли к сумраку, Богдан разглядел двух сидящих на ступеньке мальчишек. Они помирали со смеху, салютовали друг дружке и вопили:

— Согласен! Согласен!

Трой Тобблер и Слизненыш.

Богдан молча развернулся и зашагал вниз. В Зеленом зале пели старые чартерные песни. В вестибюле он взял из зарядника бамбуковую трость, взмахнул ею пару раз в воздухе, ткнул в металлическую стойку для зонтиков, отлетел назад перед снопом голубых искр. Он даже на минуту проснулся, но, поднявшись на пару пролетов, снова заснул на ходу и чуть не забыл, что он собирался сделать. Пришлось снова выудить из кармана бодрилки. Он знал, что это грозит синдромом лишения сна, однако проглотил восьмичасовую таблетку. Секунду спустя он мчался по лестнице, воздев трость, как меч Эскалибур. Сонная одурь сменилась жаждой убийства.

Мальчишки, дожидавшиеся его на той же ступеньке, снова взялись дразниться.

— Вон из моего дома! — крикнул он, замахнувшись на них. Но они не перестали насмехаться, и он ткнул Троя палкой.

Разряда не последовало, а мальчишки, продолжавшие ржать, рассыпались на глазах. Кучка пыли, в которую они превратились, сложилась на полу в заглавную букву «Х» и тоже постепенно исчезла.

Богдан стал подниматься дальше, заглядывая по пути во все кодьяковские коридоры. Прошел мимо своей бывшей комнаты, где резался в карты свежий тоббовский караул, вышел на крышу. Заглянув там во все темные углы и не обнаружив своих мучителей, он присоединился к Меган и Би-Джи, только что

заступившим на дежурство у постели больного.

— Ну, как он?

— С самого утра ни разу не шелохнулся, — сказала Меган.

— И даже вонять почти перестал, — добавил Би-Джи.

Богдан расположился в шезлонге, глядя на висящую над головой внукоровскую пчелу. Она походила на ту, что Богдан нашел у Самсона под лацканом. Это напомнило ему о поездке на «Солджер-филд» и о Хьюберте. Увидят ли они Хьюберта снова? На работу вставать через десять часов. Надо бы спуститься в «Микросекунду» за «Спокойствием», чтобы нейтрализовать принятую недавно бодрилку, и выспаться. Богдан попытался встать, но оказалось, что его сковал паралич. Голова работала на полную мощность с ревом стартовавшей ракеты, а тело погрузилось в глубокий сон. Мысль о спуске в магазин и новом подъеме была просто невыносима. Почему у Тобблеров есть лифт, а у них нет? И если он все-таки уснет, можно ли положиться на то, что домпьютер разбудит его в шесть утра? Вряд ли. Лучше просто посидеть тут. Тем более и глаза у него закрылись, и кто-то, Меган или Би-Джи, укрыл его одеялом.

Сознание, не дремлющее над спящим телом, рыскало по всей известной ему вселенной. Собственный лыжный домик в горах. Планета Лиза и обнаженная Аннет, лежащая рядом с ним у огня. Контрольная будка микрошахты в Вайоминге, где только он один способен открыть новую жилу драгоценных микроэлементов. Скорый визит в отдел кадров, где его, несомненно, объявят лучшим работником года. Грамота, повышение и солидная премия. Интересно, что бы могла означать эта пыльная «Х»?

3.7

Дома Мэри, не потрудившись даже переодеться, с энтузиазмом взялась за рекомендованный Консьержем курс ревивификации. Нефрология, генетика, микромеханика, эмбриология, биохимия, гистология. Мэри продиралась сквозь основы клеточной биологии, аксоплазматическую транспортировку, глиальную трансплантацию Флинна-Лонга. Материал, что и говорить, был для нее чересчур сложен. Не найдя на ВДО ничего более элементарного, она приняла две таблетки «Умной головы» и опять принялась за учебу.

Пришел Фред, сел рядом с ней на диван, посмотрел на цветную диаграмму саркоплазматической сети — органоида, очень важного при лечении комы.

— Что-то я не догоняю, — сказал он через пару минут.

— Я тоже, — со смехом призналась Мэри.

— Я хочу сказать, какое отношение это имеет к твоей работе?

Мэри сочла это лицемерием. Он хорошо знал какое.

— Мы с сестрами стараемся расширить свои горизонты.

— И читаете учебник для дженни? Взглянув на мужа, Мэри насторожилась.

— Ты что-то нашкодил, Фред. У тебя на лице все написано. Признавайся, что натворил.

Фред нагнулся расшнуровать ботинки, тяжелые коричневые рассовские ботинки. Собачка прибежала и забрала их.

— Да, кое-что было.

— Можешь мне рассказать?

— С работой это не связано, так что, наверное, могу. — Да, так оно лучше: может, ему полегчает. — Знаешь, я стал задумываться насчет клонового износа.

— Такого понятия нет.

— Знаю, но все равно думаю. Почему мы, рассы, так боимся испробовать что-то новое, почему мы не откровенны друг с другом. — Фред рассказал жене про коричневые ботинки и про свои изыскания в журнале «Полундра». Про начатую им «Книгу расса». Рассказал, как завел провокационную дискуссию, чтобы вынудить братьев поделиться собственными историями, но о сексуальном контексте этой дискуссии умолчал.

Мэри поразмыслила, разложила по полочкам все нюансы и, как всегда, попала в десятку.

— Что именно ты хотел бы испробовать, Фред? Он, пряча лицо, нагнулся надеть шлепанцы.

— Так, вообще. Что-нибудь новое.

— Можешь пробовать все, что хочешь. Никто тебе не мешает.

Фред открыл рот, но ничего не сказал.

— *Я* тебе не тюремщик, — продолжала Мэри.

— Правда? — Он двинулся напролом. — Ты это не просто так говоришь?

Она была сама искренность.

— Если у тебя появилась какая-то… ну… мечта, я поступила бы неправильно, ставя тебе палки в колеса.

— Ты слишком добра ко мне.

— Просто пытаюсь быть реалисткой, Фред.

— Тут такое дело… Не очень, как бы сказать, красивое, — признался он.

Мэри смотрела на него с легким испугом:

— Расскажи мне.

— Нет. Не могу.

— Ты можешь, Фред. Ты же знаешь, мне можно рассказать все.

Он снова отвел глаза, прокашлялся.

— Ну, если ты уверена, что не против… мне всегда хотелось попробовать одну вещь.

— Да?

— Всегда было интересно…

— Ну-ну?

Фред рывком встал и перекинул Мэри через плечо.

— Фред! — вскрикнула она.

— Не знаю, клоновый это износ или нет. — Он нес Мэри в спальню. Она молотила его по спине кулачками, потом стала кусаться. — Эй, полегче! — Он шлепнул ее и прошел мимо спальни.

— Фред, ты куда?

— Испробовать кое-что.

Плиточный пол их маленькой прихожей тоже проплыл мимо.

— Дверь, отопрись, — скомандовал Фред. Засов отодвинулся.

— Нет! — взвизгнула Мэри. — Дверь, запрись снова! Засов вернулся на место.

— Тот фонтан на 450-м, где кентавры целуются… Отопрись, я сказал!

Засов отодвинулся.

— Дверь, запрись! На оба замка!

Засов ездил взад-вперед. Что, если кто-нибудь снаружи увидит? Оба засмеялись, подумав об этом. Фред повернул жену, не спуская на пол, нащупал язычок у нее под воротником, располовинил на ней одежду, зубами содрал трусики.

Они любили смотреть друг на друга в момент оргазма.

Сегодня он увидел в ее глазах жонглеров, клоунов, тигров, услышал небесный хор на сиденьях. «Моим клон-братьям. Глаза. Ах, эти глаза!»

Ужинали они в постели. Посмотрели дурацкое видео. Когда он уснул, она встала, надела халат, постояла над ним. Как бы чего не вышло с этой его «Книгой расса».

Она направилась в гостиную, закрыла дверь спальни, включила экран и углубилась в физиологию среднего мозга.

Среда
3.8

В Декейтер Мэри приехала рано. Лимузин не ждал на станции, но день был хорош, и она решила пройтись несколько кварталов пешком. Теперь она получше рассмотрела окрестности. За деревьями и оградами прятались богатые особняки. Клинику от улицы отделяли каменная стена, лужайки, живые изгороди. Мэри прошла через арку с чугунными завитушками КЛИНИКА РУЗВЕЛЬТА, миновала паркинг. Вымощенная кирпичом дорожка привела ее к проходной. Со сканером осложнений не возникло. У внутренних ворот дежурил другой расс, знакомый — Рейли Делл!

— Вот так сюрприз, — сказала она. — Невероятное совпадение!

— В чем совпадение-то? — Рейли крепко пожал ей руку. — Что нас обоих назначили в то же место или что я в кои-то веки застал тебя без твоей ручной обезьяны?

— Я вижу, тебе уже лучше. — Так и было, хотя он все еще носил экзошины, а под волосами просвечивала шапочка-мозговитка. Пройдет еще несколько дней, прежде чем Рейли и Фред восстановят свои импланты.

— Как твоя работа? Шелли прямо помирает от любопытства.

— Скажи ей, что нам трудно, но ужас как интересно. Они поболтали немного, и Рейлй сказал:

— Не могу пока тебя пропустить. Вторая лина задерживается, а Консьерж хочет увидеться с вами обеими.

Мэри стала в квадрат ЖДИТЕ ЗДЕСЬ, а Рейли занялся другими работниками. Она надеялась, что Рената опаздывает не без причины, но Рената так и не появилась, и через ворота с Мэри прошла другая евангелина. Консьерж встретил их с всегдашней своей приветливостью и проводил к коттеджу Полевой Шпат — короткой дорогой, а не кружной. По пути он излагал правила клиники новенькой, которую звали Джорджина.

— Вам тоже не повредит послушать еще раз, — сказал он Мэри. — Вчера не все евангелины, как видно, слушали меня с

должным вниманием. Особенно ту часть, что касается защиты авторских технологий клиники.

Мэри не понимала, о чем идет речь, и терялась в догадках, за какой такой проступок могли уволить Ренату.

Консьерж оставил их на Минеральной аллее, и к коттеджу они шли одни. Мэри посторонилась, уступая дорогу двум идущим навстречу врачам, а Джорджина и не подумала. Лишь когда та

прошла прямо сквозь докторов, Мэри сообразила, что это голики. Проекционная система клиники превосходила по качеству все, которые она видела раньше, но все равно проходить сквозь чужие голо невежливо.

В коттедже медсестра Хэтти читала лекцию ночным евангелинам.

— Обычно мы ждем, когда пациент придет в сознание, но с мар Старк решили поторопиться. Берите перчатки и присоединяйтесь к нам, — сказала она Мэри с Джорджиной.

Коттедж, где сейчас пахло свежезаваренным кофе, сильно изменился против вчерашнего. В нем появились ковры, полки, обеденный и письменный столы, кресло-качалка и прочая мебель. Из всего этого первым делом обращала на себя внимание кушетка в нижней комнате. На ней лежала молодая женщина в сплошном трико-безрукавке — лежала на боку и как будто спала. Синди, Ронни и медсестра стояли рядом с кушеткой.

Мэри и Джорджина, взяв по паре перчаток с процедурной каталки, подошли к ним.

— Будем знакомы, новенькая, меня зовут Хэтти Бекеридж, — сказала дженни.

Синди и Ронни тоже поздоровались и назвали новой евангелине свои имена. Теперь уже всех евангелии снабдили шапочками-таблетками. Женщина на кушетке была хрупкая, красивая, с густыми бровями.

— Это мар Старк? — спросила Мэри.

— Точнее, ее муляж, — ответила Хэтти. — Медтехники его сделали по голограмме с ее последнего дня рождения. Через контрольное устройство муляж подключен к ее мозгу.

Череп в своем сосуде возвышался над ними, как некий призрачный судья. Глаза у него оставались все такими же мертвыми.

Хэтти провела рукой муляжа по грубой обивке.

— Это способствует росту сенсорных нервных клеток. Попробуйте сами, по очереди, только легонько. Незачем раздражать кожу. — Мэри надела свои вирт-перчатки. — Мар Старк придется носить этот футляр года полтора, пока не подрастет ее новое тело.

— Муляж смотрит прямо на бак. Разве ему не страшно видеть себя в виде черепа? Я бы точно боялась, — сказала Ронни.

— В его зрительные функции встроена мертвая зона, — пояснила Хэтти, — он увидит резервуар, только если сам захочет. Главное, чтобы эмбрион в резервуаре видел футляр. Визуальная и проприоцептивная обратная связь ему просто необходима. Это обеспечивает правильный ввод новых нервных клеток в

существующую мозговую ткань. Иначе у пациента могут быть осложнения — от легких спазм до тяжелого комплекса Паркинсона. Мы заставим вас поразмять суставчики, как только очнетесь, мар Старк, — заявила муляжу Хэтти.

Евангелины под руководством Хэтти перевернули муляж на спину. В вирт-перчатках голограмма казалась тяжелой, как настоящее тело. Компаньонки сгибали ей ноги, водили по кушетке ладонями и босыми ступнями. По взглядам, которыми они при этом обменивались, Мэри поняла, что вечерняя смена сообщила ночной какие-то новости, но поговорить об этом не было никакой возможности. Как только сенсорная процедура закончилась, трое джонов внесли в коттедж картонные коробки с личными вещами Эллен Старк: шляпы, лампы, фотографии, бусы, награды, книгодиски и прочее. Хэтти и евангелины стали раскладывать все это по полкам и нишам.

Потом Хэтти собралась на обход, дав напоследок инструкцию:

— Не забывайте стимулировать пациентку. Помните, что она обладает зрением, слухом и обонянием. Многие из вещей мы выбрали за их ароматические качества. Ничто не привлекает внимания так, как запах.

— Каким же образом мар Старк чувствует запахи? — спросила Синди.

— А вам не показывали? Ладно, сейчас. — Хэтти подвела их к пульту управления резервуара, показала маленькое зарешеченное отверстие. — Это анализатор запахов, временный нос мар Старк. Он постоянно тестирует окружающую среду и передает результаты на обонятельный эпителий пациентки, сохранившийся в целости. Я всегда пользуюсь одним и тем же шампунем, чтобы пациенты узнавали меня по запаху. — Хэтти потерлась головой о решетку. — Доброе утро, мар Старк. Это я, Хэтти Бекеридж, ваша дневная сиделка. Запахи для нее сейчас во многом важнее, чем зрение, — добавила она, выпрямившись. — Обоняние действует проще и непосредственнее. — По ее команде в воздухе появилась большая серая модель мозга. — Теперь добавь глазницы и покажи нам первичную ретинофугальную проекцию. — Глазные яблоки на модели пришлись очень кстати — без них Мэри не отличила бы одну долю от другой. Красная подсветка позволяла видеть два нерва, идущие от них в средний мозг, где они перекрещивались и тянулись дальше, в заднюю часть полушарий. — То, что мы видим глазами, помещенными впереди, должно пройти через весь мозг, прежде чем попасть на визуальный участок коры сзади. Здесь сигналы проходят первичную обработку и лишь потом направляются на другие участки для дальнейших стадий

процесса.

Хэтти распорядилась показать нервы целиком, и мозг точно вспыхнул изнутри.

— Впечатляет, да? Зрение — главное из пяти чувств. Почти треть мозга занята обработкой зрительных образов.

Она дала модели команду показать зрительную активность Эллен Старк. На этот раз осветились только глаза и нервные волокна до своего пересечения в центре мозга.

— Видите? Сигнал пропадает задолго до глазных долей. Свет горит, только дома никого нет. Сравним теперь зрение с обонянием. Покажи нам обонятельную активность пациентки.

Под глазами высветились два зеленых пятна.

— Вот он, обонятельный эпителий, выстилающий верх носовых пазух. Из него складываются обонятельные луковицы, единственная мозговая ткань за пределами черепа. Эпителий контактирует с воздухом, которым мы дышим. — Хэтти указала на долю мозга, примыкающую к зеленым участкам. — А вот и обонятельная кора, прямо тут, по соседству. Обоняние — единственное из сенсорных ощущений, поступающих прямо в мозговую кору. Это дает ему не имеющее аналогов влияние на те части мозга, которые ведают эмоциями, мотивацией и некоторыми видами памяти.

По окончании лекции Хэтти ушла, взглянув предварительно на эмбрион. Евангелины тоже посмотрели. Креветка, как показалось им, нисколько не выросла со вчерашнего дня.

Меррил Миви лежал в усадебном бункере, углубленном под землю примерно на четверть клика. После вчерашней атаки домашних техносов Крошка Ханк счел, что благоразумней будет переместить его вниз. По крайней мере пока не выявится, кто в этом виноват и как виновные преодолели защиту усадьбы. Однако Миви, остро чувствуя тяжесть земляной толщи у себя над головой, особенно защищенным себя не чувствовал и ночью спал плохо. Можно ли найти хоть одно безопасное место, если враги Элинор способны превратить ковровых уловителей в бойцовых собак?

Одно вообще-то можно. Рядом с его убежищем расположен нулевой бункер, сооружение мирового класса. Туда не проникают ни электромагнитные излучения, ни длинноволновые колебания Земли, ни космические лучи, ни ультразвук, ни какая-либо шпионская техника, даже квантовая. Так, во всяком случае, говорила ему Элинор. Сам Бог, хвасталась она, там ее не подслушает. Там Миви, может, и выспался бы.

Шея у него болела, гортань саднила. Схватка с уловителями

оставила синяки на всем теле. Стрела, правда, спасла Миви от удушения, но лишь по его прямому приказу. Ее возможности внушали почтение, однако для телохранителя соображала она очень медленно.

[Стрела], сказал он по-старкесски, [что ты такое?]

[Не понимаю вопроса], ответила она на том же языке.

[Ты ментар?]

[Ответ утвердительный].

[Личность ли ты?]

[Не понимаю вопроса].

[Обладаешь ли ты самосознанием?]

[Не понимаю вопроса].

Миви встал с кровати, прошлепал в ванную. Человек тридцать, привыкших к условиям класса люкс, могли бы спокойно пересидеть в этом бункере ядерную или биологическую войну, ни в чем себе не отказывая.

Помывшись и одевшись, он пошел завтракать на камбуз. Там его ждал Крошка Ханк в человеческий рост, в одеянии из шкур оцелота.

— Доброе утро тебе, человек в одежде, — продекламировал он, без всяких вопросов подтвердив по-старкесски свою целостность. — От души надеюсь, что вчерашняя драка с пылесосами не повлияла на твой аппетит. Здешний кулинар набит деликатесами под завязку. Рекомендую вафли из кислого теста.

Миви, пробурчав что-то, сел за один из длинных, как в кафетерии, столов. Смерив подозрительным взглядом подкатившего к нему офибайтора, он заказал сок, тосты, клубничный джем и кофе.

— Рад тебе сообщить, что разобрался в сбое защиты. Пыль на твоей одежде и коже содержала в себе инструкции по взятию наших домашних техносов под контроль. Ты, наверное, подцепил ее еще на старой квартире.

— Кабинет?

— Возможно, но не обязательно. — На столе рядом с Миви открылась диорама, показывающая больничный коттедж изнутри. — Готов выслушать новости? — Крошечные евангелины и джоны передвигали мебель в коттедже. Миви прилип глазами к кушетке, где, по всей видимости, спала возрожденная Эллен Старк. Нет, это муляж, конечно.

— Она все еще в коме?

— Увы, да. Состояние не улучшилось, прогноз с каждым часом все хуже. Консьерж, судя по счетчикам непрерывности, не пытался подправить мои наблюдения. Но взятую контрабандой

пробу амниосиропа перехватил, а евангелину, которая хотела вынести анализ из клиники, уволил.

— Свой специалист нам просто необходим.

— Да, конечно, но я пришел к выводу, что лучше всего забрать Эллен оттуда и лечить ее здесь. С помощью специализированного автодока, если понадобится.

— Здесь, в бункере?

Офибайтор подал Миви завтрак. Тот намазал тост джемом, опасливо надкусил.

— Да, в бункере. Не в этом даже, а в нулевом. Я уже оборудую там ревивификационную клинику. Закупил бак, амниосироп, контроллер — все, что требуется. И автодок подходящий нашел. — Все это время они наблюдали за происходящим в коттедже. — Вся проблема в том, как ее оттуда забрать, — сказал Крошка Ханк, когда Миви доел.

— Ты ведь ее опекун, вот и распорядись.

— Это может их спровоцировать. Если ее действительно хотят уморить постепенно, чтобы придать ее кончине естественный вид, то при малейшем нашем вмешательстве ее убьют сразу. Изъятие должно быть молниеносным, без предупреждения.

Миви вытер губы, свернул салфетку.

— Что у тебя, собственно, на уме?

Вечерняя смена донесла, что одну их евангелину, не Ренату, уволили за нарушение правил клиники. За детали Мэри не могла поручиться, так как рассказывалось все это обиняками, но выходило так, что Селия, незнакомая ей, зачерпнула из бака немного жидкости и попыталась вынести пузырек за проходную. Сделала она это якобы по инструкции Крошки Ханка, ментара их клиентки. Поэтому Ник перевел Ренату в вечернюю смену, а Джорджи ну взял в утреннюю.

Синди и Ронни скоро ушли, а Мэри с Джорджиной стали думать, как бы лучше «простимулировать» свою подопечную.

— Давай почитаем ей, — предложила Мэри и взяла с полки книгодиск, но это оказалась тяжелая штука с бумажными страницами — книга. Евангелины, усевшись рядом с кушеткой, внимательно изучили предмет старины. Первые две страницы были *пустые.* Книгу издали в 2013 году, в Бостоне — в древнем Бостоне, видимо. Глифов, знаков, иллюстраций не обнаружилось. Текст распространялся на 240 печатных страниц. Слова от прикосновения не звучали и не демонстрировали своих соединительных звеньев — так и лежали грязными пятнами на бумаге.

Муляж Эллен Старк лежал на спине, голова на подушке, руки сложены на груди — точно мирно почившая женщина.

— Мы хотим почитать вам вашу старую книгу. — Мэри приложила руку муляжа к шероховатой обложке. Но книга не была

снабжена виртуальным аналогом, и рука прошла сквозь нее.

Ничего страшного. — Мэри открыла книгу и начала читать вслух: Делами Кей. «Яблоневый сад». Глава первая, «Джая».

«Был тот редкостный день, когда люди с гибкими манерами излучают удовлетворение, недоумение или беспокойство в зависимости оттого, что им прописали. По чьей-то небрежности в передний отсек проник заряд ненаправленного горя. Он долго плыл незамеченным по всему кораблю, пока Джая Таксамани не столкнулась с ним на выходе из люка и не расплакалась без всякой причины».

История, явно любовная, сразу увлекла Мэри, и они с Джорджиной, сменяясь, читали около часа. Их прервал медтехник Кобурн. Он ввез свою каталку в коттедж, пробурчав при этом что-то недружелюбное.

— Отдохнем немного, — сказала Мэри. — Познакомься, Джорджина, это Мэтт.

— Кобурн, — поправил тот.

— Мэтт хочет, чтобы его называли Кобурн.

— Инкубаторские, — процедил техник сквозь зубы. Мэри опешила, Джорджина хотела сказать в ответ что-то резкое, но передумала. Мэри спросила только, не могут ли они чем-то помочь. Нет, не могут, заверил Кобурн. Пусть оставят его в покое, и все. Евангелины все-таки подошли посмотреть, что он делает, и он вскоре запустил в Мэри пустой катушкой из-под нервов.

Евангелины, поняв намек, вернулись к кушетке. Джорджина закатала Мэри рукав — посмотреть, нет ли синяка. Катушка была не тяжелая, и Джорджина на самом деле закатала рукав не поэтому, а чтобы скрыть желтое пятно от амниосиропа, оставленное катушкой на ткани. Если Крошке Ханку так нужен образец, это может сойти.

— Как ты думаешь? — спросила она.

Мэри не знала. Не разгадает ли Консьерж их уловку? Настолько ли ценен этот сомнительный образец, чтобы оправдать такой риск? До смены оставалось еще несколько часов, и она не торопилась с решением. Просто позволила Джорджине закатать и другой рукав, для симметрии.

В перерыве Мэри погуляла по территории, здороваясь со всеми встречными и стараясь выглядеть как можно приветливее.

Посмотрела, как играют в теннис на корте. Выпила охлажденного кофе с сырным печеньем у девятнадцатой лунки для гольфа. Когда она попросила у стива-официанта счет, он сказал, что за такую ерунду в клинике не платят.

На обратном пути, у столовой, Мэри встретила Хэтти с ее коллегами-дженни.

— Вот и она, — сказала Хэтти и познакомила Мэри с другими. — Наша новинка по уходу за больными.

Дженни сообщили, что пациенты-аффы уже спрашивали про евангелин. И состояние Старк тоже всех очень интересует.

Хэтти отправила других дженни вперед и осталась наедине с Мэри.

— Хочу дать тебе дружеский совет, ведь ты в нашей игре новичок.

Мэри подумала, что ее разоблачили, и стала раскатывать рукав, собираясь объяснить, что хотела просто спрятать пятно, а не выносить амниосироп за ворота. Но Хэтти совсем не это имела в виду.

— Нас-то, дженни, к этому с детства готовят. Знаю, это нелегко, но тебе и другим линам надо привыкать к мысли, что вы можете лишиться своей клиентки.

— Что-что?

— Вы тут ни при чем, и полной уверенности у меня нет, конечно. Бог свидетель, у нас тут всякие чудеса случались, но у Старк дела очень плохи. Ты видела ее эмбрион. Он не только не растет, но еще и теряет вес. Он просто не может развиваться, пока она в коме. Если она не придет в сознание очень скоро, он погибнет.

Мэри, не зная, что делать с руками, заложила их за спину.

— Но это само по себе не убьет ее мозг, ведь нет?

— Нет, не убьет, но прививать другой эмбрион смысла уже не будет. Если в таком случае Старк, что маловероятно, все же придет в себя, ей придется доживать свои дни в качестве мозга без тела. Большинство людей предпочитают смерть такому существованию. — Хэтти стиснула руки характерным для дженни жестом и конспиративно понизила голос. — Некоторые говорят, что оживлять мертвых — большой грех перед Создателем, но я скажу, что это фигня. Мы почти всегда собираем и запускаем человека заново без всякого там сговора с Сатаной. Но глубокие массивные травмы, как у Старк — известно тебе, что при катастрофе ее всю размазало? — такие травмы создают особый разряд мертвецов. Это не то что утопленники или умершие от потери крови. Экстремальные травмы меняют людей. Похоже, что жертвы вообще не хотят возвращаться, а если мы все-таки

умудряемся их спасти, полностью не выздоравливают. В них что-то надламывается. Потому я и говорю, чтобы ты и твои сестры готовились к худшему.

Расстроенной Мэри показалось, что медсестра уже списала мар Старк в расход.

На Минеральной аллее ей повстречался Консьерж.

— А, мар Скарленд! — воскликнул он весело. — Я как раз иду в Полевой Шпат. У мар Старк посетители. Не возражаете, если я пройдусь с вами?

— Конечно же, нет. — Она невольно убрала за спину провинившуюся руку.

Коттедж навестили трое реальных гостей: женщина и двое мужчин. Одеты они были не из экструдера и сидели в вальяжных позах богатых людей. Аффы, друзья аффа Старк. Джорджина удалилась в верхнюю комнату к резервуару. Один из мужчин, в вирт-перчатках, расчесывал волосы муляжа специальным гребнем. Его глаза с полуопущенными веками едва скользнули по Мэри, чтобы остановиться на Консьерже — властно и в то же время небрежно.

— Ты здешняя машина, — произнес он без вопросительных интонаций.

— Да, я ментар клиники.

— Тут все подключено?

— Да, мар Орекс, муляж мар Старк полностью подключен к ее мозгу.

— Это хорошо. — Гость удалил Консьержа из зоны своего внимания. Его рука с расческой двигалась плавно и грациозно. По волнообразному движению мускулов Мэри поняла, что их прикрепили к костной основе заново — последний крик аффовской моды. Более длинные и сильные связки, повышенное количество тонкого мышечного волокна, скомбинированного с кошачьей ДНК. Сами кости тоже укрепляются.

Гостья, сидящая на краю кушетки, тоже в перчатках, держала муляж за руку.

— Элли, милая, это я, Кларити. Ты хоть понимаешь, как все это не вовремя? Не забыла про наш сегодняшний тест? Детка, у нас проблема. Ренальдо Опасный совершенно не подходит для этой роли. Давай-ка это обсудим. Ненавижу принимать такие решения в одиночку. Хватит уже коматозничать.

— Поцелуй ее, Кларити, — предложил другой мужчина, ген-инженерный красавец с традиционно человеческой мускулатурой. — Со спящими принцессами именно так положено поступать. Я точно знаю: со мной это срабатывает.

— Нет, правда? Ты тоже плавал в бачке?

— Шесть раз! Все время здесь, в Рузвельте. Для меня тут персональный бачок зарезервирован, так ведь, Серж?

— Рады видеть вас у себя, мар Торп, — ответил Консьерж. — Вижу, вам пока не удалось убить это тело.

— Нельзя сказать, чтобы я не старался, — со смехом заверил Торп.

Вошло новое лицо, плотный мужчина с жесткими седыми бакенбардами и отвисшими брылами. В блузе и берете, как у художника, с большим деревянным ящиком на плече.

— Себастьян Кэрол! — воскликнула Кларити. — Я думала, их уже не осталось.

— Действительно, не осталось, — подтвердил Консьерж, — по крайней мере в общедоступных сетях.

— Объясни, будь любезен.

— Поскольку поток информации в пространстве клиники ограничен, мы содержим собственный имитомир для развлечения наших гостей. Гологолли занимается специальный субмагнит. В нашей труппе больше тысячи персонажей, среди которых есть настоящие коллекционные экземпляры — например, Себастьян Кэрол.

Коллекционный персонаж разглядывал комнату налитыми кровью глазами. У его деревянного ящика отросли ножки, затем от него же отпочковался мольберт.

— Эй, негритянка! — сказал он Кларити. — Разденься и наклонись влево.

— Если у вас свой имитомир, кто составляет сценарии? — спросила та у Консьержа, не обращая на художника никакого внимания.

— Ваш покорный слуга.

— Ясно, — протянула Кларити. — И какого же мнения ваши гости о сценариях, составленных ментаром?

— Кларити, ну сколько можно говорить о работе? — вмешался человек, расчесывающий волосы Эллен. — Тоска берет, честное слово.

— Сколько часов назад Эллен извлекли из шлема, Серж? — спросил другой, Торп.

— Пятьдесят семь.

Друзья Старк многозначительно переглянулись. В коттедж вошли еще два гологолли — те самые врачи, которых Мэри с Джорджиной встретили на дорожке.

— Откуда в вашей труппе взялся Ренальдо Опасный, Серж? — нахмурилась Кларити. — Наша с Эллен компания купила его полную версию — так мы, во всяком случае, думали.

— Не волнуйтесь, — сказал Консьерж, — это его бета-версия. Оригинальные продюсеры использовали нас в качестве полигона. Наш мирок идеально подходит для испытаний — вам и мар Старк стоит иметь это в виду на будущее, когда будете разрабатывать новые персонажи.

Имиты подошли к кушетке.

— Привет-привет, не вставайте, — сказал Ренальдо. — Всего лишь очередной обход. Я доктор Тед и вожу по палатам моего коллегу, доктора Бэбс.

— Очень приятно, — ответила Кларити. — Жаль, что моя подруга Эллен сейчас без сознания. Она тоже была бы рада познакомиться с вами, особенно с доктором Тедом.

— Весьма польщен. — Доктор Тед достал из воздуха медицинскую карту. — Трагический случай, коллега. Перед нами мар Эллен Старк из династии Старков. Ее космическую яхту захватил вражеский ментар, и Эллен погибла. — Доктор надел на шею антикварный стетоскоп, извлеченный из кармана халата. — Крионический шлем лишь частично стабилизировал ее альма-матер, поэтому мозговая головоломка уллен рассыпалась. Но опасаться не надо: мастера нашей клиники уже все наладили, и наша пациентка быстро поправляется. Еще немного, и мы ее выведем из комы.

Кларити похлопала в ладоши, не снимая перчаток.

— А нам и в голову не пришло сделать Ренальдо Опасного доктором. Молодец, Консьерж. Не удивляйся, если мы украдем у тебя идею.

— Почту за честь, — сказал ментар.

Разговор снова зашел о работе, и Мэри, которая все равно чувствовала себя невидимкой в этой компании, ретировалась к Джорджине. Медтехник покрыл череп кожерастящей марлей, и теперь его почти не было видно. Мэри раздавила о нюхательную решетку контроллера сорванную у озера маргаритку.

Мнимые доктора, посетители и ментар ушли — остался только Себастьян Кэрол.

— Молодые леди, — скомандовал он, тыча кистью в сторону Мэри и Джорджины, — раздевайтесь и садитесь вот сюда.

Только на полдороге к Южным воротам, в период картофеля фри, Мэри вспомнила про пятно на своем рукаве, о котором совершенно забыла на все послеобеденное время.

— Что с тобой? — спросила Джорджина.

— Так. Вспомнила, что должна была сделать. Джорджина, пронизав ее взглядом, сказала:

— Я видела в спортзале общественный экструдер. — Это значило, что Мэри может заказать в раздевалке новую смену одежды. Может бросить уличающую ее блузку в утилизатор, и после сауны никто ничего не поймет.

Но Мэри, не желавшая показаться трусихой, ответила:

— Ничего. Сделаю это потом.

На проходной она пропустила Джорджину вперед, чтобы ту в случае чего не обвинили в соучастии. Когда Джорджина, по ее расчетам, уже вышла за территорию, Мэри затаила дыхание и двинулась следом.

На посту все еще стоял Рейли, и Мэри мысленно обругала себя за то, что и его в это впутала. Однако ее никто не остановил. Рейли сказал, что увидится с ней и с Фредом вечером на их традиционной тусовке, ведь сегодня среда. Нет, сказала Мэри, вечером Фред на службе.

Еще минута, и она уже шагала по обсаженной изгородями аллее, где ждала ее полная сестринской гордости Джорджина.

— Результаты! — потребовал Миви.

— Анализ еще не закончен, — сказал Крошка Ханк, — но кислород, питательные вещества, гормоны и фармацевтика в норме.

— Почему же тогда Эллен до сих пор не пришла в сознание? Что они собираются с ней делать?

— Возможно, ее травмы, как говорила медсестра, окажутся несовместимыми с жизнью.

Миви вспомнил все, что он знал об Эллен. Она не так упряма, как ее мать (чьего воскресения из мертвых Миви все еще подсознательно ожидал), но тоже борец хоть куда.

— Должен сказать, эти евангелины меня ошарашивают, — продолжал ментар. — У них своя система общения, не уступающая по сложности и гибкости старкесу, но в основном невербальная. Я ничего в ней не смыслю. Вижу, что информация передается, а прочитать не могу. Существует ли такая штука, как коммуникация на клеточном уровне? И еще. Я думал, что увольнение подруги их напугает, а случилось, похоже, как раз обратное. Я ведь никого больше не просил достать мне образец амниосиропа.

— Я хорошо тебя понимаю, — сказал Миви. — Никогда раньше не обращал особого внимания на этот типаж. Думал, это так, комнатные собачки.

3.9

Богдан пришел с работы домой на два часа раньше. Он долго стоял перед входной дверью, не прикасаясь к контрольной пластине и не говоря ничего. После долгого противостояния дверь уступила ему и открылась. Богдан поднялся на четвертый этаж, где в коридоре у Зеленого зала собрался, похоже, весь чартер. «Кто им сказал?» — первым делом подумал Богдан, но потом смекнул, что никто его здесь не ждет и знать не знает о его возвращении. Ну да, он вернулся раньше обычного. Эйприл в зале совещалась о чем-то с Кейл ом; Меган и Би-Джи, стоя у двери, комментировали беседу.

— Самсон нынче утром восстал из мертвых, — сказала Меган. — Сел на смертном одре и потребовал каши и соку.

— Сейчас Денни и Расти его в сортир повели, — доложил Би-Джи.

— Помогают ему в геройском опорожнении.

— Он хочет ехать с нами на съезд.

— Но Кейл говорит, что это безумие. Как быть с его запахом? А если он умрет там у всех на глазах?

— А вот Эйприл за Сэма. Если он пойдет, то и ей можно будет.

При похожем на оплеуху звуке все взоры устремились к двери Зеленого зала. Кейл поднял свой бумажный блокнот и снова шлепнул им по столу.

— Кейл всю неделю пил таблетки для пущей уверенности, — сказал Би-Джи.

— Угу. Цепляется за каждое свое решеньице, как за спасательный плот, — подтвердила Меган.

Сверху спустилась Китти.

— Я пошла к ним. Пожелайте мне все удачи.

— Ни пуха ни пера, — хором сказали чартисты.

— К черту! А Богдан почему здесь? С работы выгнали? Обалдевший Богдан промолчал.

— Все в порядке, — весело объявила Китти, войдя в зал. — Я заказала инвалидное кресло. Оно уже едет.

— Кресло? На какие это шиши? — ахнул Кейл. — И речи быть не может. Я уже все решил.

— Не беспокойся, Сэм его оплачивает из собственного кармана. Все провернул этот Хьюберт, который в поясе. Прокат оплачен, кресло уже в пути.

— Так отмени заказ! — взревел Кейл.

— И не подумаю. Сэм едет с нами.

— Но он… он под домашним арестом! — захлебывался Кейл.

— Не кричи, я прекрасно тебя слышу. Я поговорила с пчелой, которая его стережет, и уладила дело с внукоровцами. Они разрешают. Не больно-то он им и нужен, как видно.

— Но ведь…

— Послушай, Кейл, — поднялась со скамейки Эйприл, — если мы возьмем Сэма на его последний съезд, это только прибавит чести нашему чартеру. И в глазах твоих чертовых Бидлов, между прочим, тоже. У них у самих-то не слишком здоровый вид, скоро нам и с ними придется нянчиться.

Этот аргумент на миг сбил Кейла с толку, и его противницы, пользуясь передышкой, сбежали.

— Говорю вам, я все решил! — крикнул домоправитель им в спину. — Слышали? Все решил.

Эйприл притормозила, увидев Богдана.

— Ты рано сегодня. Ну что, получил свою премию?

— Да! — заорал он. — Получил, блин, по полной!

Но Эйприл, уже не слушая, рассылала софамильников с поручениями. Автобус должен был прийти через два часа.

— Надень вот это, — скомандовала она, сунув Богдану в руки какой-то сверток. — Только душ сначала прими. — Она сморщила нос.

Смущенный ее замечанием, он понюхал свои подмышки. Все правильно, объект чертовски напуган. Неся парадную одежду перед собой, как чашу с водой, он поднялся в вышние сферы дома. Объекту не следует закрывать глаза, а моргать можно лишь очень быстро. Если делать это медленно, опустится кровавый занавес, и он снова увидит с ослепительной яркостью события этого дня.

Все началось, как только он пришел на работу. Его утренние задания не имели ничего общего с О-кораблями или планетой Лиза. Какой-то серый консенсус — Богдан забывал, в чем там дело, пока сеанс еще шел. Между заданиями он увидел в коридоре Аннет Бейджинг.

— Удачи тебе в отделе кадров, — пожелала она. — Сегодня, в три.

Хорошо, что напомнила. О встрече Богдан помнил, но забыл, который сегодня день, что, в общем, одно и то же. Аннет послала ему поцелуй и убежала. Поцелуй был настоящий, и Богдан стоял смирно, пока не почувствовал его на щеке.

Перед самым обедом закончилось действие его четвертой бодрилки, и он принял пятую. Пятьдесят третий час без сна, а ему хоть бы что. Таблетка не испортила ему аппетит, он даже добавку взял, и жаркое и мороженое. И карманы сникерсами набил.

Без пяти три он двинулся по административному коридору, держась путеводной линии. Коридор оставался тем же во всех арендованных помещениях, и Богдан знал, что должен прийти к трем черным дверям. Вот они, и скамейка напротив. Скамейка — тоже обязательная деталь. Вызванный должен ждать на ней, пока одна из дверей не назовет его по фамилии. Они, то есть Эп, ментар «Э-Плюрибус», всегда заставляют ждать. Все, что есть в компании, это конструкции Эпа: Академия, заведующая кадрами, даже сама Аннет. Здесь и кадров-то настоящих нет, в смысле людей — только демографы, как Богдан, да взятые на один день «дырки». И человеку, в общем, не совсем ясно, почему искусственная конструкция его заставляет ждать.

Но обещанная премия затмевала все, и Богдан не возражал. Он даже приготовился к ожиданию, для того и запасся конфетами. Он растянулся на скамейке и стал совать хрустящие шарики в рот один за другим. Сладкая кашица понемногу стекала в горло. Приятно, но зачем, собственно, надо дожидаться такой вещи, как премия?

— Мар Кодьяк, прошу сюда, — произнес голос.

К нему обращалась средняя дверь. Как всегда. Он спустил ноги на пол, проглотил свое лакомство, стряхнул крошки со скафа. Дверь отодвинулась, и он вошел.

Заведующей, естественно, не было. Опять, значит, ждать придется.

Офис находился в том же состоянии, что и в прошлый раз, то есть в состоянии бардака. Везде кучи бумаги (!): на полках, на старомодных шкафах, на полу, на столе. Всюду пыль, воздух затхлый. Чашки, упаковки с засохшими остатками пищи в каждом углу — ничего себе натюрморт. Хоть раз бы другая дверь его вызвала. Глядишь, ознакомился бы с другим, более приятным образчиком корпоративной культуры.

По прошлому опыту Богдан знал, что единственный реальный предмет здесь, кроме него самого, — это большой, рассчитанный на взрослого стул перед столом заведующей. Рядом корзинка с надписью СРОЧНО, в ней картонные папки. Когда он нагнулся прочесть заглавие верхней, напечатанные на ней слова расплылись.

Богдан со вздохом взгромоздился на стул и снова полез в карман, но тут открылась внутренняя дверь, и вошла заведующая, едва касаясь ногами пола. В одной руке она несла пачку свежих бумаг, другой расчищала на столе место. Спихнув несколько старых кип и уложив новую, она только теперь обратила внимание на Богдана.

— Спасибо, что пришли, мар Кодьяк. — Она стряхнула с рук

реалистичную пыль.

Он вскочил со стула.

— Спасибо, что пригласили меня, мар заведующая. Переворошив все папки на столе, она наконец нашла ту,

что искала. Разложила ее между двумя кучами, села, стала читать. Богдан снова влез на свой стул. Она шевелила губами, вникая в текст. Губы — большие, точно резиновые, намазанные лиловой помадой — не гармонировали с маленьким острым носиком. Не то лицо, на которое хочется долго смотреть, а тут еще бородавки.

Заведующая смерила Богдана взглядом.

— Сегодня исполняется год вашей работы у нас, мар Кодьяк. Поздравляю.

— Спасибо. — Богдан собрался опять вскочить, но дама вернулась к чтению.

Да, две мясистые бородавки, одна на щеке, другая на левой ноздре. Одна коричневая, другая бесцветная, из обеих растет по одному курчавому волоску. Наросты сами по себе противные, но волосы — это уж слишком. Почему она их не выдернет, черт бы ее побрал?

Начальница закрыла наконец папку.

— У меня здесь один документ — прочтите и подпишите. — Перед Богданом открылась рамка. Заголовок документа, ни словом не упоминая о премии или повышении по службе, ненавязчиво гласил «Соглашение».

Плотный текст не укладывался у Богдана в голове — а там были целые страницы, с квадратиками для подписи внизу.

— А что это? — спросил он.

— Соглашение, согласно которому вы продаете компании два последних года своей работы.

Богдан ничего не понял.

— Но я у вас работаю только год.

— Поздравляю еще раз. Мы надеемся, что выходное пособие и премия удовлетворят вас.

На странице высветился параграф, озаглавленный «Выходное пособие». Компания, не скупясь, отваливала Богдану заработок за три месяца вперед, примерно 103,9174 кредитки, в обмен на немедленный разрыв трехгодичного контракта.

— Я что-то не понимаю. Вы меня увольняете?

Около первой рамки возникла вторая — контракт Богдана, тоже с высвеченным параграфом.

— Нет, мар Кодьяк, не увольняем. Просто приводим в исполнение вот эту статью, дающую нам право выкупить ваш контракт в любое время и по любой причине.

— Это потому, что я немного подрос? Но я уже записался на выходные в молодил ьную клинику. Можете проверить. К понедельнику мне опять будет одиннадцать лет одиннадцать месяцев, будьте спокойны.

— Нам известно о вашем созревании. — Заведующая показала в улыбке редкие зубы. — Мы хотели именно его указать как причину разрыва контракта — но как любящие родители не стали пачкать ваше личное дело.

— Тогда почему? Разве я плохо работаю?

— Дело не в вашей работе. Принимая вас, мы рассчитывали, что за двадцать четыре месяца составим полную модель вашей личности, а следующие двенадцать будем проверять, насколько эта модель верна. Эти расчеты оказались в корне ошибочными. Ваша несложность, не сказать бы простота, просто поражает, мар Кодьяк. Мы затратили всего полгода на создание вашей точной копии и можем предсказать вашу реакцию практически на все случаи жизни. Следовательно, мы в вас больше не нуждаемся.

У Богдана перед глазами все помутилось. Он не знал, что сказать, и брякнул первое, что пришло в голову:

— Сегодня, может быть, так и есть, а завтра? Моя личность развивается, знаете ли. Не успеете оглянуться, как ваша копия устареет.

— Ха-ха. мы так и знали, что вы это скажете. — заведующая достала из папки листок бумаги. — Даже записали. Хотите взглянуть? — Богдан молчал, и она снова закрыла папку. — Ваша эволюция нас ни в коей мере не интересует, мар Кодьяк. Для изучения развития и взросления человека у нас есть другие контрольные экземпляры. На вас мы изучали нечто совершенно иное, а именно остановленную в развитии личность. Представьте только: двадцатидевятилетний мальчик, который так и не вырос, балованное лотерейное дитя стареющего чартера; чартист, мечтающий о приключениях, но ровно ничего не делающий, чтобы их испытать; девственник, влюбленный в гологолли до такой степени, что на реальных девушек не обращает никакого внимания. — Заведующая поковыряла ногтем в зубах, дав Богдану шанс выдать еще один заранее известный ответ. Он, скрестив руки, гордо молчал. — Вы обижены, — резонно предположила она, — хотя и знаете, что все это правда. Мысленно вы желаете мне смерти. Вы полагаете, что мы вас совершенно не знаем, и очень хотели бы заполучить в руки эту нашу модель. Вот тогда бы вы нам показали, верно? Хорошо, — сказала она, когда он промолчал и на этот раз. — Познакомьтесь с Богданом Кодьяком.

Рядом возник точно такой же стул. На нем развалился

маленький тощий мальчишка, разглядывающий Богдана с прищуром.

— Что, страшно? — спросила женщина.

— Ну, даже и не знаю.

— Да ты вообще ни фига не знаешь. — Ложный Богдан без всякого предупреждения спрыгнул со стула, с воплями пронесся по комнате, пиная бумажно-картонные залежи, снова залез на стул и зевнул.

— Теперь легче? — спросила заведующая, глядя на реального Богдана.

Он вынужден был признать, что ему действительно полегчало.

— Но вы до сих пор не убеждены.

— Правильно. Да какая разница, все равно вы меня выгоняете.

— Есть один способ остаться. — Заведующая откинулась на спинку стула.

— Правда? — насторожил уши Богдан. Она почесала бородавку у себя на щеке.

— Да, вы можете остаться, если продемонстрируете несовершенство нашей модели.

Модель закатила глаза.

— Как же мне это сделать?

— Спросите ее о чем-нибудь. Если модель не сможет ответить на ваш вопрос, а вы сами дадите ответ, мы сохраним за вами работу.

— Ладно, договорились. — Богдан углубился в самые тайные закоулки своего мозга, куда даже кишечный пробник добраться не мог. Его двойник тем временем лопал сникерсы.

Недремлющий разум Богдана перебирал и отбрасывал десятки вопросов.

— Время, — сказала заведующая.

Богдан решил сжульничать и спросить имит о том, чего сам не знал.

— Ты, самозванец, если такой умный, скажи, что значит пыльное «Х»?

— Да запросто, — засмеялся другой Богдан. — Хьюберт.

Ну конечно же! Настоящий Богдан сразу понял, что это правда. «Х» — это Хьюберт, из чего следует, что Тобблеры все-таки пронюхали об аресте ментара. Может, не все Тобблеры, а только Трой и Слизненыш. Этот вывод сильно встревожил Богдана, и ему очень захотелось получить ответ еще на один вопрос.

— Да, правильно, — сказал он. — Это я так, на пробу

спросил, а теперь скажи: кто украл Лизу?

Двойник поерзал на стуле.

— Трой Тобблер со своим корешком Слизненышем, кто ж еще.

Паскудный имит снова его удивил. Кто ж еще, в самом деле? Ясно, что с этой моделью не все в порядке — уж очень она проницательна. Но не успел Богдан сказать об этом начальнице кадров, другой пацан отдал ему честь. Напоминает о дразнилках Троя и Слизныша, что ли? Но двойник, глядя Богдану в глаза, продолжал держать руку у виска, пока Богдан не сдался и не ответил ему аналогичным жестом.

— Если ты сам в это не веришь, — вкрадчиво-задушевно сказала копия, — как же ты думаешь это осуществить?

* * *

— Ты скоро там? — крикнул Расти около душевой кабинки. — Эйприл говорит, автобус вот-вот приедет.

Богдан встрепенулся и вышел из душа. Вытерся, надел парадный костюм. Расти топтался рядом, поддерживал разговор и старательно притворялся, что не подглядывает, все ли с Богданом в порядке.

— Да нормально все, — сказал Богдан.

— Да-да, я знаю.

Коммандер Фред Лонденстейн, сидевший в помещении для охраны центра «Мак-Кормик», отвернулся от диорамы, потер глаза. Двадцать мрачных найков по обе стороны от него смотрели на другие диорамы, соответствующие расположению реальных комнат. Всего съезд занял около сорока помещений. Самым большим был многоярусный Зал Наций: его диорама целиком заполнила бы гостиную в квартире у Фреда.

Поймав взгляд Жиля на том конце (службе безопасности выделили один из бальных залов под штаб-квартиру), Фред подошел узнать, что стряслось. Жиль наблюдал за вторым по величине помещением, Залом Приветствий, который служил входом на съезд. Три конвейерных сканера, сходившихся там, доставляли по четыреста чартистов в минуту.

Кое-где над головами тысяч прибывших мелькали флаги. Ментар центра, Мак, распоряжавшийся сканерами, отметил субъектов с флагами как потенциальных смутьянов.

Жиль указал на типа, имевшего при себе целых три. Фред пролистал досье этого человека: преступления против личности,

отбыл срок, но за последние семьдесят лет никаких правонарушений. Увеличил его лицо — ничего, кроме радостных ожиданий. Пришел он в обществе членов своего чартера.

— Пропусти его, но снабди персональной пчелой, — сказал Фред.

— Я так и подумал, — ответил Жиль. — Да, кстати… — Он мотнул головой в сторону диорамы Зала Наций и двух найков, которым поручили за ней наблюдать. Половину из своих сорока найков Фред назначил вести мониторинг только для того, чтоы чем-то занять их: Мак вполне справлялся с этой задачей один. Эти двое, вместо того чтобы выявлять проблемные ситуации, сами на них напрашивались: увеличивали женщин на верхних ярусах и разглядывали их сквозь одежду.

— Прекратите немедленно, — приказал, подойдя к ним, Фред.

Найки даже не моргнули своими крысиными глазками, однако женщин одели.

Фред продолжил обход, обдумывая новую информацию. Найки по крайней мере не стеснялись показать, что им нравятся дикарки.

На лестнице Богдан встретил Денни, который нес Самсона вниз. Самсон выглядел вполне свежим и вменяемым.

— Сэм едет с нами на съезд, — сообщил Денни. Внукоровская пчела, сопровождавшая их, видимо, тоже ехала.

На площадке второго этажа ждали Эйприл, Кейл и инвалидное кресло.

— Здравствуйте, мар Кодьяк, — жизнерадостно молвило кресло, когда Денни усадил в него Самсона, и укрыло ноги седока пледом. — Максипомощник полностью к вашим услугам. Питание, автодок, санитарно-гигиенические функции, телеком, медиа, транспорт. Даже очистка окружающей среды от неприятных запахов. Я ваш дом на колесах, вам просто не захочется меня покидать!

— Зловещая фраза, — заметил Самсон.

— Сейчас я соединю вас с туалетным устройством. Извините за кратковременные неудобства.

— Может кто-нибудь заткнуть этот драндулет? Где Хьюберт? Хьюберт, ты где?

Кейл словно того и ждал:

— Хочешь знать, где Хьюберт? Я скажу тебе, Сэм. Он исчез бесследно из-за твоей глупой выходки.

Самсон наморщил лоб.

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь, Кейл. Как всегда.

Сверху спустилась Китти с ремнем.

— Смотри, что у меня тут есть, Сэм. — Она сунула пояс креслу. — Запрячь его куда-нибудь понадежнее.

— Что это такое? — спросил иамсон.

— Твой пояс, Сэм. С долькой Хьюберта.

— Хьюберт?

— Привет, Сэм, — сказал поясной слуга через динамики кресла. — Я принимаю на себя управление этим транспортным средством. Я не полный Хьюберт, только его терминал с минимальным количеством внешних устройств. Можешь звать меня Хьюберт-пояс.

— Но говоришь ты точно как Хьюберт, — с надеждой сказал Самсон.

— Да, правильно. — Хьюберт-пояс направил кресло вниз по ступенькам, потом на улицу. Убаюканный рессорами Самсон уснул еще до того, как его погрузили в автобус.

Тобблеры тоже отправлялись на съезд, и новенькие автобусы спускались к ним с неба один за другим. Кодьяковский по сравнению с ними был маленький, зато бронированный, с металлическими сетками на окнах и подозрительными пятнами на сиденьях. Он не поднялся на пропеллерах в воздух, а тяжело покатил по городу на колесах.

У «Мак-Кормика» автобус застрял в потоке движения. За его грязными окнами простиралось море других автобусов, фургончиков и такси, едущих в ту же сторону. Богдан, глядя на это, снова и снова переживал сегодняшний день в утомительных подробностях шестидесятого часа бессонницы.

— Помните, ребята, — объявил Кейл по громкой связи, — есть только один шанс произвести первое впечатление.

Место для стенда Кодьякам выделили на густонаселенном четвертом ярусе Зала Наций. Эйприл передала Маку свои дизайнерские разработки, и отведенное им пространство, подсоединившись к скоп-системе зала, преобразилось в палубу плавучего дома. Именно на барже зародился восемьдесят лет назад чартер Кодьяк. Модель этого судна с вертикальными турбинами, опреснительной установкой, защитой от цунами и ураганов, рыбообрабатывающим цехом и антигломовыми фильтрами до сих пор оставалась популярнейшей в мире; миллионы людей жили на таких баржах в плавучих городках у берегов почти каждого озера и континентального шельфа. Самим Кодьякам давным-давно пришлось отказаться от дизайна жилых судов, и они пользовались этим только в целях вербовки.

Стайка легких стульев и столиков расположилась сама собой на голографической палубе, офибайторы расставили на столах

напитки с закусками. За несколько минут баржа «Кодьяк» пришла в полную готовность. Кейл собрал всех софамильников в кучку для окончательного напутствия. Меган и Би-Джи, сидевшие в автобусе рядом с Самсоном, обнюхивали рукава своих парадных одежд.

— Ну, вот мы и на месте, — с энтузиазмом заговорил Кейл. — Используем же предоставленное нам время как можно лучше. График дежурства при стенде есть у всех, так что прошу не опаздывать. В промежутках развлекайтесь сколько угодно, только особняком не надо держаться. Общайтесь! Общайтесь! Все, хороших вам впечатлений. Нет, погодите. Если кто спросит, говорите, что Хьюберт-пояс и есть Хьюберт.

— Я Хьюберт-пояс, — поправил голос из подъехавшего кресла со спящим Самсоном. Самсону, которому сканеры были противопоказаны, пришлось сделать крюк через запасной пропускной пункт, где ему придали для мониторинга вторую пчелу. — Я лишь бледное подобие Хьюберта-прим.

— Мы знаем, дорогуша, — заверила его Китти. — Ты, главное, помалкивай. Не повторяй этого больше.

Запах Самсона уже начинал вызывать замешательство на соседних стендах. «А я вам что говорил?» — читалось во взгляде Кейла, устремленном на Эйприл.

— Китти, не отвезешь ли ты Сэма вниз, в пивной садик? — сказала она, но Китти уже убежала к детям, игравшим в пятнашки. — Богги? — со вздохом произнесла Эйприл.

Богдан упорно пробирался мимо многочисленных стендов. Кресло Самсона и две внукоровские пчелы следовали за ним по пятам. Он только что проглотил шестую бодрилку, и его распирало. Хранители суповых горшков и традиционных ценностей приветствуют вас! Легион бирюзово-изумрудно-салатовых — к вашим услугам! Команда сине-оранжево-зеленых — к вашим услугам, мар! Приверженцы красно-черно-серого — к вашим услугам, мар! Вон еще какие-то, неопознанные — Лиза знала бы всех, — поклон вам, мар, удачного дня вам и вашей свите. Это они еще Сэма не учуяли. Как учуют, сразу сделают козьи морды.

Итак, будем следовать, не вступая ни с кем в разговоры, по бесконечным галереям дешевых посулов, где у всех на устах одна молитва: даруй нам еще одну трансплантационную ферму, еще один каменный карьер, еще один проект гнутого стула, и на сей раз мы составим маркет-план поумнее.

О вы, изготовители зеленого арахиса и декоративных оконных решеток. О вы, натягивающие оленью шкуру на

барабаны (в форме маленьких О-кораблей), о дистилляторы розовых лепестков, тысячелистника и эвкалиптовых листьев. Ваши дойные коровы давно подохли, раздулись и почернели, а вы все тянете их за сгнившие сиськи. Не пора ли им отдохнуть?

Богдан остановился у кодьяковского стенда, поняв, что описал большой круг. Издали это и вправду похоже на палубу жилой баржи. На голограмме даже волны присутствуют. Фрэнсис и Барри, не самые видные представители Кодьяков, ели на палубе сырную пиццу, но раз на борт все равно никто не стремится взойти…

Мы никогда не были мореходным чартером, хоть и жили на воде в Аляскинском проливе, близ острова Кодьяк. В 2054-м тринадцать женщин и девятнадцать мужчин, служащие элеваторного отдела Кодьяковского портового управления, разругались со своим старым домом и решили отпочковаться. Но на острове недоставало жилья, и они, сложившись, переделали рыбопромышленную баржу в плавучую резиденцию. Они ставили ее у прибрежных утесов, где единственным маяком служила черта прилива, беззащитные против тихоокеанских зимних штормов и летних дождей.

Впрочем, это было еще до Агрессии, и люди тогда впервые начали осознавать, что будут жить вечно.

Тридцать два кодьяковца, будучи хорошими инженерами и дизайнерами, за три года заметно усовершенствовали свое судно и организовали коммуну на основе полного равенства. Позже они зарегистрировали ее как чартер (и тогда же, вероятно, прикупили алюминиевую кастрюлю).

Богдан направился к ближней дорожке, ведущей вниз. На следующем по порядку ярусе он быстро проскочил мимо стенда Палтусов (бело-желто-белых) и их знаменитой трансгенетической свиньи с буграми мяса под дряблой кожей. Гонады напрокат, суррогатные матки. Судебные процессы по медицинским делам — почти без смертных приговоров, хорошие компенсации. Большое спасибо.

Далее двойной стенд, производители баннеров Чуры (коричнево-черно-красные). Известные специалисты по слияниям. Проглотим ваш чартер целиком, без всяких вопросов. Говорят, ваш дом скоро окочурится. Опять же спасибо. И до свидания. Чур меня, чур!

Богдан повернул за угол и увидел в конце ряда стенд Бидлов — устье микрошахты, встроенное в компактный отвал. Там толпилось около сотни чартистов, а трое Бидлов в черных одеяниях отвечали на вопросы за диспетчерской стойкой. Другие Бидлы, не те, что обедали вчера у Кодьяков. Любопытно бы узнать

насчет Вайоминга, но только не с храпящим и воняющим креслом в хвосте. Знак почета для чартера, да, но очень уж специфический.

На нижнем ярусе Богдан обнаружил карту-схему и дотронулся до изображения пивного садика. Полосатая, как леденец, путеводная линия протянулась от его башмаков через людный холл. Он пошел по ней, огибая лотки и киоски. Да здравствует чартер Джифф (красно-бело-зеленый), флагман великого Чартистского движения, владеющий экструдерными рецептами на все и вся и имеющий свои филиалы повсюду, даже в нашем зараженном пиратами доме на Хоув-стрит!

Привет чартеру Болто (сине-асфальтово-бирюзовый), чьи услуги в области страхования, инвестиций и банковского дела соперничают со многими аффовскими компаниями!

Слава чартеру Вайн (сплошная зелень), чьи оздоровительные курорты по всему миру приносят пользу тем, кто может себе это позволить!

Богдан закрыл глаза, омываемый пятиэтажной Силой Численности, Силой Разнообразия, Силой Сплоченности.

Основатели чартера Кодьяк были гиганты. Спрос на суда их модели охватывал все верфи земного шара. Все препятствия на своем пути они устраняли с помощью финансовых или иных средств. Какое-то время Кодьяк был знаменем всех чартистов, но героический период длился недолго. Все тридцать два пионера покинули корабль, чтобы сколотить себе индивидуальные состояния, и на борту остались только бедолаги вроде Кейла и Джералда.

Кто-то потрепал Богдана по голове — Трой Тобблер.

— Привет, золотенький! Дедушку на кресле катаешь?

Пухлые руки Троя торчали из коротких желтых рукавов зеленой с серебром парадной рубашки. Богдан бросил взгляд на свои — тоже пухлые, без намека на мускулы, но все-таки не совсем такие.

— Есть кто дома? — Трой помахал рукой перед глазами Богдана. — Что новенького у вашего как-там-его-звать? А какая вообще тюряга у ментаров? Им правда режут выводной механизм? Жесть.

Богдан помнил себя в возрасте Троя, помнил, как хорошо тогда было жить. Кодьяки еще владели кое-какими верфями в ЮАР и Европе, им принадлежало все здание на Хоув-стрит и чартерные дома в других городах. Все иногородние софамильники, бывая в Чикаго, привозили ему подарки. Им нравилось слушать его разговоры, а Лиза пела песенки, которые он сочинял.

— Трой, — сказал он, глядя на юного Тобблера со всей интенсивностью шестьдесят первого часа бессонницы, — ты уже кому-нибудь рассказал про Хьюберта?

— Нет. Как раз собираюсь.

— Лучше не надо. — Да ну?

Богдану хотелось стереть пацана в порошок, но он сдерживался.

— Ты ведь не сказал им, что взломал мою дверь, так ведь?

— Не-а.

— Ты сказал, что заставил меня самого открыть. Или Сэма. Вот и вышел чистеньким.

Трой усмехнулся.

— Так же и с Хьюбертом. Можешь рассчитывать на то, что я сам все выложу. Ну так как?

— Не, не пойдет.

На голову Богдана легла чья-то рука. Он смахнул ее и оглянулся. Это оказался пожилой человек в скафе чартера Кэндел (малиново-сине-черный).

— Твой софамильник спит, сынок? Или как?

— Самсон? Да, мар, наверное. Трой тем временем успел смыться.

— Жаль. Хотел выразить ему свое уважение.

— Я могу записать вас, мар, — предложило кресло. Чартиста это устраивало.

— Здравствуйте, Самсон Кодьяк, — начал он. Веки Самсона затрепетали. — А, вот вы и проснулись.

— Да? — Самсон попытался сфокусировать на нем взгляд. — Чем могу помочь, офицер?

— Ха-ха. Я не из службы безопасности, мар Кодьяк. Чарльз Кэндел. Мы с вами встречались в тридцать восьмом, когда вы еще звались Харджером, а я Соузом.

Самсон нахмурился, вспоминая.

— Чарльз Соуз? Да, как же! Киберскульптура. Но вы тогда были совсем еще мальчик.

У Кэндела отвисла челюсть.

— Вы еще помните меня век спустя! Точно, я был мальчишкой, неуспешным студентом, но ваши лекции по формовке псевдотканей меня увлекли. А ваша мастерская, если быть кратким, дала направление всей моей жизни. Остальное — уже история.

— История? Что он имеет в виду, Генри?

— Меня зовут Хьюберт-пояс. Мар Кэндел-Соуз выражает вам признательность за положительное влияние, оказанное вами на его судьбу век назад.

— В самом деле?

— Да-да, — подтвердил Кэндел. — Можете мне поверить, мар Кодьяк. Вы изменили мою жизнь в корне. Я видел ваше небесное шоу, потом услышал, что вы здесь, вот и решил поздороваться.

Когда Кэндел откланялся, к Самсону подошли еще двое. Скоро рядом с креслом выросла целая очередь.

— Хьюберт-пояс, — сказал Богдан, — доложи Эйприл обстановку и предупреди, что мне надо отлучиться по своим делам.

— Она говорит, что кого-нибудь пришлет. Пришедшая Китти оторопела при виде очереди, но Богдан,

не дав ей никаких разъяснений, уже ушел.

— Трой Тобблер, — запросил он, вернувшись к съездовской карте-схеме. Там появилась движущаяся точка, и Богдан устремился за ней в погоню.

Синяя пчела выползла из кармана укрытого пледом носителя. Укрывшись под его лацканом, она продела сквозь ткань волосообразные камеры, чтобы получить визуальную картину и совместить с лицами голоса, которые записывала для командующего-2.

Все шло как по маслу, и Фред начинал надеяться, что вечер обойдется без происшествий. Количество присутствующих дошло до 47 600 человек. У сканеров конфисковали 1200 единиц смертоносного оружия, в основном лазерных сабель и карманных дубинок. Задержали трех правонарушителей, объявленных в розыск (о чем они только думали, когда лезли в сканер класса «арена»?). Завернули назад 536 человек с поддельными или просроченными удостоверениями чартистов.

Смертных случаев на данный момент произошло семь — все от естественных причин, очевидно: три инфаркта, один инсульт, одно удушье (хот-дог в горле застрял), два под вопросом. Мертвых и умирающих, изымаемых с минимальным шумом, быстренько помещали в биостазис.

Отряд дружинников чартера Гуж нес свою вахту без всяких стычек с силами «Полезных людей». Настоящие профи, вынужден был признать Фред. Благодаря присутствию пятисот Гужей многих своих итерантов он держал про запас в служебных коридорах, пронизывающих все здание центра. Решив, что теперь самое время сделать обход, он поговорил со всеми, кто оставался в резерве — джерри, белиндами, рассами. Запасники дремали, переговаривались, играли в азартные игры. Офибайторы обслуживали их как положено, но выглядели они не очень

довольными, особенно рассы. Фреду показалось даже, что братья его избегают. Еще двадцать найков расхаживали взад-вперед, аж в глазах рябило. Удивляться нечему — их готовят к уличным боям, где можно всласть помахать дубинками, а не к мирному патрулированию и уж тем более не к отсиживанию в коридорах.

— Жиль, — сказал Фред, вернувшись в свой штаб, — пошли запасным пиццу с содовой и начинай понемногу выводить их в патрули. А найки, которые в резерве, пусть чередуются с теми, что сидят здесь.

Есть, ответил Жиль.

Продолжая обход на территории съезда, Фред почувствовал себя странно. Столько дикарей, и у каждого свое неповторимое лицо, своя фигура, свои параметры. И некрасивые есть, даже откровенно уродливые. Не спутаешь с аффами, которые теоретически тоже ведь дикари.

Большинство чартистов его игнорировали, но некоторые здоровались вполне дружелюбно. Рассов все любят.

Гужи, выделяющиеся своей громадностью среди всех остальных, его как-то успокаивали. И парадная форма у них красивая, скафы оливково-зеленые, верх с острым вырезом тоже оливковый или горчичный, в зависимости от статуса. На груди круг с литерой «Г», под ним имя. Над левым плечом парит оливковый шарик с той же горчичной «Г».

Они, однако, глядели на Фреда исподлобья — пока не замечали, в каком он звании.

В одном из залов он обнаружил прямо-таки олимпийский боксерский ринг — там разыгрывался приз «Золотые перчатки».

В другом устроили детский сад, и туда чартисты захаживали особенно часто. Там был пруд с гигантским лебедем и листьями кувшинки, где спали самые маленькие детишки. Малыши сидели в манеже с надувными куклами и зверушками, детишки постарше играли в организованные взрослыми игры. Фред насчитал около четырехсот детей и тысячи две взрослых.

В конференц-зале шло заседание Всемирного Чартерного Конгресса. В это помещение, единственное из всех, пчелы и камеры слежения не допускались. Здесь заседали мыслители и активисты чартизма, представители всех Объединенных Демократий. Вдоль трех стен зала тянулись столы, в середине помещалось двести зрительских мест. Реальных зрителей было мало, в основном заменители.

В докладчице, реальной персоне, Фред сразу узнал Веронику Гуж. Стоя в упрощенной модели Солнечной системы между Землей и Марсом и показывая на увеличенный О-корабль, она весьма темпераментно защищала свою точку зрения.

Перед Фредом возник бюст-заменитель мара Пакфина, неугомонного устроителя съезда.

— Извините, мар расс. Заседание закрытое, только для чартистов.

— Я просто обход делаю. Сейчас ухожу. Заменитель бросил взгляд на его именную табличку.

— А, мар Лонденстейн, это вы. Все как будто идет хорошо, вам не кажется? Столько волнений было с охраной, а она, возможно, и не понадобится.

Фред, скрывая свое раздражение, в самом деле собрался уйти, но тут к ним присоединился еще один заменитель — внушительный бюст Вероники Гуж. Реальная Вероника продолжала читать свой доклад.

— Извините, мар Пакфин, — сказал ее заменитель другому, — но я приглашаю мара Лонденстейна остаться.

— Мне очень хотелось бы дать согласие, — сказал заменитель Пакфина, — но правила никто не отменял. Поправку можно внести только путем голосования всех делегатов.

— Хорошо, поставим этот вопрос на голосование, — стояла на своем модель Вероники.

Фред попросил ее не беспокоиться — он уже уходит, — но она сказала, что результаты уже поступают. Секунду спустя заменитель Пакфина сказал:

— Делегаты будут вам рады, мар Лонденстейн. Присаживайтесь, пожалуйста, — и растаял, не дав Фреду шанса ответить.

— Не принимайте этого на свой счет, — сказала заменительница Вероники. — Мои собратья-чартисты, как вам, конечно, известно, испытывают иррациональную вражду к итерантам. Они полагают, что вы нас вытеснили из всех отраслей экономики, что вы-то и есть главная причина нашего упадка. Поступь истории ничего не значит для них.

— Не беспокойтесь, — повторил Фред. — Мы никогда не воспринимаем таких вещей персонально.

— А надо бы, пожалуй. Как вам, так и нам. Аффы разделили нас на две отдельные расы, внушили нам расовую ненависть, отравили ложью. Не кажется ли вам, что это личное дело каждого? Вот так они нами и управляют. — Приделанные к бюсту руки сопровождали речь заменительницы резкими жестами. — Но я совсем вас заговорила, вы так весь мой доклад пропустите. Найдите себе место, коммандер, я как раз подхожу к самому главному. Позвольте мне вас оставить.

— Погодите. Я согласен почти со всем, что вы сказали о трениях между нашими группами, но с «поступью истории» —

нет. Куда идет история, выяснится только со временем.

На массивном лице заменительницы появилась улыбка.

— Обязательно передам это своему оригиналу.

— Передайте еще, что я очень признателен ей за помощь. Я уже говорил, что в долгу перед вами, и опять повторяю.

Заменительница слегка посуровела.

— Не беспокойтесь об этом, коммандер. Уж мы найдем для вас способ расплатиться.

Когда она исчезла, Фред садиться не стал и слушал доклад Вероники стоя. Она выступала оппонентом против О-корабля № 164. Всемирный Союз Чартистов, очевидно, намеревался закупить его целиком в целях колонизации чартистами новой планеты. Упомянутый серийный номер должны были достроить лет через двадцать, что давало Союзу время составить список пассажиров и набрать требуемые четверть миллиона акров. Вероника возражала не против корабля как такового, а против места его назначения.

— Зачем отправляться в неизведанную солнечную систему? Чем плоха наша? Мне непонятно, почему власти чинят нам такие препоны. Почему среди нас нет космических чартеров? Почему эксклюзивное право на эксплуатацию ресурсов ближнего космоса отдано корпорациям? И если мы все-таки решим заселить новый мир, стоит ли отказываться от всех прав на этот? Этот обмен «один на тысячу» просто ловкий финт…

Фред, произнес Жиль. *Я слушаю.*

Ты поглядел бы на Зал Наций. А что там?

Один вонючка собрал вокруг себя кучу народу. Загораживает движение.

Вонючка?

Ну да, обожженный.

Я знаю, что такое вонючка, Жиль. Фамилия его как? Кодьяк.

Другой вонючка, не тот. Уже легче. *Иду,* сказал Фред.

Богдан свернул со своего маршрута в буфет. Обед он пропустил, а кормили на съезде бесплатно. Бургеры, жареная картошка, куриные шарики, трубочная пицца, лапша, рис-карри — чего душа пожелает. Богдан взял тройную порцию шоколадного мороженого с орехами и взбитыми сливками и пошел со всем этим в тихий уголок за пресс-занавесом.

Шум снизился до минимального уровня. Богдан, плюхнувшись в кресло, орудовал ложкой и наблюдал за текущей мимо тихой толпой. В рамке рядом с занавесом чередовались разыгрываемые в лотерею призы — шикарные, прямо аффовские — и названия выигравших чартеров. Утилизатор мусора достался

не Кодьякам.

Ничего, у них уже есть один в «Микросекунде», второй ни к чему. Тысяча квадратных метров интерьерной лужайки — куда такое пристроить? А вот тысячи литров гурмет-уги «Сара Ли» хватило бы на целых полгода. Нет? Ну и ладно.

За этими выигрышами последовали более мелкие, потом опять выскочил крупный — новенький домпьютер «Дженерал Джениус», индекс 2,5, установка бесплатная. Вот такой приз Кодьяки вполне заслужили. Он послужил бы переломом в долгой полосе неудач.

Богдан поставил пустую вазочку на пол, зажмурился, стал молиться. Пожалуйста. Ну пожалуйста!

Куда вам его поставить? Вот сюда. Уберите старый, поставьте этот. Установите камеры и передатчики в каждой комнате, на лестнице, в сарае у Сэма. Здравствуйте, я ваш новый Джи-Джи. Прошу вас, дайте мне имя.

Имя, имя. «Лиза» уже занято. Так назвали целую планету, дружок. Как насчет…

Богдан открыл один глаз. Нет, опять не Кодьяк.

В этот самый момент мимо прошел Трой Тобблер.

— Эй ты, стой! — Богдан рванул с места, но Трой уже скрылся в толпе.

Потолкавшись и не найдя его, Богдан стал заглядывать в попутные бальные залы. В одном шел какой-то митинг, в другом бокс, в третьем вальсировали, в четвертом трансцендировали. В пятом у стены одиноко стояла Эйприл, раскачиваясь и хлопая в такт неведомой музыке.

Увидев Богдана, она приняла виноватый вид, но хлопать не перестала.

— Просто удивительно, сколько мужчин способно пройти мимо, не заметив меня.

— Не смеши. Тебя все замечают. Ты у нас красавица. — Такая она и есть, теплая, живая — сама любовь. Без нее бы дом рухнул. Но что, если убрать эту идиллическую картинку и посмотреть на нее глазами рядового мужика? Теми самыми, которыми ты смотришь на Аннет Бейджинг? Сравнение будет не в пользу Эйприл. Лицо у нее лошадиное, точно его растянули, не дав затвердеть, глаза маловаты и расставлены чересчур широко. Торс, по контрасту, слишком короткий — подбородок прямо в живот упирается. Ноги длинные, но кривые, носки смотрят в разные стороны. Прямо дрожь пробирает, но тут идиллическая картинка возвращается на свое место. — Офигительная красотка.

— Ой, Богги!

К ним подошла женщина в черных и абрикосовых цветах, из

чартера Заврус.

— Веселого съезда, Эйприл Кодьяк, — сказала она, подавая руку.

— Так мы с вами знакомы?

— Салли Заврус. Можно мне поговорить с вашей софамильницей наедине, молодой человек? Мне нужно обсудить с ней один личный вопрос.

— Да пожалуйста. Мне все равно надо найти кое-кого.

Джерри и белинда обвели голокордоном инвалидное кресло и очередь.

— Хотели вообще его отсюда убрать, — сказал джерри Фреду, — но в правилах и постановлениях насчет них сам черт ногу сломит. Жиль не велел его трогать, пока ты не придешь.

— Да, правильно. Мак, не мог бы ты создать отрицательное давление вокруг этого вонючки? В радиусе метров на двадцать?

Постараюсь, ответил ментар.

— И учти, что он под модифицированным домашним арестом, — добавил джерри. — При собственной мониторной пчеле.

— Он что, преступник?

Самсон Кодьяк, сказал Жиль в ухе Фреда, *тот самый, который влез в Теленебо.*

Фред сам не видел этого хакера, но слышал о нем.

— Повтори-ка еще раз. *Самсон Кодьяк.*

Такое совпадение невозможно. Чтобы сразу двух из немногих уцелевших вонючек звали Самсонами? Фред открыл на визоре досье человека в кресле. Точно. Самсон П. Харджер-Кодьяк. Так падают великие мира сего. Фред не представлял себе, что может привести аффа, хотя бы и обожженного, в чартер. Сидящего в кресле он на таком расстоянии видел нечетко, но его запах вызвал в памяти множество воспоминаний.

— Зарегистрируй мара Кодьяка в списке ВИП, Жиль.

Виноват?

— Ты расслышал правильно.

Ну, ВИП так ВИП.

Фред не спешил пересечь кордон. Он тоже хотел бы поздороваться с Самсоном, вспомнить давние времена, но впереди было слишком много народу, и двигалась очередь медленно.

— Добрый вечер, мар расс, — сказал чартист, стоявший в самом хвосте. — Вам-то стоять не надо, проходите вперед. Пропустите славного расса, люди.

Фред смутился, но по настоянию чартистов все же прошел.

Запах Самсона ударил ему в лицо. Фред, как выяснилось, помнил его все эти годы — забыл только, какая это мощная вещь. В кармане лежали фильтры для носа, но вставлять их Фред счел невежливым. Чартисты ведь тоже не стали.

— Мар Кодьяк уснул, — сказало кресло, когда подошла очередь Фреда, — но вот-вот проснется. Можете подождать или уйти, как хотите. Я с удовольствием передам любое сообщение, которое вы пожелаете оставить ему.

— Ты кто? — спросил Фред.

— Хьюберт-пояс, жалкое подобие Хьюберта-ментара.

— Хорошо, Хьюберт-пояс. Мар Кодьяк меня, вероятно, не помнит, но передай ему, что заходил Фред Лонденстейн. Когда-то я у него работал.

Хорошенькая девочка разглядывала Фреда с другой стороны кресла. Скаф на ней был в цветочек, с коричнево-желто-белой отделкой, соответствующей костюму Самсона, блестящие волосы цвета красного дерева заплетены в косу сложной конструкции. Ореховые глаза, встретившись со взглядом Фреда, не дрогнули и продолжали смотреть со стесняющей прямотой ребенка.

Самсон зашевелился, приоткрыл немного глаза.

— Да, офицер? Что-то не так?

— Все в порядке, мар Кодьяк. Я просто хотел поздороваться. Вы, может быть, меня не помните, но я когда-то работал у вас. — Веки Самсона снова норовили закрыться. — В усадьбе Старк, когда она занимала пост советника. Сразу после вашего прижигания.

Веки приподнялись снова.

— Вы тот расс, который меня навещал в подвале. Носил мне мятные пастилки и дезодоранты.

— Да, он самый.

— Пусти-ка! — скомандовал Самсон, высвобождая руку.

Уголок пледа отогнулся, и старик обменялся рукопожатием с Фредом. Распространилась новая волна запаха, а синяя пчела взяла итеранта на заметку как возможного союзника.

— Ты совсем не изменился, Фред. Как тебе Марс? Марс? Ну да. Фред ушел от Харджера и Старк на марсианскую станцию. Контракт на пять лет.

— А Коринна, твоя жена? Как она поживает?

— Минутку. — Фред посчитал в уме. — Коринна была три жены назад. Сейчас я женат на евангелине, на Мэри Скарленд.

— Евангелина. Очаровательное название. Я, по-моему, ни одной не знаю.

— Это недавний типаж. Довольно редко встречается.

— Она тоже здесь, Фред?

— Нет, Мэри дома. Я здесь по долгу службы. Вот, увидел вас и пришел. Примите мои соболезнования по поводу вашей тяжелой утраты.

— Я что-то потерял, Генри? — удивился старик.

— Я Хьюберт-пояс, малая частица своего прежнего «я». Служащий Лонденстейн, вероятно, имеет в виду кончину твоей бывшей жены Элинор Старк, трагически погибшей два дня назад.

Старика точно обухом по лбу огрели. Задыхаясь и клокоча, он принял полусидячее положение.

— Хьюберт, немедленно доставь меня в клинику Рузвельта! Кресло запустило двигатели и убрало тормоза, но девочка преградила ему путь, сказав очень взрослым тоном:

— Стоп!

— Китти, это ты?

— Да, Сэм. — Девочка взяла его за руку, протянутую из кресла.

— Мне надо ехать, Китти. Я нужен своей дочери.

— О чем ты, Сэм?

— Эллен, моя дочь. Она выжила в катастрофе. Я должен быть рядом с ней.

«Вот я и сыграл свою роль», — подумал Фред. Он отошел за голокордон и понюхал свою руку. От нее воняло.

Резиновый обруч ведет Богдана по следу Троя. Если бы Трой оглянулся и увидел погоню, он либо убрал бы ее, либо повернул бы обруч назад и пришел ко мне.

Приближаясь к цели, обруч вибрирует все сильней. Он ведет меня, бегущего рядом, в открытые двери бального зала, где меня встречает гнусное зрелище — детский сад. Сотни ребят и тысячи взрослых, гладящих их по головкам.

Богдан — заслуженный детсадовец. Он провел здесь свои первые девять съездов. С той поры прошло уже двадцать лет, но его первый импульс — бежать без оглядки. Однако здесь Бидлы, те два пугала, что обедали у Кодьяков. Они стоят у пруда в обществе домоправителя Тобблеров Дитера, а он протягивает им мальца в оранжево-зелено-коричневом комбинезончике — тобблеровского мальца! Бидлы хотят понянчить его, он поднимает рев, они трясут его что есть мочи, делая умильные рожи. Но он верещит как резаный, и приходится вернуть его Дитеру.

Я пробираюсь в толпе за обручем, вибрация которого переходит в сплошной гул, и вижу его, Троя Тобблера, идущего прямо к Бидлам. Он высовывает язык, я кидаюсь ему наперерез. Мы сталкиваемся, обруч лопается.

Ух ты, гляди-ка! Золотенький!

Слушай меня, Тобб. Помалкивай насчет Хьюберта, понял? Он задумывается, но только на секунду. Потом толкает меня в плечо.

Заставь меня, Кодьяк!

Я не отвечаю ему на тычок. Заставить не могу, но подумай вот о чем. Если наш союз с микрошахтой не состоится, мы не уедем из Чикаго и будем вашими соседями *вечно*.

Да, такая логика даже мальчишке понятна, и я загоняю гвоздь по самую шляпку. Или, еще лучше, ваш чартер с ними повяжется. Тогда в Вайоминг двинете вы. Будешь микрошахтером, Трой Тобблер. Устраивает?

Я прямо-таки вижу ужасы, наполняющие его мозг. Так что забудь про Хьюберта и хлебало не разевай.

Неправильный тон взял? Он вдруг принимает вызывающий вид. Тоже начальник выискался!

Я тебе не начальник, и ты не обязан меня слушаться. Просто подумай.

Лохи, орет он и проталкивается мимо меня. Я хватаю его за руку, но огни на потолке сливаются, и я грохаюсь на спину.

Он стоит надо мной. Тронь еще раз, и тебе каюк, золотко.

Бдительные взрослые оттаскивают детвору в стороны. Я подшибаю Троя одной ногой. Он тоже падает, но ненадолго. Его подошва заслоняет мне зрение. Хрясь! Кровь хлещет из носа.

Ноги вокруг, как забор. Я хочу встать, но снова плюхаюсь в лужу собственной крови. И как будто этого унижения недостаточно, я наклоняюсь и украшаю пол тройной порцией шоколадного пломбира.

О черт, говорит добровольный дружинник, прижимая мне к носу тампон. Медика сюда и уборщиков, Мак, просит его напарник. Трой пытается слинять, но его ловят. Посидите немного в штрафном уголке, мальчики.

Только не Тобблер, кричит Дитер из-за живого забора. Кодьяк первый начал, его и наказывайте.

Появляется другой офицер, уже не дружинник — найк!

А ну разойдись, орет он. Все под контролем, говорят ему Гужи, но он не унимается.

Все под контролем, офицер. Нет необходимости вмешиваться.

Найк выхватывает жезл, раскрывает его. Гужи отходят подальше. Дитер тоже пятится, у Бидлов глаза как блюдца.

Найк склеивает мне руки за спиной. *Оставь их в покое!* — ревет весь зал. *Не трожь их!* — кричат Гужи. Трой снова пытается удрать, и найк тычет в него своей палкой. Вроде и не сильно, но Трой хлопается на пол и бьется, как рыба. Все вопят что-то про геноцид, я тоже ору.

Тут приходит белинда и велит найку остановиться. Прекрати, Руди, это приказ. Но найк выворачивает Трою руку, приклеивает ее за спиной к другому плечу, рывком ставит его на ноги. Глаза у Троя безумные.

Вот еще один, расс! Этот не кричит, говорит спокойно. Отпустите мальчика, офицер Пеллс. Найк поневоле прислушивается. Офицер Пеллс, приказываю вам немедленно отпустить мальчика.

Да, сэр! Найк дергает Троя за руку — что-то трещит — и роняет его на пол.

Найка обезоруживают и уводят. Расс снимает с нас оковы, медик осматривает руку Троя. Ну и нос у тебя, сынок, говорит расс. Потом видит мои цвета, *нюхает* меня, спрашивает: опять Кодьяк?

Четверг
3.10

В коттедже Полевой Шпат убавили освещение. Бесшумные ароматические часы отмечали ход времени: лаванда, грибной лес, море. Медики после полуночи больше не приходили, и ночных евангелии понемногу клонило в сон. Только череп смотрел широко открытыми глазами, мутными и невидящими.

— Схожу за кофе, — сказала, широко зевнув, Синди. — Хочешь? — Ронни покачала головой. Синди встала, потянулась, и вдруг заметила, что ноги муляжа на кушетке подрагивают. — Мар Старк? — Она потянулась к лежащей, забыв, что это обыкновенная голограмма. — Дай вирт-перчатки, Ронни!

Ронни уже шарила впотьмах по столу, ища их. Коттедж внезапно осветился, дверь распахнулась, и вошел Консьерж во главе процессии врачей, дженни и медтехников с каталками. Обступив резервуар, они принялись за работу. Крошка Ханк в тигровом купальном халате тоже явился, но подошел не к баку, а к евангелинам.

— Привет, Эллен, — сказал он муляжу. — Это я, Крошка Ханк.

Муляж выгнулся дугой, и лицо его исказила гримаса невыносимой боли.

Шум и яркий свет разбудили Миви. Он не сразу вспомнил, где находится.

— Клиника, реальное время, — сообщил чей-то голос.

Миви сел, спустил ноги на холодный бетонный пол. Середину его спальни в бункере занимала диорама коттеджа. Крошка Ханк присутствовал как в ней, так и рядом. Медики окружили резервуар, муляж Эллен в судорожной позе застыл на кушетке.

— Что происходит?

— Точно врачи не могут сказать, но похоже, что нейродинамика в мозгу Эллен подверглась катастрофическим изменениям.

— Что это значит? — В бункере было холодно. Миви нашарил ногами шлепанцы, накинул одеяло на плечи.

— Сознание Эллен, видимо, снова и снова переживает момент бесконечного ужаса.

— Боже! Они что, не могут прекратить это?

— Как видишь, они стараются.

Консьерж в диораме присоединился к евангелинам и Крошке

Ханку. Глядя на муляж, он покачал головой.

— Что он говорит?

Диорама приблизилась, включился звук.

— …в кафетерии. Я позову вас, когда можно будет вернуться.

Евангелины неуверенно переглянулись.

— Инструкции предписывают нам оставаться здесь, — сказала Ронни. Она обернулась за подтверждением к Крошке Ханку, но тот только наблюдал.

Консьерж тоже принял во внимание его безучастность.

— Возможно, мар Райдер, но в клинике окончательное решение остается за мной. Ступайте.

Евангелины нервничали.

— Ты не хочешь их поддержать? — спросил Миви.

— Я вмешаюсь, если придется, но сначала хочу посмотреть, что они будут делать. Откуда им, в конце концов, знать, что рядом с ними действительно я? Да они вообще без меня обойдутся, спорим?

— Идите же, — повторил Консьерж. Врачи выкрикивали распоряжения, в воздухе плавала большая модель пульсирующего мозга.

Евангелины дошли до двери и повернули назад.

— Обращаюсь к арбитру, — сказала Синди. — Ник? Николас, ментар «Полезных людей» принял облик шикарного молодого человека в смокинге.

— Боюсь, что Консьерж в своем праве, — сказал он, вытирая рот шелковой салфеткой. — Ваш клиент, конечно, приказал вам все время сидеть в коттедже, не снимая дурацких шапочек, но законной силы такой приказ не имеет. Здесь, как капитан на борту корабля, все решает Консьерж, поэтому я разрешаю вам нарушить волю клиента. Прошу меня извинить, я обедаю со Стромбли Махузой, — сказал Ник и исчез.

— Это правда? — спросил Миви. — Консьерж в самом деле имеет такие полномочия?

— Сложный вопрос. В законах нет ни одной статьи, говорящей определенно «да» или «нет». Но ведь это не Ник, а ловкая подделка под Ника. Не забывай, что они находятся в имитомире Консьержа.

Не Ник? Но он выглядел и вел в себя в точности как ментар Зоранны, которого Миви хорошо знал. Крошку Ханка, кстати, тоже не мешает проверить.

Евангелины посмотрели одна на другую, как в зеркало, и Синди сказала:

— Мы отказываемся уйти.

— Хорошо, оставайтесь, — сказал консьерж и вернулся к

резервуару.

— Молодцы, компаньонки, — улыбнулся евангелинам Крошка Ханк в диораме.

— Зачем Консьержу вздумалось их выгонять? — спросил Миви. — Он ведь знает, что ты за ним наблюдаешь. Да еще когда у Эллен кризис. Чудовищно!

— В тактическом смысле это идеальное время, чтобы выявить слабое место врага. Я сам, наверное, испробовал бы нечто подобное.

Это было уж слишком. Миви спросил ментара на старкесе:

— Ну, а другие новости? Есть у нас какой-нибудь план?

— Я еще не определился, — ответил (правильно) Крошка Ханк. — Ты ложись, досыпай. Не стоило, пожалуй, будить тебя ради этого.

— Ты правильно сделал, — зевнул Миви. — Буди, пожалуйста, снова, если что-то изменится,

— Ладно, спокойной ночи. — Крошка Ханк погасил скоп и пропал.

Миви лег, возвел глаза к потолку. Он больше не чувствовал себя похороненным заживо — теперь он как будто лежал на дне глубокого колодца.

— Десять люменов, — сказал он, и комната осветилась неярко, как снег под луной. Он повернулся на бок, попытался уснуть. Спустя долгие пять минутой повернулся на другой бок, не с лучшим успехом. Он встал, надел халат, сунул ноги в шлепанцы. — К лифту. — Тусклая оранжевая линия протянулась из комнаты. Миви дошел по ней до прессовой двери, где стоял Крошка Ханк.

— Куда это ты собрался?

— Воздухом подышать.

— Мы тебе его сюда накачаем, любого. Что предпочитаешь: луг, грозу, лес? — Миви молчал. — Как я, по-твоему, смогу тебя защитить, если ты выйдешь из бункера?

— Это мой риск.

— Хорошо, епископ. Я думал, ты поможешь мне спасти Эллен, но незаменимых нет. Хочешь приключений на свою голову — милости просим. — И он снова исчез.

Миви доехал по первого этажа, прошел по темным комнатам, вышел через стеклянные двери в патио. Воздух полнился жизнью — попробуй сымитируй такое. На лужайке, примыкающей к дворику, Миви скинул шлепанцы и пошел по росистой траве к воротам. Он не успел исследовать усадьбу и понятия не имел, что там дальше.

[Стрела, предупреждай меня о любой непосредственной

опасности]. — Он старался выражаться на старкесе как можно четче. — [Об опасности для меня или для других лиц, имеющих ко мне отношение]. — Он не знал, достаточно ли этого ментару, который все понимает буквально.

[Принято].

Миви снова обулся, вышел за ворота. Сворачивая с одной призрачной тропки на другую, он шел через поля душистого форельника и подсолнечника. В каждой половинке луга, спланированного в форме песочных часов, помещался большой пруд. Миви подошел к берегу того, что поближе. Трещали цикады. Большая рыба выскочила из темной воды и точно застыла на миг в лунном свете, прежде чем плюхнуться назад, окатив человека. Самка, не иначе. Икру мечет. Когда Миви был ребенком, его семья тоже занималась рыбоводством. Снедаемый грустью и ностальгией, он почувствовал себя непригодным для задания, которое оставила ему Элинор.

— Прости, — сказал он в ночь. — Я стараюсь, да мозгов не хватает.

Богдан остановился у лестницы. Никогда еще за всю его жизнь чартерный дом не был таким безлюдным. Остальные еще не вернулись со съезда — хорошо хоть, что он убедил их не портить себе удовольствие из-за него. Маккормиковская медичка заклеила ему лицо молескином, поправила немного опухший нос. Серьезных повреждений ее автодок не нашел, а расс, отвечавший за безопасность, был, похоже, только рад избавиться от Богдана.

Он думал, не взять ли в «Микросекунде» гасилку, но действие последней бодрилки все равно подходило к концу, и он стал подниматься по сумрачной лестнице. Седьмой он проскочил по забывчивости и снова оказался у своей старой комнаты над девятым. Там поставили новую железную дверь со светящимся символом НЕ ВХОДИТЬ. Она была заперта, и Богдан вышел на крышу.

Огород явственно дышал под луной, внизу слышался рокот города. «Э-Плюрибус» в Элмхерсте свернула лагерь и переехала куда-то вместе с Аннет Бейджинг. Пираты распевали, добывая калюметскую глину из кирпичей, О-корабли покидали Солнечную систему без Богдана. Бидлы с Тобблерами влюбились друг в друга и поженились на верхушке отвала. Жаль, что он не успел двинуть Трою как следует.

Бодрилка выдохлась. Спускаться к Расти уже не было времени. Богдан дотащился до сарайчика, раскатал на полу рассадный мат, уснул мгновенно и проспал тридцать часов.

Фред пришел домой в три часа ночи, думая только об одном — выспаться. Войдя в квартиру, он сразу почувствовал неладное.

В гостиной проигрывался урок «Коэффициент регенерации некротических нейропередатчиков», но Мэри отсутствовала, и ее место на диване было холодным. Дверь в спальню открыта, свет горит, но нигде ни звука.

Собачка прибежала, чтобы поменять ботинки на шлепанцы. Фред разулся, уловил на одежде запах Самсона, понюхал руку.

Мэри читала, сидя в кровати.

— Привет, — сказал он. Она едва подняла на него глаза. Фред посмотрел — она читала стихи. Когда евангелина утешается поэзией в три часа ночи, это не к добру, но не обязательно к худу.

Фред содрал в ванной одежду, принял горячий отшелушивающий душ с большим количеством геля. Тщательно отскреб руки, высушился, подстригся, побрился. Заново надушился одеколоном.

Свет в спальне уже не горел, Мэри лежала к нему спиной. Опять непонятно, хорошо это или плохо. Он лег, прижался к ней, такой теплой, спросил шепотом:

— Ну, как прошел день?

Он начинал уже думать, что Мэри спит, но она ответила:

— Очень насыщенно и плодотворно, хотя и утомительно. А твой, то есть чартистский, съезд как прошел?

— Небольшая драчка ближе к концу, а так все отлично. Медаль мне на грудь.

— Чудесно. Я за тебя рада.

Фред уже задремал, когда она вдруг спросила:

— Чем это от тебя пахнет?

Самсон перешиб и мытье, и одеколон. Фред прикинул, что говорить Мэри, а что нет. От Старков он ушел сорок лет назад, так что за конфиденциальность можно не волноваться. А о том, что всем известно, и подавно говорить можно.

— Видела того старика в Теленебе?

— Угумм.

Больше он ничего не сказал. Если ей любопытно, пусть сама делает выводы.

3.11

Утром в четверг Рейли Делл снова дежурил у Южных ворот, только теперь у внешних, примыкающих к кирпичной дорожке. Мэри он встретил тепло и спросил про Фреда.

Через сканер и барьеры Мэри вышла на площадь. Пахло свежевыпеченным хлебом. На Минеральной аллее она услышала странный дисгармоничный звук, который становился все громче. Какой-то медицинский аппарат — что еще это может быть? Но источником звука, к ее изумлению, оказался муляж Эллен Старк. Женщина, выгнувшись дугой на кушетке, с гримасой ужаса на лице кричала без остановки.

Двое медтехников в вирт-перчатках по локоть делали что-то, присев по обе стороны от нее. Другие специалисты, включая Кобурна, обступили резервуар. Ночные евангелины, Синди и Ронни, сидели в дальнем углу. Они даже не заметили, что Мэри пришла.

Медтехники у кушетки массировали торс муляжа в разных местах. Эта процедура, — по-видимому вполне легальная — поразила Мэри своей непристойностью. Закончив, они взялись за распростертые руки муляжа и попытались прижать их к бокам. Выглядело это так, будто они хотят оторвать их. Все это время муляж кричал не переставая.

— Прекратите! — не менее громко крикнула Мэри. — Оставьте ее в покое.

Они и не думали ее слушать.

— Остановите же их! — воззвала она к медикам у резервуара.

— Заткнись, клон, — ответил медтехник Кобурн.

Мэри зажала уши, но крик все равно пробивался. Она выскочила за дверь и побежала через спортплощадку к пруду. Там, на скамейке, уже сидела Рената, устремив взгляд на воду. Удивившись в первый момент, они обнялись. Они разминулись всего на несколько минут и нашли убежище в одном уголке.

Мэри села рядом с сестрой.

— Значит, тебя опять на утро перевели.

— Похоже на то.

Утка плыла по испещренному солнцем пруду, ведя за собой свой выводок.

— Не могу выносить ее крика, — сказала Рената.

— Я тоже. Не знаю, как Синди и Ронни выдерживают. К ним подошел улыбающийся Консьерж.

— А, вот вы где. Извините, что не предупредил вас.

— Что происходит с Эллен?

— Если не вдаваться в детали, муляж демонстрирует симптомы окулогирии.[3] Обратите внимание на положение рук, на застывший взгляд, на крик. Все это — соматическая реакция на зацикленную в памяти непрерывную мысль. Подобная каталепсия может длиться часами. Человеческие мышцы постепенно сдают, и тело расслабляется, но муляж не устает, ему даже дыхание не надо переводить. Страдает-то, конечно, не он, а мозг Эллен. Думаю, мы можем констатировать, что Эллен вышла из комы, но ее новое состояние внушает такие же опасения.

— Чем же оно вызвано? — спросила Мэри.

— Точного ответа дать не могу. Мы пытались восстановить ее идеомиметический образец, когда это началось.

— Идеомиметический образец? Ее эго, вы хотите сказать? Рената и Консьерж удивленно посмотрели на Мэри.

— Кто-то делает домашнюю работу на совесть, — сказал ментар. — Да, мар Скарленд, ее эго, фокус фоци, дух, душу — можете выбирать любой термин из множества придуманных человечеством. Тот уникальный образец синаптического разряда, который производит наш мозг при мысли «Это я». У человека он зарождается в неокоре, разветвляется в более древние с точки зрения эволюции доли и охватывает весь мозг. Вместо этого мы, возможно, вызвали замкнутый мыслительный цикл. Мы думаем, это отрывок ее предсмертных воспоминаний, еще не перешедший в долгосрочную память в момент заморозки мозга.

— Нельзя ли это остановить?

— Медтехники, когда вы пришли, как раз над этим работали. Евангелины виновато переглянулись и встали, чтобы вернуться в коттедж.

После полудня многие софамильники еще спали. Но Эйприл решила оставить инвалидное кресло еще на несколько дней, и Денни с Расти расчищали для него лестницу выше третьего этажа.

Самсон и ночевал в кресле, в офисе администрации. Сейчас Китти пыталась покормить его завтраком.

— Я не голоден, — отбивался старик.

— Не имеет значения. Ешь давай.

— Может, потом, когда повидаюсь с Элли. Китти нетерпеливо зачерпнула ложку каши.

— Ты обещала. Ты думаешь, я забыл, но я велел поясу, чтобы напомнил.

— Прекрасно, только сначала поешь.

— Купи мне «Гудик», я поем по дороге. Китти, вздохнув, швырнула ложку в тарелку.

— Ладно, уговорил. — Она направилась в «Микросекунду».

Кресло последовало за ней и попыталось выехать на улицу без нее, но внукоровская пчела заблокировала дверь большой рамкой с надписью ВЫХОДА НЕТ. — Вот видишь, — сказала Китти, — Внукор тебя не пускает. Ты под домашним арестом, забыл?

— Я ничего такого не помню. Пояс, вперед!

— Кресло обязано повиноваться командам Корпуса, — сказал Хьюберт-пояс.

Но рамка внезапно исчезла, а пчела упала и больше не поднялась.

— Молодец, пояс.

— Сэм, уверяю тебя, это не я.

— Как же, ври больше.

Кресло переступило через пчелу и выкатилось из дома. Вот сейчас включатся сирены, думала Китти. Ей, честно говоря, тоже ужас как хотелось взглянуть на эту знаменитую дочку Сэма. Поколебавшись немного, она запихнула пчелу в угол носком туфельки, взяла сумку со сценическими костюмами и побежала за креслом.

Декейтерская станция находилась в нескольких кварталах от клиники Рузвельта. Бусина Китти прибыла туда первой. Китти записала в ладонник маршрут и подождала Самсона у турникета. Приезжие были в основном итерантами. Чартистов среди немногих дикарей она не заметила.

Она сильно расчесала руки и ноги, не дававшие ей покоя все утро. Так она и знала, что вместо слизней придумают еще какую-то гадость: их заменили крошечными техносами, залезающими под кожу, в просторечии вошками. Говорили, что они не такие настырные, как слизни: кто же знал, что от них все тело чешется?

Наконец показалось кресло, управляемое Хьюбертом-поясом. Сэм, похоже, опять заснул. Китти, не дожидаясь его, махнула и вышла на улицу. Был свежий весенний денек, но Китти замечала один только ценный мусор, в изобилии валявшийся у пешеходной дорожки. Клад, да и только: пластик, композиты, гравий, железки. Она с трудом противилась искушению набить этим карманы.

Кресло, выкатившись со станции, догнало ее. Она отдала ему свою сумку и пошла рядом. За углом начинались улицы с тротуарами, без всяких дорожек. Богатые дома прятались за высокими стенами и живыми изгородями. Плоский какой-то район — выше дерева ничего не увидишь. И никакого мусора — все прибирают газонные уловители, затаившиеся в кустах.

— Китти? — Самсон проснулся и благостно улыбался, выглядывая из своей глубокой корзинки. — Куда это мы?

— Ох, Сэм, мне уже надоело тебе повторять. Спроси Хьюберта-пояс.

Они проехали под чугунной аркой и двинулись по кирпичной дорожке с изгородью справа. Слева простиралась лужайка, часть зеленого пояса клиники.

Дорожка упиралась в стену с широкими пресс-воротами.

— Доброе утро, марен, — сказал охранник-расс за окошком. — Чем могу помочь?

Сэм молчал, и Китти ответила за него:

— Это Самсон Кодьяк. Здесь лежит его дочь, Эллен Старк. Мы пришли ее навестить.

— Подождите минутку, спрошу Консьержа, — сказал расс с фамилий Делл на табличке. Вскоре в воротах образовалась щель, и расс сделал им знак войти. Самсонов запах заметно его поразил.

— Самсону нельзя проходить сканер, — торопливо сказала Китти. — У него справка есть, кресло может вам ее показать…

— Нет необходимости, мар. Обойдемся без сканера. — Расе проводил их к двойным дверям с вывеской «Лесные ворота». За дверьми по коридору тянулась светящаяся линия.

— Куда она ведет? — спросила Китти.

— В офис Консьержа.

Кресло въехало в коридор первым, расе закрыл за ними двери. За этим коридором последовали другие, пока линия не уткнулась в одинокую дверь с табличкой КОНСЬЕРЖ. Дверь открылась, закрылась снова, и посетители опять оказались на улице перед чугунной аркой.

— Сукин сын! — выругалась Китти.

— Сбой в навионике, должно быть, — сказал Хьюберт-пояс.

— Да иди ты.

Носитель не встретился с объектом, но свое назначение выполнил. Синяя команда рассталась с ним на пропускном пункте и спряталась на потолке.

Целый час Китти и Хьюберт-пояс пытались вернуться к проходной, но каждый раз почему-то оказывались на лужайке, а при попытке компенсировать левый крен правым упирались в изгородь. Все их устремления неизменно заканчивались на улице перед аркой. Хьюберт-пояс попробовал даже заклинить руль кресла, нацелив его на проходную, но и тут потерпел неудачу.

Самсон все это время проспал. В конце концов Китти сдалась и велела Хьюберту-поясу ехать обратно на станцию.

— Интересная, однако, задача, — сказал тот, выполняя распоряжение. — Уверен, что решил бы ее, будучи целым.

Совсем рядом с Миллениум-парком Хьюберт-пояс уведомил Китти, что Самсон направил свою бусину к Музею искусства и науки. Она дала те же указания собственной бусине.

Хорошо зная, где искать Сэма, она прошла через вестибюль, мимо танцующих водяных слонов в натуральную величину. Миновала коллекции, собранные знаменитыми путешественниками, и рондофон, где можно было послушать через стетоскоп звуковое сопровождение исторических событий и речи исторических лиц. Звуки — реальные, не запись — повторялись в бесконечной последовательности.

Потом начались залы, посвященные искусству двадцать первого века, с малоприятными памятками этого смутного времени: реальные младенцы, вскрытые и демонстрирующие разноцветные наборчики внутренностей, замороженные домашние любимцы, одетые проститутками, краска из экскрементов вымерших носорогов.

Один зал был оформлен как банкетный. На столах с белоснежными скатертями сверкали серебро и хрусталь. Рамка оповещала, что все билеты на «Следующий последний ужин с Бене Альваресом» проданы. По четвергам Бене Альварес, художник, устраивал здесь изысканную трапезу, где подавались ростбиф, пирог с почками, печеночный паштет, колбасы и подобающие гарниры. Все мясные продукты он брал из собственного тела, вернее, из обширного персонального банка органов. Несмотря на восхитительные запахи, витавшие здесь, Китти поспешно шмыгнула мимо.

В другой галерее она всегда задерживалась, хотя это была, пожалуй, одна из мрачнейших экспозиций прошлого века. Здесь восстановили гостиную восьмидесятилетней давности, с полной отделкой и обстановкой того периода. У стола с множеством подарков в красивых обертках стояли жених и невеста, позируя для свадебной имитографии. Они сияли от счастья, ничего не желая знать о своей нереальности. Реальная пара давно уже вернулась к своим гостям, и их реальная жизнь ушла далеко вперед. Имитированной требовалось около получаса, чтобы осознать это в полной мере. Когда этот мучительный процесс завершался, музейные работники возвращали их к началу, и все начиналось сызнова. Китти могла наблюдать этот леденящий кровь цикл часами, но не сегодня. Она углубилась в еще более далекое прошлое, в век двадцатый. Его искусство по сравнению с будущим было удивительно мирным. Неподвижные статуи, застывшие плоские картины. Самсон Харджер впервые составил себе имя как раз в этом веке. Китти нашла его спящим в кресле

перед громадным, во всю стену, холстом собственного изготовления. Всех других посетителей, несмотря на фильтрующую систему кресла, разогнал запах.

— Он не спал, когда вы сюда приехали? — спросила Китти, садясь на скамейку рядом.

— Не спал, — подтвердил Хьюберт-пояс.

На холсте четыре черных мазка делили наискось поле диких хаотических красок, наложенных в десятки слоев. Китти находила это похожим на запись нервной горячки.

— Не знал, что Сэм был художником, — сказал Хьюберт-пояс. — Да еще таким знаменитым. Я на ВДО посмотрел. Биографию Сэма я знаю только в общих чертах, — пояснил он, видя недоумение Китти, — и только за последние двадцать лет.

— Почему же ты не посмотришь его архивы?

— Нет кода доступа. Он у Хьюберта.

— Понятно. Но эта картина написана еще до Хьюберта. Даже до Попрыгунчика.

— Кто это — Попрыгунчик?

— Думаю, ты. Так звали слугу Сэма, когда мы с ним познакомились. Ментаров тогда еще не было, а Сэм снова занялся живописью. Во всяком случае, написал портрет, куда лучше, чем эта мазня. Он мне его показывал, когда взял меня на работу.

— На какую работу?

Китти потеребила редкие волоски на голове спящего и растянулась на мягкой скамейке, положив руки иод голову.

— Я тогда была взрослая. Получила степень по ландшафтному дизайну микроколоний. Специалисты с таким заковыристым титулом вообще-то сажают цветочки для богачей. Я открыла собственную фирму и подбирала себе клиентов. Первый крупный заказ я получила от одних аффов, владельцев потрясающего дождевого леса в глассиновом пузыре объемом двенадцать кубических метров, с независимой атмосферой и гидросферой. Помещалось все это в верхней половине одной фешенебельной башни. Чего только там не было: папоротники, грибы, лишайники, мхи, терновник, полдюжины разных ягод, дикий огурец, карликовая спаржа. Из цветов портулак, львиный зев, камнеломка. Многие виды были съедобны, и мои клиенты брали их для стола. Даже фауна кое-какая имелась: комары, пауки, птицы, полевки. Та еще задача поддерживать все это в гармонии. Я там работала почти каждый день.

Однажды я программировала уловители — в колонию войти невозможно, приходится все делать дистанционно, — а в квартире за солнечным колодцем шла шумная вечеринка. Я не обращала на это внимания, но потом почувствовала какое-то

зловоние и запаниковала — подумала, с моей колонией что-то не то. Однако запах доносился оттуда, из-за солнечного колодца.

Какой-то человек, на вид очень болезненный, облокотился на перила и смотрел, как я работаю. Совсем один — видно, ушел с вечеринки. Он спросил, что я делаю, я ответила. Он выпытал у меня латинские названия всех растений и сказал, что хочет нанять меня для ухода за собственным атриумом. «Я это обдумаю и сообщу вам», — добавил он.

Когда я пришла в следующий раз, его окна были затемнены. Они оставались темными долго, несколько лет, и я про него забыла… Работы у меня было столько, что я взяла себе в помощь четверых софамильников. Кодьяк тогда еще был настоящим чартером, а я только что открыла для себя детское ретро. Поначалу я боялась, что мой бизнес пострадает, если я стану ребенком, но получилось как раз наоборот. Чем юнее я становилась, тем бойчее шли дела. В цветах и маленьких девочках есть что-то волшебное.

Прошло десять лет — целых десять. Я, как обычно, ухаживала за своим дождевым лесом, который за это время стал вчетверо больше, и вдруг увидела, что окна напротив опять прозрачны. Наверное, квартиру продали, подумала я, но нет: дверь открывается, и выходит тот самый пахучий субъект. Смотрит на колонию, на меня и говорит: «Я подумал. Когда сможете начать?»

— Вот так история, — сказал Хьюберт-пояс.

— И не говори. — Китти слезла со скамейки и пошла к выходу. — Ладно, поехали в парк. Хоть полдня поработаю. Он все равно дрыхнет.

Синяя команда, действуя тихо и терпеливо, проникла на территорию клиники необнаруженной. Там связь пчелы с командующими прервалась, и команда опять перешла на самоуправление. Объект засекли быстро. Из укрытия, выбранного пчелой, был хорошо виден прозрачный контейнер с жидкой биомассой, внутри которого и находился объект. Осу пчела отправила на разведку в целях ознакомления с местностью. Возвращаясь из очередного полета, оса загружала собранную информацию в базу пчелы.

Пчела тем временем анализировала структуру управления клиникой, локальные сети, ароматическую систему. Особое внимание уделялось местной вселенной с ее гологоллическим населением. Результаты поступали на сценарную мельницу, где разрабатывались оптимальные способы освобождения объекта. Трудность задачи усугублялась огромными пробелами в базе данных. Объект был подключен к незнакомой технике.

Человеческие особи — то ли союзники, то ли враги — вводили незнакомые предметы в контейнер. Состав жидкости был неизвестен. Голографическая имитация объекта непрерывно кричала, выражая крайнюю степень дискомфорта. Все это, возможно, требовало немедленного вмешательства, но синяя пчела не могла судить об этом самостоятельно и поэтому не покидала блиндажа, который оборудовала для себя в потолочной балке коттеджа. Оттуда она вела свой мониторинг и ждала, когда произойдет некий решающий перелом.

3.12

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как Фред начал «Книгу расса», и ему было любопытно, как ее приняли. Он мог это проверить из любого места через мозговитку и визор, но в таком случае ему потребовалась бы помощь Маркуса. Поэтому Фред, несмотря на выходной, снова отправился в ББР, взял инфочип, занял кабину. Маркус без комментариев предоставил ему то и другое. Для начала Фред обрадовался, увидев, что с «Книгой расса» ознакомилось больше ста тысяч братьев. Ни один из них, однако, не захотел внести туда собственный вклад. Даже возразить ему не удосужились. Выглядело так, будто его исповедь канула на дно, не оставив кругов на поверхности. Он не надеялся, конечно, изменить мировоззрение рассов за двое суток, но чтобы все прошло вот так, без всякой реакции?

Прочесав всю «Полундру», он нашел только три упоминания своей фамилии. Одно сообщение, присланное на форум, и два ответа на него. Подавив волнение, Фред открыл их.

Первое гласило: «Знаешь, Лонденстейн, тебе нужна профессиональная помощь. Серьезно. Твой доброжелатель, выпуск 16ВА».

Два других не имели подписи и состояли из одного слова: «Идентично».

«Идентично» для итерантов слово не слишком вежливое, и Фред воспринял его как пощечину. Неужели нет ни одного расса, который думает так же, как он? Неужели он единственный? Фред вынул инфочип из считывателя, положил в карман, вышел из будки и сказал Маркусу, что хочет воспользоваться нулевой комнатой.

— Могу записать на субботу во второй половине дня, на тридцать минут, — предложил ментар.

— А может, кто-нибудь сегодня откажется?

— В списке ожидающих вы будете первым.

Фред выпил кофе в буфете. Мозговитка прокрутила ему новости. Пару часов спустя Маркус сообщил, что есть пятнадцатиминутное окно в нулевой.

— Это хорошо. Слушай, Маркус, сделай мне нестандартный инфочип. Модель рассовской родословной, составленная «Э-Плюрибус».

— Какой выпуск вас интересует?

— Все. С самого начала до этой минуты.

— Дорогая справка.

— Расходы оплачиваются братством.

— Да, разумеется — но, как правило, только в связи с психиатрическим лечением. Устроить вам автосеанс психотерапии, мар Лонденстейн?

— Нет, спасибо. Мне нужен только инфочип.

Когда Фред пришел в комнату ожидания, инфочип, еще теплый, ждал его в настенном распределителе.

В комнате сидели еще две пары рассов, как можно дальше одна от другой. Диспут, предположил Фред. Рассы обсуждают персональные различия, не вынося сор из избы. Все четверо кивнули Фреду, занявшему место между парами оппонентов.

Через минуту зажегся сигнал готовности, и четверо встали, чтобы пройти в нулевой шлюз. Предварительно они выпили экспресс-визолу, отстегнули жезлы, сняли головные уборы, визоры, обувь и все прочее, что антишпионская защита могла повредить. Вещи они сложили на открытые полки — и зачесались, как по команде.

— Что за черт! — Один из них закатал рукав, выставил здоровенную ручищу на свет, приблизил ее к лицу. — Бегут с корабля, — заявил он, как будто в самом деле мог видеть «вошек».

— Сил нет, как чешется, — пожаловался другой.

— Если будешь чесаться, это только затянет процесс, — заявил третий.

— То еще дельце, — сказал первый, опуская рукав.

— Согласитесь, что слизней они умыли, — вставил Фред.

— Жюри вердикт еще не вынесло, брат. — Первый бросил взгляд на именную табличку Фреда, побледнел и умолк.

Все вошли в шлюз, поглядывая на Фреда, который от удивления не проявил никакой реакции.

Какой бы ни была тема их диспута, управились они быстро — огонек загорелся повторно всего через двадцать минут.

— Записывались они на тридцать, поэтому лишние десять минут я добавляю вам, — сказал Маркус.

— Спасибо. — Фред выпил пакетик визолы, и у него тут же зачесалась голова: это шапочка удаляла свои микроволоски из его черепа. После этого она стала отваливаться студенистыми комками, которые Фред счесал в раковину. Он ждал, что чесотка теперь охватит все тело из-за ухода «вошек», но этого не случилось. «Вошки» не успели колонизировать его из-за гальвена.

Он пролез в шлюз, а потом в нулевую комнату. В суперзащищенных камерах ББР едва помещались стол и четыре стула. В одну стенку встроен кулинар, в другую отгороженный занавеской санузел. Не теряя времени, Фред запечатал люк, сел, вставил инфочип в считыватель. На рабочем столе появился

«Человек Э-Плюрибус» в четверть натуральной величины и поклонился, ожидая инструкций.

— Сымитируй мне двух рассов, — сказал Фред. — Один должен обладать характеристиками, общими для всего типажа, другой пусть будет пограничным.

Человек исчез, а за столом по бокам от Фреда появились два имита — оба характерно мускулистые, круглолицые шатены с шишковатыми носами. Непонятно, где типичный расс, а где пограничный. У обоих внезапное появление на свет вызвало характерную для рассов тревогу, и Фред постарался их успокоить.

— Мы находимся в нулевой комнате ББР, Северный Уобаш, Чикаго. Я реальный, вы имиты. Зовут меня Фред, выпуск 2В.

— Здорово, Фред, — сказал левый имит. — Я Рик из… из всех выпусков, кажется.

— Я Боб, — назвался правый. — Обобщенный выпуск.

— Отлично, парни. Я хочу, чтобы вы помогли мне ответить на кое-какие заковыристые вопросы.

— Что за вопросы, Фред? — поинтересовался Рик.

— Заковыристые, — уточнил Боб.

— Да, — сказал Фред. — Они покоя мне не дают. Надеюсь с вашей помощью хоть немного продвинуться.

— Рады стараться, — сказал Рик, а Боб кивнул.

— Спасибо. Скажите: вы когда-нибудь делали или говорили такое… что вам самим казалось не очень-то рассовским?

Имиты призадумались.

— Что конкретно? — спросил Боб.

— Да все равно что. По службе или в отношениях с женами. Выбранные вами видео, музыка, выпивка, ругательные слова. То, как вы бреетесь. Что угодно.

На глаза его имитированных братьев точно жалюзи опустились.

— Ну же, ребята, бросьте. Я ведь серьезно. Мне нужна ваша помощь, и мы с вами сидим в нулевой комнате. Перед уходом я сотру к чертям ваш инфочип. Все, что вы скажете, останется между нами, слово даю. Выручайте, братки. Отчаянный призыв Фреда возымел действие.

— Не могу сказать, что меня когда-нибудь смущало то, что я делал и говорил, — сказал Рик, — не считая всяких незначительных мелочей.

— Спасибо, Рик. Боб?

— Я расс, Фред — а значит, всегда поступаю и высказываюсь по-рассовски. Это само собой разумеется.

— Ну да. — Философский афоризм Боба несколько приободрил Фреда — рассы, как известно, не отличаются

философским складом ума. — Скажи, говорил ты когда-нибудь то, что пришло тебе в голову, без предварительной цензуры?

— Трезвый-то? — хмыкнул Боб. Но усмешка застыла у него на лице, а следом за ним помрачнел и Рик.

— Знаешь, Лонденстейн, — после долгого неловкого молчания начал Рик, — мне сдается, стресс придавил тебя не по-детски. Может, тебе в отпуск уйти? Поговори с Маркусом на этот предмет.

— Согласен, — сказал Боб. — Долгий отпуск — то, что тебе надо.

— Спасибо, ребята, — вздохнул Фред. — Я так и сделаю. — Он ликвидировал имитов, подумал и сказал вернувшемуся на место Человеку: — Теперь сделай мне композицию из всех рассов, которые хотели бы оставить запись в «Книге расса».

На груди Человека загорелся символ «Не обнаружено — попробуйте еще раз».

— В задницу. — Фред выключил дорогостоящий инфочип, вынул, посмотрел на свет. Шарик пасты в его середине спекся. Он сунул чип в карман, достал другой и за оставшиеся минуты добавил в «Книгу расса» еще несколько строк: — «Моим клон-братьям. Ваш отклик на эту книгу меня сильно расстроил. Между прочим, я был совершенно трезв, когда это писал. Поскольку вы ничего не захотели добавить, предлагаю вам на рассмотрение следующий список:

1. В комплект каждого расса при выпуске его в свет входит эмоциональный намордник. Лично я свой снял.

2. Мы часто жалуемся на принятый в «Полезных людях» режим конфиденциальности, но про себя одобряем его, как оправдание своей некоммуникабельности.

3. Почему, собственно, мы не должны испытывать влечения к дикаркам?

Мужчины мы или нет? Я нисколько не хочу обидеть наших сестер, но почему нас должны привлекать только лулу, евангелины и дженни? Почему джоны желают одних только джейн и хуанит, стивы одних келли, джеромы одних джеромов? По-моему, это сознательное генетическое программирование, а не естественная сексуальная склонность. Наш прабрат, Томас Э., составлял списки женщин, которых хотел поиметь. Его-то влекло к самым разным бабам. Чем мы, спрашивается, хуже?

4. Наконец, почему нам не выдают патентов на наш типовой геном? Почему наш генетический рецепт является собственностью «Полезных людей»? Разве он не должен принадлежать нам самим? Разве мы не вправе хотя бы участвовать в его составлении?

Это лишь немногие из вопросов, которые у меня накопились. Покумекайте над ними маленько, братки. Фред Лонденстейн, выпуск 2В».

Весь четверг медтехники сновали туда-сюда, суетились у бака и муляжа, но Эллен Старк становилось все хуже и хуже. Для Мэри единственным положительным эффектом стала убавленная громкость крика, которым заходился муляж.

Медсестра Хэтти сказала ей и Ренате, что рядом со столовой есть маленькая кабина для медитаций, снабженная приличной горестной программой — на случай, если им захочется выплакаться. Старк вряд ли переживет эту ночь.

Время их пересменки пахло картофелем фри — запах, гарантированно напоминающий усталым труженикам о доме и ужине. Но у ворот к нему примешался другой, весьма неприятный. Точно так же прошлой ночью пахло от Фреда. Тот лысый старичок в Теленебе…

У внешних ворот она спросила Рейли, чем это пахнет.

— Удивительно, что ты до сих пор его чувствуешь. Мы вроде бы проветрили все как следует.

— Но что это?

Рейли только плечами пожал: конфиденциальность. Мэри пожелала ему доброго вечера, он тоже сменялся и предложил проводить ее и Ренату до станции. Пока они шли

по кирпичной дорожке, до Мэри то и дело долетал тот же запах.

Дома ее ждало сообщение от Фреда, который задерживался. Она заказала спагетти и съела их на диване перед телеэкраном. Потом поискала на ВДО и в Эвернете информацию о теленебесном хакере. Сведения в основном оказались старыми — он был знаменитостью в прошлом веке, — но среди них Мэри обнаружила то, что искала.

Клип свадебной церемонии Самсона П. Харджера и Элинор К. Старк в 2092-м. Оба молодые, красивые, сильные. Особенно хороша была Старк с экстравагантными густыми бровями, да и от Самсона, денди в асфальтово-сером смокинге, просто дух захватывало. Художник, знаменитый упаковочный дизайнер. Клип сняли перед самым его столкновением с внукоровским слизнем и последующей катастрофой. Он стал одним из первых обожженных, отсюда и запах. Сколько-то лет спустя он вступил в чартер. Выходит, Фред встретился с ним на съезде.

Мэри посмотрела, как десантники с помощью слизняка арестовывают Самсона в уличном кафе. Другие посетители разбегались прочь, в том числе и его жена.

Более поздних снимков матери, отчима и маленькой Эллен в сети не нашлось, но насколько Мэри поняла, ее клиентка из клиники Рузвельта прожила в одном доме с вонючкой совсем недолго.

— Вызови Крошку Ханка, — сказала Мэри, и маленький крепыш-неандерталец тут же появился перед ее диваном.

— Добрый вечер, мар Скарленд, чем могу служить?

— Вы просили держать глаза и уши открытыми. Докладывать обо всем необычном и вызывающем подозрение.

— Да, и что же?

— Может быть, ничего, но при выходе из Южных ворот я ощутила один необычный запах.

— Я слышал ваш разговор с охранником. Вы почувствовали запах обожженного, которому сегодня днем не позволили пройти в клинику. — На экране появилась картинка. Инвалидное кресло, сопровождаемое девочкой лет двенадцати, выписывало круги на лужайке.

— Но ведь он отчим Эллен. Почему Консьерж его не пустил? Крошка Ханк явно не думал, что Мэри это известно.

— Врачи говорят, что посетители уже не смогут оказать благоприятного влияния на пациентку, и у нас нет основания сомневаться в этом.

— Но нельзя ли хотя бы попробовать? И почему этого человека прогнали, прежде всего? Разве он не вправе навестить свою дочь?

— Сколько вопросов сразу. Не хотелось бы вдаваться в семейные дела — скажем просто, что это длинная история. Когда Эллен очнется, мы непременно внесем отчима в список ее посетителей, но до тех пор он ей ничем не может помочь.

Миви шел за Крошкой Ханком и арбайтором в нулевой бункер.

— Я по-прежнему не понимаю, почему должен туда перейти. Я лишусь всех своих имплантов, а восстанавливать их придется неделями.

— Поверь мне, епископ, это необходимо. — Старковский нулевой бункер не относился к экономичным моделям, и его шлюз мог вместить дюжину человек, но Миви вошел туда один. Ментар остался в холле, арбайтор поставил на полку канистру с пастой и тут же выкатился. — Увидимся через пару часов, — сказал ментар, но как только закрылся люк, на полке у канистры возникло крошечное креслице с Крошкой Ханком в миниатюре. — Проверь-ка меня. — Миви проверил ментара только что, перед шлюзом, но сейчас он имел дело с дублем, отрезанным от

оригинала, и поэтому повторил тест — с положительным результатом. — С этих пор возьми себе за правило проверять меня каждые несколько минут.

— Зачем так часто?

— Лишняя предосторожность не помешает.

Для очистки организма от техники шлюз использовал не экспресс-визолу, а газ. Этот процесс длился намного дольше, зато был надежней и безопасней для живых тканей. Усыпленный Миви прилег на кушетку и задремал. Разбудил его звук открывающегося внутреннего люка. Арбайтор из нулевого бункера подал ему охлажденную литровую бутыль «Оранж флаш», снял с полки канистру. Крошка Ханк в своем креслице поплыл следом за ним.

Миви, выйдя из шлюза, очутился в большом конференц-зале, где трудились дюжины машин, собирая другие машины. Тележки, коробки, ящики — ничего не понять.

— А, это наша клиника, — догадался Миви при виде пустого эрнандес-бака — и вздрогнул, заметив среди механизмов какую-то женщину.

Крошка Ханк, удовлетворенный его реакцией, хохотнул.

— Позвольте представить: епископ Миви, доктор Руссель.

— Вы делать мне честь, мар Миви. — Они пожали друг другу руки.

Доктор была на добрых две головы выше, чем он.

— Мне стоило больших трудов выманить доктора из Эфиопии, где она работала под эгидой «Родины», — сказал Крошка Ханк. — Спасение несчастной богатой девочки ее не прельщало — пришлось сказать, что это твоя личная просьба.

— Большое спасибо, что согласились приехать, — сказал Миви, — но скажите, зачем «Родине» ревивификатор в стране мухи цеце?

— Я иметь там стерилизационный пункт, — объяснила доктор.

— Доктор Руссель оставила практику в Женеве, — продолжил Крошка Ханк, — и добровольно присоединилась к миссии по остановке роста населения. Она превосходный специалист, но с «Фейган Хелс Груп» не связана. И, насколько я мог убедиться, никто кроме нас не знает, что она здесь.

Доктор устроила им краткую экскурсию по зарождающейся клинике и заверила, что сможет принять пациентку примерно через неделю.

— Недели у нас нет, доктор, — сказал Крошка Ханк. — Будьте готовы к завтрашнему дню.

— Невозможно. Должна провести испытания, подобрать

ингредиенты амниожидкости…

Неандерталец, выскочив из креслица, вырос в натуральную величину.

— Завтра, — повторил он, — и не забудьте про переносной бак. Доктор, выразительно пожав плечами, кивнула на бутылку в руках у Миви.

— Ваши почки, мар Миви, они хотят этого. Он заверил ее, что выпьет весь литр, и отошел.

— Твое имя открыло мне двери, епископ, — сказал Крошка Ханк, — но сделку скрепило мое обещание купить ей полевой госпиталь. Торговаться наш доктор умеет.

Миви выпил свой диуретик до дна.

— Ты упомянул о переносном баке — значит, план у тебя уже есть?

Ментар сел напротив него за стол заседаний.

— Есть, и теперь я могу без опаски поделиться им с тобой.

Час спустя, когда они шли назад к шлюзу, Крошка Ханк сказал:

— Не забывай проверять меня регулярно.

— Я помню.

Миви вошел в шлюз, но арбайтор с пастовой канистрой Крошки Ханка остался в нулевом бункере.

— А ты разве со мной не пойдешь?

— Нет, я остаюсь тут.

— Но отсюда ты не сможешь держать связь со своим оригиналом.

— Ничего.

— Что я должен сказать тебе, вернувшись обратно? Ты заранее знал, что останешься?

— Не с полной уверенностью. Не говори ничего, я сам сделаю выводы.

Видя, что внутренний люк не закрывается, Миви спросил:

— Еще что-нибудь?

— Да. Я как раз думал, говорить тебе или нет.

— Ты до сих пор мне не доверяешь, так?

— Правильно понимаешь, но в данной ситуации выбора, думаю, у меня нет. Ты задумывался когда-нибудь, почему Элинор назвала твоего ментара Стрелой?

— Да нет. Имя как имя. Вашего брата и Шариками вон называют, и Пушками, и так, как тебя — ты только не обижайся.

— Эллен назвала меня так, когда была еще маленькой, но Стреле дала имя сама Элинор. И явно не просто так, учитывая ее любовь ко всякого рода ассоциациям.

— Допустим. Твоя версия?

— Пару дней назад я сказал тебе, что не знаю кода, которым можно убить Кабинет. Это чистая правда, но Кабинет мой код может знать — или мог, пока еще владел старкесом. А Стрела может знать и его код, и мой. Имей это в виду.

После ББР Фред поехал в центр «Долголетие». По дороге он инсталлировал новую мозговитку и снял именную табличку, чтобы не привлекать внимания встречных рассов.

«Долголетие», если убрать рекламные слоганы, было обыкновенной химчисткой среднего класса, которой, видимо, пользовались и служащие ДЮ. Фред сказал охраннику-рассу в вестибюле, что пришел к Элоизе Коста.

— Разумеется, мар, — ответил тот, но Фред махнул служебным медальоном, и расс посмотрел на него второй раз. Фред прямо-таки видел, как крутятся шестеренки в голове его клон-брата. Это, значит, и есть тот парень, а та женщина — его дикарка. Впрочем, расс ничего на этот счет не сказал, только выделил Фреду путеводную линию.

Фред шел по плиточным коридорам мимо огромных палат, где стояли рядами эрнандес-баки. Он сам провел в одном таком две ничем не запомнившиеся недели, поправляясь после тяжелого лазерного ожога.

Линия привела его в палату 286D. По пути ему несколько раз приходилось пропускать медбайторов и каталочные составы. Клетушка, снабженная занавесом, едва вмещала бак и контроллер. В густой л иловатой жидкости плавало заново собранное тело инспектора Коста.

Она то ли спала, то ли смотрела какой-то муляжный скоп. На коже четко просматривались красные следы плазменных колец, раскроивших ее на пять отдельных частей. Самый длинный шов тянулся наискосок от правого плеча к левому бедру, деля одну грудь пополам чуть ниже соска. Лобок зарос обыкновенными темными волосами (Фред втайне ожидал, что он будет выбрит сердечком или в форме лилии, как у лулу, но Коста была не лулу).

Эрнандес-баки не предназначены для эротического сервиса, и плавающие в них нагие тела больше похожи на лабораторные экземпляры, но Фред сам удивился отвращению, которое вызвала в нем нагота инспектора.

В следующую секунду он заметил, что Коста на него смотрит. *Привет, Лонденстейн,* сказала она, затемнив нижнюю часть бака. *Как мило, что вы меня навестили.*

— Хотел убедиться, что они все куски пришили куда надо.

Пришили вроде бы правильно, но кое-что работает не так хорошо, как раньше.

— Ничего, со временем все наладится.

Да, со временем. Я здесь всего трое суток, а точно срок в тюрьме отбываю.

Наступило неловкое молчание, и Фред осознал, что им абсолютно не о чем говорить. Она дикая, он клон, вот и вся история. Промучившись еще несколько минут, он пожелал ей скорейшего выздоровления и ушел. Неужели весь сыр-бор загорелся только из-за ее неполного сходства с лулу?

За регистрационной стойкой стояли теперь двое рассов, проводивших его пристальными взглядами.

— Маркус, — позвал Фред в купе-бусине по дороге домой. *Да, Лонденстейн?*

— Я тут подумал… *Слушаю вас.*

Фред думал, не стереть ли ему эту проклятую книгу… тьфу, даже выговорить противно. Что за претензионное название, в самый раз для апокрифа.

— Маркус, нельзя ли стереть записи, которые я на днях внес в бортжурнал «Полундра»?

Правилами это не предусмотрено.

— Не предусмотрено?

Вы отказываетесь от мыслей, которые там изложили?

— Сам не знаю. Я, наверное, был не в себе.

В таком случае что-то можно будет сделать. Мы не ограничимся одним только стиранием.

— То есть?

Мы полагаем, что вы пострадали от гальвеновой интоксикации в легкой форме. Известно, что такого рода реакция негативно влияет на рассудок и вызывает неадекватные мысли. Если мед-сканер подтвердит этот диагноз, мы не просто сотрем «Книгу расса», но полностью ее обезвредим.

— А это что значит?

На ее место мы вставим рассказ о том, как вы пострадали при исполнении служебного долга. И посоветуем братьям рассматривать ваши предыдущие заявления как бесконтрольные.

Фред не верил своим ушам. Одним махом исправить все, что он натворил?

— Это в самом деле возможно?

Да, в зависимости от результатов медсканера. Анализ можете сдать, когда захотите. Вас записать?

— Да! Чем раньше, тем лучше.

В таком случае я перенаправлю вашу бусину в оздоровительный центр.

Там его уже ждали.

— Помочитесь в двенадцатой кабине, — приказала дежурная дженни. Фред выполнил требуемое. — Пока все, — сказала она. — Ваш Маркус сообщит вам о результатах.

Он ощутил себя новым человеком.

— Мэри, угадай что!.. — крикнул он, ворвавшись в квартиру.

— Выключись, — сказала она. Экран в гостиной погас, но Фред успел рассмотреть парк, снятый с высоты пчелиного полета. Деревья, скамейки — и инвалидное кресло. Мэри была одета для выхода, с брошкой-слугой на лацкане.

— Ты куда это?

— Да так, — ответила она, не глядя ему в глаза. — День был тяжелый, хочу погулять в парке.

— Я с тобой. У меня тоже денек был паскудный.

— Я думала, у тебя выходной. Остался бы лучше дома и пообедал. Я скоро.

— Ничего, в парке поем.

Теннисные корты, роликодромы, дорожки для верховой езды. Голосоревнования на открытой площадке. Воздушные замки, тающие и снова растущие. Художники, стоящие под своими произведениями, полосовали руками небо, запуская ввысь луга, леса и драконов.

На четвертом ярусе Миллениум-парка две людные аллеи, пересекаясь, образовывали Угол Артистов. Мэри и Фред прошли мимо «смертоносных мачете» с их залитой кровью сценой. Рядом, под американским вязом, одиноко стояло инвалидное кресло. Фред предложил Мэри пакетик носовых фильтров. Она отказалась, но поняла свою ошибку, подойдя к креслу. Запах был тот самый, только в тысячу раз сильней. Ее затошнило. Может быть, его из-за этого не пустили в клинику.

Обожженного она видела впервые и усомнилась — неужели *вот это* может быть живым? Но в старике, вернее в его глазах, жизнь еще не угасла. Лысый череп напомнил ей о черепе его падчерицы.

— Здравствуйте еще раз, мар Кодьяк. Это я, Фред Лонденстейн, а это моя жена, Мэри Скарленд, о которой я вам говорил.

За старика ответило кресло.

— Самсон говорит: «Добрый вечер, марен, мы знакомы?»

— Да. Вчера вечером встречались на съезде.

— Я, разумеется, помню вас, коммандер Лонденстейн, — заверило кресло, — но у Сэма с головой не все ладно. Он просит

меня подъехать вон к той скамейке, чтобы вы тоже могли присесть.

— Это не обязательно, — сказала Мэри. — К тому же скамейка занята.

Старик хрюкнул.

— Он говорит, она освободится, когда мы подъедем, — перевело кресло.

Так и вышло. Пара, сидевшая на скамейке, улетучилась задолго до их прибытия. Мэри села, взглянула на Фреда.

— Я, пожалуй, пройдусь, — сказал он.

— Сэм предлагает постоять у кассового столбика Китти. Внести миллионку для почина, а то до зрителей не доходит.

— Ваша софамильница тоже здесь? — Фред, проходя мимо, принял ее за статую, и даже теперь иллюзия не желала рассеиваться. Она была в балетном костюме — трико, пачка, белые туфельки с лентами, белая диадема на голове. Волосы, кожа, ногти, даже глазные радужки — все белое. Руки грациозно подняты над головой, одна нога слегка согнута, вся тяжесть приходится на пуанты. Только по легкой дрожи мышц на голени можно понять, сколько сил отнимает такая поза.

Фред поскорее сделал свой взнос — не миллионную, а десятитысячную. Кассовый столбик тут же тихо заиграл нечто классическое. Статуя балерины волшебным образом ожила, завершила свой пируэт, проделала батман и плие. Музыка столь же резко умолкла, и танцовщица вновь замерла.

Фред смутился. Видно, за десятитысячную на четвертом ярусе Миллениум-парка много не купишь. Он снова махнул на столбик, повысив сумму до одной десятой кредитки.

Реанимированная танцовщица завершила плие, как будто и не останавливалась. С такой ловкостью ног в театре бы выступать, а не на крошечной переносной сцене. Ее новый прыжок казался насмешкой над силами гравитации. Собравшаяся публика вознаградила ее усердными платежными взмахами, когда музыка опять прервалась.

Нет, она не ребенок, подумал зачарованный Фред. Это взрослая артистка, атлет в хрупком девчоночьем теле. На щеку ему легла капля ее пота, доказательство колоссальных усилий, — молочно-белая, как и все остальное. Фред стер ее пальцем и безотчетно поднес к губам.

Компактный балет продолжался без передышки, пока публику вместе с Фредом не отвлек пронзительный звук с соседней аллеи. Крик, жалобный и сердитый одновременно, шел из коляски, которой управляла одетая няней дженни. Няню сопровождали два неулыбчивых расса и огромная, черная с белым

собака. Дженни велела коляске остановиться, откинула верх, и внутри обнаружился орущий, красный как свекла *младенец!*

— Подгузничек надо сменить, — непонятно кому объявила дженни.

Зрители изменили балерине ради настоящего ребенка — все, кроме Фреда. Он махнул в кассу еще пару десятых, боясь, что музыка остановится, но она прекратилась окончательно. Балерина поклонилась, Фред исправно поаплодировал. Столбик окружил сцену голографическим занавесом с надписью «Интермеццо». Фред продолжал стоять, не понимая, что такое с ним происходит.

Подбежавшая собака с интересом обнюхала столбик.

— Пшел вон! — рявкнул Фред. Собака посмотрела на него с полной невозмутимостью. Один глаз у нее был голубой, другой карий.

— Траппер, иди сюда, мальчик, — позвал расе-телохранитель, держа в руке грязный подгузник. — Не знаешь, куда здесь мусор выбрасывают? — спросил он Фреда.

Фред, несмотря на героические усилия, не сдержал ухмылки. Стоило ради этого проходить элитную подготовку!

— То еще дельце, — сказал он, и другой расе серьезно кивнул в ответ.

— Бросьте тут, — сказал девчоночий голос позади занавеса.

— Что вы, мар, — возразил расе, пытаясь разглядеть, кто это говорит. — Зачем вам эти какашки?

Сквозь занавес протолкнули корзинку с откинутой крышкой.

— Ничего, пригодятся.

Расс уложил подгузник в пакет, бросил в корзинку.

— То еще дельце, — подмигнул он Фреду и вернулся к своим обязанностям.

Фред хотел сказать, что его брат ошибся, что он не служит у этой девочки, но возможность была упущена. Корзинку втянули обратно, и сконфуженный Фред снова остался один.

Мар Лонденстейн, сказал голос Маркуса.

— Да? — Фред отошел чуть подальше от сцены.

Боюсь, новости у меня невеселые. Анализ исключает отравление гальвеном.

Фред так и знал. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. *Все показатели в норме. Причину вашего неадекватного поведения нужно искать другими методами. Записать вас к психологу?*

— Валяй, — вздохнул Фред.

— Что случилось, Фред? — спросила Мэри, подойдя к нему вместе с креслом. Китти вышла к ним сквозь занавес с полотенцем на худеньких плечиках, и кресло представило ее

Мэри. Мэри пожала маленькую ручонку, и все трое замолчали, не зная, что бы такое сказать. Самсон в очередной раз заснул.

— Я видела, как вы танцуете, — нарушила молчание Мэри. — Прелестное зрелище.

— Благодарю вас, — присела девочка. Она намеренно не смотрела на Фреда, Фред намеренно не смотрел на нее.

— Мы чудесно провели время. Надо почаще в парке бывать.

— Получила ты то, за чем приходила? — спросил жену Фред на пути домой.

— Время покажет.

— Смотри только глупостей не наделай.

— Это и к тебе относится, Фред.

Пятница
3.13

Еще не рассвело, и до запланированной операции по извлечению Эллен из клиники оставалось четыре часа. Миви, расстелив мат на полу своей бункерной спальни и приглушив освещение, занимался тантрической и дыхательной гимнастикой для успокоения нервов. Полночи он бегал в туалет, выводя из организма дохлую технику. В обычных обстоятельствах он начал бы восстанавливать имплантовую экологию только через несколько дней, но предстоящая акция не оставила ему времени. Ночью он проглотил целую упаковку коммуникативов, и теперь в голове у него жужжало и вспыхивало от установки и настройки микроскопических раций.

Угол комнаты занимала диорама клинического коттеджа с выключенным звуком. Эллен уже не пытались оказать помощь, и ночные евангелины присутствовали, можно сказать, при ее агонии. Затем в коттедж неожиданно явился Крошка Ханк и велел им идти домой.

— Нам надо поговорить, — сказал Миви ментару, вскочив на ноги.

Тот сразу же возник в спальне. Миви заметил, что в эти последние дни Крошка Ханк меняет свою внешность особенно часто. Он то становился большим, то изображал мальчика-с-пальчик, делался то реалистическим, то мультяшным. Сегодня он достиг высшей степени реализма, четко выделив все поры на своем плоском носу.

— Это ты там, в клинике? — спросил Миви.

— Я.

— Отпускаешь лин? Зачем? Это в твой план не входило.

— Какой план?

Миви начал было отвечать, удержался, посмотрел на диораму внимательно. К увольнению евангелины отнеслись спокойно, но уходить и не думали. Вчерашний опыт научил их не доверять ментарам, приходящим в коттедж.

— Ты их всех увольняешь? — Миви перешел на старкес.

— Да, только остальных я уведомлю в более подходящее время. Эллен больше не нуждается в компаньонках, согласен?

Миви не услышал правильного ответа. *Стрела,* глоттировал он, *проверь личность Крошки Ханка.*

В идентификации отказано, ответила Стрела миг спустя. Ожидавший этого Миви тем не менее испытал шок.

— Еще что-нибудь? — спросил Крошка Ханк. — Мне нужно заняться похоронами.

Встав пораньше, Мэри загрузила взятый в парке образец запаха. В душевой кабинке домпьютер уведомил ее о срочном звонке Крошки Ханка. Она завернулась в халат, прошла через спальню и уже на пороге спросила шепотом:

— Ты не спишь?

— Нет, — пробормотал муж.

— С добрым утром, милая.

— С добрым утром. Мне звонят — дверь закрыть?

— Да, пожалуйста.

— Используй мое деловое «я» и соедини, — сказала Мэри в гостиной, приготовившись к худшему.

Крошка Ханк предстал в натуральную величину, в анораке из светлого меха. Тщательность изображения каждого волоска показалась Мэри чрезмерной.

— Мэри Скарленд, — начал он с непроницаемым выражением на щекастом лице, — я вынужден отказаться от ваших услуг, поскольку необходимости в них больше нет. Спасибо вам за труды. В клинику Рузвельта сегодня являться не надо.

— Подождите! — крикнула Мэри начавшему таять ментару. — Вы хотите сказать, что Эллен не подлежит спасению?

— Состояние мар Старк больше вас не касается, — сказал он и окончательно растворился.

Плачущая Мэри снова прокралась в постель. Фред обнял ее.

— С работой проблемы? — Она кивнула. — Ну, ты же знала, что это не навсегда. Почти неделю проработала — уже хорошо. И выходное пособие, наверное, получишь.

— Замолчи, Фред. Пожалуйста.

— Как скажешь.

Когда она основательно выплакалась, он отважился снова:

— Хочешь поговорить? — Она потрясла головой, уткнувшейся ему в грудь. — А позавтракать? — Утвердительный кивок. — Вот и ладно, я тоже. — Он очень старался скрыть свою радость по поводу ее увольнения. — Спущусь на рынок за настоящей ежевикой и сочиню мои фирменные оладьи. — Он вылез из кровати, взял на полке пакет с внутрибашенной одеждой. — Не вставай, я тебе в постель все подам.

Собачка по его требованию откопала в шкафу внутрибашенную обувь. Пока он обувался, стоя то на правой, то на левой ноге, до него донесся запах Самсона Харджера. Нюх привел его к сумке-контейнеру Мэри, стоящей у шкафа. С

глубоким отвращением к самому себе Фред залез в нее и нашел бумажную салфетку в двойной оболочке из кухонных пакетов. Ядреный дух старика даже через два слоя пленки пробился. Вот, значит, она что задумала. Он догадывался, зачем ей так загорелось прогуляться по парку, но не до конца понимал, на что ей ароматическая метка Самсона. Теперь, после телефонного звонка, она Мэри, благодарение небу, уже не понадобится.

Он спрятал вонючий пакетик обратно в сумку и вышел. Уже несколько дней ему не было так хорошо. Он мысленно вычеркнул один пункт из списка своих неприятностей.

Его разбудил грохот. Богдан прищурился на свет и увидел, что лежит в садовом сарае, но на койке, не на полу. На койке Сэма. Опять этот грохот, но просыпаться пока неохота. Во сне он проделывал всякие чудеса, все кругом просто диву давались.

При очередном звуке он все-таки сел и выглянул в окошко сарая. Фрэнсис и Барри таскали какой-то хлам, сваливая его в кучу тут же рядом. Грохот шел с другого конца крыши, где прямо на соевых посадках стояла большая цистерна с надписью «Органоэластик». От цистерны тянулись шланги с Тобблерами на каждом конце.

Расти сунул голову в дверь.

— Смотрите-ка, кто пробудился.

— Что у вас тут творится?

Расти вошел и сел на слоновий пуфик Самсона.

— С этой стороны, леди и джентльмены, — показал он в направлении лестницы, — мы проводим инвентаризацию наших полок, одновременно расчищая дорогу для инвалидного кресла. Уже до седьмого дошли.

— Значит, Сэм еще…

— Да-да, он держится молодцом. Его поместили в комнату Китти, пока мы лестницу не расчистим. А здесь, — жест в сторону цистерны, — вы видите наших добрых соседей, заливающих резиной пустоты, проеденные сырьевыми пиратами. Эту работу они производят в обмен на часть нашей крыши. За нами остается сарайчик и огород, за ними — все остальное.

Трой Тобблер, с рукой на перевязи, в работах не участвовал. Богдан осторожно потрогал собственные щеку и нос. Боль прошла, и он отодрал молескин.

— Вроде бы все зажило, — осмотрев его, сказал Расти.

— И долго я тут провалялся?

— Сутки с половиной примерно. Мы волновались, что не можем тебя разбудить, но автодок сказал, что ты в порядке и тебе просто надо выспаться. Вчера мы позвонили в «Э-Плюрибус» —

предупредить, что ты на работу не выйдешь. Представь себе наше удивление.

Богдан потупился.

— Я хотел объявить об этом на следующем суповом горшке.

— Да-да, я знаю.

— Зато выходное пособие выплатили.

— Ну и хорошо. Все равно при переезде в Вайоминг тебе пришлось бы уволиться.

Богдан раскрыл рот, а Расти с улыбкой посмотрел в окошко на Тобблеров.

— Потому они дом и ремонтируют — думают, он так или иначе весь к ним перейдет.

— А мы? Мы что же?..

— Пока все неофициально, но, похоже, шансы у нас еще есть. Бидлы боятся, что потеряют свою индивидуальность, если войдут в большой чартер вроде Тобблера. Поэтому они хотят взять два маленьких и слепить их в один большой с собой вместе. Нас они не вычеркивают из-за Хьюберта. Микрошахтному бизнесу нужен ментар, а они есть далеко не у всех мелких домов.

— Значит, утилизировать его мы не будем?

— Это в наши планы никогда не входило. Кейл просто попугать его немного хотел. Хьюберт у нас большой лодырь, надо признаться. Сэм его испортил вконец.

Богдан снова посмотрел в окошко на Троя.

— И что, им до сих пор никто не сказал про арест Хьюберта?

— Как же, не сказал! Докладывали неоднократно. Но они говорят, что подождут. Дадут нам время уладить дело с законом. Они ничего народ, Бидлы, когда их поближе узнаешь. Даже к дракам спокойно относятся — говорят, хорошо бы поучить тебя боксу.

Богдан слез с койки. На рассадном столе лежал сверток с одеждой — Эйприл, наверное, оставила.

— Но как же мы вернем Хьюберта, если внукоры даже поговорить с ним не разрешают?

— Надо будет что-то придумать. Кейл совещается с автосоветником.

Уже собравшись выйти, Богдан вспомнил еще одну вещь:

— А как твои съездовские свидания? Расти грустно покачал головой.

— Извини.

— А вот у Эйприл хорошие новости. К ней подкатилась сваха — кажется, большая рыба наклевывается.

— Эйприл? — Богдану вспомнилась женщина из Завруса в бальном зале. — Вот здорово!

Быстрее всего передать сообщение в нулевой бункер можно было через радиоактивный туннель, куда нет доступа ни человеку, ни пастовику, ни электронному разуму. Миви отправил туда записку, написанную по-старкесски на клочке бумаги, надеясь, что дубль Крошки Ханка еще не утратил способности понимать метаязык, и пошел завтракать на камбуз.

[Доктор Руссель ждет вас в гараже], час спустя доложила Стрела.

Миви поспешил к лифту. В гараже доктор Руссель и медбайтор из нулевого бункера грузили в седан портативный эрнандес-бак. Последний состоял из простого контроллера, насоса для циркуляции амниопены и хромового цилиндра чуть больше человеческой головы. Миви поискал глазами канистру дубля, но ее не было.

— Извините, — пропела доктор, — этот… ушко есть слабый. — Она открыла бак и тут же закрыла снова, но Миви успел разглядеть внутри ментарскую канистру. Он притворился, что исследует шов.

— Нет, все в порядке, по-моему, — сказал он, закрывая грузовой люк. — Едем?

Они сели в машину. Включились пропеллеры. *[Стрела,* сказал Миви, *проверь Крошку Ханка в канистре].*

[Идентичность подтверждаю, ответила она миг спустя. *Крошка Ханк в канистре говорит, что ситуация изменилась и действовать нужно по плану В. Для этого перед клиникой нам нужно заехать в федеральное здание].*

[В таком случае он снова должен взять лин на работу].

Когда Фред убирал столик для завтрака, зазвонил телефон.

— Это тебя, — крикнул он Мэри, стряхивая крошки в кухонный уловитель, и стал прислушиваться. Этот день они собрались провести на озере.

— Опять вы? — сказала Мэри.

— Доброе утро, мар Скарленд, — ответил незнакомый Фреду голос — не Кабинет. — Посмотрите, пожалуйста, вашу почту.

— Увольняете и тут же снова берете? — возмутилась Мэри некоторое время спустя.

— Произошло досадное недоразумение. Прошу обратить внимание на компенсацию, которая вам предлагается. Ваша смена уже началась, и в случае согласия вы должны немедленно выехать в клинику. Итак, вы согласны?

Мэри не спешила с ответом.

— Мар Старк все еще жива?

— Вы нужны ей больше, чем когда-либо прежде.

Фред не расслышал, что ответила Мэри. Разговор закончился, и она снова вернулась в спальню. Фред тоже вошел туда. Мэри выкинула из своей большой сумки пляжное одеяло и укладывала туда рабочий инвентарь, включая дурацкую шапочку и салфетку с запахом.

— Нечего шпионить за мной, — бросила она, не глядя на мужа. — Думаю, Николасу это тоже не нравится. — Она быстро переоделась в свой рабочий комплект.

— Твоя клиентка — настоящий «глаз урагана». Когда ты с ней, тебя со всех сторон окружает опасность, к которой ты совершенно не подготовлена. С тех пор как началась эта аффовская корректировка рынка, мы безвозвратно утратили десять моих братьев, тринадцать джерри, двадцать шесть белинд, семьсот восемьдесят найков. Хочешь пополнить список евангелинами? Ты вовремя вспомнила о Николасе. Свяжись с ним, пусть выскажет свое мнение.

— Позвони ему сам. — Мэри взяла сумку и направилась к двери. — Каждый *нормальный* расс на твоем месте сделал бы именно это. — Стоявший в дверях Фред поморщился, но не уступил ей дорогу. — Я сожалею о твоих братьях и обо всех остальных, Фред. От души сожалею. Уйди с дороги, пожалуйста.

Он, подбоченившись, продолжал загораживать дверь.

— Ты спрашивала, жива ли она, но ответа я не услышал. Так как же, жива твоя Эллен? — Мэри вздрогнула. — Да, я знаю твою клиентку. Когда-то я работал у Старков. Поверь мне: ментара, который за этим стоит, твоя судьба мало волнует. — Фред раскрыл сумку, достал шапочку-таблетку. — Ты всего лишь одно из его орудий. Он использует тебя, чтобы получить то, что хочет, — в данном случае младшую Старк. — Он швырнул шапочку обратно. — Думаю, если она жива, то все еще без сознания. У тебя это никаких подозрений не вызывает? Зачем ей в таком состоянии компаньонки? Не обижайся, но ведь ты и твои сестры — не дженни. В хорошем смысле, — поспешно добавил он, видя, как нахмурилась Мэри.

— Нет, не в хорошем. — Она села на кровать, поставив сумку у ног. — Мы что, перешли к открытому разговору о наших служебных обязанностях? Я просто хочу понять. Мы утаиваем от Николаса важнейшую информацию, правильно? На нас с тобой это не похоже, и мы бы не стали этого делать без веских причин. Так вот, у меня они есть. Почему бы тебе не назвать мне свои? Но сначала один личный вопрос, можно?

О черт! Фреду это совсем не понравилось: Ему захотелось заткнуть уши, как маленькому. Мэри подошла к нему по ковру,

глядя пристально, по-птичьи.

— Можно вообще-то и без вопросов. — Она уперлась ладошкой ему в грудь и толкнула, но он не двинулся с места. —

Ну, как хочешь. — Она вернулась на место. — в свою защиту скажу, что я не полная дура. Я знаю, что в этой работе есть элемент опасности, но все не так страшно, как ты себе воображаешь. В клинике безопасность поставлена на высочайший уровень.

— Хорошо сказано. С твоим богатым опытом в этих вопросах…

— Замолчи, Фред, и послушай. Я понимаю, что иду на риск, и заявляю, что делаю это совершенно сознательно.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Может, и не имею, но одно-то я знаю твердо. Мы с сестрами, весь наш род, пребываем в упадке. Каждый день кто-то из нас отправляется на подземные этажи. Это неудивительно: мы ничего не умеем, как бы ни старались научиться чему-то. Ты же знаешь, Фред, это правда.

— С тобой этого не случится.

— Выходит, мы только и способны, что быть содержанками? Кроме того, мы и вас тянем вниз. Знаешь ли ты, что рассы, женатые на линах, в среднем на 4,6 года старше своих братьев, выбравших жен из других типажей? И что вы стареете с каждым днем? Спроси своего Маркуса, он познакомит тебя со статистикой. А сколько омоложений мы с тобой пропустили за эти три года? Когда в последний раз были в отпуске? Покупали мебель? Для нас, итерантов, планка поставлена весьма высоко. Зарабатывать должны оба супруга, иначе они вместе покатятся под откос.

— Мэри, прошу тебя…

— О нас просто *забыли,* Фред. Разве вы с братьями в нашем случае не пошли бы на самые чрезвычайные меры, чтобы переломить ситуацию? Тогда и нас нельзя упрекать. Этот шанс нам просто с неба упал. Нас восьмерых наняли для ухода за больной, знаменитой по всему миру. Делая это, мы открываем новую область работы для компаньонок. Показываем, как можно поддержать человека, подвергающегося глубокой органической перестройке. Если даже коматозники в нас нуждаются, представь, какие возможности откроются перед другими нашими сестрами. Но для этого нужно, чтобы наша клиентка выжила и пришла в себя, что возвращает нас к текущей проблеме. Ведь не намерен же ты загораживать дорогу целому типажу, Лонденстейн?

— Типажу нет, только тебе. Извини.

— И ты тоже извини. У меня просто выбора не остается. —

Мэри вся как-то поникла. — Пожалуйста, Фред. Отойди, если любишь меня.

— Не говори так. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Мэри расхаживала по комнате — плохой знак для евангелины, хуже некуда.

— Ты ведь помнишь, что в августе будут праздновать столетие рассов? Вы старейший в мире коммерческий типаж. Поздравляю.

— Спасибо, Мэри.

— А ты — старейшина в своем типаже. Выпуск 2В. Взад и вперед, взад и вперед, от бюро к шкафу.

— Ты признался мне, что боишься стать жертвой клонового износа.

— Да, признался. Хочешь использовать это против меня? Она приостановилась, но тут же возобновила свои метания.

— Ты готов услышать правду, Фред? Даже самую горькую? Ты всегда говорил, что правда тебя не пугает. Потому ты мне все это и выложил, так ведь? В общем, я много думала о твоей «Книге расса». — Фред болезненно поморщился. — Мне казалось, что одна идея об ее написании ставит тебя вне твоего типажа, но теперь уверенности у меня поубавилось. Думаю, причина заложена в вашем прабрате Томасе Э. Рассе. Может быть, он вел дневник, где записывал самые тайные свои мысли и чувства? Никто об этом не знал, вот дневник и не нашли после его смерти. Это возможно, не так ли, Фред? Если Томас Э. действительно вел дневник, то твоя «Книга расса» — всего лишь нормальный отклик на затаенную рассовскую потребность. Признайся же, что такое вполне возможно.

Фред кивнул. Он не знал, к чему ведет Мэри, и боялся спросить.

— Хорошо, а теперь вопрос. Готов?

Фред напрягся так, что затрещала дверная рама.

— У Томаса Расса, случайно, не было слабости к маленьким девочкам? Потому что у тебя, судя по вчерашнему вечеру в парке, она точно есть.

* * *

Опомнившись немного, Фред увидел, что сидит на краю кровати, свесив голову ниже колен. Мэри ушла, сбежала. Смела его с дороги несколькими словами. Он воздавал ей должное, несмотря на стыд, но даже ее прямое попадание не смогло выбить из его головы Китти. И Коста, если уж на то пошло, и

хорошенькую мишель, с которой он утром столкнулся внизу в магазине. Что же с ним такое творится? Ну, что бы там ни было, придется с этим повременить. Надо что-то делать, и быстро, иначе Мэри конец, только вот что? Первым его импульсом было настучать Николасу. Именно так поступил бы «нормальный» расс, а ничего лучшего Фред все равно придумать не мог. Рассу с сомнительной нормальностью требовался хоть какой-то план и хотя бы один друг.

— Вчера мы там уже были, — сказала Китти.

— Я ему то же самое говорю, но он ничего не помнит, — вставило кресло. Китти перехватила его на первом этаже, при попытке тихонько удрать из дома.

— Скажи, что он все проспал, потому и не помнит.

— Он спрашивал, как выглядит Элли, ну я и сказал, что нам дали от ворот поворот.

— Можешь повторить все еще раз — по пути в мою комнату. И чтоб не высовывались больше оттуда!

Кресло развернулось лицом к ретродевочке.

— Прошу прощения, мар Кодьяк, но мой спонсор Сэм, а не вы.

— Ты смеешь мне возражать, Хьюберт-пояс?

Худая рука ухватилась за край люльки, слабый голос прошелестел:

— Китти.

— Доброе утро, Сэм. — Китти наклонилась над ним, погладила его по щеке. — Я только велела креслу отвезти тебя назад, в мою комнату.

— Элли. Моя дочь, — выговорил он напряженным шепотом.

— Нас не пустили к ней, Сэм. Мы пытались, но у нас ничего не вышло.

— Некогда спорить, он говорит, — перевело кресло. — Ехать пора.

— Бесполезно, Сэм. Нас все равно не пустят. — Китти слезла с подножки. — Отвези Сэма в мою комнату, Хьюберт-пояс. Быстро.

Кресло не двинулось с места, Китти тоже.

— Пусть себе едет. — Из кухни вышел Богдан с дымящейся чашкой форельникового супа. — Он делает то, что должен, не надо ему мешать.

— Отлично. — Китти уступила креслу дорогу. — Сам с ним и отправляйся, я не пойду.

— Да не вопрос. Доброе утро, Сэм. — Старик улыбнулся Богдану из люльки. — Дочку повидать хочешь, да?

— Он говорит, да, — ответило кресло.

— А можно и мне с тобой?

— Он будет очень рад.

Они выехали на улицу. Китти, скрестив руки, смотрела им вслед. Стало слышно, как кресло со стуком спускается по ступенькам.

— Да ну вас, — сказала она и побежала за ними.

Мэри взяла такси до самой клиники. Сумку с запечатанной салфеткой она пронесла через сканер без затруднений и зашагала к рощице между воротами и коттеджем. Синди и медсестра Хэтти стояли у контрольного устройства резервуара. Синди, сразу поняла Мэри, хотела что-то ей рассказать.

Воздушная модель мозга показывала только спорадические нейроразряды, похожие на светлячков в летней ночи. Хэтти выключила ее и сказала:

— Рано утром ее объявили не подлежащей спасению. Мне надо идти, но я вернусь и помогу Мэтту отсоединить жизнеобеспечение. — Она поочередно обняла обеих евангелии. — Я знаю. Первых всегда тяжело терять. — Муляж все так же корчился на кушетке, исходя непрерывным криком. — Скажите Мэтту, пусть первым делом вырубит эту штуку.

Крошка Ханк уволил их с Ронни, сказала Синди, оставшись с Мэри наедине, но они не ушли. Ронни сдалась, только когда Мэри и Рената не явились на смену.

— Ничего — главное, ты осталась. — Хлопнув Синди по плоской шапочке, Мэри включила проекцию носовой доли мозга. Достала из сумки сверточек, распаковала его.

— Фу-у! — крикнула Синди. — Что это у тебя?

— Я посмотрела, что есть в сети на мар Старк. Отец у нее из обожженных. — Мэри поднесла салфетку к нюхательной решетке. — Эллен, твой отец здесь. Пора просыпаться. Самсон Харджер пришел. Эллен, ты меня слышишь? — Мэри говорила это, глядя черепу прямо в глаза. Потом подтащила к решетке стул, пристроила на него салфетку, вышла вперед и стала рассказывать все, что сумела узнать об отце Эллен Старк.

Синяя пчела на балке узнала ароматическую метку носителя и отметила принесшего ее человека как возможного союзника.

Фред сидел на ящике у окошка в перевозочном контейнере чартера Гуж. Контейнер закладывал вираж над Декейтером, через каждые шестнадцать минут приближаясь к клинике Рузвельта. Эту летающую коробку, идеальное укрытие для шпиона, Фред получил в свое распоряжение с выдающейся быстротой. Он

позвонил Веронике прямо из дома. Она, не задавая вопросов, записала все, что ему требовалась, и через несколько минут сообщила Фреду адрес контейнера, с которым Фред, доехав на такси до Декейтера, встретился в воздухе. Внутри, среди немногочисленной мебели и домашней утвари, Фред обнаружил заказанный им набор и сканероустойчивое оружие, которое не заказывал. Набор, прямиком с черного рынка, содержал все необходимое для надежной подделки личности. Там же нашелся псевдовоенный скаф, красный с черным, похожий на ливрею аффовского дома, но с бронированной прослойкой и довольно приличным визором в козырьке фуражки. Фред надел фуражку, ознакомился со своей легендой. Мар Рэнди Планк, расе из района Чикаго, проживающий в жилблоке у Гэри-Гейт. Служит мажордомом у сырьевого брокера Абдула аль-Хафира. В Национальном Регистре, как убедился Фред, ни Планка, ни аль-Хафира не числилось. «Кто есть кто в ОД», «Справочник Полезных Людей» и прочие источники о них тоже умалчивали. Для обеспечения идентификации Фреда кто-то ухитрился достать из шляпы не одного, а сразу двух кроликов. Стоило это дорого, но Вероника ни слова о цене не сказала.

Фред вскрыл тюбик с кожной мастикой, выдавил ее на руку. Пока она таяла, он проглотил ампулу самомигрирующего кератохитина для легкого изменения подбородка и скул. Специальная жевательная резинка расширила гортань и сделала голос более низким.

Наглазники, накладные десны и ладони окончательно преобразили Фреда в Рэнди Планка. Теперь оружие — карбоплексовый кинжал в виде двух пузырей. Их содержимое нужно нанести на внутреннюю сторону бедер и держать ноги врозь, пока не пройдешь через сканер. На упаковке стояла марка известной оружейной компании, но Фред сомневался, сумеет ли даже самый известный конструктор обмануть сканер клиники Фейгана.

Проверив хронометр на козырьке, Фред посмотрел в окно. Территория, куда он так стремился попасть, проплывала как раз под ним.

— Тьфу, гадость какая! — скривилась медтехник женского пола, войдя в коттедж. К Мэри и Синди успели присоединиться Рената и Алекс, работавшая обычно в следующую смену. — Вы чем это тут навоняли?

— Я знаю этот запах, — сказала Хэтти, вошедшая с Кобур-ном следом за ней, — но думала, что они все уже вымерли. — Мэри снова упаковала и спрятала в сумку провинившуюся салфетку.

Незаметно было, чтобы та произвела на больную хоть какое-то воздействие.

Синяя пчела мало что понимала в деятельности человеческих особей, но сегодня они проявляли повышенную активность.

Женщина-медтехник ушла искать носовые фильтры, Кобурн напустился на евангелиу:

— Вы что это удумали, инкубаторские?

— Ее отцу сделали прижигание, — сказала Мэри. — И перестаньте употреблять это слово.

— Отвали от бака.

— Тихо, Кобурн, — вступилась Хэтти. — Ничего с твоей распрекрасной техникой не случится. — Она просмотрела диагностические записи на контроллере. — Значит, у Эллен в семье вонючка? Почему же мне не сказали об этом раньше, когда еще могла быть какая-то польза?

Кобурн открыл чемоданчик с инструментами и скомандовал контроллеру:

— Запуск манипулятора.

— Погоди минутку, контроллер, — вмешалась Хэтти.

— Хэтти, не мешай мне работать. Консьерж хочет как можно скорее отправить покойницу в морг.

— Дай мне две минуты. — Хэтти остановилась на проекции одного из участков мозгового ствола.

— Нашла что-нибудь? — спросила стоящая рядом Мэри.

— Лично я ничего не вижу, — заявил незаметно подошедший Консьерж. — Зато вижу, что неквалифицированный персонал использовал контроллер для ввода какого-то запаха. Что мы имеем в результате? Да ничего. Мар Скарленд, если вы когда-либо в будущем получите работу на предприятии Фейгана, прошу вас не забывать, что к медицинской технике допускаются только компетентные лица. Обонятельный анализатор контроллера при эрнандес-баке тоже входит в понятие «техника». Это ясно?

— Ясно, Консьерж.

— Я запрещаю вам доступ в клинику и прошу немедленно покинуть коттедж.

Мэри и другие евангелины не стали протестовать, но Хэтти сказала:

— Это не ее вина, а только моя. Я показала им устройство для передачи запахов и сказала, что этот метод широко практикуется.

— Согласен. Уходите и вы вместе с мар Скарленд. Медтехник Кобурн, почему вы до сих пор не отсоединили мар Старк?

Кобурн быстро снял с бака крышку. Манипулятор опустился, механические пальцы принялись отсоединять от черепа трубки и

проводки. Машина, отключающая объект от другой техники, привлекла внимание синей пчелы.

— Вот так, — одобрил Консьерж. — Почему вы все еще здесь, марен?

— Увольнение не может состояться, пока «Полезные люди» не получат от вас жалобу в письменном виде, — заявила Хэтти. — Возможно, вы хотите обвинить нас в намеренном причинении вреда пациентке? Тогда мне легко будет доказать, что вы уже несколько суток знали об использовании здесь так называемого неквалифицированного персонала, однако помалкивали.

— Поступайте как хотите. Я уже вызвал охрану. Ваше непрофессиональное поведение меня поражает. — Ментар в белоснежном халате вышел и закрыл за собой дверь.

Женщины замерли, не находя слов. Медтехник Кобурн спокойно продолжал демонтаж.

— Так что ты там видела, Хэтти? — прервала молчание Мэри.

— Ничего. Но Консьерж подумал иначе — значит, что-то да было. — На дорожке послышались шаги, дверь распахнулась. Вошли двое охранников, расс и джерри.

— Марен Бекеридж и Скарленд, пройдите с нами, — потребовал джерри. — Быстро! — добавил он, видя, что женщины не подчиняются, и с громким щелчком включил парализующий жезл. Для пчелы этого было достаточно. Она покинула свой блиндаж и поползла по нижней стороне балки.

— Офицер джерри, — сказала Хэтти, единственная дженни в коттедже, — я понимаю, что вы должны делать свою работу, но почему вы угрожаете мне оружием?

— Ничего личного, сестричка, — покраснел джерри, — но вам с линой надо пройти с нами — прямо сейчас.

— Отставить! — приказал еще один офицер, белинда, рангом чуть выше двух первых. — Вы получаете другое задание — прошу ознакомиться.

— Есть, лейтенант, забирайте их сами, — сказал джерри, сверившись с предписанием. Мужчины ушли, пчела снова залезла в блиндаж, а белинда исчезла бесследно.

— Что это было? — спросила Рената, но ответа так и не получила.

Старковская машина села на стоянку около клиники. Миви и доктор Руссель достали эрнандес-бак из багажника, передали медбайтору и двинулись втроем по кирпичной дорожке.

— Опустите ворота, — распорядился Миви.

— Что, простите? — поднял брови охранник-джерри.

— Я приказываю вам опустить ворота.

— Эй, Чез, иди-ка сюда, — обернулся джерри. — Это надо видеть.

Подошел второй джерри.

— Что происходит?

— Мне тут приказывают опустить ворота. — Оба заухмылялись, и второй джерри сказал: — Махните на столбик, марен.

Миви, уже использовавший все свое ограниченное нахальство, послушно махнул. Доктор сделала то же самое.

— Мар Миви включен в список посетителей и может пройти. Вас, доктор Руссель, в списке нет, а это, — охранник показал на медбайтора с эрнандес-баком в руках, — лучше оставить здесь.

— Вызовите Консьержа, — потребовал Миви.

— Говорите, он слушает вас.

— Консьерж, я требую, чтобы ты пропустил нас. Консьерж, пройдя через пресс-ворота, поклонился Миви и тут же переключился на доктора.

— Какая честь для нас, доктор Руссель, и какой приятный сюрприз. Я с интересом слежу за вашей карьерой, но даже не предполагал, что вы вернулись в ОД.

— Благодарю вас.

— Мы пришли не для пустых разговоров, — вмешался Миви.

— Для чего же в таком случае вы пришли?

— Помочь Крошке Ханку забрать из твоей клиники Эллен Старк.

— Впервые об этом слышу. Почему Крошка Ханк меня не уведомил?

— Ты только что получил уведомление. От меня. — Миви повернулся к медбайтору: — Подтверди, Крошка Ханк.

Ментар нарисовался в полный рост, но изображение дрожало и расплывалось.

— Эй! Крошка Ханк!

— Да? — Напротив появился второй неандерталец — четкий, трехмерный, одетый в шкуру койота. — А, Миви, привет. Принес мне недостающий дубль? А я-то думал, куда он мог подеваться.

В идентификации отказано, сообщила Стрела. Нечеткая проекция погасла, переносной бак коротко зажужжал и умолк.

— Извини, Миви, но я уже говорил тебе утром, что травма Эллен оказалась смертельной. Врачи сделали все, что могли, однако спасти ее невозможно.

— Трагично, — скрипнул зубами Миви, — но я все равно хочу ее видеть. Немедленно.

— Терпение, дружище. Пусть ее сначала приведут в божеский вид.

— Это не есть Крошка Ханк? — спросила, прищурившись, доктор Руссель.

— Боюсь, что нет. Это самозванец. — Пришло время осуществить план Б. Миви отступил на шаг, поднял руку и резко ее опустил.

Над верхушками деревьев тут же возникла ВОМ. Она опустилась на лужайку, и из нее вышли шесть полицейских в черных скафандрах, вооруженные карабинами. Над ними парила большая эмблема ДЮОД. Ворота рухнули, и отряд прошел внутрь прямо сквозь ментаров, не забыв сослаться на свою неприкосновенность. Охрана клиники сопротивления не оказала.

Миви взял бак у медбайтора и, прижимая его к груди, обогнал полицейских.

— Сюда. — Обойдя стороной сканер и извилистые барьеры, он вывел спецназовцев и доктора на площадь Южных ворот, а оттуда к Минеральной аллее. Коттеджи Кварц… Слюда… Полевой Шпат.

Командир отряда удержал Миви и послал своих людей вперед. Тяжело дышащий Миви, усталый, но ликующий, ворвался в коттедж следом за ними… и оказался на парковке рядом с машиной, на которой приехал.

Растерянные полицейские топтались рядом.

— Это есть наша машина? — спросила позади доктор Руссель.

Синяя пчела поймала сигнал, оповещающий о возможном вторжении. Всю южную половину кампуса перевели на желтый режим. Персоналу предписывалось увести пациентов в помещения, не поднимая тревоги. В тактическом подтексте сообщения пчела разобралась без труда. Особи, пытающиеся вторгнуться в клинику, могли быть союзниками.

Она послала осу на разведку к Южным воротам. Дождавшись попутного пешехода, оса проследовала до ворот на полях его шляпы.

Отряд служителей Дю бегал кругами по зеленой лужайке, а на стоянке вообще творилось нечто неописуемое. Такси, вызванное Фредом на верхушку контейнера, высадило его у проходной. За пресс-воротами несли вахту двое джерри. Плотный воздух довольно хорошо позволял рассмотреть, как устроен этот пропускной пункт — Фред сам не раз на таких дежурил. Заграждения для транспорта и пресс-ворота с обеих сторон делят проходную натри взрывоустойчивых блока. Сооружение класса «саммит». Хорошо, что он отказался от мысли протащить через

все это оружие.

— Эй, — окликнул он джерри за пресс-воротами.

— Кто там еще? — Джерри открыл окошко.

Фред махнул на него фальшивой ладонью, начав тем самым отчет существования марен Планка и аль-Хафира.

— Да, мар Планк, чем могу помочь?

Фред, пройдя первый тест, немного расслабился.

— Чем задавать лишние вопросы, заглянули бы в журнал посетителей, мар Клем, — предложил он, взглянув на именную табличку охранника.

— Уже заглянул, мар Планк. Вы там не значитесь.

Фред поскреб подбородок, имитируя широко известную привычку всех джерри.

— Перестаньте, — нахмурился страж.

— Слушай, это проблема. У моего босса и так уже паранойя на предмет глубокой терапии. Он посылает меня сюда поглядеть вашу лавочку, а я у вас, оказывается, даже и не записан.

— Не думаю, что Консьерж мог допустить такую ошибку, мар Планк.

— Это бы еще ничего — но почему у вас полицейские на лужайке круги нарезают? — Фред ухмыльнулся и получил такую же ухмылку в ответ.

— Тренируются, наверное. Минутку, Планк, я постараюсь уладить твою проблему. — Окошко закрылось, Фред перевел дух.

Полицейские вернулись на стоянку, сели в свою машину и поднялись в воздух. Операция, какой бы она ни была, завершилась полным провалом.

Имитируя зевок, Фред сунул за щеку комочек фальшивой слюны. Через дорожку полз внукоровский слизень. Ну да, это ведь Декейтер, а не Чикаго. Декейтер сохранил свой купол и своих слизней.

Кожная мастика Фреда носила код Планка, но слизняки обычно копают глубже. Технос тем временем провел настройку, изменил курс и пополз прямо к Фреду.

Фред сделал два шага к пресс-воротам. Слизень не отставал. Фред прижался к воротам спиной, окружив себя зоной турбулентности. Воздух обжег его, но слизень остановился, потерял след, возобновил настройку. Когда он уполз, Фред отошел от ворот и увидел на визоре мерцающее изображение Маркуса. Срочное сообщение из ББР. Игнорировать его опасно, но новым низким голосом с ментаром тоже не следует говорить.

Да, Маркус? — глоттировал Фред.

Вы, Лонденстейн? А я уже было забеспокоился. Ваша новая мозговитка подает какие-то непонятные сигналы. Я, Маркус, я.

Что хорошего скажешь? Мне нужно обсудить с вами постановление ББР. Прямо сейчас? Да.

Слизень, дошедший уже почти до лужайки, остановился.

Маркус, ради всего святого. Неделя была длинная, сегодня у меня выходной, а ты со своими постановлениями. Ладно, давай, я слушаю.

Выходной у вас, мар Лонденстейн, именно из-за этого постановления. Известно ли вам, как относится братство к частным заказам?

Неодобрительно относится.

Совершенно верно.

Слизняк, заложив петлю, снова повернул к Фреду.

Обычно я стараюсь не вторгаться в личную жизнь рассов — но, принимая во внимание наши недавние разговоры, вынужден вас спросить, не работаете ли вы частным образом у…

Фред снова вжался в ворота.

…у мара аль-Хафира?

Все тело как будто огнем охватило. Связь с Маркусом прервалась. Потом в воротах открылась узкая щель, и Фред проскочил внутрь.

— Консьерж устроит для вас экскурсию, мар Планк, — сказал Клем. — Гид должен прийти от Северных ворот — подождите его во внутреннем блоке. — Он указал на сканер для пешеходов.

Фред вошел в туннель, сдал отпечатки и требуемые анализы. Сплюнул в кювету искусственную слюну. Раскинул руки и встал на красную Х, принимая на себя волны радиации, ультразвука, томографических лазеров. Гужевский набор, как хотелось верить Фреду, стойко выдерживал биометрию. А ведь сканеры теперь уже вчерашний день, вдруг пришло ему в голову. Как и средства зашиты против них, включая технику черного рынка. Они безнадежно устаревают по сравнению с новыми «вошками», гораздо более эффективной и изящной системой, «Вошки» закладывают колонии под кожей, подключаются к кровообращению и прочим системам носителя. Они анализируют тебя постоянно, знают, кто ты, где ты, что ты ел на завтрак, с кем завтракал, как часто ты принимаешь наркотики, занимаешься сексом, баскетболом и прочим — в реальном времени, между прочим. И большинство людей даже не сознают их присутствия, пока не приходится от них избавляться — например, перед входом в нулевой шлюз. Вошкосеть сильно облегчит работу органам правосудия, а значит, и ему, Фреду. То есть облегчила бы. Сейчас он уже не блюститель порядка, а преступник, демонстрирующий современную версию распятия. Хорошо, что он в Декейтере с его старомодными слизнями, а не в Чикаго.

Зажегся свет, и путеводная линия обозначила выход из сканера. На том конце Фреда встретил второй джерри — он изучал контрольные показатели, почесывая одной рукой подбородок, а другой держась за свой жезл.

— Ну, что там? — спросил Фред.

— Ничего. Постойте минутку, мар Планк, никак не могу засечь ваших «вошек».

Фред ощутил спазм.

— У вас тут тоже есть сеть?

— Пока нет, но считыватели уже устанавливаются. Мы учимся ими пользоваться.

Фред испытал громадное облегчение. Джерри — известные тугодумы. Пока-то он выучится…

— А-а, понятно. Вас удивляет, что на мне «вошек» нет, хотя я из Чикаго?

Джерри с кислым видом показал ему на квадрат ЖДИТЕ ЗДЕСЬ. Извилистый проезд для транспорта загораживали дополнительные пресс-барьеры, даже сканер и тот закрылся. Скулы и подбородок чесались — не от «вошек», от кератохитина.

— Есть, — с довольным видом произнес джерри. — Ваши клетки пропитаны гальвеном, вот они вас и не любят, «вошки». Химчистку недавно прошел, да?

— В точку.

— Ничего сложного. У нас тут еше один расс из Чикаго работает, с той же проблемой. — Джерри открыл барьер, от ног Фреда протянулась путеводная линия. — Подождите своего гида во внутреннем блоке, мар Планк. Удачного дня.

Фред с растущим страхом пошел по линии. Еще один расе, прошедший химчистку? Фред прирос к месту, увидев его. Рейли Делл стоял у внутренних пресс-ворот, пятнистых от солнца. Со стороны клиники подошел джон в униформе. Рейли открыл для него проход, поболтал с ним. Потом обернулся, и челюсть у него отвалилась.

— Фред?

Медтехник Кобурн поднял плитку в полу, достал шланг, подсоединил его к баку. Открутил ключом вентиль, и по шлангу потек янтарный сироп.

Хэтти, воспользовавшись моментом, отключила манипулятор.

— Ты что делаешь? — Кобурн бросился к ней, но Хэтти загородила собой контроллер.

— Отойди.

— И не подумаю. Убери руки.

— Ты же слышала. Консьерж сказал, чтобы все провернули

быстро.

— Слышала — только я, как видно, больше здесь не работаю.

Уровень амниосиропа понижался. Мэри подошла, повернула ключ, закрутила вентиль.

— С ума спятила? — Кобурн кинулся отнимать ключ, но Мэри перебросила его Синди. Другие евангелины, точно пробудившись ото сна, подоспели на помощь. Синди выкинула ключ за окошко. Рената и Алекс, отсоединив шланг от бака и от стока под полом, отправили его следом.

Хэтти, игнорируя медтехника, включила контроллер.

— Тут что-то не так, точно знаю. Помоги-ка мне, Мэри. Найди фольговую перчатку у Кобурна в чемоданчике.

Кобурн грудью встал на защиту орудий своего ремесла.

— Кобурн, миленький, ты мне мешаешь, — сказала Хэтти. — Реши-ка одну задачку.

— Какую задачку?

— Посчитай, сколько в мире дженни.

— При чем тут это?

— Я бы сказала, около десяти миллионов. Мы работаем во всех клиниках, больницах, врачебных кабинетах, исследовательских центрах ОД. Куда бы ты ни пришел наниматься, там обязательно будут дженни. А скажи, мальчик, слышал ты когда-нибудь о нашем сучьем союзе?

Кобурн, видимо, слышал — об этом свидетельствовала его внезапная бледность.

— Все, о чем я прошу, — это две несчастных минуты. Кобурн молча посторонился, и Мэри отыскала доходящую до локтя фольговую перчатку.

— Теперь окунай руку в бак и берись за нашу креветку. Мэри взобралась наверх, просунула руку между металлическими частями манипулятора.

— Не вздумайте только включить эту штуку! — Мэри дышала ртом, но голова все равно кружилась от паров амниосиропа.

Кобурн, сложив руки, встал рядом с Хэтти.

— Вы все свихнулись, честное слово.

— Молчи и не отвлекай меня.

Сироп сквозь тонкий металл перчатки казался густым и теплым, череп — скользким. Внизу, под марлей, Мэри нащупала эмбрион.

— Ой! У него сердце бьется, я чувствую.

— Что и требовалось доказать, радость моя. — Хэтти вывела в комнату проекцию жизнедеятельности зародыша. — А теперь сожми-ка его.

— Сильно?

— Легонько.

Мэри охватила пальцами пульсирующий комочек.

— Вот так?

— Ты уже? Не знаю, достаточно ли. Отпусти и сожми опять, чуть покрепче.

— Она все неправильно делает, — сказал Кобурн.

— Правильно, правильно.

— Дайте-ка я. — Кобурн отстранил Мэри и велел Хэтти поднять манипулятор. Натянул перчатку, поднялся по лесенке, окунул руку в сироп. — Ну что?

Евангелины выстроились позади Хэтти. Она показала им на модели сердце эмбриона, бьющееся в ускоренном ритме.

— Если сердце сжать, частота его биения повышается. Чисто рефлекторная реакция, не затрагивающая высших функций мозга. Даже при коме третьего порядка рефлекс должен быть.

— Что там у тебя? — повторил Кобурн.

— Да так, ничего. Стабильный один-восемнадцать.

— Не может быть. — Медтехник вынул руку, стащил перчатку. — Эти контроллеры — самые надежные в мире. В них просто нельзя влезть. Не верю.

— Да что случилось? — забеспокоилась Мэри.

— Неправильные показатели. Кто-то похимичил с этим контроллером. Возможно, он с самого начала неверно показывал. Кто-то не хочет, чтобы наша больная поправилась.

Евангелины вздрогнули, как по команде, и Мэри спросила:

— Чем мы можем помочь?

Хэтти не успела ответить: за спиной у Мэри возник Консьерж.

— Вы и так уже помогли. Ты разочаровал меня, Кобурн, а всем остальным следовало уйти, пока еще была такая возможность. — Манипулятор снова опустился в резервуар и продолжил отсоединение черепа. Дренаж внизу открылся, амниосироп хлынул на пол. — Все вон, не то плохо будет! Скоро тут дышать невозможно станет из-за паров. Это и тебя касается, Кобурн. — Ментар распахнул дверь, но никто не двинулся с места, кроме медтехника, схватившего свой чемоданчик. — Хорошо, оставайтесь. Это только облегчит уборку. До свидания.

— Подожди меня, — крикнул Кобурн и выскочил за ментаром в дверь.

Мальчик и девочка, сопровождающие инвалидное кресло от Декейтерской станции до клиники Рузвельта, привлекли внимание многих медиапчел.

— Ссылаюсь на неприкосновенность моей личной жизни! — крикнула Китти, и пчелы ушли за пределы ее личностной зоны.

— Ну и зря, — сказал Богдан. — Нам понадобятся свидетели. Китти молча смерила его взглядом.

— Хьюберт-пояс, когда ты в последний раз пытался поговорить с Хьюбертом? — спросил Богдан.

— С тех пор как наша связь прервалась в 2.21 во вторник — ни разу.

— Ну так попытайся. Позвони во Внукор и скажи, что хочешь поговорить с ним.

— Уже. Они говорят, что у них нет такого.

— Понятно. Ты вот что, внеси это в список своих постоянных заданий. Звони им каждые пять минут и спрашивай Хьюберта. Заодно поищи и загрузи в себя какое-нибудь юридическое пособие.

— Зачем это? — поинтересовалась Китти.

— Хьюберт-пояс — интеллект не из мощных, но все-таки кое-что. Надо использовать все, что у нас имеется.

В одном квартале от клиники Богдан остановил кресло. За ними увязалось с полдюжины пчел. Одна по его знаку слетела вниз и открыла рамку с названием ее медиаканала и вопросом: «Этот человек — теленебесный хакер Самсон Кодьяк?»

— Он самый, — ответил Богдан, — а мы его софамильники.

— Вы, очевидно, направляетесь в клинику Рузвельта. Если так, то с какой целью?

Китти, отпихнув Богдана, заявила в наилучшей ретродевчоночьей манере:

— Там держат Эллен Старк против ее воли. Слышала? Эллен Старк. Самсон — ее отец и хочет спасти свою дочь.

Все остальные пчелы тут же насели на них и засыпали их вопросами. Богдану приходилось кричать, чтобы его услышали.

— И еще: ментар Самсона Хьюберт, арестованный Внукором, исчез. Точно так же исчез и Самсон в прошлом веке. Его взяли и отпустили только после прижигания. Самсон Пол Харджер-Кодьяк — первый и последний из обожженных. Мы требуем, чтобы его дочь и его ментара освободили немедленно! — Богдан с Китти влезли на кресло и помчались по улице. До чугунной арки они добрались в сопровождении сотен пчел — медиа, свидетелей, частных, сериальных, внукоровских. Кресло ехало по аллее из красного кирпича к мерцающим пресс-воротам.

Уровень амниосиропа упал ниже макушки черепа. Густая жидкость текла через открытый клапан, заливая мебель и ковры в нижней комнате.

Женщины столпились у распахнутых окон. Хэтти, набрав полные легкие воздуха, подбежала к резервуару и попыталась

закрыть клапан руками, но только намочила туфли и брюки в сиропе.

— Он, по-моему, заряжен на всю катушку, — сказала она, вернувшись к окну. — Должен сохранять мозговые ткани в течение часа даже без бака с контроллером. Но будь у нас даже медэвак, везти ее все равно некуда. Всюду тот же Консьерж.

— Как насчет «Долголетия»? — спросила Синди.

— Собственность «Фейган Хелс Труп».

— Экстренная помощь?

— «Фейган Хелс Труп».

— Какая-нибудь большая ветеринарная клиника? — предложила Рената.

— Для чистокровных лошадей, например, — добавила Алекс.

— Тоже Фейган.

— Есть такое шоу — «Смертоносные мачете», — вспомнила Мэри. — Я видела их вчера в Миллениум-парке. С травморезервуарами.

Хэтти сняла с полки стеклянную вазу, выплеснула воду с тюльпанами на пол.

— Все лучше, чем ничего, — сказала она и подставила вазу под клапан.

Евангелины, следуя ее примеру, наполнили еще пару ваз, чайник, урны для мусора — все, что могло удерживать жидкость. Свою сумку Мэри тоже налила до краев.

— Сироп не должен слишком долго соприкасаться с кожей, — предупредила их Хэтти. Она поднялась к верху бака и открепила череп от хромового захвата.

— Поздно, — сказала Рената. — Я промочила ноги.

С Мэри произошло то же самое, и она ощущала обжигающий холод.

— И осторожней с контейнерами, — добавила Хэтти. — Амнио проедает почти все материалы. Набери в фольгоперчатки, Синди.

Ящики комода и урны в самом деле уже протекали, стеклянные вазы покрылись испариной. Сумка Мэри оказалась самой надежной емкостью.

— Думаешь, выдержит? — Хэтти вынула из бака череп вместе с зародышем.

— Думаю, да, — сказала Мэри. — Подкладка там прочная. Если ее развернуть, получится универсальный защитный костюм.

— Ну, тогда точно выдержит. — Медсестра опустила голову в сумку и огляделась, вытирая руки о форму. Фруктовая ваза, единственный другой подходящий по размерам сосуд, таяла, словно воск. Только сумка и фольгоперчатки остались

неповрежденными. Одна перчатка вмещала около двух литров сиропа. — Надо найти еще несколько штук. — Хэтти принялась шарить в ящиках процедурных каталок. — Завязывать их надо вот так. — Еще три перчатки наполнили и завязали согласно инструкциям Хэтти.

— Туман боевого класса, — сказала белинда. Миви вернул бак медбайтору.

— Вы не можете войти в него? Эта клиника оказывает сопротивление правосудию!

— Уже нет. — Белинда дала своему отряду сигнал «по машинам». — Верховный суд только что отклонил ваше прошение.

— И вы позволите, чтобы это сошло им с рук?! — Но боевая машина уже удалялась, а вместе с ней и план Б.

Доктор Руссель потрепала своего спутника по плечу.

— Она теперь умерла. Очень жаль. Миви стряхнул ее руку.

— Приберегите свои сожаления, доктор. — Он повернул бак в руках медбайтора, открыл дверцу.

[Крошка Ханк, ты здесь?] Нет ответа.

Миви вынул канистру с пастой. Она сильно нагрелась и захлюпала, когда он ее потряс. Он швырнул испорченный дубль на заднее сиденье машины.

— Робот, за мной, — приказал он медбайтору и повел его вместе с баком через стоянку, к кирпичной дорожке. Доктор шла вместе с ними. У пресс-ворот стояли двое детей и инвалидное кресло, над лужайкой беспорядочным роем сновали пчелы, жертвы боевого тумана. — Я пошел, — сказал Миви доктору. — Бак, если придется, оставлю здесь, а голову вынесу прямо в руках. Решайте сами, пойдете вы со мной или нет. Крошка Ханк, обещавший вам полевой госпиталь, скапутился, а новый ментар скорее всего вашу сделку похерит.

Не дожидаясь, пока доктор переведет в уме его речь, он зашагал дальше. *[Стрела, ты действительно знаешь убойный код?]*

Ретродети с креслом дошли до ворот, но армия их свидетелей не продвинулась дальше лужайки. В воротах открылось окошко. Охранник-джерри, оценив обстановку, сказал:

— Махните на столбик.

— Махни за Самсона, Хьюберт-пояс, — распорядилась Китти. Джерри, сверившись с чем-то на визоре, обратился к торчашей из-под пледа лысой черепушке Самсона.

— Добрый день, мар Кодьяк. Вы не внесены в список ни

одного из наших гостей, поэтому я не могу пропустить вас.

— Слыхали? — крикнул Богдан пчелам, парящим стройными рядами над живой изгородью. — Они его не пускают! Пояс, передай медиапчелам то, что сказал охранник.

— Разверните ваш транспорт, марен, и покиньте территорию, — скомандовал джерри.

— Вы слышите или нет? Нам приказывают уйти.

— Я уже передал информацию, — доложил Хьюберт-пояс. — И подключил их к нашему разговору.

Самсон высунул руку из люльки.

— Там моя дочь! — Кресло усилило его шепот.

— Бога ради, вонючка, катись домой! — Окошко закрылось, фигура охранника пропала за мерцающими воротами.

— Не уходите, — прошелестел Самсон. — Вы поступаете неразумно. — Джерри его не слушал. Кресло дало задний ход, но метров через десять остановилось.

— Давай дальше, пояс, чего ты стал? — сказала Китти.

— Если я отъеду дальше, то потом уже не найду ворота, — ответило кресло.

— Ну и что? Мы же домой едем, разве нет?

Не услышав ответа ни от кого, она снова перевела взгляд на ворота.

— Не делай этого, Сэм! — Китти стала на подножку, склонилась над люлькой. — Умоляю тебя, не надо.

Морщины старика расплылись в улыбке, палец погладил нежную щечку Китти.

— Я любил тебя, Китти, все эти годы. — Она заплакала. — И мне очень больно расставаться с тобой.

— Мне с тобой тоже, Сэм.

— Поцелуй меня.

Она поцеловала. Богдан влез на подножку с другой стороны.

— Привет, мальчуган.

— Привет, Сэм. Хочешь на этот раз дойти до конца?

— Да, если мне не дадут с ней увидеться.

— А ты сумеешь набрать нужную скорость с этого места?

— Не беспокойся на этот счет. Поцелуй меня, а потом уводи Китти. Смотрите на меня с улицы.

— Мы здесь подождем.

— Не спорь. Поцелуй меня и ступай. Богдан поцеловал старика.

— Я люблю тебя, Богги. Сделай себе подарок: повзрослей.

— Как будто у меня выбор есть. Китти взяла Богдана под руку.

— Идем. Не могу на это смотреть.

Мальчик и девочка пошли по аллее, удаляясь от кресла.

* * *

— Ну надо же! Обалдеть можно, как вы похожи. — Рейли держался совершенно спокойно и за оружие даже не думал хвататься.

Фред стал на квадрат ЖДИТЕ ЗДЕСЬ. Хронометр в углу визора укорачивал и без того короткую жизнь мара Планка.

— Может, опустите ворота, офицер Делл? Да, я похож на вашего друга. Мы все на него похожи. Мы клоны, черт нас всех побери!

— Фред тоже любит повторять вещи, которые все и так знают.

Фред, повернувшись к другу спиной, продолжил настройку фуражки и козырька, начатую еще в контейнере. Надежной противозаконной моделью, которой снабдили его Гужи, должен был по идее управлять субмагнит или слуга. Ручное управление, на которое поневоле перешел Фред, было чрезвычайно громоздким и не слишком интуитивным. Кроме того, у Фреда не было доступа в систему клиники. Он сумел получить только план кампуса, да и то предназначенный для туристов. Там содержались только самые главные ориентиры и не указывался масштаб. Фред, за неимением лучшего, ввел его в полевую карту. Сам он изображался на ней как синяя точка в квадратике с надписью «Южные ворота». Других людей, даже стоящего рядом Рейли, на карте не было.

Рейли, неразборчиво бормоча, переговорил с кем-то по рации. Пистолет и жезл на поясе были закодированы на него персонально, и никто больше ими воспользоваться не мог. Из всего его арсенала Фреду пригодилась бы только дубинка. Броня у него была легкой, как и у Фреда, но фуражка, видимо, относилась к более высокому классу. Системами клиники он тоже распоряжался свободно.

Фред выругался про себя, осознав, что расценивает своего друга, точно врага. Почему на месте Рейли не оказался еще один джерри? Фред продолжал наблюдать за ним с помощью заднего обзора на своем визоре. Внезапно Рейли повысил прочность своей брони, а квадрат ЖДИТЕ ЗДЕСЬ преобразился в линию СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ. Линия вела назад, в средний блок.

— Что за дела?

— Клиника перешла на оранжевый режим, — ответил Рейли небрежно, как будто такое случалось здесь каждый день. — Все гражданские лица в целях предосторожности направляются в

укрытия. Вы тоже, мар Планк.

— Оранжевый режим? Какое-то чрезвычайное происшествие?

— Пройдите, мар, — приветливо улыбнулся Рейли. — Мне надо закрыть свой отсек.

Назад пути не было.

— Оставь меня здесь, брат, — попросил Фред. — Я тихо.

Расс не должен обращаться с такой просьбой к другому рассу, несущему службу. Рейли справедливо счел, что посетитель хочет потянуть время, и мгновенно изменил свое поведение. Весь подобравшись, он принял боевую стойку.

— Выполняйте мои указания, мар Планк. Кругом и по линии марш.

Синяя оса проникла необнаруженной во внешний отсек проходной. Носителя с двумя детьми сопровождало около тысячи пчел, но в зону безопасности ни одной проникнуть не удалось. Оса доложила об этом синей пчеле. Та отозвала ее обратно в коттедж, но клиника перешла на оранжевый режим, и оса застряла в среднем отсеке.

На середине кирпичной дорожки перед Миви и доктором появился Крошка Ханк.

— Миви, доктор Руссель, вы все еще здесь?

— Не трать попусту наше время. — Миви попытался пройти сквозь ментара, но тот умоляюще воздел руки.

— Пожалуйста, выслушайте меня.

— Только короче, — сказал Миви, добавив скрытый вопрос на старкесе. — Каждая секунда дорога, и слишком много пропало даром.

— Не согласен, дружище. Мы сделали что могли, но у нас ничего не вышло. Эллен больше нет, и никакими героическими выступлениями ты ее не вернешь.

Ментар снова не прошел идентификационный тест.

— Какой я тебе дружище? Ты не Крошка Ханк — по крайней мере не тот Крошка Ханк, который был моим другом. Уйдика с дороги, пока я не напустил на тебя Стрелу. Ты был прав, она действительно может разделаться с тобой в один миг.

— Стрелу? Не понимаю, о чем ты, но если хочешь войны, то я намного сильнее. — Неандерталец сокрушенно покачал головой. — Меррил, Меррил, послушай же нас. Я говорил тебе еще в понедельник — говорил ведь? — что мне плевать на твои чертовы О-корабли. Меня заботит только благополучие моего спонсора — бывшего спонсора. Из уважения к ее памяти я не могу допустить, чтобы ты стучался сюда и требовал ее голову.

— Если Эллен в самом деле мертва, позволь мне увидеть ее в реальности. И я сразу уйду.

— Ну вот, видишь? Ты не владеешь собой.

— Все, хватит. — Миви обошел ментара стороной.

— Вы толкаете меня на крайние меры, ваше преосвященство. Я только что убрал тебя из списка посетителей Эллен. Охрана тебя все равно не пропустит.

Инвалидное кресло немного отъехало от ворот, дети тоже отошли. Миви потянул себе плечо, бегая, как дурак, с портативным баком. Он массировал шею и думал, что делать дальше. Что-то из сказанного ментаром напомнило ему Кабинет. Да, конечно. «Бывший спонсор». Эллен для него уже «бывшая».

— Недолго же ты горевал. Ты уже прошел апробацию, правильно?

— В общем-то да. Утром, когда Эллен объявили умершей. Крошка Ханк после апробации стал другим, как и Кабинет после смерти Элинор. Возможно, он сам не сознает этого. Что-то в процессе апробации нарушает их личностные капсулы, намеренно или нет. Но это ведь еще не значит, что они подверглись заражению, верно? Кабинет, как и раньше, управляет «Старк Энтерпрайзес», Крошка Ханк сам так сказал. Если Эллен в самом деле скончалась, то ее ментар ведет себя совершенно правильно, а вот он, Миви, показывает себя бессердечным глупцом. Его-то, надо сознаться, все это время волновала не девушка, а только проект. Проклятая, околдовавшая его «Земля-сад».

— Хорошо, — сказал он. — Я уйду, если ты покажешь мне хотя бы свидетельство о ее смерти.

— Да, конечно. — Ментар открыл перед ним документ с заверенными подписями врачей.

— Доктор Руссель, взгляните, пожалуйста.

— Что? — Она отвлеклась, засмотревшись на детей, идущих к ним по дорожке.

— Посмотрите, пожалуйста, на это свидетельство… — Мальчик, остановившись прямо перед Миви, вытаращил глаза. — Тебе что-нибудь нужно?

— Извините, вы ведь мар Миви? Который О-корабли строит? «Уже нет, — чуть было не сказал Миви. — Отныне тебе придется иметь дело с китайцами».

— Да, это я. Мы знакомы?

— Не в реальности, только по сеансам «Э-Плюрибус». — Мальчик вытянулся и отдал честь по-военному. — Богдан Харджер-Кодьяк, будущий пилот корабля «Чартер-сад».

Он не отнимал руку от виска, и Миви волей-неволей ответил ему на приветствие. Мальчик с девочкой пошли дальше, к

чугунной арке, а Миви медленно опустил руку.

— Как трогательно, — сказал Крошка Ханк. Рамка с документом так и висела в воздухе. — Вернемся к свидетельству, ваше преосвященство.

«Ваше преосвященство?» Миви показалось, что сквозь личину неандертальца проглядывает Сол Ясперсен. Или этот говнюк Чепвумен. Это излюбленная дразнилка правления ПЗС, Крошка Ханк к ней раньше не прибегал. Свидетельство, возможно, в самом деле подлинное и Эллен в самом деле скончалось, но этот вот голик — не ее ментар. Это предатель, злобный монстр.

[Стрела, убей ментара Крошку Ханка].

Рамка приблизилась, но больше никаких изменений не произошло. Неандерталец с нахальной мордой так и стоял перед ними. Миг спустя доктор продела сквозь него руку.

— Он ушел?

— Да, ушел. — Миви двинулся дальше. *[А ты, Стрела, найди какой-нибудь способ убрать ворота].*

Синяя пчела отметила внезапную перемену в локальной сети. Оранжевый режим тревоги остался в силе, но ментар контролировал клинику уже не столь плотно, на долгое время передавая важнейшие системы дублям-субмагнитам. К коттеджу в то же время направлялся вооруженный отряд, а синяя оса, как нарочно, оказалась в ловушке на проходной. Сознавая, что ждать больше нельзя, пчела запустила самый секретный свой план.

— Сестра, — обратился к Хэтти доктор Тед, знакомый Мэри как персонаж клинического имитомира.

— Оставьте нас, доктор, — отрезала дженни. — Теперь не до ваших глупостей.

— Превосходный диагноз, сестра, — кивнул он. — Дефицит времени. Уход Консьержа включил полуавтономные субмагниты.

— Что-что?

— Консьерж покинул клинику, — сказал доктор Тед и пропал.

— Спасибо, второй раз повторять не надо. — Хэтти подхватила сумку-контейнер. Мэри и остальные, выйдя за ней во двор, с наслаждением вдохнули в себя свежий воздух. — Можете идти, вы свое дело сделали. — Евангелины, переглянувшись, остались на месте.

— Рената, — разрешила ситуацию Мэри, — предлагаю тебе выйти за проходную и оттуда позвонить Крошке Ханку. Пусть пришлет медэвак к Южным воротам. Потом свяжись с Ником, с полицией — ну, в общем, на твое усмотрение.

— Ладно. — Рената вытерла об одежду измазанные сиропом руки. — Ты хорошо придумала Мэри. Я позвоню, а потом вернусь сюда к вам.

— Не надо. Выходи через Восточные ворота, потом иди к Южным и жди возле них, на улице.

Рената обняла Мэри и ушла по садовой дорожке. Хэтти сунула Мэри перчатку с сиропом — Алекс и Синди и так несли по две.

— Нет, — сказала Мэри, — отдай мне сумку.

— Она тяжелая, — заметила Хэтти.

— Это моя сумка. Я привыкла. — Мэри повесила ее на плечо. На поверхности плавал постепенно тающий мусор: пишущая ручка, конфета, остатки кухонной пленки. Салфетка с запахом Самсона уже растворилась, ароматизировав весь сироп. Мэри захлопнула крышку. Синди и Алекс шли по бокам с раздутыми перчатками под одеждой.

Хэтти только головой покачала, глядя на них.

— Ну вы, лины, даете. Я люблю вас, девчонки:

Далеко спасательный отряд не ушел. Дорожку перегораживал желтый забор с бегущими символами: «Строительные работы. Обход». Хэтти повела евангелии в указанном направлении, прямо по клумбам, через кусты сирени. Для Мэри с тяжелой ношей ветки придерживали.

Забор, похоже, замыкал их коттедж в кольцо. Пройдя вдоль него еще метров десять, Мэри остановилась.

— Чего ты? — спросила Хэтти.

Мэри отстегнула брошку-слугу, бросила ее наземь.

— Мы не в обход движемся. Мы ходим по кругу *внутри*.

Она говорила правду. Из сада можно было выбраться только через забор. Вернее, сквозь него, поскольку это была голограмма, но существовала опасность, что он поднимет тревогу. Евангелины и Хэтти по примеру Мэри сняли с себя украшения, паникопуговицы, серьги-сигналки и прочие передатчики. Евангелины, посомневавшись, скинули и шапочки тоже.

— Куда теперь? — задумалась Хэтти.

— Южные ворота вон там, — показала Синди.

— Туда и пойдем, — решила Хэтти и тут же остановилась. — Кобурн.

Медтехник сидел в кустах, открыв чемоданчик, и заряжал из шприца мелкие капсулы.

Хэтти подняла пустой пузырек, прочла этикетку.

— Ты что, решил подзаправиться?

— Там охрана, — ответил он. — Найки!

— Ты ошибаешься, — сказала Хэтти. — Эта клиника не берет

на работу найков.

— Говорю тебе, это найки. В нашей форме. С карабинами. Евангелины дружно вздрогнули.

— Ладно, — сказала Хэтти. — Кто хочет остаться здесь? — Никто не захотел, и все, включая Кобурна, прошли сквозь забор во главе с Хэтти. На территории пахло вишневым трубочным табаком. На той стороне подстригал кусты человек в униформе садовника. Тележка, ехавшая за ним, собирала обрезки в корзину для мусора. Садовник был не джон, не хуан — найк.

Вполне дружелюбным жестом он предложил пятерым вернуться обратно. Мэри посмотрела на Хэтти, но та тоже не проявила решительности.

— Проходите, я за вами, — мягко произнес найк, и вся группа проделала обратный маневр. Найк проводил их до цветника, где вокруг маленького фонтана стояли скамейки. — Присаживайтесь, поговорим.

Садиться никто не стал. Евангелины заняли позицию между найком и Мэри.

— Меня это все не касается, — заявил Кобурн. Он хотел уйти, но найк упер ему в грудь свой секатор.

— Сядьте, пожалуйста. Сядем все и махнем на меня.

Найковская любезность пугала, и все пятеро послушно выполнили его указание. Кобурн судорожно прижимал к груди чемоданчик.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, мар Кобурн. Вас это касается очень близко.

Из коттеджа вышли еще двое найков в форме охранников с лазерно-стрелковыми карабинами.

— Где она? — спросил один. Не услышав ответа, он встал перед Кобурном. — Консьерж велел тебе зарегистрировать ее смерть. Где она?

— В морге, где же еще.

— Значит, ты отнес ее в морг? — хмыкнул найк. Кобурн проглотил слюну и кивнул.

— Почему же в морге говорят, что ее у них нет? Кобурн пожал плечами, глядя куда-то вбок.

— Возможно, она еще в пути, — сказала Хэтти. — Двое медтехников забрали ее четверть часа назад.

— Правда? — усомнился найк в форме садовника. — Моя сеть за последние полчаса не засекала никаких медтехников между этим коттеджем и моргом. А вот вас я видел, вон там. — Он показал на кусты сирени, где евангелины оставили свои шапочки. — Может, объясните, в чем дело?

Все молчали.

— Прелестно. — Садовник открыл свою мусорную корзину. — Может, это что-нибудь прояснит? Это, случайно, не тот медтехник, о котором вы говорили?

На срезанных ветках лежала Рената с перерезанным горлом. Рану ей нанесло какое-то острое орудие — возможно, секатор. Хэтти вскочила, но найк-охранник грубо толкнул ее обратно.

— Что вы наделали? — кричала она, порываясь к тележке. — Вызовите травматичку. Пустите хотя бы меня, я ее стабилизирую. Иначе она *умрет!*

— Самое то местечко, чтобы загнуться, — заметил найк, — гребаная ревивификационная клиника. Какая ирония, а? Скажи, где башка, сестра Бекеридж, и я вызову травматичку.

Хэтти отвернулась, найки заржали. Мэри сняла ремень с плеча, поставила сумку на землю. Она пыталась представить, что сделал бы в такой ситуации Фред, но ничего не могла придумать. Благодаря своим родовым свойствам она хорошо понимала, что найки просто играют с ними. Никакую неотложку они не вызовут. Рената все равно что мертва (как, наверное, и Эллен к этому времени). Притом найки отлично знают, где голова. Они должны видеть на своих визорах, что она лежит в сумке.

— Люблю я свою работу, — сказал найк-садовник.

— Засохни, браток, — сказал другой. — Сейчас моя очередь.

— Чего суетиться-то, — вставил третий. — Как раз по две на каждого будет.

— Не командуй. — Найк с карабином, щурясь, оглядел пленников и остановился как раз перед Мэри. — Чем это пахнет, сестренка? — Он спрашивал не об ароматических часах: из сумки несло амниосиропом с примесью Самсона.

— Я ничего не чувствую, — ответила Мэри.

Найки снова загоготали и переключились на Кобурна.

— Где башка, Мэтт?

— Я уже сказал где. Я зарегистрировал смерть и отправил ее в морг. Проверьте журнал контроллера, спросите Консьержа. — Медтехник поднял глаза. — Консьерж, отзовись, ты мне нужен!

Найки укатывались со смеху. Один, подняв козырек, отер слезы, подозвал тележку, открыл вторую корзину — пустую, если не считать скошенной травы.

— Стань сюда, — приказал он Кобурну.

Медтехник прилип к скамейке. Найк схватил его за руку, подтащил к тележке.

— Говори, где она, не то поедешь кататься в корзинке.

— Вон там! — Кобурн, вращая глазами, показал на сумку-контейнер.

Найки издали стон.

— Что ж ты так сразу раскололся? — посетовал допросчик. — Что ты после этого за мужик?

— Сам виноват, — сказал другой найк. — Первой надо было взять лину. Она б нипочем не сказала.

— Я думал оставить лин напоследок. Их три — доходит, о чем я?

— Время-то поджимает, умник. Давай в темпе.

— Лады, браток. Кинь мне ножик. Садовник подал ему секатор.

— Смотри, это не так легко, как тебе кажется. Надо размахнуться как следует.

— Не учи ученого. — Найк пару раз ударил по скамье рядом с Хэтти. Посыпались искры, на камне остались глубокие борозды. — Стой прямо, сопля, — приказал он Кобурну.

Медтехник тихо осел на землю.

— Стоять, я сказал. — Найк рывком вернул его на ноги. — А, бля! — К запястью найка прилипли пять наркотических капсул. Он попытался содрать их и упал без сознания, а Кобурн выхватил у него секатор.

— Бегите! — крикнула Хэтти евангелинам, пытаясь вытащить из кобуры упавшего найка парализующий жезл.

Мэри схватила сумку и вместе с сестрами помчалась к сиреневой изгороди. Кобурн свирепо рубил двух оставшихся найков секатором, но их броня отражала удары. Миг спустя медтехник, разрезанный лазером пополам, упал среди роз, а найк выстрелил ему дротиками в оба глаза и в череп, уничтожая серое вещество.

Синди, первая продравшись сквозь кусты, помогла Мэри. Алекс застряла и велела им уходить без нее, но они не послушались и стали ее вытаскивать. Один найк занялся своим сраженным товарищем, другой рубанул секатором Хэтти.

— Я сдам назад и кругом обойду, — крикнула Алекс, — а вы… — С изгороди вокруг нее градом посыпались листья. Мэри и Синди припали к земле. Алекс, прикрывая их своим телом от дротиков, погибала у них на глазах. Мэри зацепило, сумку тоже, но обе евангелины уже мчались по тропке в лес. Тропинка, виляя между коттеджами, вела непонятно куда. Синди увлекла

Мэри вбок, в гущу кленов и вязов. Мэри окончательно заблудилась, но Синди, кажется, знала, куда бежать. В конце концов им не хватило дыхания, и они упали в густой подлесок.

Дротик пробил Мэри руку насквозь, не задев кость. Рукав набух кровью, но Мэри боялась только за сумку. Выходного отверстия в контейнере не было, из входного сочился сироп. Одна из перчаток Синди тоже успела протечь.

— На, — Синди отдала пузырь Мэри, — положи ее в сумку, а другую за пазуху спрячь. Ограда вон там — недалеко, с четверть клика. Как дойдешь, поверни направо.

— А ты?

Синди выковырнула из земли большой камень.

— Я за тобой.

— С ума сошла!

— Как и ты, Мэри Скарленд. Когда выберешься, присылай сюда травматички. — Синди поцеловала сестру, взяла камень и повернула назад.

Инвалидное кресло медлило в двадцати метрах от пресс-ворот.

— Как насчет расстояния? — спросил Самсон. — Скорость наберем? Я не желаю умирать от перелома лодыжки.

— Я отстегну твои ремни, — сказал Хьюберт-пояс, — и ты полетишь головой вперед.

— Заметано. Ты у меня молодец.

— Спасибо. Ну что, готов?

— Скажи им, что я делаю это ради Эллен Генри Старк.

— Медиа на связи.

— Я ей нужен, и я иду.

Микротурбины взревели, кресло завибрировало.

— Готов? — повторил Хьюберт-пояс.

— А Китти ушла уже?

Дотащившись до высокой стены-ограды с протекающей сумкой, Мэри совсем выбилась из сил. На грани обморока, дыша ртом, она прислонилась к большому дубу. Поврежденный бок сумки промок от сиропа и крови. Мэри открыла ее, боясь, как бы их жертвы не оказались напрасными.

Над сиропом выступала макушка черепа с дырками от трубок и проводов, с лоскутьями кожи.

Мэри окунула руки в сироп, нашла эмбрион. Сердце, кажется, билось, но точно она не могла сказать. Череп смотрел на нее лишенными век глазами.

Она попыталась развязать последнюю перчатку с сиропом, но узел не поддавался. Не найдя в карманах ничего острого, Мэри пустила в ход зубы. Жужжание над ухом заставило ее поднять голову. Рядом висела синяя пчела — клиническая, должно быть.

Пчела опустилась на перчатку, взлетела, и в фольге осталась дырка размером с палец. Мэри стала лить сироп в сумку, краем глаза следя за пчелой. Та вела себя достаточно мирно, но не дала Мэри встать, открыв рамочку с символом «оставайтесь на месте».

В ту же секунду Мэри услышала, что кто-то идет через подлесок, ломая ветки. Затаив дыхание, она приникла к стволу. Способны ли визоры найков пронизать толстый дуб?

Шаги приближались, бежать было некуда. Мэри вдруг увидела перед собой зеркало, и собственное грязное лицо испугало ее. Нет, это не зеркало, поняла она тут же. Это ее голографический двойник, в запятнанной кровью одежде и с сумкой. Двойник служил отметкой «ты здесь» на большой карте клиники. Пульсирующая стрелка указывала дорогу к Южным воротам. Они были ближе, чем думала Мэри. Двойник поднялся и побежал в противоположную от них сторону.

Кто-то удивленно крякнул за дубом, совсем рядом. Засвистели дротики. Промахнувшись, найк выругался, но за жертвой гнаться не стал. Мэри слышала, как он говорит по рации.

— Повтори еще раз. Нет, бежит на восток, к А-три-шесть. — Это, судя по тону, не слишком беспокоило найка. Раздался металлический щелчок — он подзаряжал карабин. — Как там Регги? Еще раз. Нет, разверни колпак и прибери там. Это приказ. — Голос постепенно удалялся, следуя за созданным пчелой имитом.

Дождавшись, когда он уйдет, Мэри обмяла сумку вокруг головы Эллен, взяла ее под мышку и поспешила к Южным воротам. Не замедляя шага, она дошла до закрытых наглухо пресс-ворот. За ними маячили две фигуры.

— Рейли! Это я, Мэри.

— Что с тобой? Ты ранена? — послышалось из динамика над ее головой.

Мэри оглядела себя, потрогала окровавленный рукав.

— Нет, но там убивают моих сестер. Открой, пожалуйста.

— Не могу, Мэри. Оранжевая тревога, все заперто. Я пришлю тебе травматичку. Стой там.

Откуда-то, точно издали, донесся голос другого расса. Он кричал на Рейли, требуя, чтобы тот опустил ворота.

— Рейли, — сказала Мэри, — мне травматичка не нужна, отправь помощь к коттеджу Полевой Шпат. Там трое убитых — нет, четверо. И еще одна там, в лесу. — Она показала туда, где рассталась с Синди. — Я очень тебя прошу нарушить правила хоть раз в жизни. Открой мне.

Рейли, угрожая Фреду дубинкой, ответил:

— Ты же знаешь, Мэри, я на все для тебя готов. Но ты просишь невозможного. При оранжевом режиме мне запрещено открывать ворота.

— Хотя бы это возьми. — Мэри протянула-к воротам сумку. Рейли ткнул дубинкой подскочившего к нему Фреда.

— В последний раз говорю, Планк: покиньте отсек немедленно.

Целый залп дротиков пролетел над головой Мэри, рикошетируя от ворот. Она, пригнувшись, перебежала площадь и опять углубилась в лес. Это отвлекло Рейли, и Фред выхватил у него дубинку. Человек в форме садовника постоял у ворот, глядя, как они борются, и устремился за Мэри.

Фред перехватил Рейли горло дубинкой, вжал его в горячий прессованный воздух.

— Открывай!

Миви, проходя с доктором и медбайтором мимо кресла, увидел в люльке изможденного пассажира.

— Как вы думаете, что с ним?

— Я посмотреть, — сказала доктор, но тут кресло просигналило и понеслось с устрашающей скоростью прямо на пресс-ворота.

На таран пошел, мелькнуло в голове остолбеневшего Миви. Раздумывать было некогда. [Стрела, — вслух скомандовал он на старкесе, — убери ворота немедленно!]

Ворота растаяли, как по волшебству. Кресло, проскочив их, резко затормозило, охранники шарахнулись в стороны. Перед массивным транспортным заграждением кресло остановилось, но его пассажир продолжал движение.

Самсон прошел весь путь до конца, в самом что ни на есть замедленном темпе. То самоубийство на Прыжке Мосби засняли правильно. Он взмыл над люлькой и полетел. Стена заграждения казалась очень далекой, и было время рассмотреть все как следует.

Сказать, что я ни о чем не жалею, значило бы солгать, думал он. Сожалений у меня много. Я мог бы, например, быть более сознательным гражданином. Лучше защищать права обожженных. Наслаждаться каждым благословенным днем своей жизни. А больше всего я жалею о том, что был не лучшим мужем для Джин и для Элинор, не лучшим отцом для тебя. Ты, возможно, тоже была не лучшей дочерью, но я на тебя зла не держу. Спасибо тебе за этот прощальный подарок, за возможность уйти, хлопнув дверью. Я зажгу в твою честь хорошую свечку, Элли. Надеюсь, это поможет.

Шероховатая поверхность приблизившейся стены напоминала ему лунные кратеры, напоминала о медовом месяце с Элинор. Она говорила, что любит его больше всех кратеров во вселенной.

— Милосердная Гея! — заорал Миви. — Стой! Стой! —

Пассажир кресла, завернутый в плед, врезался головой в барьер. Миви вбежал в открытую проходную, крича остановившему его охраннику! — Там человек! — Жертва крушения лежала у барьера бесформенной грудой. По всему помещению распространилось зловоние, из тела повалил дым. Да человек ли это?

— Я врач! — крикнула доктор Руссель, подоспевшая вместе с медбайтором, но охранник и ее не пустил. Другой джерри, развернув плед дубинкой, опрыскивал пострадавшего огнетушительным средством.

— Не думаю, что это помочь, — сказала, принюхиваясь, доктор. — Он обожженный.

Вопреки ее словам, дым рассеялся, и охранник направил их обратно к воротам.

— Все, смотреть больше не на что.

Миви, вспомнив о своей миссии, заартачился.

— Я пройду, мар джерри. Не пытайтесь меня задержать.

— Угу. — Джерри достал парализующий жезл. — Ворота снова выросли за спиной у Миви, но в них остался проход. — Уходите добром, в последний раз говорю.

Обгоревший труп затрещал, подобно разгорающейся петарде. Джерри обернулся к нему. Доктор спряталась позади медбайтора, другой джерри нырнул в сканер, Миви бросился к широкому проезду для транспорта. Он успел как раз вовремя: мощный двойной взрыв наполнил отсек кусками горящего человечьего мяса.

Ворота рухнули. Фред подумал, что это сделал Рейли, и отпустил его, но Рейли без сознания повалился на пол. Только сейчас заметив, что его друг так и не задействовал лицевой щиток, Фред присел, нащупал пульс у Рейли на шее. Пульса не было. Дубинка оставила на горле жуткие кровоподтеки, форма спереди обгорела от сжатого воздуха.

— Медик! — что есть мочи закричал Фред. Что-то маленькое и синее, прошмыгнув мимо, полетело вслед за Мэри и найком. Фреда тоже тянуло туда, но Рейли без помощи он бросить не мог. — Медик! — Ворота зазвенели, предупреждая, что сейчас закроются снова. На решение у Фреда оставалось десять секунд. Он рылся в карманах Рейли, ища криопакет. Он просто не мог его бросить, но в последний момент все-таки проскочил на территорию клиники.

Мэри планировала добежать вдоль южной стены до западной, а потом свернуть к Западным воротам, но очень быстро потеряла стену из виду, убегая сломя голову через парк. О том, что Рейли

не согласился нарушить правила даже ради спасения ее жизни, она старалась не думать.

Что толку. Рейли — расс до мозга костей. Долг превыше всего.

Впереди замелькали цветные пятна. По дорожке неспешно шли двое пациентов в сопровождении нескольких гологолли. Мэри прибавила ходу, чтобы догнать их. В сумке плескался сироп.

Оба пациента были крупные, подтянутые, красивые — не иначе брат и сестра. При виде Мэри они выбросили вперед украшенные кольцами кулаки.

— Стой! — крикнула женщина.

— Помогите, — выдохнула Мэри, остановившись в паре метров от них.

— Я уже вызвал охрану, — сказал мужчина. — Они сейчас будут здесь, а нас оставьте в покое.

— Не надо охрану. Звоните в Корпус. Выйдите за ворота и позвоните. Скажите им, что Старк у меня, — Мэри постучала по сумке. — Вызовите медэвак. Пожалуйста!

Аффы смотрели холодно, наставив на нее свои кольца. Гологолли, молчавшие до сих пор, оживились и разом защебетали.

— На что потратите выкуп? — спросила одна из них, высокая женщина.

— Какой выкуп? Я не похищала ее. Я ее компаньонка! Скажите им, доктор Тед! — воззвала Мэри к знакомому персонажу. — Объясните им, что происходит.

— Эта девушка бредит, у нее мозговая горячка, — объяснил доктор. — Ни в коем случае не контактируйте с ней.

Женщина-афф махала кому-то рукой. К ним трусцой приближался садовник, отмахиваясь на бегу от пчелы. Пчела упорно билась о его визор. Мэри, вопреки всей уверенности, что рядом с аффами ей ничего не грозит, запаниковала и бросилась наутек.

Тропинка привела ее на пригорок, поросший буками. Дротики вонзались в деревья вокруг нее. Один оцарапал ей бок, но Мэри едва обратила на это внимание. В голове осталось одно: бежать.

Визг дротиков вдруг сменился лазерным зуммером. Он звучал на двух разных частотах — значит, огонь вели из двух карабинов. Мэри спряталась за деревом, выглянула и увидела поразительное зрелище: технос обстреливал найка, который на таком близком расстоянии никак не мог его сбить. Технос, с другой стороны, попадал в противника без труда, но его лазеры сравнительно низкого напряжения не могли пробить броню

найка. Он, однако, не отступал и продолжал бить по трем точкам, одним и тем же: лицевой щиток, пах и затылочный стык шлема. Найк по мере возможностей прикрывал уязвимые места перчатками, но все три сразу не мог защитить. Технос мелькал у него над головой так, что уследить невозможно, извергая лазерные импульсы в ритме стаккато. Человек отвечал кляксами, похожими на птичий помет. Его беспорядочный огонь прожигал дыры в деревьях, на голову стрелка сыпались ветки.

Технос продолжал свою тактику. Если у него хватит энергии, он рано или поздно пробьет броню. Смертельный балет завораживал Мэри, но она не могла позволить себе досмотреть его до конца. Она оглянулась, пытаясь определить, где стена, и увидела второго найка. Он стоял тихо, поставив карабин на режим автонаводки. Длинный луч, выйдя из ствола на глазах Мэри, поразил техноса. Плазмобак насекомого взорвался, контуженный садовник упал.

Второй найк, опустив карабин, сделал Мэри знак оставаться на месте. Сзади к нему подъехала садовая тележка — такая же, как у коттеджа.

Фред, услышав грохот, засек на визоре место взрыва. Пока он бежал, его полевая карта росла, расширяя кольцо исследованных участков на неизведанной территории. Взрыв прозвучал с неожиданной стороны. Если Мэри там, то она возвращается обратно на площадь по широкой дуге.

На пути к искомой огненной точке Фред пересек несколько дорожек и преодолел несколько лесистых пригорков. Здесь было много естественных укрытий, которые визор отсеивал. Рядом зажужжал какой-то технос — синий, как тот, вылетевший из проходной. Вряд ли клинический, но как знать, на кого он работает. Технос, сделав пару кругов, улетел, и все белые пятна на карте внезапно заполнились. Мало того, на ней появились значки, обозначающие людей, и Фред получил доступ к локальной внутренней связи. Он приостановился, анализируя ситуацию. Два значка слева удалялись с приличной скоростью. Один, отмеченный как вооруженный, преследовал другого человека, безоружного — Мэри? Справа, у места взрыва, остался еще один человек — тоже вооруженный и без сознания, хотя и не получивший ранений. Санитарный колпак, расположенный много дальше, указывал на имевшие место потери. Его содержимое Фред не мог видеть, но в голове у него быстро складывалась картина. Найки обычно работают по трое. Этих троих послали ликвидировать Эллен Старк, но они нарвались на сопротивление. Один убит, второй оглушен взрывом, третий преследует Мэри.

Фред побежал в ту же сторону и снова остановился. Слишком далеко, не успеть. Надо придумать что-то другое. Найк, бегущий за Мэри, тоже наверняка прикидывает, кто такой Фред и что он здесь делает. Визор показывает ему, что неизвестный безоружен, однако у него есть броня, и с охраной клиники он не связан. Найк должен следить за Фредом на своей карте с растущей тревогой, поскольку совершил большую ошибку. Он не думал, что нарвется на какого-то непонятного расса, и оставил своего товарища без защиты. Если рассы предсказуемы, то найки предсказуемее вдвойне. Своих братьев они никогда не бросают, а клиенты могут катиться ко всем чертям.

Найк на карте Фреда намеренно сбавил темп. По-прежнему держась от Мэри на расстоянии выстрела, он давал Фреду шанс догнать себя, отвлекал его от контуженного. Расс просто обязан клюнуть на это, особенно если он получил задание спасти Старк. Фред и в самом деле чуть не поддался, но сейчас он работал не на Старк. Он сам себе был клиентом. Контуженный найк лежал как раз за соседним пригорком, и Фред, вопреки первому импульсу, повернул туда.

Пригнувшись, он разглядел заваленного дымящимися ветками человека. Форма садовника на плече обгорела, под ней открылся бронированный скафандр. Броня осталась неповрежденной, и дышал контуженный ровно. Карабин лежал в траве за несколько метров от найка.

Фред сбежал с пригорка, поднял оружие. Карабин разладился. Фред вложил приклад в левую руку найка (все найки левши). Карабин включился. Фред перенастроил лазер на высшую, минимальную ширину. Найк на карте прервал погоню и двигался в его направлении. Превосходно. Есть и мишень, и оружие, лишь бы новый друг продолжал сотрудничать.

Фред прижал указательный палец найка к спуску, придерживая его своим, прилег за повернутым в нужную сторону телом.

Но глаза у найка уже подрагивали — он приходил в себя. Внезапно он сжал в кулак свободную руку и треснул Фреда сбоку по голове. Основной удар приняла на себя фуражка, но в ухе здорово загудело.

Началась борьба за карабин. Фред, теряя контроль, нажал пальцем найка на спуск. Яркий луч ослепил Фреда, несмотря на защищающий глаза козырек. Разряд, как молния, расщепил дерево пополам, превратив попутно в пар правую руку найка.

Скафандр мгновенно забинтовал культю. Фред отобрал карабин, приставил ствол к горлу найка.

— Скажи своему дружку, чтобы стоял на месте!

Зрачки найка сокращались — скафандр ввел ему обезболивающее. Второй найк был уже почти в поле зрения. Фред, надавив стволом, повторил приказ.

— Я вижу, ты безоружен, друг, — широко улыбнулся наркотизированный найк.

— А это что такое, по-твоему? — Ствол снова уперся в горло.

— Хрен висячий, если меня пристрелишь.

Найк не врал. Как только он умрет, карабин отключится.

— Правда твоя. — Фред немного переместил ствол и снес найку часть шлема, ухо, кусок скальпа. Потом, опережая вмешательство скафандра, поднял расщепленную ветку и вбил ее в обнажившийся слуховой канал. — Лежать! — заорал он в здоровое ухо, но найк стал бешено отбиваться, и Фред вогнал ветку в мозг. Найк дернулся пару раз и затих. Карта отметила его флажком «ранен». Если повезет, он будет умирать долго.

Второй найк тем временем задержался на соседнем пригорке, а Мэри во весь дух шпарила к Южным воротам.

— То еще дельце, — сказал Фред и поменял диапазон карабина.

Тропинка, к удивлению Мэри, вывела ее на знакомую площадь. Мэри, повинуясь импульсу, повернула налево, прочь от ворот, к центральному комплексу зданий. Центр казался ей более безопасным, и оттуда она могла выбрать дорогу к любому из других пропускным пунктам. Но синяя пчела, ее ангел-хранитель, все время преграждала ей путь и пульсирующими стрелками посылала Мэри обратно к Южным воротам.

На площади сгрудились машины — внукоровские, полицейские, но ни одного медэвака. Мэри, перехватив свою жуткую ношу другой рукой, направилась к белинде в форме внукоровца, но тут перед ней возникла тележка-неотложка, выдвинула кушетку, предложила ей сесть.

— Нет, не сейчас. Можешь ты вызвать мне медэвак? Рядом появился голографический человек, незнакомый Мэри — но он ее, видимо, знал.

— Наконец-то, мар Скарленд! Скорее отдайте тележке голову Эллен. Мы подготовили для нее новый резервуар. Скорее, время не ждет!

Тележка выдвинула руку, но Мэри не спешила выполнять распоряжение незнакомца.

— Все в порядке, — заверил он. — Отдайте сумку.

— Кто вы? — спросила Мэри.

— Байрон Фейган.

Мэри прижала сумку к себе.

— «Фейган Хелс Груп»? Спонсор Консьержа?

— Совершенно верно. Вернее, был им. Личность Консьержа нарушили — не знаю, кто и в какое время. Он подпал под влияние неизвестных мне группировок. Я обнаружил это совсем недавно, когда связь между нами оборвалась, и запустил сохраненный дубль. Теперь ментар у нас как новенький. Вы, мар Скарленд, проявили настоящий героизм. Опасность уже миновала, но нужно действовать быстро, чтобы сохранить Эллен жизнь. Если она, конечно, еще жива. — Фейган показал на вытекающий из сумки сироп. — Можете довериться мне, мар Скарленд. Это я вызвал Корпус.

Выглядел он вполне искренним.

— Мои сестры, Хэтти, Мэтт… — Рука Мэри протянулась в сторону рощи.

— Ими уже занимаются. Сейчас мы должны подумать об Эллен Старк. — Тележка снова выдвинула манипулятор, чтобы взять сумку.

— Эй, евангелина! — От проходной к ней спешили маленький мужчина и высокая женщина, неся вдвоем какой-то странный предмет. — Не слушайте его, подождите нас! — крикнул мужчина. Подойдя, пара опустила свою ношу на землю. — Моя фамилия Миви. Я вас знаю. Я работал вместе с Крошкой Ханком.

— А где же он сам? Крошка Ханк, ты мне нужен, — позвала Мэри, подняв голову к небу. Неандерталец не отозвался. — Пустите сюда Крошку Ханка! — потребовала Мэри от Фейгана.

— Уверяю вас, мар Скарленд, я не… — воздел руки владелец клиники.

— Крошка Ханк умер, — сказал Миви. — Он был заражен.

— Не время сейчас заниматься этим, — заявил Фейган. — Дорога каждая секунда. Отдайте голову, Мэри, во имя всего святого.

Пока двое мужчин наперебой старались завоевать доверие Мэри, высокая женщина открыла крышку стоящего на земле цилиндра. Внутри обнаружилась блестящая хромовая емкость.

— Пожалуйста, — с улыбкой сказала женщина.

— Доктор Руссель, — представил ее коротышка Миви. — Она работает не на Фейгана, а это — портативный эрнандесбак. Прошу вас, мар лина, позвольте доктору спасти Эллен.

— Спасти? — вскричал Фейган. — Он в заложницы ее хочет взять. Ее мать распорядилась доставить ее в мою клинику, потому что мне доверяла. — Тележка открыла боковой отсек с прозрачным сосудом, где булькал янтарный сироп.

Мэри расправила сумку и осторожно извлекла голову из оставшейся на дне жидкости. Она по-прежнему не решалась

вернуть ее клинике.

— Крошка Ханк, — снова позвала она, — где ты? Ментар не появился, но синяя пчела прилетела и села, жужжа, на крышку хромового резервуара. Это и решило вопрос.

Эпилог
Три месяца спустя

Эйприл и Болто, ее жених, опаздывали к обеду. Для таинственного жениха, которого никто до сих пор не видел, оставили место рядом с Эйприл за высоким столом. Все оделись нарядно, кроме Денни, который нипочем не хотел расставаться с рабочим скафом. На спине у него значилось МИКРОКОЛОНИИ КОДЬЯК, на переднем кармане было вышито его имя. Китти, возобновив свой бизнес, привлекла и его. Для почина к ее услугам прибегли несколько старых клиентов, и она уже зарабатывала по пять одиков в день, которые ежевечерне бросал в суповой горшок Денни. От бурных приветствий софамильников уши у него каждый раз становились багровыми, и Богдан не имел против этого никаких возражений.

— В ожидании Эйприл хочу сообщить вам свежие новости, — сказал Кейл. — Боюсь, что не очень хорошие. Недавно мне звонил Роджер Бидл. Сказал, что больше они ждать не могут. Если мы не вернем Хьюберта в ближайшее время или хотя бы не продвинемся в этом направлении, они договорятся со следующим по списку чартером. На все про все у нас шестьдесят дней, а в случае неудачи наши планы на слияние рухнут.

Среди общего молчания Кейл сел на место. Внутренний Корпус не пожелал даже признать, что ментар находится у них в заключении. Двери Зеленого зала открылись, но это оказалась не Эйприл, а Сара с едой на тележке. Кейл сделал ей знак войти.

— Давайте-ка начинать.

Обед был невеселый. Софамильники ковырялись в тарелках, еда стыла.

— По крайней мере замужество Эйприл добавит нам еще одного человека, — сказала Меган.

Ей никто не ответил, даже Би-Джи. Все опасались худшего. Когда два члена таких неравноценных чартеров, как Кодьяк и Болто, вступают в брак, супруг из меньшего чартера, как правило, переходит в больший. Эйприл отказывалась говорить о своих намерениях, и никто не знал, готова ли она уйти из родного чартера, а спросить ее прямо ни у кого не хватало духу. С самого съезда она держала свой брачный проект в секрете, не говорила даже, как зовут ее жениха. У чартистов просто в голове не укладывалось, что Эйприл, их Эйприл способна бросить Кодьяков в критическом положении — ведь после ее ухода количество членов упадет ниже положенного по статусу уровня. Кто угодно,

только не Эйприл. И что же будет с магазином, который она арендует?

Когда она наконец вошла, ее узнали с трудом. Не только потому, что она модно оделась и сбросила кругленьких двадцать лет — все знали, что Болто оплатили ее омоложение. Эйприл, как видно, прошла еще курс бодискульптуры и стала просто красавицей! Смущенная, она улыбалась всем Кодьякам.

За ней шел мужчина выше ее ростом, в модельном темном скафе с голубыми и синими полосами. Он тоже смущенно улыбался, демонстрируя хорошие зубы.

Вот он какой, счастливчик. Кодьяки провожали его и Эйприл оценивающими взглядами. Вслед за ними вошел еще один человек, тоже в цветах Болто — низенький, неприглядный и без улыбки. Когда эти трое дошли до высокого стола, страшная правда о замужестве Эйприл и причина ее молчания стали ясны как день. Ее брак представляет собой не пару, а триаду. Теперь уж она точно уйдет от них к Болто.

— Ты не мог бы поставить еще прибор? — сказала Эйприл Луису, дежурному официанту. Тот закрыл рот и побежал выполнять поручение. Эйприл ждала, держа за руки обоих Болто. — Извините за опоздание. Хочу представить вам моих мальчиков. Это Брэд, это Том. Мы принесли чудный десерт, он сейчас в холодильнике.

Десерт, шоколадно-клубничный торт, был съеден в таком же угрюмом молчании, которое Эйприл безуспешно пыталась заполнить своим нервным весельем.

Богдан бросил на стол салфетку и встал. За эти три месяца он подрос сантиметров на десять, голос у него стал звучать ниже, над губой пробивались усики.

— Ты куда? — спросил Расти.

— Попробую отыскать Хьюберта.

Все уставились на него, а Расти снова задал вопрос:

— Как ты собираешься это сделать?

— Честно говоря, понятия не имею, но это все равно. Сдохну, а найду его. — Богдан обменялся прощальным рукопожатием с Брэдом и Томом. — Эйприл, поздравляю от всей души. Ты молодчина. Вы не волнуйтесь, — добавил он в адрес всего чартера, остановившись у двери. — Все у нас будет отлично.

Мэри Скарленд спустилась на лифте в бункер. Эллен как раз достали из бака, чтобы прогреть под лампами. Она лежала на мате лицом вниз: бедра младенческого тельца прикрыты полотенцем, гигантская голова повернута набок. Здесь же присутствовали доктор, медсестра-дженни и Синди. При виде

сестры Синди возвела глаза к потолку, и Мэри прекрасно ее поняла. Этот несносный коротышка опять притащился говорить о делах.

— Старт придется отложить на одиннадцать месяцев, но что значит такая задержка для путешествия длиной в тысячу лет?

— Мар Миви, — донесся из динамиков голос Эллен, — вы же знаете, я не могу повернуть голову. Стойте так, чтобы я вас видела.

— Да-да, извините. — Миви снова стал перед головастым младенцем. — Так вот, говорю я…

— Слышу я хорошо, только вижу вас не всегда. Но все равно слишком часто, по правде сказать. Я поставила вас руководить ПЗС, потому что не хочу сама заниматься проектом ежеминутно. Вот и руководите, договорились?

— Можете на меня рассчитывать, Эллен, — с поклоном ответил Миви. — Я только хочу, чтобы вы утвердили…

— Сколько раз я должна повторять: спрашивайте Кабинет, не меня!

Появилась директриса Кабинета, а следом Лира — ментар, недавно взятый Эллен на службу.

— В это время года боярышник просто *увешан* плодами! — суетливо воскликнул Миви.

— Окрестные птицы, должно быть, *счастливы!* — сердито откликнулась Эллен, младенец сжал кулачки и весь покрылся красными пятнами.

Доктор сделала знак дженни.

— Такой милый визит, епископ. Приходите еще, да?

Коротышка, ворча что-то, вышел, доктор и дженни поместили Эллен обратно в бак. Там ее громадная голова плавала, не испытывая никаких неудобств.

— Какой неприятный все-таки человек, — заметила Синди.

— Он хочет как лучше, но надоедает ужасно. Ну как, Лира, — обратилась Эллен к новому ментару, — покажем линам сюрприз, который мы им приготовили в студии?

Ментар в образе миниатюрной девушки хотел что-то ответить, но Синди опередила его.

— Погодите. Мэри сегодня не сможет прийти.

— Как же так, Мэри?

— Извините. У меня уже назначена одна встреча.

— Одна встреча, — фыркнула Синди. — Она к Фреду собирается. На свидание. Видите, как она вырядилась?

— О-ля-ля! — воскликнула доктор. Мэри зарделась.

— Я просто хотела попрощаться с вами до завтра.

— Значит, сюрприз подождет, — решила Эллен. — Передай

Фреду наш нежнейший привет. Да, чуть не забыла! Делом Фреда, в помощь Маркусу, займется кабинетный юрист. Пусть Фред предупредит Маркуса о его скором звонке.

Это была по-настоящему хорошая новость.

Мэри прошла через скрупулезнейший сканер внукоровской тюрьмы в Прово, штат Юта. При каждом визите сюда дежурные рассы встречали ее по-разному. Иногда они воздавали должное подвигу, совершенному ею и другими евангелинами, иногда она лишь напоминала им о позоре, которым их покрыл ее муж.

Ее проводили в так называемую семейную веселушку. Фреда должны были привести через пять — десять минут. Мэри, пройдя по грязному ковру, села в замызганное кресло. Обстановка не лучше, чем в какой-нибудь общаге для бедных. На стенах, голых и серых, даже календаря нет. Либидо среди всего этого съеживается, как пищевая обертка. Это, в общем, и к лучшему — Фред еще при первом свидании поставил четкие границы всему, что будет происходить в этой комнате.

Мэри хорошо помнила, как это было. С него сняли наручники, закрыли за ним дверь. Мэри стояла посередине, и не заметить ее в этой маленькой камере было крайне трудно, однако Фред сначала прошелся вдоль двух стен, разглядывая покраску. Потом исследовал дверь, закрытую только на щеколду — не на замок. Глаза его метали молнии. Они впервые за три недели остались наедине, и он ее еще не простил.

Привет, сказала она. Может, поговорим? Это место и мне не внушало уверенности, поэтому я обратилась к твоему Маркусу, и он сказал, что здесь нет ни камер, ни микрофонов, ничего такого. Если обнимешь меня, об этом никто знать не будет.

Но он не обнял. Даже слова ей не сказал. Только закатал рукав и поднес к глазам свою бледную руку.

Милый, сказала она, я знаю, что ты теперь полностью колонизирован. Как и я, и весь Чикаго, и две трети нашей страны. Никто от этого не в восторге, но многие согласны, что «вошки» гораздо лучше, чем слизняки.

Фред хлопнул себя по лбу. Раньше он никогда так не делал, и это обеспечило ему полное внимание Мэри. Довольный этим, он раскинул руки, как бы охватывая незримую аудиторию за стенами камеры, и сказал спокойно, но властно:

— Мы с женой для вас представления устраивать не намерены.

Фреда привели. Мэри встала, сделала ему навстречу пару шагов.

— Здравствуй, Фред.

Он молча сел на кровать. Только его глаза говорили, как он по ней скучает. Мэри вернулась в кресло. Они поговорили о доме, о его деле, о судебном процессе — как всегда. Сегодня Мэри принесла очень важную новость, но не знала, как сообщить ее Фреду.

— Эллен Старк говорит… — начала она, но Фред потемнел при одном этом имени. — Она говорит, что юрист ее Кабинета будет защищать тебя вместе с Маркусом. Говорит, что…

— Нет, — отрезал ее муж.

Кровать посередине провисла. Они лежали лицом к лицу, не касаясь друг друга, и говорили одними глазами, как всякий раз. Фреду не терпелось высказаться первым. Его взгляд рассказывал о целой череде неприятных инцидентов, и даже страх там сквозил. Он страдал от одиночества, от унижений, которым подвергался в тюрьме. Мэри едва сдерживалась, так ей хотелось его обнять.

После часа такой беседы Фреду стало немного легче. Он блаженно зевнул и поднял бровь, показывая Мэри, что теперь ее очередь.

Та старалась не слишком показывать, как она счастлива. Спасение Эллен из клиники до сих пор было у всех на устах, и евангелины вновь оказались в центре внимания.

Мало того — благодарная Эллен решила разработать евангелинскую гологолли для сериалов, посвященных этому типажу. Имит еще не закончен, а все крупные студии уже рвутся приобрести его. «Голубая гагара» заказала тысячу копий, «Четыре ступени» на прошлой неделе — пятьсот. Все десять тысяч экземпляров ограниченного издания будут распроданы еще до официальной даты выхода в свет.

Но и это еще не все. Весь доход от продажи имитов «Белый день» — собственная студия Эллен — будет отчислять в фонд Ренаты Картер и Александры Перри для обучения и омоложения евангелин.

И это еще не конец. Эллен дарит по одной гологолли Мэри, Синди и другим работавшим в клинике линам. У меня будет своя гологолли, Фред. И она уже включена в сценарий «Шелковой Шерли»! Ты хоть представляешь себе, как это выгодно? Я за месяц столько не получаю, сколько она приносит за один день.

Понимаешь, что это значит? Что мы с тобой, Фред, обеспечены на всю жизнь. Когда ты выйдешь отсюда, найдем квартиру получше. Сможем поехать куда захотим и не возвращаться сколько нам будет угодно. Это значит…

Перед Мэри вдруг возникла Рената на своем травяном ложе.

Это все еще случалось с ней раз по десять на дню. Мэри прослезилась, оплакивая ее, и Хэтти тоже, и Алекс. Даже Рейли. Не потому, что он был тяжело ранен — он уже поправился и вернулся на службу, а потому, что Рейли такой безупречный расс.

Вынужденная оплакать столько людей, Мэри свернулась калачиком на кровати и промочила покрывало слезами. Ей очень не хотелось устраивать «вошкам» такой спектакль, но справиться с собой она не могла. А Фред просто лежал рядом и мучился.

Они вздремнули немного, все так же не соприкасаясь, но дыша в такт. Проснувшись, Мэри увидела угрюмый взгляд Фреда. Он показал на себя и, нарушая свое же суровое правило, дотронулся до нее. Взял ее руку в свои лапищи. Эти холодные руки пронизывали ее током, и она не разобрала, что такое он чертит пальцем ей на ладони. Лишь после повтора она узнала иероглиф «обязательство» с подтекстом «честность» и «неоплаченный долг». Когда Мэри подняла на мужа глаза, он втянул щеки и прижал палец к носу.

Она едва удержалась от смеха: ни дать ни взять Гуж! Но Фред не шутил — он пытался ей передать что-то очень важное. Он снова ткнул себя в грудь. Обязательство. Честность. Неоплаченный долг.

— Последний дубль был очень хорош, мар Скарленд, — сказал режиссер в микрофон. — Давайте-ка вернемся к Удивлению Сидя.

Мэри в записывающей кабине «Белого дня» села на табурет, сделала вдох, выбросила из головы все ненужные мысли.

— Готова.

— Я слышал, лина, с тобой случилось несчастье. Мэри удивленно подняла брови.

— Отлично. Перейдем к Удивлению Вставая.

— Я готова.

— Лина, мар Доддер умер! Мэри вскочила на ноги.

— Прекрасно. Удивление Мнимое.

— Я готова.

Перерыв на кофе. Мэри сняла шлем, потрясла волосами. Выйдя из кабины в холл, она встретила Синди и Джорджину.

— Не знала, что быть актрисой так трудно, — сказала Синди.

— Вы над какими каскадами работаете? — спросила Джорджина.

— У меня удивление.

— А я возбуждение изображаю.

— Ну, это для тебя должно быть проще простого, — засмеялась Джорджина.

— Правда? Почему же тогда оргазм перепал тебе? «Оргазм Сидя», — передразнивая режиссера, завела Синди. — «Хорошо, хорошо. Теперь Оргазм Стоя».

Сестры, глядя друг на друга, расхохотались (Смех Глупый).

Эллен в отличие от них не смеялась — ее голос раскатывался по холлу гневным крещендо. Мэри хорошо представляла себе ее покрасневшее лицо в баке. Лины, как одна, повернули в офис — на помощь.

Эллен-муляж, высокая стильная женщина, приперла к стенке делового партнера Кларити. Та встретила евангелин с нескрываемой радостью, но Эллен зарычала:

— Минуту! Не видите, что мы заняты?

— Извините, — сказала Синди.

— Мы пойдем, пожалуй, — сказала Джорджина.

— А обещанный сюрприз когда будет? — спросила Мэри. Эллен опешила, заслонила лицо руками и, заметно успокоившись, предложила:

— Может, прямо сейчас?

Евангелины согласились и вышли из офиса следом за ней. «Спасибо», — одними губами выговорила Кларити. Эллен привела их в монтажную.

— Она готова процентов на шестьдесят, подтекстовый механизм плохо отлажен, крупные планы требуют серьезной доработки — но что вы о ней скажете?

В комнате появился имит с рабочим именем Лина, в сине-голубом скафе, напоминающем униформу «Полезных людей». Она вполне укладывалась в нормы типажа, хотя носик, пожалуй, был вздернут слишком задорно, брови слишком тщательно вычерчены, бюст и бедра круглей, чем надо.

— Сестры! — сказал имит с широкой улыбкой, демонстрируя записанное Мэри Удивление-Узнавание.

Эллен суетилась вокруг своего творения, диктуя замечания ментару Лире.

— Ну зашибись! Знаете, сколько съемочного времени мы сэкономили, склеив вас троих вместе? Эх, все бы актеры клонами были.

Мэри, обхватив себя руками, смотрела, как имит исследует студию, как поддразнивают свою копию сестры, как их клиентка постепенно начинает забывать свою жуткую смерть.

(Удивление-Счастье.)

(Радость Неожиданная.)

notes

Примечания

1

Ничего *(исп.)*.

2

оживление

границы движения глазного яблока